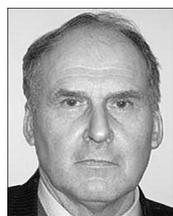

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НИЖНИЙ
НОВГОРОД

N I Z H N Y N O V G O R O D 5 (5 2) / 2 0 2 3

МИХАИЛ
ЧИЖОВ
Нижний Новгород

4

СТЕПАН
РАТНИКОВ
Кириши
Ленинградской обл.

27

СВЕТЛАНА
КЕКОВА
Саратов

48

ДМИТРИЙ
ТРИБУШНЫЙ
Донецк

53

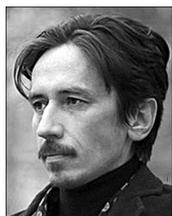
НИНА
ДЬЯКОВА
Чехов
Московской обл.

58

ВЛАДИМИР
БЕЗДЕНЕЖНЫХ
Нижний Новгород

63

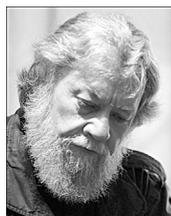
РУСТАМ
МАВЛИХАНОВ
Салават

66

ОЛЬГА
КОСОВА
Кстово
Нижегородской обл.

113

ВЛАДИМИР
АЛЕЙНИКОВ
Коктебель

117

НАДЕЖДА
КНЯЗЕВА
Арзамас

125

ЕФИМ
БАРШИН
Москва

129

АЛЕКСЕЙ
ВАРЛАМОВ
Москва

133

ПАВЕЛ
КЛИМЕШОВ
Нижний Новгород

178

ЮРИЙ
КАУРОВ
Нижний Новгород

180

ЭДУАРД
КУЗНЕЦОВ
Нижний Новгород

237

16+

В НОМЕРЕ

Проза

Михаил ЧИЖОВ В ТУПИКЕ.	4
Руслан ВОРОБЬЕВ СТИХИ С ФРОНТА.	11
Андрей ПУЧКОВ ДОБРАЯ СТРАШНАЯ СКАЗКА.	20
Степан РАТНИКОВ ТЁМНЫЕ ПЯТНА	27
Сергей ШУСТОВ ЛЕКАРСТВО ОТ УМА.	31
Алена НОВИКОВА НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА	37
Денис КРАСНОВ НЕ ПОДАРОК.	41

Поэзия

Светлана КЕКОВА ...КАК АНГЕЛ И ВОДОПАД	48
Дмитрий ТРИБУШНЫЙ ОТКРЫЛСЯ РАЙСКИЙ САД ДЛЯ КОШЕК И ДЕТЕЙ...	53
Нина ДЬЯКОВА О ЧЕМ КАШТАН МЕЧТАЕТ В ТЮИЛЬРИ...	58
Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ Я ВИДЕЛ СВЕТ...	63

Проза

Рустам МАВЛИХАНОВ БЫТЬ ТАТАРИНОМ	66
Юлия ТУЖИЛКИНА БРАТ И СЕСТРА.	83
Сергей АХМЕТОВ ЯЙЦО	88
Олег ПОГАСИЙ ИМИТАЦИЯ.	106
Александр СМИРНОВ ТРАНСПОРТНЫЙ ВОПРОС	109
ГОРОДСКИЕ СНЫ	112
Ольга КОСОВА В САДУ.	113

Поэзия

Владимир АЛЕЙНИКОВ ВОСПОМИНАНИЕ ТОМИТ МЕНЯ ОПЯТЬ....	117
Виктория БЕЛЯЕВА Я ПРЕВРАТИЛАСЬ В СЛОВА МОЛИТВЫ...	122
Надежда КНЯЗЕВА ГОЛОС В ТРАМВАЕ.	125
Ефим БЕРШИН А МНЕ ГОСПОДЬ НЕ ДАЛ ПРОВОДНИКА...	129

Из будущих книг

Алексей ВАРЛАМОВ ПРИЗВАНИЕ ВОЛХВОВ (Главы из романа)	133
--	-----

Стихи по кругу

Татьяна КОПТЕЛОВА	174
Игорь ЗАЙЦЕВ	174
Евгений ХАРИТОНОВ	175
Мстислав ШУТАН	175
Юрий ПРОНИН	176
Маргарита ГРАФОВА	176
Сергей УТКИН	177
Павел КЛИМЕШОВ	178

Публицистика

Ярослав КАУРОВ ЮРОДИВЫЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	180
Евгений ЖУРАВЛИ ЗАПИСКИ ВОЛОНТЕРА	199

Вехи памяти

Руслан СЕМЯШКИН «ПИСАТЕЛЕМ РОЖДАЮТСЯ» 110 лет со дня рождения драматурга Виктора Розова.	208
Эдуард КУЗНЕЦОВ ПРИГЛАШЕНИЕ К ИГРЕ 105 лет со дня рождения Бориса Заходера	216

Литпроцесс

Любовь РЫЖКОВА ПРОПИТАННЫЙ МАЕМ О творчестве Александра Ананичева	222
--	-----

Михаил ЧИЖОВ

Родился в 1946 году в Горьком. Окончил политехнический институт. Член Союза писателей России. Автор нескольких сборников прозы и публицистики. Биографическое исследование «Константин Леонтьев» получило «Серебряного Витязя» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» 2016 года и вошло в шорт-лист Бунинской премии. Дважды лауреат премии «Болдинская осень», неоднократный обладатель премии Нижнего Новгорода.

Ранее – инженер-электрохимик в крупном химическом объединении, действительный государственный советник Нижегородской области I класса. Живет в Нижнем Новгороде.

В ТУПИКЕ

Татьяна Травкина ещё раз оглядела дочь Алину, собравшуюся в школу. Лёгкая тёмно-синяя болоньевая курточка на синтепоне, чёрные обтягивающие рейтузы, красная вязаная шапочка, из-под которой вылезала толстая русая коса. На ногах лыжные ботинки, за плечами рюкзак с книгами, тетрадами, юбкой и лодочками для переодевания. Во взгляде матери сквозит тревога и острая озабоченность. На улице мороз под 20 градусов, считай, ночь (стрелки часов показывают 5.30), а дочери одной-одинёшеньке идти на лыжах из Миловидова четыре километра через метельное поле, через тёмный лес. Хорошо ещё, что вдоль давно не езженной, колдобистой дороги Алина с отцом накатала лыжню до соседнего села.

Начались эти мучения с того дня, как сломался школьный автобус-доходяга, который заезжал за Алиной. Пока суть да дело, запчасти и прочее, прошла неделя. Потом заболел шофёр, а замены не нашлось. Некогда из Миловидова ходил рейсовый автобус, но районные власти сократили маршрут, отрезав немногих жителей деревни от «большой» земли.

Но там, куда дочь прибежит, её ждут не тёплые, хорошо протопленные классы, не подруги-одноклассницы, а старый насквозь промёрзший рейсовый автобус, еле-еле плюхающий в районный центр. Он почти пуст, но сесть на сиденье и чуточку отдохнуть после лыжной гонки невозможно: оно так холодно, что, кажется, к нему примёрзнешь. Автобус часто ломается, и не факт, что придёт вовремя и появится ли вообще в промозглой морозной дымке, скупо светящий фарами с грязными стёклами. И тогда предстоит нелёгкий выбор: возвращаться домой

или всё-таки бежать в школу ещё десять километров, надеясь на глупое счастье, что тебя подберет какая-нибудь попутка.

– Доченька, может, сегодня останешься дома? Ну куда в такой-то мороз?

– Нет, мама, надо. Да и Димке нужно принести задания на дом.

Димка, второй ребёнок в семье, первоклассник. С ним Татьяна сама занимается. Татьяна проводила бы дочь до рейсового автобуса, но есть ещё четырёхлетняя Наташка, её не оставишь одну с сыном. Дом ненадолго вдруг спалят. На деревне нет ничего ужаснее пожара. «Погорельцы» – слово-то горькое какое.

– Ох, ох, ох! – причитает Татьяна, охваченная потоком грустных мыслей.

– Надо бы перейти на удалёнку, но у нас нет компьютера, – дальше рассуждает не по годам взрослая Алина.

Слышала, слышала Татьяна про это модное нынче онлайн-обучение, придуманное из-за злобного коронавируса. Слово «компьютер» прозвучало как упрёк. Алина поправилась:

– Даже был бы компьютер, я всё равно ходила бы в школу, – успокоила мать дочь. – Без общения с подругами, без ответов на уроках у доски я быстро одичаю и покроюсь мхом, как старухи нашей деревни.

«Ох, умна и рассудительна», – думает Татьяна о шестнадцатилетней дочери, и сквозь тревогу прорывается, словно молния сквозь хмурые облака, чувство гордости за дочь. Красива, смела, работяща. И то верно: оденься не так, скажи не эдак, как ныне принято у молодых, засмеют. Мало того, приклеят обидное прозвище, всю жизнь не отмоешься. Нет бы руки у них вставлены были, как надо для труда, да только востра на язык молодёжь-то. Алина молодец, грех жаловаться! Всё-то она успевает: и матери по хозяйству помогает, и уроки учит, и первая в школе, несмотря на отсутствие всяких там дорогих репетиторов. И правду сказать: откуда у мужа деньги, если ему не только компьютер, а подержанный мотоцикл не на что купить. А без него он мучается с лыжами и велосипедом, на котором, как только сойдёт снег, гоняет в соседнее большое село на пилораму. Он ушёл ещё раньше Алины. Отец мог бы провожать Алину по утрам, но пилорама в другой, противоположной стороне от Миловидова.

Мать с дочерью открывают входную дверь, обитую дерматином с ватой, и тут же из холодных сеней в избу влетает белёсый туман холода. Алина берёт деревянные лыжи, дюралевые палки, и они выходят в морозную темь. Татьяна, накинув на плечи засаленную телогрейку, провожает дочь до калитки, читая про себя молитву. «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помоги моей Алине. Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помоги моей Алине. Господи, спаси и сохрани её в дороге от вора-грабителя, от зверя-губителя, от колдуна, от колдунницы, от сглаза, от сказа, от нечистой силы. Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Много лихих людишек развелось даже здесь, в их глухих местах.

Алина быстренько, чтобы не замёрзнуть, засунула ботинки в крепления, накинула дужку на гребешок, поерзала ногами, проверяя плотность сцепления.

– А вдруг волки нападут? – ноет сердце матери.

– Палками отобьюсь, – отвечает, улыбаясь Алина, и поднимает лыжные палки, – смотри, какие острые.

– Если было бы так легко, людей не грызли бы. Нынче и волкам голодно.

– Сегодня я вернусь поздно: сегодня – лыжная секция, – не обращая внимания на тревогу матери, сказала дочь.

«Значит, опять затемно вернётся, опять будет ныть сердце в ожидании мужа и дочери». Татьяна перекрестила Алину. Та махнула рукой и покатила. Быстро, уверенно. В ночной тиши долго раздавалось цоканье палок, втыкаемых в морозный плотный снег. Татьяна долго вглядывалась в темноту. Она была уверена, что её думы о дочери помогут ей, спасут от беды.

На дворе январь. Вокруг ни единого огонька, ни лучика света из окон домов спящей деревни. Да откуда огонь-то, одни пенсионеры, бывшие ударники колхозного социалистического труда, остались. Спят они тяжёлым сном. Лишь сон, зачастую вечный, заслужили они в прихлынувшем нежданно-негаданно капиталистическом раю. Была в их деревне совхозная ферма крупного рогатого скота, и добрая половина деревенских женщин доили коров, ставя рекорд за рекордом. Жили не тужили. Участвовали в соревнованиях по дойке. Выигрывали не только районные и областные, но и всесоюзные. Объездили весь Союз. Один раз попали в Венгрию и там не оплошали. Стены в их домах сплошь увешаны дипломами да почётными грамотами. Да толку-то в этих листочках. Они не кормят и не поят. Да никто из бывших колхозников не просит за них куска хлеба с колбасой. Лишь бы уважали.

Уважения к ним как раз и нет. С тех пор как живёт Татьяна здесь, дорогу до деревни Миловидово, находящейся в тупике, не ремонтировали 30 лет. Когда-то здесь была начальная школа, был фельдшерско-акушерский пункт, была конечная остановка автобуса, идущего в районный центр. Было, было, было, да больём поросло. Хорошо хоть зимой дорогу чистят для школьного автобуса и автолавки, которая три раза в неделю привозит им хлеб и, как говорится, продукты первой необходимости. Татьяна догадывается, как школьное начальство чертыхается, когда автобус надо посылать за одной девчонкой в непролазную даль-дальнюю. «Господи, тяжело-то как!»

Татьяна запрокинула голову и уставилась в небо. Полная луна тихо лила свет на заснеженные окрестности. Нет, недаром говорят, что в деревне небо ближе, чем в городе. «Матушка луна, освети дорогу моей доченьке. Сохрани её, мою кровиночку!» При каждых проводах дочери сердце матери обрывается вниз снежной лавиной.

Резкий озноб вдруг прошил всё тело Татьяны, и она поспешила вернуться в дом. Наташка крепко спала, раскинув ручки в стороны, одеяло съехало с плеч. Мать поправила его и посмотрела на сына. Тот, в отличие от Наташки, закутался с головой. «Господи, какая прелесть эти дети, как они скрашивают жизнь. Только с ними, слушая их лепет или отвечая на наивные вопросы, забываешь тяготы жизни, все неприятности: нехватку денег, тяжёлый труд на огороде, разбитую и грязную дорогу, отсутствие медицинской помощи. Всё, всё!» Но Татьяна вдруг устыдилась этих мыслей. Не слишком ли она эгоистична, думая о радости, которую приносят дети. Она нарожала их для собственного удовольствия? Смогут ли она, смогут ли они с мужем дать им достойное образование, найти работу, чтобы дети благодарили их? Не будут ли они ругать её? Что может дать умирающая деревня? Ничего! Зацепок за город нет никаких. Если Алина и поступит в вуз, то в общежитии места нет. Чтобы попасть в него, надо выстоять очередь. Жить на съёмной квартире? Утопия!

Она не стала снимать одеяло с головы сына, боясь разбудить, и почувствовала, что в детской прохладно. Татьяна пощупала чугунную ба-

тарею отопления. «Надо жить, детей надо растить, дом топить, курам задать корму». Татьяна размельчила яичную скорлупу, собрала кой-какие съестные отходы и вышла в сени. Набрала в помятую миску несколько горстей пшеницы из мешка и пошла в рубленый сарай. Когда-то здесь был хлев, была корова, но состарилась и перестала давать молока. Новую купить не под силу... Куры дружно слетели с нашествия и лезли под ноги. Татьяна улыбнулась: приятно, что тебя ждут, что ты нужна.

Теперь топить. На кухне она открыла крышку подпола, спустилась по лестнице на пару ступенек и тщательно надвинула крышку на место. Вдруг дети проснутся, побегут на кухню и свалятся в подпол. Щелкнул выключатель, электрический свет залил помещение, тёплое и высокое. В середине стояла низкая кирпичная печь, с вмонтированным в неё котлом. Сухой горбыль лежал рядом, каменный уголь чернел в стороне в бурте за деревянной оградкой.

Пока дрова разгорались (слава богу, что мужу горбыль выписывают дешево), Татьяна, глядя на огонь, задумалась. Часто люди цепенеют при взгляде на него, словно он некое чудовище, то злое, то доброе. Лесопилка – единственное место для работы местных мужиков. Раньше в колхозах-совхозах работали, а сейчас вместо них лесопилки. Раньше на всю область две-три лесопилки было, а сейчас в каждом районе, даже степном, их как грибов после дождя. Муж на одной такой с громким названием ООО «Ершов и компания». «На Ершовской лесопилке я жую опилки», – так шутя отзывался муж о своей работе механиком. Просил он у Ершова разрешения, чтобы немного опаздывать на работу ради проводов дочери. Не разрешил. Грозился лишить премии или уволить. Сейчас безработных в районе пруд пруди. Работу трудно найти даже специалисту.

Миловидово – не Татьянина родная деревня. Родина её – сиротский дом. Грамоты на стенах заслужила приёмные мать и отец. Мало того, они были ещё награждены орденом Ленина за доблестный труд. Мама – доярка, отец – механик МТС. Татьяне сильно повезло, что супружеская бездетная пара удочерила её в начале 90-х. Тогда будто Мамай прошёл по стране. Закрывались из-за недостатка денег детские садики, ясли, такой, как у неё, приюты. Пацаны побойчее убегали из детских домов, и никто их не искал. Может, даже радовались, что исчез лишний рот. При советской власти её не отдали бы этой паре – за пятьдесят им было. Стары для приёмных родителей.

Так Миловидово стало родным местом. Татьяна вспомнила скрюченные артритом от дойки пальцы мамы (она без всякого принуждения так называла свою спасительницу) и всплакнула. Последние перед смертью годы маму мучила паховая грыжа. Понятное дело: всю жизнь с подойниками да с тяжёлыми вёдрами, вот брюшина и не выдержала. До малейших подробностей Татьяна представила не раз виденную картину. Мама ставила на табуретку правую ногу, ту, с стороны которой вылезала грыжа с кулак величиной. Прижималась животом к ноге. Так она заставляла грыжу вползать обратно. Мама терпела, не хотела никого беспокоить. Никто не узнал, когда защемило грыжу. Скорая помощь приехала через два часа. «Весна, бездорожье», – оправдывался фельдшер со скорой. Увезли её в районную больницу. Но кто же в ней был способен бороться с гнойным перитонитом, когда не только путных хирургов, но и обычных терапевтов не хватает.

Приёмные родители были старообрядцами, и это многое объясняет. Они, прожив вместе шестьдесят лет, обращались друг к другу по имени-отчеству: Валентина Никандровна да Павел Иванович. Отец ненадолго

пережил маму. Тосковал и таял на глазах. Как поставил памятник, устроил могилу, так и умер. Видно, заранее спланировал свою смерть.

Ах, каким же умельцем был Павел Иванович, как ловко он устроил отопление дома. И всё сделал своими руками – золотыми руками, способными на монтаж всяких технических новинок и хитростей. В тот год, когда Таня только-только появилась в их доме, отец монтировал отопление. Муфты, сгоны, гайки, отводы, гаечные ключи. Таня помогала ему, подавала то, что он попросит, и сердце её наполнялось гордостью и спокойствием за свою дальнейшую жизнь. Выучилась на учительницу начальных классов, работала в деревенской школе. Теперь без работы.

Мысли Татьяны вернулись к отцу. Павел Иванович втягивал её в работу, учил творчеству, которое напрочь отсутствовало в детдоме. Отец, кажется, знал всё и вся и мог ответить на любой вопрос. «Даже при топке котла есть свои тонкости», – говорил он. И объяснил Татьяне, что, прежде чем кинуть уголь в топку, его надо немного смочить.

Она подняла лейку с водой, и та показалась неподъёмной. Жар горячей волной обдал всё её тело. «Что со мной?» – задалась Татьяна нелёгким вопросом. В печи весело трещали дрова, и вначале подумалось, что это жар из печи опалил её. «Что ж такое-то, почему я вдруг так ослабла?» – повторно спросила она себя, но продолжила своё дело. Совковой лопатой захватила мелкий уголь и кинула в топку. Тело ныло, будто избитое, и страшная догадка прояснила сознание. В критические минуты интуиции можно доверять.

Две недели тому назад в их бесперспективную, заброшенную деревню пробился после сильного снегопада медицинский фургон с вакцинами от коронавируса. Ражий мужик в противочумном костюме вылез, как призрак, из машины и забегал по дюжине жилых домов. Определить их легко: к ним вели тропинки, пробитые в высоких сугробах. «Свят, свят», – крестили лоб старухи и редкие старики, увидев это чудище.

– На прививку, на прививку, – кричал он зычным голосом, – соби-райтесь живее.

– Детей не пугай! – сурово предупредила его Татьяна, когда он появился на пороге избы. – И зачем нам прививаться? – возразила она. – Мы ж не городские, мы по заграницам не ездим, откуда в глухой деревне вирус?

– Умнее всех, что ли? – зло спросил санитар. – Не возражать, а то и детей привьём.

– Ну-ка, попробуй, – Татьяна взяла ухват и выставила его как винтовку со штыком, сверкнув серо-зелёными глазами.

– Ладно, уймись кержачка чёртова, – примирительно согласился санитар, – а ты собирайся.

– Ты мне не тыкай, холуй медицинский!

Мужик скрипнул зубами и вышел.

Перед фургоном собрались старики и старухи. Всех моложе была Татьяна.

– Что будем делать? – спросила она односельчан.

– У них план по прививкам, – сказал самый мудрый Кондрат.

– Нам-то какое дело до этого плана? – возразила Татьяна. – Ведь прививка – это заражение этим вирусом, только в малом объёме, чтоб, значит, организм выработал иммунитет. Но где мы можем заразиться? И от кого? В деревне-то тридцать жителей.

– Ты, Татьяна, самая грамотная из нас. Как скажешь, так и будет.

Видимо, почувствовав неладное, из фургона вышла медицинская сестра. Осмотрев возбуждённых крестьян, она выдала:

– Глава района просил вам передать, если вы все привьётесь, то до вашей деревни отремонтируют дорогу и пустят рейсовый автобус.

Старики и старухи потянулись к фургону. Татьяна привыкла подчиняться большинству и пошла за всеми, и заметила, что бабки Анфисы, слышвшей среди односельчан колдуньей, нет.

– Все? – строго спросил мужик в страшном костюме.

– Все! – за всех громко ответила Татьяна.

Соседка Дарья открыла было рот, но Татьяна ещё раз и ещё громче подтвердила:

– Все!! – И строго посмотрела на Дарью.

Та опустила глаза...

Из подпола Татьяна еле выползла. Озноб сотрясал всё тело. В горле будто насыпали красного перца. Дети ещё спали. Она поблагодарила Бога, что они не проснулись. Поставила градусник. Он выдал нечто несусветное – 39,5. Такой температуры у Татьяны в жизни не было. Что делать? Детям готовить завтрак! Намыла картошки, поставила на керосинку, опустила в кастрюлю три яйца. Через силу, еле передвигая ноги, принесла из погреба квашеной капусты да солёных огурцов. Разбудила сына.

– Следи за картошкой, – с трудом ворочая языком, прошептала Татьяна и рухнула на кровать. – Я немного полежу, – проваливаясь в горячечный бред, добавила она.

– Мама, мама! – испуганно закричал сын.

Крик Димы вернул Татьяну в сознание.

– Отцу пока не звони, а то примчится.

Проснулась Наташка и захлюпала носом:

– Мама, мамочка, что с тобой?

– Заболела я, дочка, – Татьяна встала с постели и доковыляла до шкафа, где лежали лекарства. Нашла аспириин. Выпила.

– Давай, Димка, корми сестру да сам поешь.

– А ты будешь кушать?

– Нет, я полежу.

И опять провалилась в горячке.

К шести вечера вернулись Алина и муж Андрей. Татьяна бредила. Руки лихорадочно двигались по одеялу, будто пытались отыскать на нём нечто безвозвратно утерянное. Андрей положил холодную от мороза руку на лоб жены. Вздрогнул от жара, исходившего от неё. Татьяна очнулась.

– Надо вызвать скорую, – скорее вопросительно, чем утвердительно произнёс Андрей.

– Не надо! – решительно возразила Татьяна, – ни за что. Там меня уморят!

– Что же делать-то? – растерялся Андрей.

– Алинка, сбегай к бабке Фисе. Травнице, знаешь?

– Так она ж колдунья!

– Не суди о том, чего не знаешь. Беги!

– На деревне все так говорят, – смущенно попыталась оправдаться Алина.

– Вы ко мне не больно-то лезьте: заболеете, не дай бог, от меня, – будто не слыша слов дочери, добавила Татьяна.

Бабка Анфиса, худенькая юркая старушка с пронизывающим взглядом серых глаз на морщинистом лице, ласковыми руками и ангельским голоском, осмотрела Татьяну, как заправский доктор.

– Погодить-ко, сейчас сбегая домой и принесу травку. Хорошая травка, лечебная, – речь её журчала лесным ручейком.

Вскоре она принесла пяток полотняных мешочков с травами. Объяснила Андрею, как и когда их заваривать, как и сколько настаивать и принимать. Алина и Андрей внимательно внимали рекомендациям.

– Бабуль, а вы привились от коронавируса? – спросил Андрей.

– Я что, дура, что ли? – задорно ответила она. – Надумана вся эта зараза. Вот погодите, случись в России что-то более важное, забудут эту заразу, как дурной сон. – И добавила: – Всё запомнил? И чтоб в печи всегда была горячая вода. Понял?

Андрей неуверенно пожал плечами.

– Баба Фиса, я всё запомнила, – отозвалась Алина.

– Вот умничка! – похвалила та. – Знаю, знаю, что тебе, Андрюша, надо работать, иначе без кормильца-то как жить?

– Баба Фиса, я за мамой поухаживаю, – горячо откликнулась Алина.

– Нет, милая, мне-то делать нечего, посижу сама да Богу помолюсь за твою мать. Богоугодное это дело, людям помогать. У тебя жизнь впереди, а без учёбы пропадёшь.

Бабка заварила какую-то неведомую травку и напоила Татьяну, подложив ей под голову сухонькую ладошку.

– Пей, милая, пей! Легче станет!

– Спасибо тебе, баба Фиса, – горячо поблагодарил Андрей, – мне в самом деле нельзя брать больничный. Никто его не оплатит, а меня выгонят с работы.

– Это мироед Ершов, что ли? – уточнила бабушка.

– Он!

– Бога не боится. Совсем распоясался от безнаказанности. Ну, я пойду, сынок. Завтра чуть свет приду.

Потянулась дни, наполненные отчаянием, надеждой, бредом Татьяны и ласковой заботливостью родных и бабушки Фисы. Через неделю Татьяна могла вставать, но слабость не давала ей выполнять домашнюю работу. Однажды Андрей остался дома.

– Уволили? – односложно спросила она, замерев в ожидании нового удара судьбы.

– Ты не поверишь. Позавчера глава районной администрации, объезжая район, завернул к нам на пилораму, у него забарахлила «Волга». Встала как вкопанная. Ершов попросил меня разобраться. Я нашёл причину, и мотор заработал. Глава предложил мне работу в гараже администрации. У них там собрался на пенсию механик. Сегодня побегу оформляться. Теперь с Алиной будем вместе ездить в районный центр.

– Господи, Господи, спасибо тебе!

А про себя подумала: молитвы бабы Фисы, наверное, помогли. Будто камень свалился с сердца, и Татьяна с облегчением заплакала. В это время в избу вошла бабушка-спасительница.

– Поплачь, милая, поплачь. Очисти душу. Будет у вас всё хорошо. Верь мне.

– Верю, верю!

Слёзы побежали ручьём...

Через две недели объявили о начале специальной военной операции. Волнений для сердца Татьяны прибавилось. Год прошёл, другой проходит, а дорогу до деревни не отремонтировали. Зато нанесли на остатки асфальта белую осевую линию.

Руслан ВОРОБЬЕВ

Родился в 1999 году в Клину Московской области. Студент-пятикурсник Тверского государственного университета (специальность «литературное творчество»).

Публиковался в сборниках «Слово» и «Академия критики. XXI век». Финалист II Всероссийского конкурса молодых литературных критиков им. Л. Аннинского (2022), V Международной поэтической премии «Фонарь-2023». В этом же году прошел в финал российско-итальянской литературной премии для молодых писателей и переводчиков «Радуга».

Живет в Клину.

СТИХИ С ФРОНТА

Одиноким плевком я хромал по городу больше часа. После четырех вошел в столовую на углу.

От неплотно закрывавшейся двери тянуло осенней прохладой, смешанной с уличной мокротой. Пахло капустой, как на улице, и чаем с лимоном. Хотелось пить.

Я поставил сумки, сел у окна. Вытащив из нагрудного кармана измятую пачку сигарет, бросил ее на столик. Подошла официантка.

– Здравствуйте! – Сухая грусть в крупных глазах; веки опущены книзу. Цвет глаз неясный: то ли болотный, то ли серо-зеленый. На коже лица следы от удаленных угрей.

– Здравствуйте.

Неумелым движением руки она положила передо мной меню.

– Воды.

– И все? – спросила она так, будто бы за все время существования этого заведения я первый, кто осмелился заказать лишь воду. Больше в столовой посетителей не было.

– И все.

Резко передернув плечами, она забрала меню и торопливо прошла в кухню.

Я был во многих заведениях общепита, но ни в одном из них мне не приходилось слышать столь тоскливой гулкой тишины.

Поднес ко рту сигарету, сморщился. Сломана! На месте перелома образовался горбик – теперь сигарета представляла собой застывшего в движении жирного белого червяка.

– Здесь не курят.

И не особо-то хотелось, подумал я и смял сигарету.

Официантка поставила передо мной стакан с водой. Я прочел на бейдже ее имя: Кира.

– Спасибо.

И выпил.

Она отошла к стойке.

Я поискал глазами мусорное ведро – выбросить оставшееся от червяка. Ага, вот и оно. Подошел, бросил, вернулся к столику.

– Еще воды.

Официантка кивнула, пошла.

– Извините, – сказал я, – поблизости есть библиотека?

Остановилась.

– Откуда ж мне знать? – спросила она, выпучив удивленные глаза.

И правда, откуда ей знать. С трудом окончившая школу, она избрала наиболее доступный, но при этом нелегкий путь заработка. Не ее вина. Хотя... может, эта Кира не местная. Без разницы: наверняка в этом городишке и библиотеки-то не сыщешь.

Из кухни вышел омраченный недовольством лысый мужчина в спецовке для строителей – еще и в пятнах. Я подумал, ее муж. Он оперся о высокий стул и с презрением оглядел мою форму. Официантка что-то шепнула ему. Мужчина оскалил унизительно желтые зубы и налил воды.

Мгновение – и стакан был в моей руке. Я начал пить.

– Счет принести? – обратилась ко мне официантка.

Я отрицательно мотнул головой – она тут же отошла – и допил воду. Вот нетерпеливая!

– А вода разве не бесплатная?

Оба – лысый и официантка – усмехнулись.

Я решил осмотреть ее. Хрупкая фигура, безобразная прическа, на длинных ногах белые колготки в крупную сетку, причем порванные в одном месте. Синяки на лодыжках. Вдруг я почувствовал: мужчина не сводит с меня глаз. Достаточно.

Оттолкнув пустой стакан, я отвернулся к окну.

На улице никого не было. По асфальту носились оранжевые и красные листья. Голую землю кое-где уже обнимала морозная корка. Вдалеке, среди чернеюще-зеленой глухоты, мигал алмазом огонек вышки ЛЭП. Болезненно-желтое небо было пустынно.

– У нас просто так не сидят, – сказала мне официантка Кира. Я перевел взгляд на нее. Она стояла у двери в кухню. Рядом с ней все еще стоял мужчина. Подбоченясь, он внимательно смотрел на меня и хмурился.

– Давайте тогда поговорим, – произнес я, обращаясь к официантке.

Лысый хмыкнул, сделал шаг в мою сторону и сказал:

– Хочется поговорить – иди на вокзал или... в пивнушку какую-нибудь!

Его хрипло-писклявый голос когда-то обманутого мужа позабавил меня.

– Чего лыбишься? – спросил он.

– Я, пожалуй, поем. Что у вас есть?

Официантка Кира тут же схватила со стойки меню и, пройдя несколько шагов, положила его на занятый мною столик.

Стараясь не показывать замешательства, я раскрыл меню, откашлялся. Что ж, придется что-нибудь заказать.

– Когда ты сделаешь дверь? – послышался голос официантки. – С этих огородов несет целыми днями.

– Не сегодня.

– А когда?

– Не сегодня.

Я не смотрел в их сторону, но нездоровое чувство, что мужчина не сводит с меня глаз, никак не рассеивалось.

Они уже молчали.

– «Цезарь», – сказал я.

Я не был уверен, что этот лысый умеет его готовить, и все-таки рискнул.

Отдал меню официантке. Хотел что-то сказать, чтобы уменьшить возникшее между нами напряжение, но не смог. Неловко кивнул пару раз, пытаясь изобразить этим свое радушие. Она тут же отвернулась.

Еще раз хмыкнув, мужчина произнес что-то вроде: «Сейчас будет» – и ушел в кухню. Тоже мне повар – в такой-то одежде!

И минуты не прошло, как из кухни начал доноситься глухой стук ножа по доске. Официантка Кира взяла со стойки смартфон, и тот полностью завладел ее вниманием.

Никогда не думал, что так сильно захочу с кем-нибудь поговорить. Всю свою никчемную жизнь я избегал общения, а тут...

Тишина раздражала: было в ней нечто язвительное, насмехающееся. Она словно повисла надо мной в предупреждающей о чем-то позе и горько ухмылялась.

Я достал из пачки сигарет сложенный в несколько раз клочок газеты, напоминающий по цвету чешую пресноводной рыбыны. Стихи.

Они были написаны при мне дрожащей рукой умирающего сослуживца. Усердные торопливые каракули покоились среди ровных густо-черных букв какой-то заметки. Стихи неказистые, с неточными рифмами, выполненные автором с грубо-неумелым насилием над самим собой, скупые на образность, однако претендующие на точную передачу чувств к любимому человеку. Наивность, приправленная выдающейся неграмотностью, катастрофически малым словарным запасом и жалкими попытками разгадать смысл слова «любовь». Банально и плохо. И ни слова о спецоперации – только любовь. Все восемь строчек – о любви.

В который раз я перечитал эти восемь строк. Я знал их уже наизусть. Было в этих замусоленных многими поколениями словах нечто поистине трогательное, касающееся даже моего израненного жизнью сердца.

И во скольких же пачках сигарет они побывали! Да, странно – что я перекладывал эти стихи из одной пачки в другую, но надежнее способа не было: сигареты всегда были при мне, они никогда не терялись.

Я не единожды думал, каково будет прочитать эти стихи женщине, уже знающей, что ее мужа нет в живых.

С его слов я знал, что дома – в четырехкомнатной квартире, взятой в ипотеку, – остались сын (старший ребенок), дочь и жена Яна, которая ради него еще в далеком 2007-м бросила учебу в престижном университете Перми и распрощалась со сладко-горькой мечтой о карьере декоратора, и что на протяжении этих совместно прожитых лет ни разу не утрачивали выразительности простительно-нежные отношения супругов. Рома – его звали Ромой – мило называл все это лав стори.

Стихи Рома сочинил заранее – в уме, предчувствуя смерть в бою. Телефонов у нас не было – какие могут быть телефоны в сражении! – так что он не мог услышать голоса любимой, не мог сказать ей прощальных слов. Он записал строки на одном из тех клочков газеты, которые всегда носил с собой «на случай вдохновения».

Я сложил клочок, погладил его подушечкой пальца. В который раз ощутил болезненное чувство тревоги – как при ожидании очередной бомбардировки, чувство, увеличивающееся с каждым вдохом запахов

сопρευшей действительности и опаленной надежды. Это горячее чувство, оно горячее, пожалуй, ранения в ногу... А уж я-то знаю, что такое ранение в ногу. Это когда донельзя широкое и самое острое на свете лезвие, переносящее к тому же на себе жар разъяренного солнца, вонзается туда, куда лучше бы и не вонзалось: большее того места в твоём представлении и быть не может.

Официантка стучала пальчиком по смартфону. Ее длинные ногти, покрытые черным и розовым лаком... Они напомнили о далеких девяностых, когда мы с матерью ходили в полуподвальное помещение за несвежими овощами. Там еще всегда кисло пахло капустой. Овощи продавала симпатичная армянка с точно такими же ногтями – только черного лака было больше.

– Кира!! – донеслось из кухни.

С шумным вздохом официантка спрятала смартфон в карман фартука и скрылась за дверью. Решив, что салат уже готов, я сунул клочок газеты обратно в пачку и сделал вид утомленного ожиданием человека.

Вышла Кира, сказав:

– Еще пять минут. И, пожалуйста, не глазейте так на меня больше: мой муж ревнует.

Она тут же отошла, вытащила смартфон и снова усталилась в него.

Я не решил что-либо ответить. Это было бессмысленно. Неужели я столь нагло и часто смотрел на его жену, что лысый в чем-то стал меня подозревать? И было ли из-за чего? Таких девушек в провинциальных городах немерено.

И откуда только он мог подглядывать за мной?

Я осмотрелся. Камеры не было. Если только он не спрятал ее в буфете между бутылок и скляночек.

Или просверлил где-нибудь в стене дырку, чтобы подглядывать за своей женой и гостями их заведения.

А может, он что-то почувствовал?

С улицы липкая осенняя прохлада еще несла кислый запах капусты. Но мне было не до ностальгии по девяностым. Запах, происходящее – все вместе перебивало аппетит, и я решил уйти. Бросив двести рублей – цену готовящегося кулинарного шедевра – и несколько чириков за воду, я поднялся с хлипенького стульчика... Ко мне подскочила официантка. С угрюмым весельем она пролепетала:

– Чего вы? Не уходите: муж очень вкусно готовит.

Прямо как та армянка: «Овощи лучшие, лучшие овощи. Покупайте». Стук ножа прекратился.

Я посмотрел в ее лицо – на нем уже таяла тень детской категоричности, – сел, откинулся на спинку сиденья. Сиденье затрещало.

– Хм. Верю.

Но я не верил.

Она сделала что-то ручкой, отскочила к выходу.

– Говорила же, сюда к нам никто ходить не будет, – вдруг сказала она, смотря на улицу.

– Но я ведь пришел.

Она продолжила, как будто не слышала моих слов:

– С этих огородов тянет и тянет целыми днями. Невозможно просто.

Еще этого провинциального «просто» мне не хватало! «Просто невероятно», «просто гениально», «просто прекрасно» и тому подобная дрянь.

И чего только она стала такой разговорчивой? Для того лишь, чтобы я не ушел, тем самым не попробовав стряпню ее мужа?

Я выпрямился, ответил:

– Муж будет ревновать.

Она тут же обернулась, поправила фартук и с наивной досадностью в чертах лица вернулась «на место». Верно, куда проще сделать вид, что ничего не произошло.

– Может, музыку включить? – спросила, смотря куда-то в сторону. Сперва я даже подумал, что она обращается к мужу – прямо через стену, чего уж там.

– Было бы неплохо, – ответил я, поняв, что вопрос был адресован мне.

Она достала из фартука пультик, и через мгновение чуть слышным ручейком полилась откуда-то утомительно-сонливая музыка.

– Кира!!!

Официантка бросилась в кухню.

Я посмотрел на часы – почти пять. Подумал: если Яна работает, она скоро будет дома. Перевел взгляд на окно. Листьев теперь не было видно – седеюще-золотистое, с хризолитовыми крапинками, пространство заняли люди, торопившиеся по домам: кто – пешком, кто – на машинах.

Удивительно, теперь даже эта раздражающая некогда суета показалась мне желанной.

– Ваш «Цезарь».

Бух – на стол!

Я подскочил и глянул на официантку. Она небрежно-деликатно улыбнулась.

– Спасибо.

Ни салфеток, ни вилки.

– Принесите, пожалуйста, вилку.

Официантка тут же сделалась серьезной.

– А-а, да-да, сейчас. Подождите.

– И салфетку. Если можно.

– Салфеток нет, – ответила она, не оборачиваясь, и скользнула в дверной проем в кухню.

В принципе, подумал я, можно и без салфетки.

Тут появился лысый, пожевывавший зубочистку. Сощурился, нагло осматривая меня.

– Это лучший «Цезарь» в вашей жизни, уверяю вас, – сказал он.

Что-то мне не верилось. Мило, как мне кажется, улыбнувшись, я оглядел порцию.

– Надеюсь, – наконец ответил я сдавленным голосом. Откашлялся. Посмотрел на лысого.

Тот стоял и ухмылялся.

И чего только он ухмылялся? Ощутил каким-то странным образом превосходство надо мной? В чем? В том, что не поехал на СВО? Или в том, что борщи умеет варить?

Пришла официантка – принесла вилку.

– Спасибо.

Она отошла к стойке, развернулась и – даже не вытянула из фартука смартфон! Стояла и с надеждой смотрела то на меня, то на своего лысого. А тот вообще с меня глаз не сводил.

«Цезарь» выглядел дороже двухсот рублей.

Я подцепил что-то вилкой, поднес ко рту. Замер.

В этот момент я ощутил себя древнеримским отведывателем кушаний. Или отравлюсь, или отравлюсь и помру, или поем. Два против одного: шансы были невелики.

Попробовал.

Оказалось очень даже неплохо.

– Вы ведь солдат, да? – слышался голос Киры.

Я повернул голову. Мужчина больше не ухмылялся – опять хмурился.

– Да.

Лысый с шумом выдохнул воздух.

– И чего, как там? – спросил он, явно раздраженный. – Смотрю, хромаете.

«Да откуда ты все видишь-то? – подумал я. – И вообще, сам же не хотел разговаривать».

– Хромаю. Там – как всегда: то влага, то холод...

– Бедненькие, – с извинкой.

– ...то смерть, то второй шанс.

– Хм, не удивлен, – ответил он.

Я промолчал. «Цезарь» был интереснее этого разговора. Я, конечно, хотел поговорить, но не с лысым и не об этом.

И только я вернулся к салату, как прозвучал новый вопрос – снова от него:

– Как они могли напасть?

– Извините?

– Я спрашиваю: как они могли напасть? Вы говорите, они могли напасть первыми, но как?

– Я ничего не говорил.

– В телевизоре говорили.

«В телевизоре»? Ох уж эта провинциальная простота!

Я положил вилку, потянулся было за салфеткой... Вспомнил, что салфеток нет.

– Вы можете ответить? – давил лысый. – Как они могли напасть, если у вас есть ядерное оружие?

– При чем тут это?

Мне очень не хотелось продолжать с ним разговор, но напор, с которым говорил мужчина, вынуждал меня отвечать хотя бы что-нибудь.

– А при том. Какой дурак будет нападать на страну с ядерным потенциалом?

– Вы беретесь утверждать это, не бывши там.

Но лысый не слушал:

– И из-за вас теперь гибнут дети! Тоже мне герои!

Я поднялся из-за стола, схватил сумки и, сдерживая себя, направился к выходу.

– Вот всегда так! Уходите, когда вам нечего сказать!

– Пойдите! – слышался голос Киры.

– Мне есть что сказать, но вам говорить что-либо бесполезно, – не оборачиваясь, произнес я и вышел вон.

На улице было уже чуть прохладнее. А кислый запах капусты не казался столь навязчивым, как в столовой.

– Пойдите!

Я оглянулся. Официантка Кира, поправляя фартук, открыла рот, чтобы что-то сказать, но...

– Кира!!! Закрой дверь!

И она закрыла. Матовое стекло исказило черты ее проникнутого болезненной обидой лица. Наверное, девушка хотела почувствовать независимость – хотя бы на мгновение, как когда-то, но голос мужа напомнил ей о перенесенной с ним боли. Лысый знал о ее страхах, манипулировал ею. Слышалась его ругань.

Кира сжалась и отошла от двери.
Я отвернулся.
Пора было идти к Яне – обратный поезд отправлялся в семь часов.

* * *

Несколько минут я стоял у подъезда и не решался набрать номер квартиры. Все думал: может, подождать еще немного? Или вовсе отправить стихотворение по почте? Но ведь я обещал, что лично отдам ключок Яне.

Подул скулящий ветер. Стало очень холодно.

И я решился – набрал номер.

Гудки... Ледяной пот.

– Да? – донесся из домофона женский голос.

– Это Яна?

– Да. Вы кто?

– Добрый вечер! Я... Костя, сослуживец Ромы. Он... эм... просил кое-что передать вам... Мне на улице подождать?

Молчание. Трескучий детский смех.

– Заходите, – ответила Яна волнительно-гостеприимно, но с очарованием горя.

Стало теплее.

Я оказался в парадно-безупречном подъезде, где с выцветшей зеленью стены были исписаны душевно оголенными образами персонажей сказок, мифов, легенд, фильмов и мультфильмов. Здесь отразились и щепетильная кротость Белоснежки, и змеиное обаяние Бабы-яги, и выдающийся вкус стиля почтальона Печкина. И все это ярко, броско, глянцевиито. В спасительном изумлении, узнавая все больше и больше любимых героев, я поднялся на пятый этаж. Дверь была приоткрыта.

Я вошел...

...и оказался в уютной прихожей. Все в ней было на своих местах, и даже комод, стоявший у двери как бы посторонним толстяком.

В прихожую заглядывали дети. Смотрели так, словно что-то хотели от меня.

– Привет! – сказал я им. – Я вам тут конфет принес. – И вытащил из сумки на комод так кстати пригодившийся кулек мятных карамелек.

– Вы от папы? – спросил один из детей. Кажется, мальчик.

И что я должен был ответить?

– Я...

Слава богу, в прихожую вошла женщина.

– Вы Яна?

Она кивнула. Одея была не по-домашнему: наверное, только с работы.

– Проходите, – сказала она мягко-нарочитым тоном.

Стянув с себя ботинки, я прошел за ней и увидел довольно-таки неплохую гостиную. Не похожая ни на одну из тех пошлых, крикливых и криком озадаченных комнат с пурпурными обоями или ядовито-зелеными занавесками, с угрожающе плесневелыми потолками... Это была ничем не раздражающая, выполненная в пастельных тонах гостиная. И здесь всему было свое, подходящее место. Разве что одно из кресел – а их было три – показалось мне лишним.

Из соседней комнаты послышался детский вскрик и сразу же – единый хохот обоих детей.

– Присаживайтесь.

Я сел одновременно с ней.

– Константин, да? – спросила она.

Кивнул.

Только сейчас, в свете облачного неба, я разглядел ее. Черноволосая, с острыми скулами, идеально круглой родинкой над верхней губой и миндалевидными глазами – в общем, она относилась к тому типу девушек, которым, чтобы выглядеть прекрасно, и косметика-то не нужна.

В ее глазах отражалась тоска по пережитому когда-то счастью. Она сидела прямо, положив нежно-розовые руки на колени.

– Вас ранили? – спросила она, указав глазами на мою левую ногу.

– Ничего страшного. Скоро буду прыгать, – улыбнулся я и тут же сделался серьезным: какие могли быть улыбки!

Мы немного помолчали.

– А дети, – начал я, – как я понимаю, они еще ничего не знают?

– Да, я решила им пока не говорить.

– Но ведь похороны...

– Я их не брала с собой.

Я уже ничему не удивлялся. Но решение Яны показалось мне странным.

– Может, тогда сказать? Если скажете потом, будет хуже.

– Я знаю. Но... боюсь: они такие маленькие.

– Они поймут.

– Не думаю. Они еще не видели смерти.

– Не видели смерти? В смысле?..

Она скоро ответила:

– Они... не готовы.

Я промолчал. Смерть – моя давняя знакомая. В пять я видел, как соседские ребята топтали двух выпавших из гнезда птенцов, в семь – как грузовик сбил мою собаку; в одиннадцать я стоял у постели умирающей прабабушки, родителей не было дома – они работали, а я стоял, не понимал, что нужно делать, и – смотрел; в тринадцать я носил к ветеринару больного котенка, завернув его в платок, на обратном пути он перестал дышать. И сейчас, в тридцать четыре...

– Вы хорошо знали моего мужа?

– Почти семь месяцев бок о бок.

И зачем я сказал это «почти»?

Ее глаза заблестели от слез.

– Извините, – прошептал я.

– Нет, нет, ничего.

– В подъезде... – сказал и тут же осекся. К чему я это? Никогда не умел говорить слов поддержки!

– Что?

– Очень красиво. Вы нарисовали?

Она вяло улыбнулась.

– Да.

– Очень, очень красиво.

– Спасибо.

Мы еще немного помолчали. Она достала платок, вытерла слезы.

– Не говорите им, пожалуйста.

– И не думал. – Тут я понял, что мучаю ее ожиданием.

Вынул из нагрудного кармана пачку сигарет, сдвинул крышку... Пальцы охватила внезапная дрожь.

– Расскажите... – Но Яна не договорила: я протянул ей сложенный клочок.

– Вот.

– Это?... – Запнулась.

– Прочтите.

На секунду застыв в нерешительности, она развернула клочок и... Цепкий взгляд. Дрожащие губы. До этого скрытая, уединившаяся от озлобленности внешнего мира любовь теперь прояснилась в каждой черточке, каждой морщинке ее милovidного лица.

По глазам Яны я понимал, что она перечитывает строки снова и снова, снова и снова, с каждым разом все медленнее – или чтобы вдуматься в смысл далеко не точных формулировок, или чтобы уловить тепло дышащего в этих строках чувства, а может, для того и другого.

И я завидовал Роме. Но завидовал не той дерзкой, грубой, черной, подчиненной стремлением к насилию завистью – я завидовал ему как человек, получивший свою толику от этого в чем-то наивного, но несомненно долженствующего счастья. Хотелось еще – больше. И да, я чувствовал себя счастливым.

Но я оставил ее. Укрывшись покрывалом тревожных дум, тихо, аккуратно вышел из комнаты. Думал, может, я и не очень хороший человек, но уж точно не самый плохой. Я мог и не передавать этих стихов – никто бы об этом не узнал. Я мог, развив в себе удушающую зависть, приударить за очаровательной вдовой. Мог... да что угодно!

И решил остаться человеком.

Навряд ли она заметила, как я ушел, навряд ли услышала, как взял сумки и закрыл за собой дверь.

* * *

Улицы ревели. Все торопилось, застревало, сверкало...

Обманутые надеждами, мучающиеся планами, люди спешили – кто куда.

Спешил и я. Мне хотелось как можно скорее покинуть этот двор, эту улицу, этот город. Равнодушие жизни и неприветливость провинции, уединенность чужого счастья и безответственность лысого – все это гнало меня дальше, дальше, дальше...

Что хотела спросить Яна? О том, как погиб Рома? Не думаю: ее горе не смогло бы вместить в себя столько ужаса. Тогда – каким я запомнил его? Запомнил любящим и заботливым: он лгал ей о многом, лишь бы она меньше беспокоилась за него. Голод, ранение, частые стычки и бои – ни о чем из этого он так и не сказал ей: смеялся, говорил о любви, о том, что все хорошо, что он в глубоком тылу. Наверное, она верила. Верила до известия о его гибели.

* * *

Через час я сел на поезд до Москвы и навсегда уехал из этого города.

Андрей ПУЧКОВ

Родился в 1963 году в посёлке Хандальске Красноярского края. После демобилизации из Советской армии служил в МВД в должности оперуполномоченного уголовного розыска. В 2006-м вышел в отставку.

Рассказы публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Север», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Енисей», «Сура», «Аргмак», «Гостиная» (США) и других, а также в коллективных сборниках и альманахах.

Живёт в г. Сосновоборске Красноярского края.

ДОБРАЯ СТРАШНАЯ СКАЗКА

Ну что же, вот сказка и закончилась. Я стояла возле единственного уцелевшего в квартире окна и смотрела во двор. К моему подъезду с обвалившимся от взрыва козырьком, в сопровождении пяти закамуфлированных фигур торопливо подходила Клавка – мой злой гений. Она постоянно оглядывалась на идущих следом военных и мелко семенила ногами между разбросанными обломками кирпичей и бетона. Остановилась, что-то сказала им и, зло ощерившись, юркнула в подъезд.

Убежать я не успею, и так увидела их случайно, подойдя к окну. Они поднимаются уже по лестнице – слышно, как под ногами скрипят и ломаются осколки подъездных стёкол. В окно сбежать не получится – четвёртый этаж. Высоко. Был бы первый или второй, на худой конец, повисла бы на руках и прыгнула.

Я не знала, что задумала Клавка, но понимала ясно, что это не сулило ничего хорошего. Отдаляя миг приближающей опасности, я попятилась назад, пока не упёрлась спиной в стену.

В комнату зашли только трое военных. Ещё двое, судя по хрусту стёкол, которых было не меньше, чем в подъезде, ходили по разрушенной квартире. Лица у всех троих затянуты черными масками. Вздыхнув с надрывом, я прижала руки к груди и закрыла глаза.

– Она звонила? – послышался приглушённый тканью голос одного из них.

– Она! Она, сволочь такая! Посмотрите на неё!.. Тварь недобитая!.. – зачастила скороговоркой Клавка, будто боялась, что не успеет выплеснуть на меня всю ту дрянь, что она старательно копила столько времени.

Спросивший глянул на Клавку, а потом, одним движением сдвинув закрывающую нос и рот маску, на шею, пригладил свисающие ниже подбородка усы, и спросил, обращаясь уже ко мне:

– Она сказала, что ты её невестка. Это правда?

Правда. Волей удивительного случая я оказалась в родственницах у этой стервы. Тогда мне казалось, что так не бывает, розыгрыш какой-то. Я ошибалась. Бывает. Случаются, оказывается, сказочные вещи и в наше насквозь дурное время.

– Девушка, вы здесь одна? – послышалось за спиной.

Я не придавала этому значения. Мало ли кто с кем в этой забегаловке знакомится таким незамысловатым способом.

– Вы не возражаете, если я составлю вам компанию? – раздался тот же голос.

Мне было совершенно по фигу, кто кому составит компанию. Главное, чтобы эта парочка общалась потихоньку. Я не хотела слушать ни топорных «подкатов», ни ответов настойчивому ухажёру.

– Молчание – знак согласия, – опять послышалось за спиной, и за столик напротив меня уселся молодой мужик.

Я тяжело вздохнула и, подавив желание выплеснуть в физиономию моего визави давно остывший кофе, осторожно поставила чашку на стол.

– Вы замужем? – вдруг спросил мужик и с явным интересом стал ждать ответа на свой идиотский вопрос.

– А может, ты оставишь меня в покое? – прорычала я и начала постукивать пальцами по столу, демонстрируя раздражение. – Уйди, пожалуйста, не доводи до греха, а?

Он не послушался, остался сидеть.

Вообще-то он мне понравился. Не молодой раздолбай, одет дорого, я сразу заметила. Довольно симпатичный, улыбчивый, да и голос приятный.

– У вас неприятности? – нахмурился нежеланный собеседник и осмотрелся с таким видом, как будто хотел увидеть эти самые неприятности.

Он ещё спрашивает! Конечно, у меня неприятности! Даже не так. Неприятность – это когда ноготь сломаешь. У меня же случилась катастрофа! Я осталась без работы, а значит, и без денег. Если нет денег, значит, нечем платить за квартиру. Если нечем платить за квартиру, значит, через неделю я окажусь на улице! Перспективка, знаете ли, так себе, не радует совершенно.

– Слушай, дядя! В Мариуполе почти полмиллиона жителей, какого рожна ты прицепился именно ко мне? Что тебе от меня надо?

– Невесту себе ищу, – пожал плечами мужик и, демонстративно окинув меня взглядом, добавил: – Вы мне понравились, я и поинтересовался... А вдруг вы заняты?!

Ну вообще шикарно! Занята, видите ли! Пряма как туалет!..

– Нет! Не замужем! – процедила я и, уставившись собеседнику в глаза, спросила: – Ну что, в загс тогда ведёшь меня или как?

– Веду! – радостно улыбнулся этот ненормальный и, встав из-за столика, протянул мне руку.

Не знаю почему, но я пошла с ним. Не только пошла, но и в загс сказала «да». Нас расписали сразу же, он договорился. Благо у меня паспорт с собой был. Правда, перед входом в это желанное для каждой женщины заведение произошла небольшая заминка.

– А-а-а, как тебя звать-то? – придержала я рукой дверь, которую мой жених почти открыл.

– Точно! Я, честно говоря, об этом и не подумал! – ошарашенно уставился он на меня.

– Зашибись! Не подумал он! – усмехнулась я и протянула ему руку. – Для друзей – Леся, для мужа – Леська или Лесенька, для всех остальных – Олеся Александровна.

Он встал во фрунт, щёлкнул каблуками и, склонив голову, представился:

– Для друзей – Колька или Колян, для мамы – Коленька, – он взял меня за руку и, поцеловав пальцы, прошептал: – Для жены – любимый, дорогой, ненаглядный, вариантов много. Выбирай...

– Ну что же, дорогой, любимый, ненаглядный. Пошли, коль не передумал.

Мой муж, Николай Алексеевич Бойко, тридцати шести лет от роду, жил с мамой и был обеспеченным человеком. Если без ложной скромности – откровенно богатым. Не знаю, в чем заключается работа топ-менеджера, но новоявленный супруг дома почти не появлялся. Согласно должности болтался не только по Украине, но и по России да ещё и Белоруссию захватывал.

Узнав, что на голову неожиданно-негаданно свалилось материальное благополучие, я напряглась. Чёрт его знает, что у этих богатых на уме. Может, он специально решил жениться на первой встречной. Попросит потом что-нибудь подписать, прикрывая меркантильные интересы, и пойду я в места не столь отдалённые. Однако обошлось.

Почему мой муж поступил как последний идиот, я узнала через неделю после свадьбы, когда наконец-то случилась наша первая брачная ночь. Он в этом вопросе поступил как настоящий джентльмен. Не торопил, дал время привыкнуть. Я, закатив глазки от такой наивности, мужественно вытерпела неделю, а потом сама затащила его в постель. Не пожалела. Мужик что надо!

В скоропалительной женитьбе ненаглядного была виновата его мама. Он её очень любил, но она уже доставала его ожиданиями наследника. И всё бы ничего, ждёт и ждёт. Все внуков ждут, это нормально. Однако же мама периодически пыталась его женить на тех, кто подходил ему больше, по её мнению. И тоже всё бы ничего, если бы претендентки на его руку не были поголовно бальзаковского возраста и, мягко говоря, не очень симпатичными.

После очередного знакомства с тоскующей в одиночестве дамой мой будущий благоверный психанул, заявил маме, что женится на первой понравившейся встречной. Подвернулась я.

– Ах ты ж, стерва! – рыкнул второй вояка и шагнул ко мне, залепив такую оплеуху, что я, мотнув головёнкой, влипла в стену.

– А ну пошёл отсюда, придурок! – заорал усатый. – Иди вон хату пошерсти. Может, что ценное надыбаешь. Машет он тут копытами... Не любит, видать, тебя свекровка-то, – провожая взглядом напарника зло сплюнул усатый. – Чем же ты ей, красавица, не угодила?

Не дождавшись ответа, он крикнул, обернувшись к двери:

– Мара, ну что там?

– Ничего, обычная квартира, – послышалось из соседней комнаты, и к нам вошла невысокая, симпатичная женщина. На вид чуть постарше меня, светловолосая, с короткой стрижкой. В отличие от сослуживцев была без маски.

– Где телефон? – спросила она, дождавшись, когда я встану и опять подопру стену.

Я всхлипнула и кивнула на посечённый осколками сервант:

– Там. Надо дверцу открыть. Он в коробочке. Только я ключ найти не могу после того, как во дворе бабахнуло.

Женщина кивнула, подошла к серванту и, вытащив из кобуры пистолет, выстрелила в дверцу. Раздался грохот, я взвизгнула и присела на корточки, закрыв голову руками.

Глаза открыла только тогда, когда услышала женский голос:

– Мама дорогая! Какой аппарат! «Вертушка», что ли?

– Да, верту. Мне его Коля подарил. На задней крышке его портрет есть...

– Коля – это кто? – заинтересованно посмотрела она на меня, рассматривая сотовый.

– Муж...

– А-а-а! Так это ты, значит, москалям звонила?!

– Никому я не звонила! – заревела я в голос. – Телефон уже дней десять разряжен. Как только свет отключился, подзаряжаться негде стало...

Усатый переглянулся с напарницей и, оглянувшись на маячившую в другом конце комнаты Клавку, спросил:

– Где твой телефон? – и, не дожидаясь ответа, приказал: – Посмотри...

Свекровь не стала доводить дело до крайности. Сама вытащила телефон из любимой сумочки, с которой последнее время не расставалась, и протянула женщине.

– Тоже разряжен, – пробормотала та и, размахнувшись, изо всех сил долбанула сотовым об пол.

– А она ведь сказала, что слышала, как ты вчера по телефону кому-то рассказывала, где стоят наши танки и орудия, – усмехнулся усатый.

– Точно-точно! – засмеялась женщина. – Даже настоятельно рекомендовала тебя пристрелить. Предатели, мол, не достойны жить в Украине.

– Не любит тебя свекровь! Ой не любит! – хохотнул усатый и направился к двери, напоследок обернувшись: – Вам теперь будет о чём поговорить, – и вышел из комнаты.

Это правда. Свекровь меня не любила. Не просто не любила, а ненавидела тяжкой, выверенной ненавистью. Она смотрела на меня так, что, казалось, вытяни я вперед руку, то смогу эту ненависть сжать в кулаке. Иной раз я поражалась – как в таком худом теле умещается столько злобы ко мне.

Случись у нас с Колей обычные отношения – встречи, свидания, кино, цветы, – она, может, и притерпелась бы. Смирилась бы в надежде на скорых внучков. Но то, каким образом я попала в её семью, да ещё и ей назло, – с этим она смириться не смогла.

Справедливости ради, поначалу Клавка вела себя довольно прилично. Наверное, надеялась, что муж разберётся в тонкостях моей дрянной натуры и погонит прочь. Надо только чуть-чуть подождать. Не дождалась. Напротив, с каждым возвращением мужа домой я чувствовала, что больше и больше ему нравлюсь. Особенно по ночам. К сожалению, это заметила и его мамаша. И грянула между нами гражданская война. Прямо как между Киевом и мятежным Донбассом.

Свекровь начала военные действия и, чтобы быть поближе к полю боя, переехала из шикарной киевской квартиры к нам в Мариуполь. Мотивировала тем, что Коленьки подолгу не бывает дома, а мы, оставшись вдвоём, быстрее найдём общий язык. Коля, зная о наших напряжённых отношениях, воспринял это с энтузиазмом.

Мой муж умный человек, умный и сильный. Много знает, иной раз казалось, что знает всё! Но в некоторых вопросах наивен, как ребёнок.

– Подождите, подождите, не уходите! – окликнула я усатого. – У меня для вас кое-что есть.

Тот вернулся в комнату и вопросительно на меня уставился.

– Посмотрите её сумочку, – ткнула я пальцем в сторону Клавки, которая, с ужасом уставившись на военного, прижала к тощей груди сумку.

– Глянь-ка, что там у неё, – посмотрел тот на Мару.

Клавка так просто со своим добром расставаться не пожелала. Когда Мара протянула к ней руку, Клавка с перекосившимся от злобы лицом отмахнулась от неё сумочкой.

Та уговаривать не стала, резким движением ухватила левой рукой сумку за ремешок, а правой нанесла сильный удар Клавке в лицо. Све-кровь, нелепо взмахнув руками, шлёпнулась задом на грязный, усеянный осколками битой посуды пол.

С интересом понаблюдав, как, пытаясь встать, копошится на полу Клавка, женщина спокойно, будто ничего и не произошло, подняла опрокинутый журнальный столик и вытерла столешницу рукавом. Задумчиво взвесила сумку в руке и, присев рядом со столиком на корточ-ки, решительно вывалила на него содержимое сумки.

Коля меня баловал. По поводу и без, дарил украшения. И не про-стые, а дорогие ювелирные изделия. Мне это было приятно. Но один раз, когда он надел мне на шею умопомрачительное кольцо, я, узнав цену, начала орать, что он сумасшедший. Муж с радостью согласился и потащил меня в спальню, чтобы я его отблагодарила.

Когда началась война с Россией, по домам стали ходить нацики и грабить квартиры. Мне рассказала баба Маша, соседка, её дочь якобы уже попала под раздачу. Предупредила, чтобы я всё ценное не прятала, обязательно что-нибудь оставила. Сказала, что если ничего не найдут, будут избивать, пока не сознаюсь, куда спрятала. Ну а так есть надежда на то, что прихватят эту мелочь и уберутся.

Я так и сделала: разложила по вазочкам и шкатулкам с десятков не очень дорогих колец и цепочек, а остальное спрятала в укромном местечке.

В один неудачный день во двор прилетел снаряд, и квартира прев-ратилась в развалины. Когда я пришла домой, Клавка запричитала, что сразу после взрыва нагрянули нацики, обыскали квартиру и унесли всё, что нашли. Сначала я ей поверила, но, поразмыслив, поняла, что неспроста свекровь стала таскать с собой сумку. Раньше у неё такой привычки не было. Зря я прятала драгоценности, когда она дома была. Подсмотрела, зараза!

Я была права! Все мои украшения аккуратной горкой лежали на столике и, поблёскивая драгоценными камнями, радовали глаз. Чужой глаз. Мне было до слёз обидно, что мою память о Коле распихают по карманам и утащат.

Моя свекровь гадина! Убеждалась в этом не раз. Она даже кошку Мусю, которая прожила со мной восемь лет, не пожалела. Избавилась от неё первым делом, когда переехала к нам. Мне сказала, что та вы-прыгнула в окно и убежала. Сама при этом смотрела такими невинны-ми глазками, что оторопь брала. А теперь этот, последний, штришок к её поганому портрету.

– Ни хрена себе! – ошарашенно протянул усатый и, подойдя ближе к столику, нагнулся, чтобы лучше рассмотреть драгоценности.

– Ты же сказала, что грабители всё забрали, – процедила я и уставилась в ненавистную физиономию свекрови.

– Это не твоё!.. – прохрипела Клавка и, выпучив глаза, уже не сдерживаясь, заорала срываясь на визг: – Ты, тварь, тварь, тварь!.. Чтоб ты сохла! – она перевела дыхание, а потом, подавшись в мою сторону всем телом, добавила: – Ты, гнида, всё равно сохнешь! Я тебя изведу, ты даже...

Договорить она не успела. Поднявшись с корточек, Мара вытащила пистолет и со словами: «Не изведёшь», – выстрелила Клавке в грудь.

На этот раз я уже не визжала и не пыталась укрыться от хлестнувшего по ушам выстрела. Только вздрогнула. Всё, что происходило, казалось кошмарным сюрреализмом.

Моя свекровь, как в замедленном действии, раскинула руки и, сделав назад несколько мелких шажков, упала в чудом сохранившееся целым кресло. Я, одурев от совершённого с такой лёгкостью убийства, посмотрела на усатого. Тот поморщился и, вздохнув, покосился на Мару:

– Ну и чего ты творишь, мать твою?.. Это же не твоя свекровка...

– Не моя, – усмехнулась та, – но теперь уже и не её.

– Ты больная, – опять вздохнул усатый и, посмотрев на меня, спросил: – Надеюсь, не возражаешь, что мы это конфискуем? Для войны, хорошая моя, деньги нужны, – и он начал рассовывать драгоценности по карманам.

Мне было уже всё равно, что там будет с этими побрякушками. Это такая мелочь. Это не страшно. Страх находился передо мной. Он сидел в кресле и, раскинув в сторону руки, смотрел на меня мёртвыми глазами Клавдии Николаевны – моей погибшей свекрови.

– Ну ладно, пока, девонька! – засмеялась Мара и похлопала меня по плечу. – Да не убивайся ты так! По нынешним временам эта ведьма тебя рано или поздно угробила бы! Помяни моё слово!.. Моя такая же была!.. – и она, ещё раз хлопнув меня по плечу, направилась к выходу. Потом обернулась и крикнула: – Спасибо потом как-нибудь скажешь.

«Вертушку» мою они тоже забрали.

Клавдию Николаевну мы с оставшимися в живых соседями похоронили прямо во дворе, рядом с другими убитыми людьми.

Где находился муж и жив ли он, я не знала. Последний раз он позвонил и сказал, что его задержали эсбэушники – он большую часть времени проводил по работе в России, значит, шпион.

Коля сам пришёл через две недели, когда в нашу часть города зашли российские войска. Ему повезло – когда снаряды начали рваться рядом с подвалом, в котором его держали, прибежал какой-то военный, отомкнул камеры и всех выпустил.

Я сидела в большой эмчээсовской палатке и маленькими глоточками, обжигаясь о железную кружку, пила чай. За соседний стол напротив меня села женщина в замызганном сером пуховике. Сняв вязаную шапочку, она пригладила короткие, светлые волосы и торопливо начала есть гречневую кашу с мясом, которую перед ней поставил волонтёр. Уткнувшись в тарелку, сосредоточенно работала ложкой и по сторонам не смотрела. Ну а я смотрела, внимательно смотрела!

– Вы не возражаете? – спросила я и, не дожидаясь разрешения, села напротив женщины.

Та не ответила, ещё ниже опустила голову и положила ложку на стол.

– Смотри, мамуля, что мне дали! – раздался детский голосок, и на колени к Маре забралась девочка лет четырёх. – Шоколадка!.. Хочешь?

– Нет, солнышко, не хочу, – не поднимая головы, прошептала Мара и, обняв дочь, прижала к себе.

Я смотрела на Мару и поймала себя на мысли, что не испытываю к ней неприязни. Это неправильно. Так не должно быть. Она убийца. Хладнокровная убийца. Я просто обязана её ненавидеть, она, в конце концов, убила человека, которого очень любил мой муж. Я прекрасно это осознавала, но поделать ничего не могла. Сидит вот она передо мной и сидит, и бог с ней...

– Иди, поиграй, – наконец сказала Мара дочери и, поправив на ней шапочку, отпустила с колен. Когда ребёнок убежал, она прошептала: – Пожалуйста, не бросай её...

– Ага, конечно!.. Разбежалась!.. – грубо перебила я женщину. – Сама воспитаешь! Мне через семь месяцев и так будет чем заняться.

Я встала, потрепала Мару по плечу и, сказав «спасибо», вышла на улицу.

Не знаю, правильно ли я поступила или нет. Может, надо было сообщить о ней военным? И тогда она бы мучилась, не имея возможности видеть своего ребёнка. Кто знает? Какое время, такие и люди. Я не исключение, в голове у меня, наверное, тоже что-то сдвинулось.

У меня оставалось ещё одно дело, которое я придержала до лучших времён. До времён, пока мы не выберемся из мариупольского ада. Мы выбрались!

Коля на улице разговаривал по телефону. Увидев меня, махнул рукой, засунул сотик в карман и побежал ко мне. Сюрприз для него, однако, будет!

Радость, которой так и не дождалась его мама.

Степан РАТНИКОВ

Родился в 1982 году в Красноярске. Выпускник Красноярского государственного университета. По образованию филолог-преподаватель, по профессии – журналист, педагог дополнительного образования.

Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Енисей» и других. Лауреат литературной премии им. Бориса Никонова (2006), всероссийской премии «В поисках правды и справедливости» (2015 и 2022), премии в области литературной и театральной критики «Я в мире боец» им. Виссариона Белинского (2023). Участник всероссийского совещания молодых литераторов «Очарованные словом» в Красноярске (2005) и всероссийского совещания молодых литераторов СПР в Химках (2022).

Жил в Дивногорске, Овсянке, Красноярске, Санкт-Петербурге, а с 2021 года – в городе Кириши Ленинградской области.

ТЁМНЫЕ ПЯТНА

Сидя за компьютером и потягивая остывший кофе из кружки со сколом на ободке, небритый Труфанов не мог избавиться от навязчивой мысли, что жизнь главного героя досматриваемого сериала напоминает его собственную. Якобы такой же равнодушный молодой человек лет тридцати, вынужденно живущий с престарелыми родителями, жаждущий вселенской справедливости, но получающий неизменный отпор от власть имущих и их прихлебателей, из-за чего не может ни работу найти, ни до окружающих достучаться, чтоб прекратили раболепствовать в угоду ничтожным царькам.

Системный блок противно жужжал, взывая к совести пользователя, не считающего нужным чистить встроенный в потёртую серую железяку вентилятор. На кухне гремела посудой мать, намеревавшаяся порадовать мужа его любимой шурпой. Глава семьи должен был через пару часов вернуться с автостоянки, где уже больше года, несмотря на очевидную хромоту, вынужденно подрабатывал: пенсии обоих супругов едва хватало на трёх едоков.

В правом нижнем углу экрана, отвлекая, маячило оповещение. Труфанов поставил сериал на паузу и развернул окошко с чатом. Интернет-пользователи обсуждали мытарства матери трёх совсем ещё маленьких сыновей, брошенной поочерёдно несколькими сужеными-ряжеными-обезобразенными и вынужденной ютиться у подруги в крошечной общежитской комнатке, даже не надеясь выбить алименты или дополнительную государственную поддержку.

«О чём вы, барышня? Какое государство? Какая поддержка? – набивал Труфанов очередной комментарий на просторах популярной социальной сети, где был зарегистрирован под вымышленными именем и фамилией. – Пора бы уже повзрослеть и понять очевидное. Никто в таких ситуациях, к сожалению, никакую квартиру не предоставит, деньгами не завалит, по головке не погладит. Это всегда в одни ворота игра. Конечно, чинуши любят байки про важность демографического роста травить. Но здесь точно посоветуют тщательнее партнёров выбирать, а не от властей что-то требовать. Лучше уж молиться, чтоб пацанов в детдом не забрали. Хотя это весьма неплохим выходом из положения может оказаться. Объясню для непонятливых. Без тёмных пятен прошлого, как бы с нуля, молодой девушке будет гораздо проще новые отношения завести. И не исключено, что теперь уже удачно. Конечно, свободных и надёжных мужчин, да чтоб с квартирой, очень мало, но они есть. Присматриваться надо, а не за первых встречных хвататься».

Труфанов рассчитывал поделиться с дискутировавшими ещё несколькими, как ему казалось, ценными советами. Но на него накинлось с проклятиями целое полчище мамочек, вступившихся за многодетную брошенку. Пришлось покинуть чат и, успокаивая себя мыслями о повсеместной необразованности, продолжить просмотр сериала.

Вскоре вниманием Труфанова завладел возникший из ниоткуда комар-долгоножка. Он искал себе подходящее местечко на стене прямо над монитором. И, немного поплясав, замер, словно примагниченный.

Труфанову, сидевшему на отодвинутой от компьютерного стола крепкой и массивной табуретке, сколоченной отцом задолго до выхода на пенсию, захотелось прихлопнуть комара. Но пододвигаться или вставать было лень. Как и насекомому – менять занятую позицию. Труфанов долго и неотрывно пялился на крылатого истукана и ждал, подаст ли тот признаки жизни. Комар был всё равно что нарисованный.

«Как же это глупо – большую часть своей жизни просидеть вот так, на месте, уставившись в одну точку», – поймал себя на мысли Труфанов, после чего вспомнил о сериале, где главный герой в тот момент что-то неистово доказывал коррумпированному инспектору с толстой папкой под мышкой и обезоруживающей пустотой в глазах.

Оставалось посмотреть лишь четыре серии. Примерно по полчаса каждая. И Труфанов поставил себе чёткую цель на вечер: осилить всё до конца. А уже завтра, предварительно хорошенько выспавшись, со свежими силами – за новенький шестнадцатисерийный отечественный шедевр. Тоже про изгоя.

– Сынок, шурпу будешь? – донеслось из кухни. – Сварилась.

Труфанов не ответил. Через минуту мать, в заношенном хлопковом халате и недавно подаренных мужем тапочках-котиках, сама возникла перед сыном. Как всегда, безапелляционно спокойная, словно не было в её жизни ни счастливых, ни трагических минут.

– Кричу, кричу. Не слышишь меня совсем со своими операми мыльными.

– Мам, прошу, не начинай. Говорил же, что мыльные оперы – это у вас с батей. А я смотрю детективы, триллеры, комедии, – уточнил Труфанов и наконец-то пододвинулся к компьютерному столу. – Суп? Да, можно похлебать. Давай, когда батя вернётся, вместе и поедим, ага? А пока – досмотрю.

– Хорошо. Ой, а голова у тебя какая грязная. Сходил помыл бы. И футболку эту брось уже в стирку: ворот весь пожелтевший.

– Досмотрю, помою, брошу.

– Досмотрщик ты мой сгорбленный. – Мать улыбнулась уголками губ, скрестила пальцы и с осторожностью спросила: – Работу не смотрел? Новые вакансии, может, какие появились...

– Да смотрел, смотрел, – неосторожно соврал Труфанов. – Сплошные повара, водители, курьеры, грузчики и менеджеры. Менеджеры, кстати, всякие разные. Зарплаты... хм... тоже разные: есть маленькие, есть ещё меньше, есть совсем мизерные. А по профилю моему вообще ничего нет.

– Так, может, тогда не по профилю попробовать?

– Что попробовать? Мешки на горбу потаскать? Или, как шестёрка, на велике по всему городу помотаться – зажавшимся лодырям пиццу да суши повозить? Даже если и устроюсь, то всё равно через месяц выгонят. Не моё потому что. А хочется сразу своё найти. Чтоб никто потом не придирался, мол, что-то с тобой, дружище, не так, явно темнишь: там месяц поработал, там два, там полтора, там и вовсе пару дней... Не, ну честно, мам, послушай: мы на паперти, что ли, стоим и медяки выклянчиваем?

– Нет, не стоим, нет. Но это, сынок, потому, что государство о нас, стариках, беспокоится. А так бы уже померли с голоду, если б не пенсия. Дачу-то, сам знаешь, не потянем. Здоровье не то.

– Да никто о вас... о нас не беспокоится, – огрызнулся Труфанов, чуть склонив голову на левый бок. – Прекращайте уже хапугам этим оды распевать. Они вам – подачки, а вы и рады по уши, как будто большего не заслужили. Мама, пойми, если бы государству было не всё равно, то батя бы со своими ухайдаканными ногами не батрачил у этих бородатых на стоянке сутки через двое. Он бы на диване дома спокойно лежал и телевизор смотрел, потому что его трудовые заслуги оценили по достоинству. Да и мой диплом не пылился бы на полке зря. Ну вот кому я, скажи, со своим историческим нужен сегодня? На факультете только лизоблюдов пристраивают. В школу на копейки идти и кому-то с нуля что-то доказывать – смысла не вижу. А в других сферах меня...

– Что ж теперь, – перебила мать, сохраняя нейтральный тон в голосе, – совсем без стажа, без денег сидеть?

– От вашего с батей стажа много, что ли, толку? – сразу нашёл сын. – А деньги... Сама знаешь, пишу иногда курсовые на заказ. Зато не надо ни перед кем пресмыкаться, никому штиблеты целовать. Да и не объедаю я вас особо: девок не вожу, не курю, не пью, на шмотки не клянчу. Интернет есть, и ладно.

– Мне не жалко, ты не подумай, – будто оправдываясь, ответила мать и убрала прядь седых волос с блестящего, почти без морщин, лба. – Никто ж тебя не обвиняет. И на улицу подавно не гонит. Ты наш сын. Единственный. И мы тебя любим. Пускай ты даже целыми днями из-за своего компютера не вылезашь.

– Опять...

– Просто сам-то ты как думаешь на пенсию себе зарабатывать? Просидишь так всю жизнь... Мы ведь с отцом не вечные.

– С нашими властями до пенсии всё равно не доживёшь. Наоборот, только себя угробишь, пока на благо этих жуликов ненасытных горбатиться будешь. На ваши с батей болячки смотрю и думаю: разве оно того стоит? Лучше уж я по-спартански поживу. Зато сам себе господин и совесть чиста. Помру молодым, и замечательно: не хватало ещё, чтоб за мной кто-то утку выносил.

Мать, прикрыв глаза, неодобрительно покачала головой, но продолжать дискуссию не стала и неспешно покинула комнату сына. Тот, глядя ей вслед и прокручивая в голове всё сказанное и услышанное, безуспешно пытался уличить себя хотя бы в маломальской лжи.

Переведя взгляд на кресло, поперёк которого лежал отцовский костыль, Труфанов вдруг нахмурился. Он прошептал что-то невразумительное, сам ничего толком не расслышав, и театрально махнул рукой.

По-прежнему покоившийся на одном месте комар-долгоножка, вероятно, от внезапного дуновения со стороны, сорвался-таки со стены вниз. Труфанов заметил мельтешение над монитором и недовольно уставился на мелкое крылатое создание, неуклюже бьющееся о непреодолимую преграду.

Звучный шлепок размазал комара по стене.

– Ну, и кто здесь батька? – ухмыльнулся Труфанов, ещё несколько секунд победоносно глядя на неказистое тёмное пятно на обоях. – Не рыпаться мне тут!

Он перевёл взгляд обратно на убийственно мерцающий экран монитора. Правая рука сама потянулась к липкой компьютерной мыши, чей чёрный пластиковый корпус окаймляли серые отметины высохшего пота.

Пролистав в новостной ленте социальной сети полтора десятка ничем не привлекательных публикаций, Труфанов тормознул на заметке про торжественное награждение какого-то высокопоставленного чиновника, чья отъезжая физиономия едва умещалась на прикреплённой фотографии. Судя по комментариям подписчиков скандально известной группы, представитель власти мог быть причастен к убийству двухлетней давности.

Тогда в гаражном массиве на окраине районного центра обнаружили труп владельца «Короллы», которая тремя неделями ранее попала в аварию с участием упомянутого чиновника. Мордастый на своём чёрном джипе вылетел на встречную полосу. Пострадавший чудом выжил и уже через час сподобился рассказать приехавшим телевизионщикам о притязаниях на возмещение нанесённого ему ущерба. Однако у следствия на статусного лихача не нашлось ровным счётом ничего – ни после аварии, ни после обнаружения жмурика. Поговаривали, дескать, за долгие годы госслужбы чиновник не запятнал себя тёмными делишками, и вообще чист настолько, что комар носа не подточит.

«Никакой пользы обществу не приносят и такие деньжищи гребут, – язростно застучал Труфанов по клавиатуре. – Живут за наш счёт, с наших налоговых отчислений кормятся и нас же никчёмными, бесправными тварями считают. А попробуешь пикнуть – сразу раздавят».

«Пикнуть?! Да они любого, кто просто у них перед носом вертится и одним своим присутствием раздражает, готовы уничтожить, – парировал пользователь Митяй Ворон, скрывавший свою истинную личину за аватаром в виде тёмного пятна, которое при детальном рассмотрении слегка напоминало кричащую птицу. – Чрезмерная власть и ощущение безнаказанности любому голову вскружат».

«Полностью согласен с тобой, дружище», – прищурившись левым глазом и кривовато улыбнувшись, ответил виртуальному незнакомцу Труфанов, и по его немытому телу разлилось приятное тепло.

Сергей ШУСТОВ

Родился в 1958 в г. Яранске, Кировская область. Окончил Горьковский госуниверситет, работал преподавателем в Нижегородском педагогическом университете. Доцент, кандидат химических наук. Директор учебно-исследовательского полевого стационара «Сережа» в Нижегородской области.

Автор книг «Бах. Эссе о музыке и судьбе», «С детьми в лесу. Педагогическая флора с элементами осмоса и космоса», трех сборников стихов, а также учебников и учебных пособий.

Художник-анималист, иллюстратор двух томов Красной книги Нижегородской области. Лауреат премии Нижнего Новгорода (1996) в номинации «Высшее образование и наука», премии им. В. Найдено в области экологического образования и просвещения (2016).

Живет в Нижнем Новгороде.

ЛЕКАРСТВО ОТ УМА

Приспичило Иннокентию Васильевичу до аптеки. Сердце пошаливает, ноги болят. Да заодно вот и от утраты памяти взять следует лекарство, уже очень друзья нахваливали. Записал в свое время на бумажке название, догадался. Сейчас бы без бумажки-то и не припомнил ни за что!

Бремя старости – тяжелое бремя. Не то что о других думать, альтруистом себя выставлять, а как бы тут о себе самом-то не забыть, себя-то обиходить вовремя – великое дело! И вот одинокая жизнь старика, конечно же, ничуть не радовала Иннокентия Васильевича. Однако, будучи потомственным интеллигентом в пятом поколении, которые всяк в свое время прошли через финскую войну, коллективизацию, уплотнения с подселениями, блокаду, дело врачей-вредителей и прочие исторические передряги, Иннокентий Васильевич не терял ни бодрости тела, занимаясь каждое утро с гантельками, ни ясности ума, читая стихи свежих поэтов, листая толстые журналы типа «Знамя» и «Октябрь» (по старой еще памяти) и даже сам немного увлекаясь пописыванием в колленкоровую тетрадочку.

– Мемуары! – сам себе гордо говорил Иннокентий Васильевич, приживаясь иной вечер за конторочку и раскрывая заветную тетрадь. – А вот еще вспомнил! – приговаривал он сам себе, цепляя на нос очки для близи, – дело, кажется, в одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году было, уж много после войны, как мы с Анютой моей... Нужно отметить особой записью!

Конечно, несмотря на все старания, и гантельки тяжелели с каждым месяцем, и память стала все чаще изменять. Дела стариковские – они такие, как ни верти, всё в одну сторону идут. К завершению пути.

Стал замечать за собой небывалое ранее раздражение: когда кто-то дотрагивался до него, как вроде резко укалывало, неприятие возникало какое-то. Раньше вот и не наблюдалось такого! А сейчас? Буквально намеренно, при встрече со старым другом Спиридоном, – тот какую-то пылинку углядел на пиджаке у Иннокентия Васильевича, приблизил свое лицо к находке и как-то по птичьей, свернув голову набок, снял двумя пальцами. Оторопь взяла Иннокентия Васильевича. Аж содрогнулся от неприязни какой-то странной, ранее не испытываемой. Вот что старость делает с людьми! Ведь друг же, не посторонний какой на улице!

А где бумажка-то, что записывал название лекарства? – вдруг спохватился Иннокентий Васильевич. Стал шарить по карманам пиджака. Потом в брюки залез. – Ах ты, старый дуралей! Похоже, дома, в прихожей, на зеркальном столике забыл! Вот беда-то! И не вспомню названия! А еще ведь посмеялся, когда записывал... Что-то там было такое, смешное, заковыристое? Чу! Вспомнил! Про лошадей со Спиридоном говорили. Что-то лошадиное!

А вот и аптека. Загремела входная дверь китайскими трубочками-колокольчиками, злых и болезных духов отгоняя от учреждения здравоохраны, протолкнул себя в тугую щель Иннокентий Васильевич, машинально отмечая, что руки-то слабеют, уж и дверь вот эта самая не по силам. Ба! Вот те раз! Пусто в аптеке! Неужели все вокруг разом выздоровели?

В окошечке обрисовалось приятное девичье личико. Маску сняла, прямо при Иннокентии Васильевиче, что удивительно. Неужто так доверяет старику?

– Не бойшься, дочка, от старого больного человека, хворь-заразу капельно-воздушную подхватить? – улыбаясь, приветствовал молодую провизоршу Иннокентий Васильевич. Настроение у него, несмотря на утрату бумажки с названием лекарства, отменное. Солнце на улице, воробы вон за окном расчирикались не на шутку, ничего вроде не болит, девушка вот симпатичная ожидает от него заказа – что ж не радоваться жизни?

Кстати, а правильно ли – «провизорша»? С этими феминитивами сейчас не зря носятся филологи и социологи. Иннокентий Васильевич внимательно следил за событиями в этой сфере, любопытствовал. Даже книгу чудесную прочел. Некой Ирины Фуфаевой. Очень занятно автор (авторша?) пишет о проблемах, вроде бы и далеких от жгучих тревог бытия, но ведь и, если посмотреть повнимательнее, – важных, как ни крути! Вот назови-ка в свое время мою Анютку певцом! Она бы и обиделась! Да и на певичку, кстати, тоже. Певица – и только так! Гордо, величаво, серьезно! Это вам не водевили! Серьезная опера!

Впрочем, поразмышлять о феминитивах Иннокентию Васильевичу не дали. Так как девушка-фармацевт (ну не скажешь же никак – фармацевтиха! В конце концов, есть, вероятно, и предел в феминистических изысках!) вежливо спросила:

– Добрый день! Слушаю вас!

И улыбнулась милой улыбкой. А я бумажку дома забыл, будь она неладна! Ну что ж, начнем с того, что помним. И Иннокентий Васильевич привычно, заученным образом, кашлянув для солидности, но весьма негромко и деликатно произнес:

– Голубушка, во-первых, таблеточки от запора. Что-то там на «Ф». И второе – капотен, в самой мелкой дозировке, пожалуйста!

Пока девушка (он успел прочесть на её бейджике имя – Екатерина) выдвигала ящички в поисках требуемого, Иннокентий Васильевич продолжал вслушиваться в себя – и все более утверждался в мысли, что сегодня отличный день, ничего не болит, да, это верно, да и как-то весело на душе. Что, признаться, редкость в последнее время. Когда даже Спиридон раздражает своими то постоянным откашливанием (когда всеми зеркальными нейронами хочешь ему помочь отхаркнуть мокроту, невыносимое чувство, нужно вам сказать!), то каким-то дурашливым настроем с пересказом глупостей, сказанных по какому-то там каналу в телящике. Боже, современное телевидение! Глаза бы не глядели! Вот тут как-то показали...

– Фестал, пожалуйста. И здесь – капотен, – Екатерина вновь появилась в стеклянном своем царстве и отвлекла Иннокентия Васильевича от размышлений о нравах и временах. Боже, какие у нее глаза! Как у моей Анюточки в молодости, когда мы только поженились! Ездили в Ленинград, там поехали в Петергоф на экскурсию, смотреть фонтаны... Помню, еще долго смеялись с ней над шуткой какого-то встречного, а может, даже и эпатажного гида, когда тот вдруг всей экскурсионной группе заявил, сделав таинственное лицо и перейдя на шепот:

– Скульптуру «Самсон со львом» автор лепил с натуры. Со своего кота, когда заталкивал ему в пасть лекарство от глистов!

И Иннокентий Васильевич вновь тихо засмеялся. А Екатерина – разволновалась.

– Что-то не так?

– Да вспомнилось мне, милая Катюша, из моей молодости! Смотрю вот на вас – и завидую! Какое прекрасное время – молодость!

Екатерина несколько удивленно взглянула на клиента, но вдруг поняла, что тому просто хочется поговорить. Благо в зале никого!

– Помнится, до вас тут работал какой-то грозного вида мужчина, неопределенных лет. У него был такой вид всегда, словно разболелся зуб. Так и хотелось предложить ему анальгина!

– Ну что вы! Какой анальгин? Это – прошлый век! Сейчас препараты уже гораздо лучше! Могу вот вам предложить нимесил, как раз от зубной боли очень подходит!

– Да слава богу, зубы не болят. Затихли! Вот ноги... Те – да, покоя не дают! В плохом смысле этого выражения...

– А где? В коленях?

– Оставим, право, эту тему, Екатерина! Просто ноги мои своё отходили, их уже не спасти! Я про мужчину того праздно интересуюсь, куда зубная боль увела его из-за этого прилавка?

– Ой, я и не знаю. Я ведь тут всего третий месяц работаю. А вот вас раньше не видела! Вы, наверно, в другие аптеки заглядываете?

– Есть такое дело! До вашей ноги иной раз не доносят! Вот я и думаю, что-то часто стали мужчины женщин вытеснять из привычных им сфер. А у вас тут – наоборот! А то мир хвалится эмансипацией, а мне кажется, что и напрасно! Вы слышали, например, как в операх (тут он вновь вспомнил свою Анютку. Как она исполняла арию Тоски! Или – Аиду!) поют контратеноры?

– А кто это такие? Я, честно говоря, оперой не интересуюсь. Скучно там.

– Вот те раз! Ну да ладно! А в спорте? Уж там-то вы слышали, должно быть, как мужчины-трансгендеры вытесняют женщин из женского же спорта? Недавно совсем вопиющее безобразие опубликовали:

в плаванье мужчина, переделанный в женщину, победил на какой-то там дистанции, на международных соревнованиях – и все настоящие женщины возмущались и даже плакали! Зато в следующих состязаниях он с треском проиграл! Так как пришел еще один переделанный в женщину мужчина – и победил его!

– Ужас! – буднично усмехнулась Катя. Ей вдруг стало скучно, как в опере. Пора закруглять разговорчивого старикана. – Вам что-то еще?

И тут несколько увлекшийся чудесными Катиными глазами Иннокентий Васильевич вспомнил про рекомендованные друзьями таблетки для улучшения памяти. Впрочем, игривый настрой всё никак не покидал нашего героя.

– Катюша, душа моя, я, к великому сожалению, забыл дома бумажку с названием лекарства. Мне друзья рекомендовали. Что-то для мозгов. И название какое-то смешное...

– Для памяти? От Альцгеймера? Может, витаминочки?

– Да какие уж тут витаминочки? Там указан какой-то новый препарат. Вот ведь память – и название забыл, и бумажку оставил в прихожей! Будь она неладна!

– Может, галоперидол?

– Нет, голубушка ты моя, там что-то лошадиное в названии... Как вот в рассказе «Лошадиная фамилия». Что-то с лошадами связанное...

И тут Иннокентию Васильевичу вдруг некстати вспомнилось (вот что память изменчивая творит!), как на детском утреннике, давным-давно, в далеком безоблачном детстве, он прочел у новогодней ёлки стишок:

Лошадка одноногая
Торопится, бежит!

Все присутствующие (кроме детей) повалились хохотать. Зато сверстники смотрели на маленького Кешу серьёзными глазами, не понимая, над чем тут так заливаются родители. Примерно такими же глазами сейчас на него смотрела фармацевт (провизорша?) Екатерина.

– Может, антидепрессант какой? А что там в рассказе?

– А вы, голубушка моя, разве не читали Чехова?

– Нет, к сожалению. Я его только смотрела. Как-то раз утянули подруги в театр. За компанию. Скучно там было. Все там на сцене постоянно ругались из-за каких-то пустяков.

– Может, «Вишневый сад»?

– Может. Я не помню. Год назад где-то ходили. Еще замерзли на остановке, пока такси ждали. А при чем там лошади?

Катя явно заинтересовалась. В зале по-прежнему было пусто – и на входных дверях словно застыли китайские отпугиватели злых духов. Видимо, всех эффективно распугали. Заодно с покупателями.

Иннокентий Васильевич начал было пересказывать рассказик Антона Павловича, но вдруг как-то ясно и отчетливо осознал, что проку это повествование никакого не принесет. Нужно просто вернуться к угадыванию лекарства. Которое так искренне и убежденно рекомендовали друзья. Что же там лошадиного-то было, прости господи? Что-то... нет, ах ты, господи! Как же?..

– Что-то вроде как «но!»...

– Что за но?

– Это так лошадей понукали в прежние времена. Кучеры, извозчики, возницы, ямщики, биндюжники. Может, так было принято даже у жокеев

и гусар, наконец. Как понукают сейчас, я даже и не знаю... Давненько на ипподроме не бывал!

– Может, уколы? Порошок? Или вам так и сказали – в таблетках?

– Да, да, голубушка! Именно в таблеточках.

– Может, гинкоум? Его часто у нас берут!

– Нет, не он! Как же там? Но-о... Но-о-о... Как же, вот ведь несуразность какая!

– А!!! Я поняла! Ноотропил!

– Точно! Ах ты душечка моя! Ну что за умница! И взаправду – ноотропил! Вот ведь какая лошадь обозначилась, прости господи! А я уж думал из дому вам звонить...

– Вам нужно сходить к своему врачу и выписать рецепт. Ноотропные препараты мы отпускаем только по рецептам. Только название уж не забывайте. А то врач вам что-нибудь из слабительных выпишет!

Тут Екатерина позволила себе очаровательно рассмеяться, да так, что и Иннокентий Васильевич с большой охотой бросился смеяться вслед.

– Экая вы шутница, Екатерина! Небось мужа и детей вечерами изволите смешить?

Тут девушка резко посерьезнела. Вот какой допытливый дедок! Привязался, как репей! Ему-то какое дело? Сразу видно, одинокий, поговорить не с кем! Но все же ответила, благо подруга что-то никак не перезванивала, хотя и условились на два часа.

– Я не замужем. И что там делать? Детей рожать? Мужу носки стирать? Скукота одна!

А тут и подруга прозвонилась. Катя быстро затараторила в свой айфон:

– Да, хорошо. Договорились. Встречаемся у тебя, закажи такси. Не забудь карту гостя.

И, уже обращаясь к «дедку», пояснила повеселевшим голосом:

– Вот, вечером едем отдыхать с подружкой Веркой, в клуб. Давайте-ка я посмотрю вам препараты попроще...

Катя развернулась фрунтом к стеллажам, быстро нашла нужный ящик и долго там копалась, вслух читая названия препаратов.

– Вот, нашла! Дам-ка я вам глицин реневал. Без рецепта. Он и дешевле значительно, и на первых порах безобиден, да и берут его, не жалуются.

– И лошадей вроде не слышится! – в тон ей пошутил Иннокентий Васильевич. – Вот спасибо! А рассказик Чехова почитайте все же на досуге, Катенька! Очень приятный рассказик, уверяю вас! Так и называется «Лошадиная фамилия». Запомните, надеюсь?

И постарался как можно дружелюбнее улыбнуться своей визави. Но Катя вновь вышла на серьезный уровень разговора:

– А зачем мне запоминать? Зачем мне всё это в голове держать, мозги забивать? Я погууглю вот сейчас – и всё, что мне нужно, найду!

И она бросилась быстро клацать клавишами своего айфона.

Домой Иннокентий Васильевич добирался не спеша. Посидел на любимой скамейке в знакомом скверике, поглядел на бестолково снующих между ногами прохожих голубей. Ровно два года назад, подумалось ему, вот на этой самой скамеечке я еще держал руку своей Анюточки. Она уже мало что понимала вокруг – и только тихо улыбалась всему: солнышку, прохожим, голубям, цветущим тагетесам на клумбах... А ведь были долгие годы, когда любили они присаживаться тут,

то с мороженым, одни (и тихо ворковали, как эти вот голуби), то со знакомыми после кинотеатра.

Один раз – после очень уж удачного выступления Анны в сольной партии, тогда в оперном театре прямо-таки фурор случился. Сколько было роз! Сколько хризантем! Какие аплодисменты! Её трижды вызывали на бис! Сам директор театра выполз, отдуваясь, на сцену и долго целовал руки примадонне. Друзья искренне восхищались Аниным триумфом и потащили их вечером в ресторан «Старый город». Анна все еще тогда отнекивалась от бокала «Совиньона», ссылаясь, что завтра петь опять. В «Снегурочке». Дескать, Римский-Корсаков не одобрил бы этокое пьянство и разнузданность перед премьерой! Как говорили о достоинствах «Снегурочки», где многие находили эту оперу вершиной композиторства Римского-Корсакова, другие же меломаны спорили, что-де «Садко» и «Ночь перед Рождеством» обладают не в пример большими достоинствами...

А в парке вокруг ресторана дышал зноем июнь, цвела запоздалая сирень, наполняя весь парк своим пьянящим, уже как-то утомляющим душу ароматом, и казалось всем (особенно когда уже вывалились шумной толпой на балкон) – что жизнь вся еще впереди. И в ней еще много-много радостей! Прямо как в той детской песенке, что вспомнилась сегодня прямо в аптеке Иннокентию Васильевичу и заставила улыбнуться. Где фигурировала одноногая лошадка с дровенцами...

– Любопытно, а знает ли голубушка Екатерина – что такое дровенцы? Скорее всего, что нет! Возможно, что и песенку эту, про ёлочку, что под самый корешок, она тоже никогда «не спивала». И не слышала.

Впрочем, никаких отрицательных чувств к аптекарю Кате (или все-таки аптекарше? Нужно справиться у И. Фуфаевой!) Иннокентий Васильевич не питал. Наоборот, встреча и разговор с симпатичной молодой особой вдохновили его, вдохнули новых сил в «старые мехи». Он сидел на скамеечке и тихо улыбался сам себе, так что проходящая мимо молодая пара с интересом взглянула на него, а потом, через несколько шагов, приснула со смеху!

«Наверное, кажусь со стороны дурачком, – подумал беззлобно Иннокентий Васильевич. – Но как же приятно отдаться целиком и полностью этим сладким воспоминаниям! Сколько всего было! Сколько прошло перед глазами! Неужели память моя рано или поздно всё сотрет, медленно, но неуклонно, торжественными шагами – и ничего не оставит мне на последнюю минуту? На десерт жизни, так сказать...»

– Так вот и живу одними воспоминаниями, – резюмировал он сам себе, отгоняя нахлынувшие вслед за радостными тяжелые мысли о том ужасном периоде, когда угасала на его руках жена. – И все-таки какой же парадокс нелепый!

Это он опять вспомнил только что состоявшийся диалог с аптекаршей (нет, какой же дурацкий феминитив, это только вдуматься!) Катей. И ума-то вроде нет никакого. И, похоже, лекарства для него не требуется! Красота!

И захотелось ему вдруг съездить на ипподром, как в старые времена, посмотреть-полюбоваться на гарцующих и скачущих лошадок. Вот какой неожиданный сюрприз преподнес ему под финал этого обычного дня разогретый аптечными разговорами мозг!

Алена НОВИКОВА

Родилась в 1999 году в Москве. Окончила МГИМО. Принимала участие в летней школе литературного творчества журнала «Юность» (2022).

Рассказы публиковались в журналах «Дружба народов», «Новая Юность» и других, а также на литературных интернет-ресурсах. Записала рассказ для аудиосборника произведений современных писателей стриминга «Звук» (2022). Входила в лонг-лист премии «Северная звезда» журнала «Север» в номинации «Проза» (2018, 2019).

Живет в Москве.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

К восемнадцати сорока трем проходит почти половина моего занятия английским языком с группой порогового уровня.

Я сижу, подперев щеку рукой, и притворяюсь, что смотрю что-то в телефоне. Мне нужно делать вид, что я не замечаю, как группа порогового уровня переводит целые предложения в «Гугл-транслейте».

Для мая слишком жарко, и мои голые ноги прилипают к сиденью деревянного стула. Мне нужно поставить телефон на зарядку.

Все двенадцать человек пишут эссе в экзаменационном формате. Я выбрала тему из списка, любезно представленного в методической рекомендации: научная фантастика. Справится даже предпороговый уровень, но на предпороговом экзаменов нет.

Я провожу пальцем по экрану телефона. В тишине слышно, как мальчик через стол от меня вполголоса считает слова: сто один, сто два, сто три.

На доске написан список подходящих слов: «космос», «робот», «бессмертие», «полностью автоматизированный лакшери-коммунизм». Про коммунизм, конечно, шутка, но мне интересно, что думают о нем люди две тысячи четвёртого года рождения. Я представляю, что скажет моё руководство, когда об этом узнает. Моё руководство плохо справляется с межзубными звуками и носит прическу такой высоты, как будто внутри стоит стакан.

До экзамена осталось две недели, и пороговая группа на низком старте. Когда поздно вечером я лежу в кровати с ноутбуком, мой телефон вибрирует от сообщений: определённый артикль или неопределённый? Как образовать существительное от divide?

Над дверью в кабинет висит кондиционер, но за два года моей работы здесь его не включали ни разу – экономят электричество. Он бы

очень пригодился сейчас, когда в комнате жарко и воды в моей бутылке осталось на два глотка.

Мальчик через стол дошел до ста шестьдесят восьмого, сто шестьдесят девятого, семидесятого слова.

Когда я написала тему эссе на доске, на третьем ряду поднялась рука.

– Можно что-нибудь другое? – спросила девочка с красными волосами. – Я не знаю, что такое научная фантастика.

Сейчас она склонилась над столом, и я делаю вид, что не замечаю включенного телефона на ее коленях. Я бы все равно не смогла объяснить ей про научную фантастику так, чтобы это было понятно.

Сто семьдесят одно, семьдесят два, семьдесят три слова.

Лимит для эссе – двести пятьдесят слов.

Сегодня двадцать пятое число. Мне нужно заплатить за квартиру до конца этой недели.

Научная фантастика – это если бы Егор наконец устроился на работу и отдает арендодателю хотя бы пять тысяч вместо того, чтобы целыми днями лежать на диване, изображая киберспортсмена.

Девочка с красными волосами подходит к моему столу и просит ещё один бланк. Я не могу рассказать ей об этом.

Научность в том, что с точки зрения здравого смысла ничто не мешает Егору отправить куда-нибудь свое резюме. При этом будет совершенно фантастично, если он все-таки это сделает. В таком случае я смогла бы купить себе новое пальто и, может, даже поехать в Крым, где в это время года цветёт миндаль и плохо работает сотовая связь.

Ладони красноволосой девочки мокрые от пота и оставляют тёмные, неровные следы на стопке листов.

Все равно ни в какой Крым я не поеду, потому что никто не даёт мне отпуск, а уволиться я не могу.

Двести одно слово, двести два. Его зовут Андрей, совсем как звали Егора до того, как он решил начать новую жизнь.

На экране моего телефона рекламный блок. Билли Айлиш выпускает новый альбом, второй по счету. Ей девятнадцать лет, на шесть меньше, чем мне.

Вообще-то я в том возрасте, который принято называть золотым временем жизни. Я не думаю, что захочу вспоминать его, когда стану старше.

Научная фантастика – это когда в «Спотифае» у меня не девяносто, а девятьсот тысяч прослушиваний.

Вчера вечером я два часа ругалась с человеком, который должен был сводить мою последнюю песню. Сведение стоило четыре тысячи. Я специально купила новую гитару для записи. Человек писал мне из Звенигорода и не мог закончить работу уже три недели.

– Можно выйти?

Девочка, задавая вопрос, появляется на занятиях так редко, что я не помню ее имени. Я забираю ее эссе и откладываю в сторону. В нём семь строчек и десять помарок.

Иногда я представляю, что давно прославилась и что подростки часами смотрят мои видео в «Ютубе». Я бы стала Сашей Вознесенской вместо Александры Владимировны, никогда не спускалась бы в метро и никому не позволяла бы обращаться с собой, как с пустым местом.

Я захожу в мессенджер, чтобы найти отправленное Егору сообщение неп прочитанным. В сообщении я прошу его полить растения на подоконнике – мяту, вереск и алоэ вера. Запах мяты так успокаивает.

До конца занятия остаётся полтора часа. Тогда я наконец соберу у группы эссе, хотя на экзамене у них едва ли будет сорок минут, чтобы написать его. Я всегда была слишком мягкой.

Через девяносто минут я отнесу работы в кабинет, где нет окон и душно даже в январе. Если мне повезёт, там никого не будет. Если нет, я встречу менеджера, которая будет просить меня выйти в воскресенье вместо Никиты, Ани или Ларисы Александровны. Я соглашусь, потому что не умею говорить «нет», и в свой выходной буду объяснять систему времён и слушать плохо заученные диалоги.

Научная фантастика – это когда моё руководство дает мне отпуск на целых две недели и ни разу не звонит на их протяжении.

Мне даже не нужен будет Крым. Я поеду на дачу, где живет старая безымянная кошка и дедушка без конца перечитывает Жоржа Сименона. Книжки старые и пахнут библиотекой, их давно нужно подклеить. С утра я буду помогать маме в саду, а вечером – сидеть на крыльце, поставив пластмассовый стул в полукруг садыщегося солнца, и играть Франсуазу Арди на гитаре.

Девочка, имени которой я не помню, возвращается. Она простужена, на её ладони шариковой ручкой выписаны третьи формы неправильных глаголов: *forecast*, *forgiven*, *forgotten*. Продолжающийся уровень подразумевает знание основной грамматики, но я слишком устала, чтобы делать ей замечание.

Уведомление на телефоне напоминает о том, что заряда осталось только десять процентов.

Когда я наконец встану с этого липкого горячего стула, мои ноги будут красными.

Мальчик в фирменном джемпере, который стоит больше, чем я зарабатываю за месяц, возникает у моего стола.

– Я сдам?

Лист едва исписан наполовину – минимальный порог. Я ставлю отметку о том, что работа сдана, киваю ему и желаю хорошего дня. Он смотрит на девочку с красными волосами.

– Я тебя жду снаружи.

Она улыбается – всего секунду, щёлкает ручкой и сразу опускает глаза. Он очевидно заинтересован больше, хотя она выше ростом и не знает, что такое научная фантастика.

Может быть, золотой период сейчас у них, а вовсе не у меня.

Научная фантастика – это когда Саша Мельников пишет первым, отвечает сразу и зовет меня в бар на Маросейке, где играют Этту Джеймс, делают «маргариту» с имбирём и где достаточно темно, чтобы танцевать.

Я смотрю на слова, написанные на доске. «Н» в «spaceship» чуть смазана, и моя рука голубая от мела. Я встаю и пишу на доске новое слово. *Fulfillment*. Оно кажется холодящим и сладким, как леденцы от кашля, когда произносишь вслух.

В прошлый раз мы стояли так близко, что я могла разглядеть коричневые полосы на радужке Сашиних глаз. Был первый теплый день года, и я мерзла в своем новом хлопковом платье. Саша говорил о Марвине Гэе и хвалил мою новую стрижку. Я сказала спасибо, хотя в последний раз была в парикмахерской в декабре. Он выглядел заведённым и не к месту вставлял французские слова. Я пила слишком слабый спиритц и почти всё время молчала. Уходя из бара первым, Саша поцеловал мой рот вместо щеки и вряд ли промахнулся.

Я складываю эссе в стопку и ровняю края. Я ничего не слышала от Саши весь март, а потом кто-то из общих знакомых сказал, что у него новая девушка. На фотографии с её страницы в Инстаграме он шуруется на солнце и выглядит сонным. Девушку зовут Аризона, и она родилась в американском Финиксе.

Часовая стрелка двигается со щелчком. Шестьдесят минут, и я буду свободна.

Девочка на первом ряду нервно просит у меня корректор.

– Мы уже заканчиваем?

Мальчик, считающий слова, приподнимается с места и тянется за новым бланком.

– Fulfillment – что это значит? – говорит девочка с красными волосами.

Она в начале третьего листа и, кажется, не спешит заканчивать. Через стеклянную дверь виден силуэт мальчика, ждущего её снаружи.

– Осуществление, – говорю я.

У меня во рту сухо, и горький привкус не уходит, когда я беру бутылку воды и делаю глоток. Мои губы вдруг начинают дрожать.

– Что это такое? – говорит девочка с красными волосами. – Я не понимаю.

В свете потолочной лампы её голова окружена нежно-розовым нимбом.

– Ничего, – говорю я. – Не обращай внимания.

Я беру меловую тряпку и стираю fulfillment с доски. Следов голубого больше нет, но я тру, пока не начинает болеть рука. Потом сажусь обратно на место, включаю телефон и смотрю на экран.

В двадцать тридцать моё занятие английским языком с группой порогового уровня подходит к концу. Я сижу, подперев щеку рукой, и думаю о Саше Мельникове, которому обязательно напишу, как только выйду отсюда, об электричке, которая доставит меня на дачу за сорок пять минут, и о своей молодости, которая проходит в эту самую секунду.

Fulfillment.

Кажется, молодость нельзя проводить вот так, сидя в душной аудитории с дрожащими губами и нерешительностью. Во всяком случае, я свою так проводить не собираюсь.

Денис КРАСНОВ

Родился в 1984 году в Комсомольске-на-Амуре. Окончил факультет международных отношений Нижегородского госуниверситета (кандидат политических наук), прошёл профессиональную переподготовку в институте филологии Московского государственного педагогического института (литературный редактор).

Слушатель Высших литературных курсов Литературного института имени А.М. Горького. Публиковался в журнале «Москва».

Живёт в Нижнем Новгороде.

НЕ ПОДАРОК

Под Новый год я узнал о том, что Тёмы не стало. Было странно встретить его редкую, почти стёршуюся из памяти фамилию на страницах столичной газеты, пусть и в крохотной заметке. Это даже сложно было назвать некрологом – так, простое сообщение на последней странице между погодой и гороскопом:

«Известный зоолог Артём К* погиб, перевернувшись на снегоходе...» – и ещё пара предложений с неуместными подробностями личной жизни погибшего, отчего я и не привожу его фамилии полностью. Пусть это останется на совести газетчиков, а мы не будем лезть туда, куда не следует. В конце концов, вы тоже никогда не узнаете, что напишут о вас в подобной ситуации, да и напишут ли вообще.

Он звал меня Гришаном, а я его Тёмой, и этого вполне достаточно. Мы проучились вместе всего-то раз-два... да, каких-то четыре неполных месяца, прежде чем расстались навсегда. Хотя «расстались» не совсем подходящее слово для короткой дружбы сопливых сорванцов, которым на двоих тогда не было ещё и семнадцати.

Когда я прочитал о трагической кончине Тёмы, перед глазами сразу встали его ботинки. Обычные с виду ботинки, которые при не самых обычных обстоятельствах однажды стали моими. Мы долго не замечали друг друга, но одним погожим зимним днём всё переменялось. Я возвращался домой после уроков и в первый раз увидел Тёму не в школе, а в нормальной обстановке. Генерал Мороз игриво щипал прохожих, дворовый кот Кузя грелся на лукавом солнце, а Тёма сбросил на снег рюкзак и постыдную сменку и, слегка согнув в коленях свои тощие ноги, лихо устремился вниз с пригорка.

Как зачарованный, я подошёл ближе, а Тёма снова взбежал наверх, и его коричневые ботинки, по-заячьи высунув наружу длинные меховые

язычки, ещё раз отважно просвистели по глянцевому насту. Рядом появилась дочь директора школы, наша одноклассница Люда, всегда аккуратная, розовощёкая и пахнувшая карамелькой. Но тут у девочки съехала набекрень пуховая шапка, а портфель дурашливо скосился вбок расстёгнутой пряжкой – по всему было ясно, что Люда просто восхищена, и мне стало обидно.

– Эй, Гришан, айда за мной! – попыхивая серебристым паром, азартно выкрикнул Тёма.

Он впервые обратился ко мне по имени, и я, не раздумывая, кинул ранец на его поклажу и во весь дух разогнался. Выбросив ноги вперёд, я почувствовал, как подошва зубасто вонзилась шипами в снежную корку и взрыхлила укатанную поверхность. Потеряв равновесие, я не успел сложиться и воткнулся лицом в сугроб.

– Эх ты, такую трассу испортил! – послышался укоризненный голос Тёмы.

Он сразу потерял ко мне интерес, запустил снежками в Люду и Кузю и убежал. Девочка отряхнулась, поправила шапку и портфель и снова стала опрятной и недоступной.

– Я всё папе и брату расскажу! – бросила она в спину обидчику, но Тёма уже беззаботно скользил дальше на своих чудо-ботинках.

Про меня забыли все, кроме Кузи. Распластанный и униженный, сквозь пелену струившегося по лицу талого снега я увидел перед собой зелёные кошачьи глаза, подёрнутые бахромой и тоскливые.

Когда я пришёл домой, то жалобно заканючил с порога:

– Мам, купи мне ботинки, как у Тёмы. Ну, пожалуйста...

– Что такое, сынок? – встревожилась она, разглядывая мою переносицу. – Тебя кто-то обидел?

– Мои сапоги. Они такие непослушные, – простонал я. – Они не хотели ехать с горы и упали. Мне нужны, как у Тёмы!

– Гришенька, но они же совсем новые. Помнишь, как долго мы их выбирали? А они тебе очень понравились.

– Они хорошие, но... давай их поменяем, а? Подадим объявление в газету?

– Ах, что ты такое говоришь. Марш в комнату, нужно сперва обработать рану.

На следующее утро я проснулся раньше обыкновенного. Решение пришло ко мне на излёте сна и показалось единственно верным и спасительным. Вырвав из тетради два хрустящих листа (это была математика, не жалко), я разрезал их на четыре прямоугольника, выписал на каждом увиденный во сне текст и раскрыл ножницами, вспомнив бабушкины манипуляции по рекламной части.

Отыскав клей и одевшись, я уселся в прихожей и стал терпеливо ждать, когда же проснётся мама. Как только в её спальне прозвенел будильник, я быстро натянул на себя шапку и варежки и вышел ей навстречу.

– Гриша, ты куда так рано собрался? – ещё сонная, всплеснула она руками.

– Мама, собирайся скорее.

– Да что же случилось, наконец?

– Пойдём развешивать объявления, – заговорщически сказал я и протянул ей своё утреннее творение.

МИНЯЮ САПОГИ НА ДЕНЬГИ ИЛИ НА БАТИНКИ КАК У ТЁМЫ! ТИЛИФОН 65-94-27!! ГРИША ПОСПЕЛОВ!!!						
65-94-27	65-94-27	65-94-27	65-94-27	65-94-27	65-94-27	65-94-27
После школы буду дома	После школы буду дома	После школы буду дома	После школы буду дома	После школы буду дома	После школы буду дома	После школы буду дома

Мама держала в руках мои смелые прокламации и улыбалась. А я, правда, уже без прежней уверенности, продолжал стоять на своём:

– Ты умойся и покушай – и пойдём, ладно? Я думал в школе развеять, но ведь лучше на остановке и у магазина, правда? Бабушка всегда так делала.

– Конечно, сынок. Ты пока разденься и расскажи мне о своём Артёме.

Слово за слово, мама накормила меня завтраком и уговорила идти напрямиком в школу, пообещав развесить объявления по пути на работу.

– Пригласи к нам Артёма, пусть вечером приходит. Посмотрим, что там у него за ботинки.

После уроков я, не заходя домой, отправился на остановку. Я подошёл к доске объявлений, с замиранием сердца впился глазами в её слоисто-махровую поверхность, но текста своего не нашёл. Ничего, подумал я, видимо, так заинтересовались моим предложением, что содрали его целиком. Бабушка так и говорила: раз сорвали – значит, хотят, чтоб другие не позарились.

У магазина я обнаружил то же самое и возликовал, ещё больше уверившись в скором успехе своего предприятия.

Нужно было срочно бежать домой и ждать звонка, а потом и прихода Тёмы. И то и другое щекотало и будоражило, решало мою судьбу на всю оставшуюся зиму, включая и март с апрелем. Сделав уроки, я не пошёл гулять во двор, чтобы снова не запачкать сапоги, мирно сопевшие в углу после лёгкой косметической починки (не обошлось без фена, фломастера и зубной пасты).

За окном пушился снег, а я всё сидел, смотрел на улицу и подгонял наступление вечера. Пузатый телефон молчал, и я протёр его ещё не просохшей обувной тряпкой. С трубки уродливо косились кривые подтёки, и меня вдруг пробрало: неужели объявления отклеились и рассеялись по ветру? Нет-нет, замахал я головой сам на себя. То, что развешивала мама, никуда пропасть не могло.

И точно – пузатый разразился звонком, и сердце застучало, как теннисный мячик:

– Алло, это Гриша Поспелов? – услышал я приветливый женский голос, показавшийся мне знакомым.

– Дааа, – робко выдохнул я.

– Я звоню по поводу объявления. Вы ещё продаёте свои сапоги?

– Да. И меняю тоже.

– А за сколько вы готовы их отдать?

Мячик в груди надулся до баскетбольного и запрыгал внутри тяжёлыми ритмичными ударами. Я совсем забыл назначить цену!

Но кто же это звонит? Неужели тётя Лара с маминой работы? Это испугало ещё больше, и я положил трубку.

Телефон не звонил минуту, другую, и мне стало хорошо. Я представил себе важную фигуру тётя Лары с полными бухгалтерскими руками и её раздетого сына Гошу, похожего на ленивого пингвина, и окончательно успокоился. Логика подсказывала, что мои сапоги им точно негодились бы, да и потом – как носить вдвоём одну пару?

С работы наконец пришла усталая мама, и почти сразу вслед за ней явился Тёма, причёсанный и с гитарой. Было видно, что он подготовился. Прямо в дверях он забренчал на четырёх визгливых струнах, и его душа полилась фальцетной рекой в наших комнатах:

Когда я катаюсь с горки, никогда не падаю,
Мушкетёром стану я – говорю заранее.
Раз индейцы к нам пришли – и на юг всех увезли.
Когда кончится зима, к ним уеду навсегда...

– А ты смотришь «Санта-Барбару»? – остановившись, спросил Тёма. – Там на шпагах дерутся! Нет? Ну ты даёшь! А про индейцев читал?

Мама налила нам чаю, и Тёма начал увлечённо рассказывать про банду краснокожих, которые вероломно объявились в его деревне и начали устраивать там свои порядки. Местный шериф не смог их утихомирить, и тогда прибывший на выручку капитан Немо атаковал с моря вместе с армией ковбоев и гладиаторов.

Ошеломлённый я вспомнил мирный бабушкин домик с курятником и сеновалом и с завистью спросил:

– И чем всё кончилось? Кто победил?

– Думаю, что десанты, – уклончиво ответил Тёма. – А может, и гладиаторы. Мой папа часто кричит у телевизора «Спартак – чемпион!», а он у них вроде главный.

Мои познания об окружающем мире стремительно расширялись, а варенье на столе неумолимо таяло. Есть и пить я больше не мог, и Тёма, заметив мою тоску по геройству, наклонился и прошептал мне в ухо сладким вишнёвым воздухом:

– Давай докажем, что мы не хуже индейцев?

– Как это? И кому?

– Себе, конечно! Ну, и Людке тоже. А то ходит такая важная, прячет косы на переменах. Согласен? Тогда завтра в школе всё устроим. Зайду утром, точи пока свой томагавк.

Я впервые слышал это слово, но кивнул: мол, даже не обсуждается, – и Тёма, схватив заляпанную сиропом гитарку, решительно засобиравшись домой.

В коридоре я увидел его ушастые ботинки, пустившие небольшую лужицу рядом с моими сапогами.

– Хочешь померить? – спросил Тёма.

На помятой, местами изломанной коже поблёскивали полосы непросохшей сырости, и в таком виде, отделённая от Тёмы, эта невзрачная, пропахшая уличной солью обувь не вызывала ничего, кроме жалости и желания поставить её куда-нибудь подальше от моих сапог. Мне стало обидно за себя, за маму, за тётю Лару и, конечно, за бабушку, которая научила меня писать объявления.

Но друга обижать не хотелось, и я, взяв тяжёлый намокший ботинок, с содроганием погрузил в него ногу. Склизкий холодок пробежал

по ступне, устремился ледяной змейкой вверх по спине и ударил в голову брызгами мурашек. Второй ботинок оказался уже не таким коварным: несколько студёных червячков поиграли в копчике и бесследно скрылись. Я слился с предметом своих недавних вожделений, но желал только одного: поскорее пойти в душ и согреть ноги.

– Скажи, классные? – сказал Тёма, любуясь со стороны. – Ни у кого таких нет.

– Ага, – подтвердил я, с облегчением снял ботинки и нырнул в тепло домашних тапочек.

Наутро Тёма снова появился у нас и загадочным движением глаз указал на свой мешок, в котором проступало сразу несколько предметов, совсем не похожих на сменку. В ответ на мой немой вопрос Тёма поднёс палец ко рту. Всю дорогу до школы он сохранял молчание, и только когда мы очутились в тёмном углу ещё пустого гардероба, он оглянулся по сторонам и выдохнул:

– Кажется, нет погони. Начинаем артподготовку.

Тёма открыл мешок, пошарил в нём фонариком и стал выуживать разные фантастические предметы. Через пару минут мы стояли в куртках цвета хаки с газырями и смотрели друг на друга через стёкла противогазов.

– Нормально, – глухим голосом удовлетворённо констатировал Тёма, ослепив меня пучком света. – Людка будет здесь минут через десять. Ещё есть время принести клятву.

Он достал из мешка палку, похожую на древко для флага, и, испытующе посмотрев на меня, аккуратно вынул коробку с картинкой мчавшегося на санях Деда Мороза.

– Это что, подарок? – спросил я, ощупывая свою полысевшую резиновую голову.

– Не подарок. Но Людке понравится, – угрожающе процедил Тёма, достал из коробки что-то округлое и волосатое, вонзил на древко и торжественно поднял кверху. – Бойся индейцев, дары приносящих!

Подсвеченные фонариком, на нас зловеще глядели застывшие глаза кота Кузи.

У меня перехватило дыхание, и я судорожно сорвал с себя противогаз.

– Вот и правильно, – сказал Тёма, сделав то же самое. – Пора скрепить договор кровью жертвы.

– Какой ещё жертвы? – пролепетал я.

– Этой самой, ты видел. Первым попробуешь, или мне начать?

Тёма вытащил из кармана небольшую банку и потряс ею у меня перед носом. Даже в полумраке я разглядел, как вниз по стенке потекли багровые разводы.

Не дождавшись моего ответа, Тёма открутил крышку и, припав ртом к сосуду, немного отхлебнул из него. Губы преступно заблестели, и он протянул банку мне.

– Твоя очередь. Давай скорей, вон уже первоклопы ползут. Скоро Людка притащится!

Действительно, в гардеробе началось шевеление, и я с надеждой посмотрел на тускло освещённые закутки с вешалками. Увы, рядом не было капитана Немо, который мог бы меня выручить, а в Деда Мороза я как-то уже не верил.

Голос моего товарища раздался как приговор:

– Ты чего, испугался? Если не выпьешь, никогда не станешь супергероем!

Банка оказалась тёплой на ощупь, и я представил себе, как ещё недавно её содержимое невидимо переливалось в живом кошачьем теле. Неужели я больше никогда не встречу Кузю? Дрожащими влажными руками я приблизил жидкость к лицу, и в нос ударил сладковато-соленый запах, что-то муторное и липкое, вроде патоки вперемешку с рассолом. К горлу подступил тяжёлый, неумолимый комок, рот наполнился непрошеной слюной, и я сразу понял, к чему идёт дело, смекнув, что до туалета добежать уже не успею.

От позора меня спасло появление Люды. Едва заслышав её голос, Тёма натянул на себя противогаз, схватил своё тотемное древко и гаркнул: «Смерть бледнолицым!» Встрепенувшись, я дёрнулся и расплескал жидкость, забрызгав руки и выданное Тёмой облачение. В таком перепачканном виде, на ходу прилаживая противогаз, я устремился вслед за другом, который с гиканьем понёсся к группе девочек, стоявших у зеркала. Выставив вперёд кошачью голову, он ткнул ею в сторону Люды, и та, выронив из рук блестящие туфельки, отпрянула назад и надсадно завизжала. Другие девчонки бросились врассыпную и завопили ещё пуще, завидев меня в окровавленном противогазе.

Словив на себе ошалелые, восхищённые взгляды мальчишек, включая более старших, я ощутил всю власть своего положения и припустил дальше за Тёмой. Выбравшись из гардероба, мы промчались мимо кабинета директора, столкнулись в коридоре с учителем физкультуры и шугнули ещё несколько попавших под руку школьников.

Наконец, в тот момент, когда рядом больше никто не показывался, Тёма махнул мне рукой и свернул под лестницу, в широкой тени которой можно было на время укрыться.

– Эге-гей, мы сделали это! – ликующе прохрипел он и клацнул пятернёй по моей ладошке. – Раздевайся, пока кидаем всё здесь. Выходим по одному, нужно ещё забрать рюкзаки в гардеробе. На перемене уложим вещи обратно в мешок – и валяй, шито-крыто.

Всё-то у него было продумано, у моего храброго Тёмы. Но полностью замести следы нам, конечно, не удалось. Происшествие не могло укрыться от директора, хотя бы потому, что в тот день его примерная, карамельная Люда так и не оправилась от испуга и не появилась в классе. Её старший брат Боря, вечно насуспенный, мрачноватый тип, принялся вынюхивать подробности и искать виновных, чтобы отомстить за сестру. Мы с Тёмой тоже приутихли и старались не попадаться на глаза ни Боре, ни Люде, ни их грозному родителю.

Примерно через неделю после нашей проказы, когда казалось, что всё уже позади, я стал свидетелем отвратительной сцены. Привычно огибая школу по дороге домой, я увидел, как ватага пацанов сгрудилась за грязным пристроем, где обычно собирался клуб юных курильщиков, и нешадно валтузила какого-то бедолагу, прижатого спиной к забору. В глаза бросился потный затылок Бори, и всё стало до боли ясно. Кое-как вклинившись сбоку, я увидел скрюченного Тёму, извивавшегося под ударами рук и ног, и бросился на его защиту. Моё появление ещё больше раззадорило эту гнусную шайку, и всклокоченный Боря заорал:

– Это ты был с этим уродом, да? Чего мычишь, падла? На вот тебе, быкан!

Его удар под дых свалил меня с ног, и я почувствовал, как ещё несколько грузных сапог встали на мои осевшее тело.

Дня через три я уже мог вставать с постели и вскоре навестил Тёму, который попал в больницу. В полутёмной палате у изголовья его койки

стояла гитара, на тумбочке виднелась книжка «Козетта и Гаврош», а сам Тёма, лёжа под капельницей, отрешённо смотрел в окно, за которым искрился мелкий перламутровый снег. Из приёмника негромко лилась лёгкая, но грустная мелодия, и я молча смотрел на своего друга, его перевязанное синюшное лицо с соломенными волосами и не знал, с чего начать разговор.

– Гришан, ты как? – еле улыбнулся он, наконец заметив меня. – Тоже, смотрю, с фингалом? Я ведь не хотел тебя выдавать, но ты сам сунулся. Не надо было...

– Людка просила передать, что не сердится, – невпопад сказал я.

– Людка? Жаль, хорошая девчонка...

После этих слов Тёма зажмурился и отвернулся, видимо, не желая, чтобы я видел его лицо. Когда он снова посмотрел на меня, в его влажных глазах снова заиграло что-то прежнее, лихое, и я решился спросить его о том, что никак не выходило из головы:

– А Кузю тебе не жалко? Зачем ты его тогда?..

– Чего?

– Ну, того, – сказал я и провёл большим пальцем у горла.

– А, ничего страшного, – бесстрастно ответил Тёма. – Прикрутил башку обратно к чучелу, мама ничего не заметила. Она у меня в музее работает.

Едва я успел обрадоваться, как тут же возник другой вопрос:

– Подожди, а как же... кровь?

– Кровь... – неохотно протянул Тёма. – Да ничего особенного. Размешал в воде варенье, подсыпал соли – вот тебе и кровь. Так и в «Санта-Барбаре» делают, и вообще. От чучел крови не добьёшься.

Прибежав домой, я весь вечер прослонялся по дворам, выискивая Кузю, но он нигде не показывался. На следующий день я увидел его на том же месте у пригорка, где не так давно подружился с Тёмой. Подбежав к коту, я взял его на руки и прижал к себе, но ему, похоже, не понравились мои нежности, и он задиристо зашипел.

– Эх ты, чучело огородное! Ничего, скоро Тёма поправится, заживём как раньше.

Но возврата назад уже не было. Через несколько дней взволнованная мама встретила меня с неожиданным известием:

– Приходила мама Артёма. Сказала, что его выписали и сразу отправили на юг, к бабушке. Родители к Новому году тоже туда переедут. Они вроде уже давно планировали, а теперь, после этой ужасной истории, решили больше не откладывать. Тебе, кстати, от Артёма записка и подарок.

В надежде, что всё это совсем не так, а по-другому, я развернул клочок бумаги, на котором было кое-как нацарапано:

Гришан, я уезжаю на юг к индейцам. Жаль, не могу взять тебя с Людкой Кузей. Приезжай летом, подружмся с Гаврошем и Томом Сойером. В наших краях всегда тепло, шапки и противогозы никто не носит. Оставляю тебе подарок на Новый год. Мне он уже не нужен, а тебе пригодится. Можешь передать мне свой через маму.

*Артём К**

Подавленный и оглушённый, я заметил стоявший рядом подарок. Из приоткрытой коробки с весёлым Дедом Морозом выглядывали заячьи уши Тёмных ботинок.

Светлана КЕКОВА

Родилась в 1951 году в городе Александровске-Сахалинском Сахалинской области. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Доктор филологических наук. В настоящее время работает в Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова на кафедре гуманитарных дисциплин.

Автор 18 поэтических книг, трёх литературоведческих монографий и более 80 статей, посвящённых творчеству поэтов-обэриутов, Н.А. Заболоцкого, А.А. Тарковского, В.Ф. Ходасевича, В.В. Набокова, Ф.М. Достоевского, философов Ф.А. Степуна и С.Л. Франка и других. Лауреат литературных премий, в том числе премии им. Аполлона Григорьева, премии журнала «Новый мир» «Antologia», Новой Пушкинской премии, премии 12-го Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2021), Патриаршей литературной премии имени свв. Кирилла и Мефодия (2023).

Член Союза российских писателей. Живёт в Саратове.

...КАК АНГЕЛ И ВОДОПАД

* * *

В ожидании снежной пряжи
и в надежде на свет в ночи,
в эмигрантском ажиотаже
улетают на юг грачи.

На песок, на речные воды,
на теряющий листья лес
смотрит маленький царь природы
с автоматом наперевес.

Он родился во время оно,
а теперь сам себе не рад.
Так зачем же ему корона,
и зачем ему автомат?

Он стоит, как в любви признание,
перед светом чужих очей,
и, быть может, его призвание –
слушать осенью крик грачей?

* * *

Любовь отбрасывает тень тоски и торжества,
как это делает сирень – цветы ее, листва,

и узловатый узкий ствол, и ветви на весу,
как я тягчайшее из зол в груди своей несущу.

Любовь, лицо рукой закрыв, не видит наших слез.
В буддийских храмах старых ив, в больших церквах берез

засвищут птицы, запоют о счастье без вины,
кукушка наведет уют в часовне бузины.

Травую зарастет пустырь, и съест огонь зола,
и будет леса монастырь звонить в колокола.

А ты, любовь, пройди, как тень, волною в небо хлынь,
как эта сладкая сирень, как горькая полынь.

* * *

Ты во сне у Желтой стоишь горы,
где огромных яблок висят шары,
Илия-пророк от грозы оглох,
льет с небес поток, серебрится лох,
спят ворон посты на пути к беде,
чешуя листвы не видна в воде.

Набирает плоть винограда гроздь.
Кто тебе, Господь, выбирает гвоздь,
чтобы крепче тело прибить к кресту?
Ходит люд ремесленный по мосту.
Перекинут мост, как Великий Пост,
через сорок дней и ночей без звезд,
и видна река с Соколовых гор,
но Голгофы скрыт костяной бугор.

Я горчайших истин учу азы:
если есть река – Иордан, Янцзы,
то водою желтой лицо омой.
Муравьи-китайцы спешат домой.
Шелестит в траве муравьев поток,
на земле валяется молоток,
он им нужен был, чтобы гвозди вбить.
Как теперь, мой друг, мне тебя любить?

Кто-то строит дом, громыхает гром,
и в рыбачью сеть попадает сом,
кто качает мед, кто детей растит,
кто тебя поймет и меня простит?

После смерти слышен грозы раскат.
Градом спелых вишен засыпан сад.

Я хочу, чтоб белый созрел налив.
Что бы ты ни делал – среди олив
одичавших будет бродить Христос,
и с небес прольются потоки слез.

Ах, в любви не смыслю я ни аза,
в соляной земле не растет лоза,
но, плывя в ладье, ты туда причаль,
где одна любовь и одна печаль,
где любой из нас попадет домой.

Ты в предсмертный час, бедный ангел мой,
пируэт выписывай в облаках
с тонкой пудрой рисовой на щеках.

* * *

Ангелы и птицы в райских куцах
запоют на разные лады –
и увидят стаи рыб, плывущих
в тонких платях из речной воды.

В мире, словно в зале ожидания,
жаждет получить душа моя
в краткий миг блаженства и страданья
опыт неземного бытия.

* * *

1

Я думала – они исчезли навсегда,
уехав – кто в Москву, кто в новую столицу,
кто в Прагу, кто в Париж, кто – в Геную, кто в Ниццу,
в иные времена, в иные города,
уехали навек, в пространстве растворились,
как мёртвые в земле, как в кружке пива – соль,
и вдруг вернулись все, и все разговорились,
и горечью своей со мною поделились,
и радостью, в которой скрыта боль.

2

А я и не ждала, что жизнь внезапно треснет,
как зеркало в углу, в пыли и темноте,
что прошлое умрёт и, умерев, воскреснет,
и сердце закипит, как чайник на плите.
Но как теперь мне жить? Вернулся целый мир,
увы – моя душа вместить его не в силах:
кто был когда-то мил, тот стал убог и сир,
и все его слова в просторных спят могилах –
они отпеты мной и мною прощены,
и руки мертвецов как звуки скрещены.

3

Мне снится по ночам один и тот же сон:
семь ангелов стоят, облечены в виссон,
семь ангелов стоят, в руках сжимая чаши,
а на земле дрожат тела и души наши.
И никого уже, окликнув, не вернёшь,
и ревность не убьёшь, и не исправишь ложь,
и зависть, как змею, на сердце не раздавишь...
Но вдруг могучий Бах рукой коснётся клавиш,
и ты, обняв меня, вдруг целый мир поймёшь
и Бога милосердного восславишь.

Цикада

Тополь, житель соседского сада,
ночью выглядит как саудит,
а в его одеянье цикада
пилит сук, на котором сидит.

Этот звук мне напомнил другую
жизнь в системе иных величин –
и волну безнадёжно тугую,
и тоску без весомых причин.

Пыль казалась похожей на перхоть,
в сердце прятался маленький ад,
и хотелось уехать, уехать
от безумного треска цикад.

Кровь хлестала из каменной вены,
и, как некий цветок, вырастал
в зоне смерти, любви и измены
диких слов безупречный кристалл.

А в кристалле, как в образе ада,
размышляя о зле и добре,
в бороде у Иуды цикада
молча в лунном спала серебре.

* * *

Болит у тополя голова –
он будет листвою шуметь...
И если всё же мои слова
не олово и не медь,

и если вправду мои стихи –
признание моей вины,
и если будут мои грехи
действительно прощены,

то, значит, в будущем стану я
потоком, текущим с гор,
поскольку всё-таки жизнь моя
не только словесный сор.

Когда-нибудь – ты меня прости –
я снова к тебе приду,
я буду в зарослях слов цвести,
как роза в чужом саду,

я буду новые песни петь
некстати и невпопад,
и буду в воздухе я висеть,
как ангел и водопад...

Тополиный пух

Я брожу в саду, где в какой-то миг
отошёл садовник от дел своих,
и печаль садовника глубока,
как волна душистого табака.

Молодой сирени костёр потух,
но летит уже тополиный пух,
он мерцает медленно надо мной
как возникший в воздухе мир иной.

И видны там ангельские следы,
и садовник там, и его труды,
и печаль садовника глубока,
как из пуха белого облака.

* * *

Чем пустыня сердца сегодня тебе близка?
Исчезает тихо песчинка среди песка,

исчезает капля в пустыне морской воды,
исчезают в мире благие твои труды.

Растворяясь во времени, в соль превратилась боль,
и в шкафу на полочке куколкой стала моль.

а её душа пребывает в иных мирах –
там она парит, разодетая в пух и прах.

Рядом с нею ангел, он держит огромный меч,
и простая моль рядом с ним обретает речь,

и стекает капля, как алая кровь, с креста,
и лежит песчинка на правой руке Христа.

Дмитрий ТРИБУШНЫЙ

Родился в 1975 году в Донецке. Окончил филфак Донецкого национального университета, в 2002 году – Одесскую духовную семинарию. Священник.

Публиковался в журналах «Крещатик», «Дружба народов», альманахе «Земляки». Автор четырех книг стихов: «Под другим дождем» (2004), «Провинциальные стихи» (2010), «Белая книга» (2010), «Облака ручной работы» (2013). Живет в Донецке.

ОТКРЫЛСЯ РАЙСКИЙ САД ДЛЯ КОШЕК И ДЕТЕЙ...

* * *

Воскресшие на Третьей мировой
Оплаканные пьяными ветрами
Забывтые страной проросшие травой
Летающие как мотыльки на пламя

Зачатые на блокпостах в степи
Отправленные в космос виртуальный
Сорвавшиеся с золотой цепи
Для берегов отчизны коммунальной

Упавшие наверх взлетевшие на дно
Стоящие упрямо как мишени
Зарытые в планету как зерно
Для будущих счастливых поколений

* * *

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотнях свищет.
«Убежище» – читает человек
На школе, превращенной в пепелище.

У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
Друг другу посылают похоронки.

Еще один обстрел – и Новый год.
Украсим елку льдом и стекловатой.
И Дед Мороз, наверное, придет
На праздничные игры с автоматом.

* * *

1

У солдата выходной.
Пуговицы в ряд.
Это значит, что родной
Город не бомбят.

Это значит, что война
Кончилась для нас,
Даже если тишина
Длится целый час.

2

Тихо в омуте и в городе –
У солдата выходной.
Из убежищ вышли голуби
За бесплатной тишиной.

От Луны осталась рваная,
Неприкаянная часть.
И в нее орда незваная
Умудряется попасть.

Спит стрелок в далеком ельнике
В серебристой лунной мгле.
«Доживем до понедельника» –
Пишет дочка на стекле.

* * *

Звони, Донбасс обетованный,
На самый верх.
Пророки обещали манну,
А выпал снег.

Мужайся, город непорочный,
Где каждый дом
Проверен «градами» на прочность,
Крещен огнем.

На час открыли херувимы
Ворота в рай.
Гори, Донецк неопалимый,
И не сгорай.

* * *

За сотни бед от Рима или Праги
По улицам гуляет красный смех.

Коты, клесты и прочие дворняги
Высматривают Ноя и ковчег.

Стоят березы в желтом камуфляже,
И в ватники укутаны дома.
Четвертый водоем берет под стражу
Бунтующая русская зима.

Знакомые из горнего чертога
Передают послания живым,
Но дал обет молчания пред Богом
Дежурный по Донецку херувим.

Стихи о неизвестном солдате

Перед тем как проститься, успеть бы кому рассказать,
Как клянет матерщинник уплывшую с катером сеть,
Как грозится кому-то на дальнем погосте гроза,
Как цикады в засаде пытаются слаженно петь.

Как учитель идет на охоту с огромным сачком,
А над ним потешаются вороны и мотыльки.
Но тридцатая осень падает в небо ничком,
И бездомная память развяжет ее узелки.

* * *

Есть повести печальнее на свете.
Когда бы в ДНР воскрес Шекспир,
Он рассказал бы Твиттеру о гетто,
В которое попал шахтерский мир.

Узнали бы Канзас и Аризона
Страну, куда не ходят поезда,
Где сталкеры ведут людей из зоны
За пенсией в чужие города.

А может быть, и сам Шекспир не сможет
Связать времен разорванную нить.
Ведь что бы ни ответил Гамлет, все же
Решают «грады» быть или не быть.

* * *

Двухсотый день зимы. Мороз и артналет.
Сегодня принимает Пролетарка.
И сквозь огонь и лед счастливый звездочет
Несет в вертеп пакет с гуманитаркой.

Открылся райский сад для кошек и детей.
Над городом сгустились беспилоты.
Какой донецкий марш (послушай, Амадей)
Разучивают в парке минометы...

* * *

Сто километров одиночества,
Сто пятьдесят,
А за окном зима-наводчица
Рисует ад.

Как будто жизнь со смертью дразнятся.
Здесь недолет.
Здесь опоздала пятиклассница,
Вмерзает в лед.

Кто на ходу теряет голову,
Кто на бегу.
Вот гражданин небесной Горловки
Уснул в снегу.

Не все на свете перемелется,
Не все пройдет.
Мети, прицельная метелица,
Буди народ.

* * *

Дождь устал и перестал
Триста лет назад
Все уехали на бал
Или вышли в сад

Вечер выбился из сил
И пошел ко дну
Уходя не погасил
Звезды и луну

Сад пустился наутек
Время истекло
И дежурный мотылек
Не стучит в стекло

* * *

Зима ушла куда не знаю
Куда не знаю и зачем
А мы так долго умираем
Как будто в смерть свою играем
И остаемся насовсем

Ты только свет Ты больше света
Да будет свет сказал Господь
И ты росла Ему ответом
И кровь пресуществлялась светом
И светом становилась плоть

И нужно быть простым и смелым
Когда остался только час
И белый день и розы в белом
И двое снова станут целым
И жизнь продолжится без нас

* * *

На кухне замерзает чай
Все ближе стужа
А для двоих открылся рай
И чай не нужен

И снова истина проста
Светила гаснут
Открыты царские врата
И плоть причастье

Друг к другу тянутся мосты
Моря и реки
Но ты перерастает ты
Лишь в человеке

И мы в одном огне горим
Друг другом дышим
Вверху над небом голубым
И даже выше

Нина ДЪЯКОВА

Родилась в 1956 году в селе Долдыкан Амурской области. До 2020 года жила в Благовещенске-на-Амуре. Окончила историко-филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института. Работала младшим научным сотрудником Амурского областного краеведческого музея, инспектором областного управления культуры, заведующим литературно-драматической частью Амурского областного театра драмы.

Поэт, публицист, драматург. Автор полутора десятков книг. Награждена Почётной грамотой Президента России, знаком «За достижения в культуре», лауреат ряда литературных премий.

Секретарь Союза писателей России. Ведет литературно-просветительскую программу «Литературная гостиная “Парк культуры”» в Москве.

Живет в г. Чехове Московской области.

О ЧЕМ КАШТАН МЕЧТАЕТ В ТЮИЛЬРИ...

* * *

Вот порадую печалью
Всех своих врагов!
Я счастливой быть не чаю,
Друг мой дорогой.

Мне не спится до рассвета,
Но тебе ль не знать:
От привычки давней это –
Окна раскрывать.

Нараспашку, настезь рамы,
Чтобы дождь с утра
Приходил ко мне дворами
И шептал: «Пора...»

Как особенная милость –
Мыл бы карагач
И цветы, что запылились.
И ворчал: «Не плачь...»

Чтобы каплями по краю
Зонтика свисал:
«Ты же девочка большая,
Ну, не раскисай...»

* * *

*Мы с тобой – ослепительные одиночки,
Возникающие иногда...*

Михаил Вишняков

То и дело всплывают
Твои многотрудные строчки.
Дни уходят, летят незаметно года:
«Мы с тобой – ослепительные одиночки...»
Все минует, а это уже не уйдет никогда.

На Арее и в Шилке,
И в ближней деревне Улеты
Солнца было так много,
Так остро хотелось дождя.
Помнишь, солнечно-густо
Сочились прозрачные соты,
Что нарезал нам пасечник,
Медом богатым гордясь.

Помнишь, пеной лиловой
Вскипало кипрейное лето,
Горько пахла полынь,
Чуть с дороги сойдешь наобочь.
Мы с тобой – одиночки,
Два странных российских поэта,
По резучей траве
Шли в бессонную мгlistую ночь.

Где-то фыркал родник,
Где-то рядом шуршали колеса,
Где-то в недрах земли
Набирал свою силу женьшень.
Тихо таял туман,
Уплывая багряной полоской.
По умытым цветам
Деловито вышагивал день...

Ты прожег свою жизнь
До последней неистойой точки –
То ли солнце в душе,
То ли в небе шальная звезда...
Все труднее мне жить, все труднее гореть в одиночку.
Возникай же хоть изредка, хоть иногда!
Иногда...

* * *

Так хочется яблок!
В безъяблочном нашем краю
Нечасто
Хорошие яблоки продают...

Хрустит под ногами
 Асфальт в тополиной листве,
 Хрустящие астры
 Несёт молодой человек,
 Хрустит по утрам
 Очень юный октябрьский мороз,
 И хочется яблок,
 И хочется яблок до слёз.

Осенние ветры
 Моей горделивой земли
 Несут ароматы
 Суровой и долгой зимы.
 Несут ароматы
 Лимонника и кедрача,
 Наверно, поэтому
 Так наши ветры горчат.
 Срывают листву,
 Обнажают коленки берёз,
 А хочется – яблок,
 А хочется яблок до слёз...

Благовещенск – Париж...

Возможно, ты вот-вот минувешь Арку,
 У башни Эйфеля немного постоишь.
 Я – в Благовещенске, в том самом старом парке,
 Где даже не приснится твой Париж.

Как здесь благоуханно после бури!
 Как с виду всё спокойно. А внутри...
 Печалится берёза на Амуре,
 Когда ты медленно бредёшь по Тюильри...

Сиренью пахнет белой. И лиловой.
 Вот ты ужеходишь к Нотр-Дам...
 Прикосновение рук, и губ, и слова –
 Не смыть дождям и не стереть годам.

Заросший парк нам был волшебным лесом,
 Где от любви хмелеют короли...
 О чем грустит берёза – неизвестно...
 О чем каштан мечтает в Тюильри...

На Ингоде

Мне бы – осень Забайкалья,
 Мне бы – синеву и ясь,
 Что тревожит и ласкает,
 В сердце полнится, струясь

Мне бы – этот невесомый
 Может, век, а может – день,

Где у слова смысл особый,
Где у звуков света – всклень.

Планомерно, осторожно
Жить потом уже нельзя...
Не влюбиться – невозможно,
Не смотреть в твои глаза.

Видишь – солнце у причала,
Раскачалось на волне...
Вот бы жизнь начать сначала
Прямо здесь – тебе и мне.

Под скалой, нагретой солнцем,
Можно выстроить шалаш,
Юность точно не вернётся,
Но зато весь берег – наш!

Наша эта ясь! И – просинь,
Это солнце на волне...
Забайкалье, речка, осень –
Поздний дар тебе и мне.

Из «Харбинской тетради»

Поэзия Ли Бо

...И касание шелка
В чарующих ритмах Ли Бо,
И звучание яшмовой флейты.

И цветение сливы,
Которой любитесь Бог, –
Откровенье о лете...

По движеньям змеи –
Тайный шепот песка
В наступающем сумраке ночи.

И плывут,
Словно в небе плывут облака,
Стихотворные строчки.

Осень в Харбине

Не настроишься гулять:
Ветер по Харбину.
Фонари и тополя,
Словно люди, стынут.

Но не лета сердцу жаль,
Нет, совсем не лета...

Это здесь – чужая даль,
Здесь – чужие ветры.

Здесь – листва у тополей
С проседью печальной –
Будто родиной моей
Горький след оставлен.

* * *

*Последнему русскому эмигранту Харбина
Николаю Николаевичу Заике*

Шары на койках...
«Флагман» на столе.
И песня «Потому что мы пилоты...»
Душевная компания в тепле
Пьет водку и болтает беззаботно.

И что с того?
Болтает и поет...
Да мало ли ...
Как раз все дело в этом:
В Харбине – русский дом,
И в нем живет
Печь в изразцах, иконы и портреты.

И человек – один,
Как островок.
Последний русский человек в Харбине.
И вечер, словно родины глоток,
И чай,
За песней брошенный,
Не стынет...

* * *

Поставим точку.
Это был Харбин.
Небесный свет
Над православным Храмом
Мне душу рвет. И нервы теребит,
Скользя в отель
По новомодным рамам.

Запутались понятия мои
О прошлом.
И о том, где ставить точку.
Там, возле Храма,
Больше нет своих.
И слёзы
Не помогут
Одиночке.

Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ

Родился в 1973 году в Горьком. Окончил исторический факультет Нижегородского госуниверситета им. Лобачевского. Работал охранником, дворником, поваром. PR-специалистом, маркетологом, райтером. В настоящее время – главный специалист аудио-видеолаборатории Волго-Вятского филиала Государственного музейно-выставочного центра «Росизо».

Автор книги стихов «Верхняя часть». Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

Я ВИДЕЛ СВЕТ...

* * *

Собаки бегают по раю
 Сперва одна, за ней вторая
 У них на холках едут кошки
 И лижут ушки.
 Потешно вскидывая ножки,
 Бегут по небу
 У бога – добренького деда –
 На побегушках.
 Я вижу их, вон, побежали,
 Игриво скачут
 По краю. Мне почти не жаль,
 И я не плачу.

* * *

Облетают как листья.
 В земле истлевают.
 Не предательский выстрел
 Бьёт, не ножевая
 Рана в праведной драке,
 А скука пустая
 Губит лучших. И злаки
 Сквозь них прорастают,
 И другие растения
 Тянутся к свету.
 Мне приходят их тени.
 Я слышу их где-то
 Вдалеке, в глубине.
 Их слова необычны:

«Ты был к нам безразличным.
 Ты утонешь в вине».
 Не пугают меня
 Эти речи тлетворны.
 Всё равно не разьять
 Крепко свитую нить.
 Я вину и вино
 Принимаю покорно –
 Через них мне одно
 Поминать-хоронить.

* * *

Заживает плохо. Саднит, кровит.
 И какого бога тут не зови,
 Никакому духу не врачевать
 Будет тебе пухом диван-кровать.
 Что так жжёт в груди там, жмёт в раменах?
 Простыней накрытый приходит страх.
 И стоит под нёбом до тошноты
 Из бессильной злобы и пустоты.
 Вроде тихо-мирно и воздух чист
 На столе квартирном белеет лист.
 Не читай, не надо, сожги его.
 И не пели складно и ничего.
 Не пиши, не надо, на нем слова
 Будет сердце ладно да голова.
 Ничего что нужно не сочинил,
 Хоть макаешь в душу взамен чернил
 Вглубь до полу вдоха, до полусна...
 Заживает плохо. Болит она.

* * *

У этого города много краев.
 Он не заканчивается нигде.
 Можешь бродить из района в район –
 Где-нибудь выйдешь к воде.
 Много воды. Берега пусты.
 Это края. Они тут везде.
 И от горы над водой мосты.
 И отражения их в воде.
 Все отражения и края –
 Символы места. Они просты.
 В городе этом, где ты и я,
 Может быть, встретимся. У воды.

Сонет № 6

Мы чужого доброго не хотим.
 Нам пусть зло поганое да своё,
 Но приходит Джон к тебе Константин,
 У него демоническое ружьё.

Он по обе стороны: трах-бабах!
Экзорцист и кадровый бесогон.
Одесную жах, ошуюю страх,
Пламень очистительный посолонь.

Ты ему: «А шпалер-то прибери,
Тут идёт совсем не твоя война,
У тебя ни лычек здесь, ни погон.

Да в тебе самом чернота внутри,
И в неё смотри – не увидишь дна».
Константин красиво идёт в огонь...

Сонет № 5

Я видел свет. Он снисходил с небес.
Он проникал живой, неугасимый
Сквозь прах героев вперемешку с глиной.
Он всё сиянием озарял окрест.

Я видел свет. Он проходил сквозь воду
Неторопливых двух великих рек.
Сквозь гул времён, сквозь тьму из века в век
Через скрижали летописных сводов.

Он тёк с глубин очей пресветлых ликом:
Я видел отраженья ясных бликов
Сквозь муть и стоны жутких грозных лет,

Сквозь ярость поражений и побед,
Сквозь вой победных и предсмертных криков.
Я видел свет.

Рустам МАВЛИХАНОВ

Родился в 1978 году в Салавате, Башкортостан. Учился в Башкирском госуниверситете. Работал в заповеднике, сюрвейером в инспекционной конторе, инструктором по туризму в экотуризме.

Публиковался в журналах и альманахах «Журнал поэтов», «Нижний Новгород», «Бельские просторы», «Балтика», «Сура», «Воскресенье», «Изысканная словесность», «ЛиФФт», еженедельнике «Истоки».

Живет в Салавате.

БЫТЬ ТАТАРИНОМ

Приветствую вас, уважаемые потомки! Вы, наверное, уже Сахару озеленили? Смеюсь. Знаю: нет. Откуда во мне эта уверенность? – я расскажу.

Пару месяцев назад я гулял по ночному Кракову. От костёла на Скалке, мимо реконструируемых Королевских огородов Боны Сфорца¹, к тихой Рудае, превращающейся, увы, в сточную канаву. Хотел дойти до кургана Костюшко², но, знаете, старость внесла коррективы в желания. Далёкий хейнал – горн трубача, поясну вам, если этот обычай забылся, – застал меня на Дембницком мосту. Рыбаки чалили лодки, доставали свежий улов. К ним тут же устремлялись пышнотелые дамы – видимо, наступающий шаббат всем внезапно захотелось встретить с гефилте фиш. Кстати, какой вы предпочитаете? Со сладким фаршем, по-галицийски, или с обильно перчёным, как готовят литваки? Вот я люблю и тот и этот – зависит от настроения и от того, сколько было выпито накануне: зубровочки ли, кофе ли.

Да, о чём я?.. Так вот, глядел я на Вислу, на лодочников, на крестьянок, несущих в город зелень, на телегу старьёвщика и, как уже говорил, услышал гимн утру. Поднял глаза, и в тот миг солнце отбросило причудливую тень на замок. Как будто тень от пожара, от горящего города. Даже показалось на мгновение, что то ожил цмок, наш дракон.

¹ *Королевские огороды (Ogrody Królewskie)* – цветник, разбитый Боной Сфорца, «королём» (по закону престол мог занимать только мужчина, поэтому королевы в случае принятия реальной власти именовались в мужском роде) Польши в 1531–1556 гг.

² Курган Тадеуша Костюшко насыпан в 1920-х гг.

Невольно стал вспоминать, сколько раз полыхал мой город. Даром что построен из камня, но выгорало порой и по три-четыре костёла с прилегающими улицами, а в правление Зигмунта Старого¹, супруга нашего действительного короля Боны Сфорца д'Арагона, горел и Вавель². Но, несомненно, самый страшный пожар принесли татары весной одна тысяча двести сорок первого года. Пожалуй, ныне нам должно давать некоторое утешение то, что новейшие средства массового убийства – газы – сэберегут наше культурное достояние.

Но татары... Они побывали всюду, как сейчас везде – нефть и молитвы об отвращении войны³. Даже это внезапное окончание хейнала приписали татарской стреле, пронзившей горло горниста (хотя, должен заметить, эту быличку на ходу придумала пани Анеля Прушинская⁴ всего несколько лет тому назад). Но больше озадачивает: а не принесли ли нам легенду о цмоке на острие татарского копья? Как корреспондировал Борис Борисович С., мой добрый друг из России, он часто слышал аналогичные сказки в татарском Поволжье: начиная от казанского Зиланта, похожего на иранского Симурга⁵ (хотя и не в суфийском смысле⁶), затем – в устьях каких-то рек (Б.Б. называл Зай, Шешму, Мензелю) и дальше, вверх по Каме и Белой. Все они звучат одинаково: «В горе, в устье такой-то реки, завёлся аждаха. Люди собрались, обложили пещеру хворостом и подожгли. Дракон с рёвом вырвался из неё и улетел на восток (судя по всему, к следующему устью)».

Размышляя об этом, я не заметил, как дошёл до Плантов⁷ и присел на скамейку у базилики Святой Троицы. Он появился, как всегда, неожиданно. Секунду назад, уверен, никого рядом со мной не было, и вдруг... Я атеист, но когда он приходит на встречу, мне всегда не по себе.

– А что, по-вашему, быть татаринoм? – спросил он. В потёртом лапсердаке, без шляпы – солнце, просвечивая сквозь листья каштанов, придавало его лицу *зеленоватый оттенок*. – Не торопитесь отвечать: бёдра бредущего ещё не в доме Величия. А масло чёрного тмина излечит от всего. Абсолютно.

Я лихорадочно рассуждал, негодую на эти вечные загадки – неизменные спутники моего визави. Дом Величия, учитывая его еврейский костюм сегодня, скорее всего – сфира Ход⁸. Кого он имеет в виду под путником? Адама Кадмона, раз речь о бёдрах? И почему в таком случае чёрный тмин, столь популярный в мусульманской медицине?

Тем временем он протянул мне письмо. Не из России ли, первым делом подумал я: почта оттуда ходит с переборами, и от моего приятеля

¹ *Зигмунт Старый* – Сигизмунд Ягеллон, король Польши в 1506–1548 гг.

² *Вавель* – замок Кракова, под которым, по легенде, жил дракон.

³ *Они побывали всюду, как сейчас везде – нефть и молитвы об отвращении войны* – отсылка к рекламе «Салаватнефтеоргсинтеза», где «салават» – «молитвы» (араб.).

⁴ *Анеля Прушинская (Aniela Pruszyńska)* – подруга Эрика Келли, американского детского писателя, преподавателя Ягеллонского университета (Краков).

⁵ *Симург (тат. Семруг, баш. Самрау)* – божественная птица, охраняющая Древо, покровительница рода Сама-Заля-Рустама, героев «Шах-наме»; обладает чертами Феникса.

⁶ *...хотя и не в суфийском смысле* – здесь профессор намекает на «Диван птиц» суфийского поэта Атгара (1119 или 1145 г. р.).

⁷ *Планты* – парк в Кракове.

⁸ *Ход* – восьмая эманация на Древе Жизни, одна из лежащих в основе сущего.

давно нет вестей, хотя он планировал приехать с невестой. «Но нет, – была вторая мысль, – ОН обычных писем не приносит». Потом я разглядел тяжёлую сургучную печать с не предвещающей ничего хорошего анаграммой.

– От них? – спросил я.

Конечно, ответа можно было не ждать:

– Вы подумайте, знахарь. И услышите песню, которая – потом – наведёт на верную дорогу.

Человек встал и, напевая что-то вроде «залэр-дурен-хонгор-урэ»¹, скрылся в дверях костёла.

(Право слово, мне хотелось выругаться, помянув и матку босху... вшистка едно (это публиковать не нужно; по крайней мере, до моей кончины). Но я предпочёл заглянуть в кафе к Новорольскому (помните фрашку² Яна Штудингера об этой благочестивой даме³?), пропустить стаканчик дептухи⁴. Само собой, для подобной цели в столь ранний час более годилась бы Яма Михалика на Флорианской⁵, но в последние годы она превратилась в совсем злачное место: какие-то индийские палатки, молодые люди, невесть чем занимающиеся в них... В общем, позавтракать там не удалось бы – если только черниной⁶ из требухи. А вот в «Новороле» отменно готовят – по заветам пани Вероники! С удовольствием закусил хлодником на телячьем бульоне со свекольным квасом и раками, татарским бифштеком (тьфу, и тут они!) с колдунами⁷ на луковом соке, начинёнными творогом, а к чаю взял мазурека⁸. Обязался прийти отобедать: шеф-повар обещал потушить хрюшатину в пиве и приготовить квасницу по-подгальски.)

Я взял письмо, отправился домой и со всей тщательностью изучил его. Оно было написано на сложенном втрое листе великолепно отбеленной плотной бумаги. Почерк я узнал сразу: убористый, довольно небрежный, но без помарок. По начертанию букв и запаху чернил чувствовалось, что писалось оно не перьевой, а какой-то другой ручкой. А главное – изобиловало словами (не считая написанных по-польски с ошибками), о смысле которых мне приходилось лишь догадываться, как то: Kot Schrödingera, transhumanizm, Wielki Wybuch, horyzont zdarzeń, teoria strun, multiwszechświat, а ещё Zimna wojna, wzajemne zagwarantowane zniszczenie, Часы Судного дня и прочая, и прочая. Всё это легко могло довести до головной боли, если бы не сытный перекус.

Когда-то первое подобное послание я счёл чьей-то неуместной шуткой. При втором задумался: рискованно шутить, ставя на сургуч печать с буквами *J.I.* После третьего убедился: как бы невероятно оно ни звучало, описанное может оказаться правдой.

¹ «залэр-дурен-хонгор-урэ» – «в поле, полном лошадей, дорогой ребёнок» (монг.); из песни о геноциде цинским правительством джунгар в 1757 г.

² Фрашка – «пустяк», шуточная эпиграмма, стихотворный жанр польской литературы, сложившийся под влиянием королевы Боны Сфорца.

³ Ян Штаудингер писал об этой благочестивой даме... – Штаудингер (1904–1970) – польский поэт; «дама»: kawiarnia (кафе) – слово женского рода.

⁴ Дептуха – фруктовая наливка на козьем молоке.

⁵ Флорианская – в наше время одна из самых дорогих улиц Польши.

⁶ Чернина – чёрная поливка, суп на свиной или птичьей крови из субпродуктов (птичьих потрохов, обрезков и костей) с натертой в него булкой; широко распространённое европейское блюдо.

⁷ Колдуны – пельмени.

⁸ Мазурек – торт.

(Не для печати. Дело в том, что мой таинственный доброжелатель предупредил: когда вскрыется адюльтер моей дражайшей Беаты, следует держать себя в руках, иначе могу попасть в пренеприятнейшую историю, к примеру – потерять память. Признаться, я не верил до последнего, пока супруга не заявила, что уходит к тому прохвосту и намерена забрать с собой Марысю. Благо сделанные приготовления спасли мою честь.)

Так завязалась наша странная переписка: я пишу статьи, публикую их в заметных журналах, а если редакторы отклоняют по политическим или иным мотивам – отправляю в Лондон до востребования. А мой друг из иного будущего каким-то непостижимым способом передаёт мне письма через эту странную организацию, о которой ходят всевозможные... слухи.

И вы будете смеяться, но он оказался татаринoм! Откуда-то из России, кажется, из Сибири.

Порой в нашем общении происходят неожиданные казусы. Так, лет пять назад я получил восторженный отклик на мою книгу «Закат империй в зеркалах культуры» – книгу, которую и не планировал писать. Это побудило меня оставить хирургию тел и заняться хирургией душ. И знаете, я обрёл своё призвание!

Первое время мой друг опасался говорить что-либо о будущем. Он описывал лишь теории, известные очень узкому кругу людей, а за разъяснениями советовал обратиться то к некоему Вольфгангу Паули, то к самому Нильсу Бору. Однако, когда выяснилось, что некоторые лица мертвы, а другие – как пара русских поэтов – ещё живы, его самоограничение как отрезало: мы «оказались в “распараллеленных мирах”, где, подобно квантовому Чеширскому коту, свойства отделены от объекта».

Что сие означает? Боюсь, они, «потомки», и сами не знают. Единственное, мне удалось понять, что если время течёт как река – из будущего в прошлое, – то мы и они находимся в разных её рукавах, разделённых островом. Но факт того, что он читает мои статьи, говорит не только о том, что протоки где-то сходятся, но и о том, что время упруго, и в отдалённой перспективе не важно, выживет ли Польша в грядущей мировой войне.

Да-да, грядущей. Об этом я могу сообщить вам смело. Впрочем, вы и сами давно догадываетесь, что в 1918 году было заключено лишь перемирие – покуда не подрастёт новое пушечное мясо.

Вам, конечно, интересно, какое будущее у них? Скажу одно: оно ужасно. Анализируя письма неродившегося человека, я пришёл к выводу: рабство там приобрело такие утончённые формы, что стало неотличимо от свободы, а правда – от лжи.

Однако мы обязаны попытаться изменить то, что кажется неизбежным. Не только ради себя – в их истории мы уже без пяти минут мертвецы, – но и ради честного имени своего города. Разве у нас есть выбор, когда всего через несколько лет окрестности Кракова станут «полюсом лютоности XX века», где истребление людей будет организовано по всем правилам машинерии и индустрии?

«А для этого, видимо, предстоит взять уроки татарской жестокости. Нет, я не о пановнем сарматизме, когда высший класс возводил родовые словные к гордому степному народу, отделяя себя от славян. Я о татаризме, как он видится нам: хищном, беспощадном, хитром, зверином, таком, для которого каждый человек способен сжать волю в кулак, переступить свои слабости, свою жалость – и исполнить высший долг. Не мир принести, но меч.

А как иначе? Когда Польша осталась единственным островом разума, добропорядочности, настоящего католицизма, уважения к семье и традициям, окружённой со всех сторон хищниками с безумными идеологиями (и даже Англия нам не поможет – продаст так скоро, как то велит их вера в наживу), наш долг – объединиться вокруг нашего маршала, начальника государства Польского Юзефа Пилсудского и возродить Речь Посполитую от моря до моря. Так же, как татары и монголы когда-то объединились вокруг Чингис-хана и дошли до Последнего моря!» – так записал я спустя несколько дней размышлений.

Хм, а неплохая вышла заметка! Вполне годится для «Курьера Варшавского»¹!

О, наивный взгляд европейца на Азию! Нам ли охватить разумом шесть тысяч лет их истории, стиравшей не только города и цивилизации – саму память о народах и империях! Только я собрался отпраздновать удачно – на мой взгляд – найденный ответ (а поверьте, проигнорировать ЕГО вопрос страшнее, чем оказаться в руках политической дефензивы²) у пана Новорольского (помните хрюшатику в пиве? настоятельно рекомендую!), как почтальон (на этот раз обычный) принёс письмо.

Писала княгиня Марта Бибеску³. Замечательная женщина с интересным, если так можно выразиться, чувством юмора, светская львица, родившаяся с серебряной ложкой во рту, в меру аристократичная, в меру демократка... Очередной роман привёл её на родину, посетить которую она приглашала и меня, известного ей в качестве медиевиста. Откуда? Бог весть. Могу лишь предположить, что через Бориса Борисовича, в 1917 году лежавшего в госпитале в Кишинёве, где служила сестрой милосердия королева Мария Александра⁴. А может, не обошлось без влияния одной организации: наскоро наведя справки, я выяснил, что в Румынии (как, впрочем, по всей Восточной Европе) тихая смута: принц Кароль⁵, недовольный заграничной жизнью с Магдой Лупеску⁶, дочерью аптекаря-еврея, готовит переворот против матери и малолетнего сына Михая⁷, а «Легион Архангела Михаила» требует

¹ «Курьер Варшавский» (*Kurjer Warszawski*) – ежедневная газета, выходившая в Варшаве с 1821 по 1939 г. тиражом до 50 тысяч.

² *Политическая дефензива* – инспекторат политической обороны (*defensywy*) Главной команды Государственной полиции, орган политического сыска в межвоенной Польше.

³ *Марта Бибеску (Марта Лючия Лаховари)*, княжна *Маврокордат* (1886–1973) – франко-румынский писатель и отчасти политик. В 2001 г. названа величайшей румынкой тысячелетия.

⁴ *Мария Александра Эдинбургская* (1875–1938) – последняя королева Румынии (1922–1930).

⁵ *Кароль II Гогенцоллерн-Зигмаринген* (1893–1953) – король Румынии в 1930–1940 гг. Правление характеризовалось расцветом коррупции и усилением фашистского движения («Легион Архангела Михаила» и «Железная гвардия»). В 1938 г. установил личную диктатуру с ориентацией на Англию. Либерализовал политику в отношении нацменьшинств, ужесточил антисемитскую политику. Свергнут Антонеску, умер в Португалии.

⁶ *Магда Лупеску* (1899–1977) – партнёрша Кароля II, оказывала значительное влияние на его политику, особенно в части манипуляции обществом; подруга Марты Бибеску. В 1947 г. официально вышла замуж за бывшего короля, став королевой Еленой.

⁷ *Михай* (1921–2017) – король Румынии в 1927–1930 и 1940–1947 гг. Т. н. «король-комсомолец», кавалер ордена «Победа» за переворот 23 августа 1944 г., выведший Румынию из гитлеровского блока.

очистить народ от греха железом и самопожертвованием. Но при чём тут я?

Отказаться от столь лестного и заманчивого приглашения я не мог и поездом через Словакию и Венгрию выехал в карпатское королевство. Вагон, замечу, был в высшей степени комфортабельным – княгиня позаботилась о моём уюте в дороге. Обед следующего после отправления дня застал меня где-то на просторах мадьярской Пушты¹, и в знак уважения к стране я заказал стаканчик биттера «Уникум» (для аппетита), халасле – любимый суп Иштвана Святого² из рыбы с паприкой и томатами, горячий лечо со свиными колбасками, а на десерт – варгабелеш (это такая творожная запеканка) и – о, боги! – блинчики по-гунделевски: тончайшие, как весенний воздух на берегах Тиссы, с пюре из грецких орехов и в шоколадной подливе с ромом.

Только ради этого стоило отправляться в путь!

Прибыв на Северный вокзал, я решил прогуляться по городу. Время позволяло. Специально приготовил блокнот и карандаш, чтобы записывать впечатления (как говорил один депутат, лучше положиться на плохой карандаш, чем на хорошую память). Расположился в отеле на шоссе Киселёва, где наскоро перекусил гуляшом, и нанял извозчика. Осмотрел Атенеум, послушал орган в кафедрале Святого Иосифа, хор в церкви ортодоксов, птиц в парке Чишмиджиу. Что сказать?.. Несколько опережая, скажу, что, посетив королевский курорт в Синае и погостив у княгини во дворце Могошоая – то ли византийском, то ли турецком, – я рассудил, что Румыния – страна эклектичная. Она до сих пор не может выбрать между Западом и Востоком, как и госпожа Бибеску не то порвала с православием, не то так и не стала католичкой. А Бухарест действительно можно назвать маленьким Парижем – в кольце окружной дороги, с речкой, отдалённо напоминающей Сену, с множеством зданий, подражающих французскому Ренессансу, – если бы он не был одновременно похож своей неухоженностью на маленькую Москву.

Вечером за мной прислали авто, которое с примечательною быстротою доставило меня в Могошоаю: князь Георгий³ увлекается гоночными машинами и самолётами. Я аккурат поспел к ужину, который не стану описывать по причине его «скромности». На нём присутствовал друг княгини аббат Мюнье, в своё время совративший её в римское вероисповедание. Разговор с обсуждения чудесных свойств карпатского воздуха перешёл к воздухоплаванию (на обратном пути из Индии верный товарищ Марты С.В.Т.⁴ обещал навестить её на колоссальном дирижабле, а заодно привезти с собой некоего талантливого философа по имени Мирче Элиаде⁵ – пани Бибеску имела на него планы), затем

¹ *Пушта* – венгерская степь.

² *Иштван Святой Арпад* – король Венгрии в 995–1038 гг., крестивший мадьяр.

³ *Георгий Валентин Бибеску (1880–1941)* – первый румынский авиатор.

⁴ *С.В.Т.* – Кристофер Бердвуд Томсон (1875–1930) – британский дипломат, социалист, госсекретарь по воздуху. Погиб 5 октября описываемого года при крушении дирижабля R101 (крупнейшего в мире на тот момент), положившего конец британской программе воздухоплавания. Верный любовник Марты Бибеску с 1915 г. до смерти.

⁵ *Мирча Элиаде (1907–1986)* – великий румынский религиовед, философ и исследователь мифов. В описываемый год изучал санскрит и йогу у Свами Шивананды.

на религию и, наконец, на дела насущные: пресытившись литературной славой, Марта Бибеску стала увлекаться политикой.

– Право же, политика начинается с постели, – заметила она. – С вопроса, как укрыться одеялом так, чтобы дорогой друг, замерзая, не перетянул всё одеяло на себя! Кроме того, и в большом мире она порядочно щекочет нервы! Политика – это настоящий спорт!

Как я её понимал! Спорт, где ставки... Знаете, как обычный благодушный вельможа с гладкой шерстью превращается в дикобраза, рычащего, смертельно опасного вепря, стоит только коснуться политической стороны его бытия? И начинается коррида!

Хозяйка замка с воодушевлением рассказывала о новых веяниях в румынском народе. Когда-то она написала поучительную книгу «История, земля ив», повествующую об этих диких и добродушных людях, исповедующих суеверия, надежду и смирение. Чего стоит одна лишь поговорка: «Целуй руку, которую не можешь укусить»! А сейчас народ решил показать зубы. Всё большую популярность набирали идеи лаконичного и тем загадочного Кодряну. Совсем недавно в Брашове полиция убила трёх студентов из его «эскадрона смерти»¹ – их опознали по запрещённым песням. С другой стороны, сочувствовать им тоже не приходится: сложно сопереживать людям, соратники которых расстреляли какого-то политика, изрубили тело на куски и вдобавок танцевали аркан² вокруг останков – посвящали неофитов в Легион.

– Однако есть что-то вдохновляющее в том, чтобы собственной смертью – почему они и зовутся эскадронами смерти – смыть грехи народа, искупить Румынию перед Богом, – заключила княгиня.

Я нашёл её мысли достойными внимания.

Аббат поморщился. Возразил:

– Зло не способно к творению, ибо не самосущностно. Оно способно только к извращению. Искупить страну смертью, уподобившись Христу, будет означать тотальное извращение Его жертвы. И окончательную победу зла в людях. Очевидно, что монархия из страха перед большевизмом готова на любые сделки, но понимает ли она, что будет принесена в жертву следующей?

И его мысли были достойны внимания. Они оба были правы, на мой взгляд. Любой выбор нёс свои опасности. И сейчас княгиня снова пыталась сделать выбор, к которому прислушается регентский совет, – не зря же Луи Барту³ назвал дворец Могошоая «второй Лигой наций».

– А вы что скажете, профессор? – обратилась она ко мне.

Я задумался. При других обстоятельствах я бы предпочёл мирное безбедное существование. Но мир уверенно катится под гору, как утомлённое нами солнце скрывается в водах океана, только бы отдохнуть от наших бесчинств.

¹ *Эскадрон смерти* – не путать с латиноамериканскими эскадронами смерти: если последние являются орудием ультраправого террора, то румынские эскадроны смерти исповедовали культ личной смерти.

² *Аркан* – гуцульский и западно молдавский мужской танец-инициация. Описано убийство Михая Стелеску (1907–1936), основателя конкурирующей ультраправой организации *Cruciada Românilorului*, в реальности произошедшее 16 июля 1936 г.

³ *Жан-Луи Барту (1862–1934)* – французский дипломат, инициатор системы коллективной безопасности. Убит в Марселе с Александром, королём Югославии, болгарскими националистами и хорватскими уставами при поддержке Муссолини.

– Прошу простить, – собравшись с мыслями, я прочистил горло. – Мне плохо известна ситуация в вашей стране, но между двух зол, вероятно, следует выбирать меньшее. Между Бонапартом и Робеспьером я бы выбрал Бонапарта. Последнему нужна была лишь покорность общества его воле, а Робеспьер – человек глубоко гражданский, к тому же сентиментальный. Мирных людей я опасуюсь намного более, чем военной диктатуры: мне привелось быть свидетелем погромов, которые устраивали обыватели. Самые обычные люди. Как я. И к тому же... Хорошо, допустим, их цель достигнута: народ отмыли кровью. Что дальше?

Княгиня закурила.

– В детстве Баба Уца, моя няня, рассказывала много сказок. Об острове блаженных рахманов – я им долго отправляла послания, бросая в реку скорлупу пасхальных яиц. Верила, что они через три-четыре недели достигнут их берегов – тех, кто после конца света займут наше место на земле, – и тогда, может быть, они вспомнят обо мне. О Негру Водэ¹ и мастере Маноле²... Румыны – неприкаемый народ. У нас были обычные, человеческие витязи. Фэт-Фрумос совершал подвиги, спасал Иляну Косынзяну³, нашу Артемиду, чтобы после – жить сыто и долго. Простая мечта, простой идеал. Так что же стало с нашими юношами, если им теперь недостаточно просто жить, если нам теперь нужна смерть за великую идею?

На этом беседа окончательно повернула в сферу философии, и причину своего визита я узнал лишь на следующий день. Мы отправились в путь на «Серебряном призраке»⁴ – авто, чей мотор стрекочет не громче швейной машинки, хотя под капотом – табун в пятьдесят лошадей. Пролетели на скорости курьерского поезда Синаю, облюбованное дедом правящего короля⁵ местечко, напоминавшее ему Швабию. Забавно: аббат убедительно просил не останавливаться там – не искушать его грехом похода в казино⁶. Тогда я и подумал: «Может, тех юношей гонит на смерть голод? Ведь если рассудить, то единственное, что делает каждый человек – да что там, каждое живое существо! – ест. Или боится остаться голодным, боится, что кто-то отнимет пищу его». Я хотел было поделиться своей догадкой со спутниками, но тут автомобиль свернул к постоялому двору в Буштени: пани Бибеску рекомендовала отобедать именно тут.

Мы уже находились в теснинах Карпат, у ворот Трансильвании, страны стригоев⁷, упырей, ославленной Брэмом Стокером. Напротив шинка возвышался замок в непонятном, напоминающем что-то английское стиле. Я поинтересовался его историей.

¹ *Негру Водэ* («Чёрный воевода») – легендарный основатель Валахии. Ок. 1290 г. спустился с Карпат на равнину, оставленную татарами Ногай.

² *Мастер Маноле* – герой легенды, принесший в жертву жену для возведения собора в Арджеше. Судя по времени строительства собора, в образе мастера нашёл отражение османский зодчий Ходжа Синан (1488–1588), построивший более 300 зданий, мостов и т. д.

³ *Иляна Косынзяна* – Sânziana (от лат. Sancta Diana) – св. Диана, получившаяся из римской богини Дианы.

⁴ «Серебряный призрак» – Rolls-Royce 40/50HP Silver Ghost.

⁵ «Дед правящего короля» – Кароль I Гогенцоллерн, доминатор Валахии и Молдовы и первый король Румынии (1866–1914). Рафал Вильчур ошибся: Михай приходится Каролю внучатым племянником.

⁶ *Казино* – казино «Синая», построенное как копия казино в Монте-Карло в 1912 г.

⁷ *Стригой* – упырь.

– Это дом Кантакузинов, – ответила княгиня. – Старинного рода, считающего себя потомками византийских василевсов. Хотя, и это не тайна, его основателем был грек, дослужившийся до высоких должностей у султана Порты. Он мог даже патриархов переставлять, как шашки. Турки прозвали его Шайтан-оглу¹, сын Шайтана – за щедрость, верно. И отправили к его наречённому отцу. Сына Шайтан-оглу² – получается, внука чёрта – тоже казнили. Но кровь есть кровь: и Георге Григоре³, строитель этого «чуда», славился богатством и скупостью. Настоящий набоб. Или морой⁴, если угодно. Его сместили, когда голодные крестьяне пошли громить евреев-арендаторов.

Марта была саркастична – и тем прекрасна. Даже когда подали на стол и аббат прочёл молитву, она не преминула вставить:

– А право на кусок хлеба – это естественное право человека? Или за него следует платить потом лица своего?

(Что и говорить, я с удовольствием отведал местной кухни! В жаркую погоду в качестве своего рода аперитива оказалась превосходной чорба с телятиной и грибами на квасу, следом поел яхнию⁵, напоминающую турецкий жареный суп, закусил говяжьими мититеями⁶ – горячими, прямо с гратара, а на десерт, под сокатэ⁷, насладился папанашами – такими пончиками с шелковичным вареньем и сметаной. Воистину, после такого обеда даже окружающие горы стали светлее и гостеприимнее!)

После трапезы княгиня вручила мне манускрипт. Пожелтевший, в каплях воска.

– Известная вам организация действительно, – подчеркнула она, – просила передать этот документ вам, профессор. Не знаю, какое вы имеете к ним отношение, но их просьбы равносильны... Я лучше взгляну в мутные глаза этого Морозова⁸, чем откажу им. Его нашли в православном монастыре в Марамуреше⁹. Среди легенд, которые расска-

¹ *Шайтан-оглу* – Михаил Кантакузин (1515–1578), основатель рода; сосредоточил в своих руках управление всеми греками Османской империи, смещал и назначал митрополитов и патриархов, получил монополию на меховую торговлю с Москвой и т. д.; повешен, имущество конфисковано и распродано с аукциона; выражение «у Кантакузина на распродаже» стало османской поговоркой.

² *Сын Шайтана-оглу* – Андроник Михал-оглу Дервиш (1553–1601), пытался восстановить влияние отца, но мог лишь смещать и назначать дунайских господарей. В 1593 г. поставил на трон Михая Храброго. Похищен в Джурджу и казнён в Молдове – предположительно, по решению валиде-султан Сафие-султан её протеже Юсуф-пашой (см. «Зажигая зелёную лампу»).

³ *Георге Григоре Кантакузино* (1832 – март 1913) – крупнейший румынский магнат, премьер 1904–1907 гг. Смещён после кровавого отражения атаки восставших крестьян на Бухарест.

⁴ *Морой* – живой упырь (в отличие от *стригоя* – упыря-покойника).

⁵ *Яхния и турецкий жареный суп* – мясо и овощи, уложенные слоями в казан и потушенные (сваренные) на медленном огне.

⁶ *Мититеи* – разновидность кебаба; гратар – решётка.

⁷ *Сокатэ* – напиток из бузины.

⁸ *Михаил Морозов* (1887–1940) – «румынский Канарис». Потомок запорожских казаков. Основал и в 1925–1940 гг. возглавлял тайную полицию «Сигуранца», активно преследовал железногвардейцев. Монархист. Запутавшись в интригах иностранных разведок и политиков Румынии, был арестован и убит железногвардейцами по приказу Антонеску в ходе резни в тюрьмах в период национал-легионерского режима (сентябрь 1940 – январь 1941).

⁹ *Марамуреш* – область на севере Трансильвании и в Закарпатье; от праслав. «мёртвое море».

зывала мне Баба Уца, была сказка о Сфынту Гюрге. В нём было что-то от Фэт-Фрумoса, победителя балаура, и от святого Георгия тоже. Взгляните на инициал.

Я присмотрелся. В заглавной букве было нарисовано двуногое крылатое существо.

– Это же Зилант! Зверь казанский, – прокомментировал я.

– Верю вам на слово. В той легенде некий богатырь, – продолжила пани, – приехал из степи и победил боллу – почему-то няня называла дракона по-албански, хотя нарисован как раз балаур. Болла спит весь год, но просыпается в Юрьев день и начинает... изучать мир. Пока не найдёт в нём человека. Совсем как Диоген, – ввернула она шутку. – Тогда он пожирает его и засыпает до следующего года, чтобы на двенадцатый год превратиться в Кучедру – огнедышащего дракона, что вызывает засухи и живёт человеческими жертвами, которыми засуху пытаются унять. Так вот Сфынту Гюрге взял в жёны дракона, когда тот превратился в женщину, и как-то приручил его. Вам это ничего не напоминает?

– Минутку... Заххак... Даххак, – стал вспоминать я. – Да! Аждаха! Это такой крылатый змей у степняков, который через тысячу лет превращается в Юхá – красивую девушку-оборотня. Только тюрки, татары в частности, стараются убить её в течение сорока дней после свадьбы – иначе она выпьет кровь и душу. Где-нибудь в безводном месте. Подождите! – осенило меня. – Татары! Он и к вам приходил?!

– Он? – вскинула бровь Марта. – Ах! Вы о нём! Дело в другом, – уклонилась она от ответа. – Прочтите маргиналию¹.

«Песнь брата Георга, записанная братом Манфредом в 1273 году от Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Да хранит вас обоих Бог, братья!» – было написано рукой неизвестного схолиаста, отличной от почерка «брата Манфреда».

Я развёл руки: мне это ни о чём не говорило.

– Манфред фон Тодтнау. Рыцарь из Шварцвальда², – наклонившись ко мне (с блеском в глазах!) и понизив голос, сказала княгиня. – В 1244 году он штурмовал Монсегюр³. Что-то с ним случилось, и он уехал на восток. В Венгрию. Защищать ципзерских немцев⁴ от татар. Он – сооснователь братства, которое разрослось в эту... организацию. В *ЛЛ*.

– Сооснователь? А второй?

Она еле заметно кивнула на манускрипт.

– Расскажите о нём, – попросил я.

– О Гюрге?

– Да. Что ещё было в легенде?

– Он появился ещё до Чёрного воеводы⁵. Странствовал на вороном коне с белым в поводу. Приезжал в деревню и ехал верхом на кладбище, переступая могилы. Так искал стригоев: если какую могилу конь отказывался переступить – значит, в ней упырь. Потом женился

¹ *Маргиналии* – пояснения на полях рукописи; схолиаст – человек, оставивший схолию, пояснение. Например: автор данных комментариев является схолиастом, оставляющим маргиналии к тексту профессора Вильчурá.

² *Шварцвальд* – «Чёрный лес» в Швабии.

³ *Монсегюр* – последняя крепость еретиков-альбигойцев.

⁴ *Ципзерские немцы* – немцы, переселившиеся в Марамуреш на земли, опустевшие после Великого Западного похода Батья в 1241–1242 гг.

⁵ *Чёрный воевода* – см. Негру Водэ.

на красавице. Когда крестьяне опознали в ней демоницу – по гибкому телу и любви расчѣсываться у воды, – обложили избу своих защитников поленьями и подожгли. Тогда Кучедра превратилась в дракона и унесла мужа на восход. В двух словах так.

– Хорошо... И что я должен с ним делать? – взглянул я на документ.

– Что – не знаю, но что должны – несомненно, – улыбнулась Марта. – Возможно, дело в вашей статье о моей прапра-, много раз пра-бабушке, в честь которой я получила второе имя – Лючия. Вы наверняка осведомлены, что я происхожу из дома Маврокордато, но не о том, что наш великий предок Александр¹ был сыном Локсандры Скарлату², дочери Люции, – удивила меня княгиня. – И в той статье вы сделали вывод, помните: «чем позже начато движение в будущее, тем большей крови оно потребует»? Да, вы как будто угадываете веяния времени, всеобщее желание крови, потаённую ненависть... Но может, вам предложат пересмотреть свои взгляды? Может, вы – та соломинка, которая способна склонить весы истории к войне или к миру?

Дальнейшая дорога для меня была как в тумане – таком же, какой окутывал эти горы и леса после дождя. Мы мчались серебряной пулей через городки и перевалы, по ночам мне чудился всадник на белом коне в сопровождении то ли чёрной лошади, то ли летучей мыши – должно быть, выльвы³, как называют подобных духов здесь; не ко времени вспоминался Влад Дракула (к счастью, княгиня сказала, что стригои опасны только от Дня святой Люсии до Рождества). В Марамуреше я даже посетил православный храм, деревянный: на всякий случай. Даже подумал, какое счастье – верить простой верой и каждый день лицезреть такую красивую службу (однако отстоять её полностью я не смог).

Мы вели какие-то беседы, содержание которых помнится смутно – мной словно манипулировали, втягивая в интриги стратегического характера. Может, г-жа Бибеску играет видную роль в ордене и хочет каким-то образом укрепить своё положение в организации? Вполне вероятно, учитывая её связи – от аристократии до социалистов и от писателей до диктаторов⁴.

Как бы то ни было, никоим образом повлиять на события я был не в состоянии, а потому принял за работу. В конце концов, если не знаешь, что делать – делай, что знаешь.

К Хусту, городку в русинском Подкарпатье, черновик был готов. Княгиня внесла в него кое-какие исправления и в целом одобрила.

– Не думайте обо мне скверно, – предупредила она. – Мы, аристократия, вымираем. Наш последний блеск превратился в грязь в полях Великой бойни. Сейчас мы – блик от разбитого стекла на нейтральной

¹ Александр Маврокордато (1636–1709) – великий драгоман Дивана империи, возглавлял османский МИД в период Великой турецкой войны (1683–1699), а также занимал пост великого логофета (посредника) между правительством Блистательной Порты и патриархом; сделал многое для улучшения положения христиан.

² Локсандра Скарлату (1605–1684) – интеллектуалка, основательница первого греческого литературного салона в Османской империи.

³ Выльвы – румынские духи женского пола, защищающие родники, копи, бедняков, руины крепостей, дни недели и т. д.

⁴ ...от аристократии до социалистов и от писателей до диктаторов – среди поклонников и друзей Марты Бибеску были М. Горький, Р. М. Рильке, испанский король Альфонсо XIII, Муссолини, Жан Кокто, чета Рузвельт, Экзюпери, Черчилль и многие другие.

полосе между мировыми войнами. А после следующей – сольемся до неразличимости с набобами и нуворишами. С новой «аристократией» из парвеню¹. Потому мы заигрываем с огнём: кокаинисты, авиаторы, идеологи. Недаром мой муж любит скорость больше, чем своих содержанок. Приходит другое время – время людей, способных держать молот и винтовку. А вы, Вильчур, вы взяли бы в руки винтовку?

Я мог бы ответить «да». Каким бы сибаритом и гурманом я ни казался, мои руки помнят не только скальпель. Но искренняя надежда, что делать этого не придётся, сомкнула мои уста.

Вечером она уехала на поезде в Будапешт, подарив на прощание перстень с рубином, инкрустированным крестом из белого золота («Он откроет вам многие двери»), и оставив машину с водителем, которая должна была доставить меня домой. *Автомобиль казался серым, водитель – манекеном, а сноп лучей из фар – чёрным.* Должно быть, от дорожной пыли.

Дом, милый дом! Здесь, под тихий стук настенных часов, я оформил окончательно статью, разыскав в венгерских и семиградских² хрониках сведения о сооснователях, которую, с вашего позволения, процитирую с сокращениями:

КОНЦЕПЦИЯ «ТАТАРСКОСТИ» В ПЕСНЕ ГЕОРГИЯ ТРАНСИЛЬВАНСКОГО.

...Прежде всего позвольте выразить признательность Анеле Прушинской за помощь в поэтическом переводе песни с латинского на польский язык.

...Нам немного известно о личности Георгия. Исходя из приписки: «В год чёрного водного кота, где-то между Туна-иделем и Узеу», – сделанной, по всей видимости, с его слов, мы можем предположить, что Георгий был человеком степного происхождения, условно «татаринoм», отставшим от войска Бату-хана, когда то возвращалось из Западного похода 1235–1243 годов, и прошедшим все сражения от Булгара до Австрии (если верить Манфреду, о ком ниже). На это указывает год чёрного водного кота, соответствующий 1243 году по европейскому летоисчислению. Туна-идель и Узеу в глоссе – это соответственно реки Дунай и Днепр. Однако, возможно, Гюрге был оставлен вместе с «расквартированным» в этой части Степи туменом (тем более что Валахия, Болгария и Сербия некоторое время были данниками Золотой Орды – особенно при Ногае³, чья ставка располагалась на Дунае).

По неопределённым причинам он покинул валашские степи и уехал за Карпаты, где крестился в православие под вышеназванным именем (вероятно,

¹ *Парвеню* (фр. *parvenu*) – «выскачка», добившийся успеха и вошедший в аристократию, подражающий ей в манерах.

² *Семиградье* (*Siebenbürgen*) – семь городов немецкой Трансильвании: Германштадт (Сибиу), Кронштадт (Брашов), Клаузенбург (Клуж) и др. В Союзе трёх наций, правившем Трансильванией в Новое время на основе сегрегации румынского православного крестьянского большинства, бюргеры-немцы подчинялись землевладельцам-венграм и секеям (привилегированной группе мадьяр неугорского происхождения, дольше всех сохранявшей кочевые традиции).

³ *Ногай* – темник, внук седьмого сына Джучи, фактический правитель западной части Орды в 1266–1300 гг. В 1273 г. Ногай женился на Ефросинии, дочери императора Михаила Палеолога, и тем самым как бы получил «международное признание» как владетельный государь, а не «чиновник» хана. Ногай держал под контролем соседние государства Венгрию, Польшу, Сербию, Болгарию и южнорусские княжества.

из-за созвучия с его родным именем Гюрге, означающим «волк» по-огузски¹) и стал странствующим монахом-воином, в чём-то подобным госпитальерам или тевтонам.

Другое имя, фигурирующее в манускрипте, – Манфред фон Тодтнау. Он принимал участие в бескровном (sic!) Шестом крестовом походе² под началом «чуда мира» Фридриха Гогенштауфена³, а после – в кровавом крестовом походе в Южную Францию. Как писал сам Манфред в *Confessiones*⁴, оба раза он вступал в конфликт со своей совестью: в Палестине потому, что его император находился под отлучением (а это разрушало саму идею крестового похода как способа искупления грехов и примирения с Церковью), а в Лангедоке – по причине чрезмерного цинизма крестоносцев. Правда, доминиканская инквизиция заявляла, что главную роль сыграла женщина – внучка сеньора Монсегиора Эсклармонда, «Свет мира». Но, во-первых, этот документ позднего периода, а во-вторых, в Ватикане известна конкуренция двух организаций. Как бы то ни было, летом 1244 года фон Тодтнау уехал к оставшимся в Трансильвании братьям Тевтонского ордена «помогать, исцелять и защищать»⁵ Землю Барца⁶ от гуннов (то есть монголов).

Где-то там и произошла встреча Манфреда и Георгия. Как гласит румынская легенда о Сфынту Гюрге, они бились три дня и три ночи так, что раскололись горы – при этом указывают на теснины рек Олт и Яломица, прорывающихся через Южные Карпаты. Поняв, что Господь на стороне обоих, они прекратили поединок и восхвалили Иисуса Христа. Любопытно, что Манфред тоже характеризует встречу как ордалию, божий поединок.

Забегая вперёд, отметим, что для основанного ими впоследствии нового ордена место встречи и битвы приобрело глубокое символическое значение. В 1429 году, когда братство набрало существенный политический вес (хотя ещё не было признано Римом), оно инициировало всеевропейский съезд в Луцке⁷, на котором отдельным вопросом стояла турецкая угроза. Тогда удалось привлечь германских рыцарей для защиты Барцланда, однако через три года они все пали в сражении.

¹ *Огузы* – тюркский народ, предок торков, берендеев, чёрных клобуков, туркмен, турок, части печенегов, татар, казахов, башкир и т. д. Исторические государства: держава огузского ябгу в Западном Казахстане (750–1050 гг.), держава Сельджукидов, Османская империя.

² Шестой крестовый поход (1228–1229) прошёл без сражений: Фридриху II дипломатическим путём удалось восстановить христианский контроль над Иерусалимом на 15 лет – последние годы, когда христиане владели святым городом.

³ «Чудо мира» (*lat. stupor mundi*) – император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250, правил с 1212 г.) сделал свой двор центром науки и поэзии, издал первый в Средневековье светский юридический кодекс и пр. По легенде, должен вернуться, чтобы реформировать церковь и установить на земле мир и справедливость.

⁴ *Confessiones* – (лат.) «исповедь».

⁵ «Помогать – исцелять – защищать» – девиз Тевтонского ордена («Helfen – Heilen – Wehren»).

⁶ *Земля Барца* – область вокруг Кронштадта (Брашова), бывшая центром тевтонов в 1211–1225 гг. В Трансильвании Немецкий орден оказался по приглашению короля Венгрии Андраша II для борьбы с половцами.

⁷ *Всеевропейский съезд в Луцке 1429 года* – съезд монархов для решения вопросов Восточной Европы. Присутствовали короли Венгрии и Германии, Польши, Дании, Швеции и Норвегии; татарские ханы Дона, Волги и Крыма; митрополит Киевский и всея Руси Фотий; великие князья Литвы (Витовт), Москвы (Василий Тёмный), Твери и Рязани; магистр Ливонского ордена; князь Одоевский; представители папы, Византии и Тевтонского ордена. В повестке: сдерживание Турции; коронация Витовта (т. е. повышение статуса Литвы с великого княжества до королевства); конфликт Дании и Ганзы; уния церквей; борьба с гуситами; налоговая политика и правила судоходства на Балтике; раздел Молдовы.

Так, несмотря на религиозные различия, завязалась дружба двух рыцарей – «паписта» и «схизматика». Надо полагать, в её становлении немаловажны были и опыт Манфреда в Египте и при ставке Фридриха, и терпимость, вынесенная Георгием из Степи. В память об их союзе фон Готтнау сохранил песнь, написанную товарищем по оружию. Разберём её.

(1) А мы с тобою, брат, татары.

Исходя из вышесказанного и нижеследующего, татары для Гюрге не столько этноним, сколько политоним или даже образ мышления. Что не отменяло бы его возможного происхождения из татар Восточной Степи, если бы Манфред не описал товарища как схожего с куманами (кипчаками) – то есть с менее выраженными монголоидными чертами.

(2) А лучше ехать одвуконь.

Согласно степным обычаям, желательно иметь двух-трёх коней в дальней поездке и в набеге.

(3) К чему нам новых ханов свары?

Здесь речь, вероятно, о междоусобице в регентство Дёрегене (1242–1246), вдовы великого хана Угэдэя¹ и матери Гуюка². Последний был давним недругом Бату, и в войске чувствовалось приближение гражданской войны.

(4) Неси дрова. Зажги огонь.

Сложно сказать, о каком огне идёт речь.

(5) Война расщедрилась добычей –

(6) Не искушай её грехом.

Певец говорит о войне как о живом существе, персонифицируемом в духе, одновременно являющемся божеством торговли. Скорее всего, речь идет о духе по имени Барын либо о Боз Курде³ – Небесном Волке. В таком случае становится понятен круг возможных грехов. Пантеизм вообще характерен для степного мировоззрения, порою одушевляющего не только объекты (горы, камни) или явления природы (гром, ветер), но и абстракции: войну, государство (причём наделяя его чертами злых духов), имя, разум.

(7) Сейчас бы к мясу – хлеб пшеничный.

Это удивляет европейца, основной пищей которого веками были крупа, зерно и овощи, тогда как о мясе он мог лишь мечтать. Для степного жителя всё было в точности наоборот.

(8) Тащи казан. Тут будет дом!

Дом начинается с очага, расположенного в центре юрты, хранильницей которого является Ут-эне, мать огня (у монголов – Отхан-галахан).

¹ Угэдэй (1186–1241) – Великий хан в 1229–1241 гг. Кроме завоевания Западной Степи, Руси и Кавказа и начала завоеваний в Анатолии, Индии и Южном Китае, организовал почтовую службу в империи, развивал дорожную сеть и проводил другие реформы.

² Гуюк – правил лишь два года (1246–1248) и не успел развязать первую в Монгольской империи войну.

³ Барын, Боз Курд – вопреки широко распространённому представлению Сульдэ – это не бог войны, а лишь одна из душ человека, его дух (в смысле, употребляемом в словосочетании «сильный духом»), либо дух рода, воплощающийся в знамени (и только в этом смысле он становится покровителем войны, которую ведёт данный конкретный род).

(9) *Втоптали в степь мадьяров гордых*

(10) *И Киев сдобрили золой.*

Здесь речь о событиях 1240–1241 годов. О золе песнь говорит не в контексте подсечно-огневого земледелия, а напоминая о степных палах, когда прошлогодняя растительность выжигается весной на огромных пространствах, чтобы дать место свежей траве.

(11) *Да не видать конца походу...*

См. комментарий к третьей строке.

(12) *Кидай кошму. Про дом наш спой!*

Когда одного из степных ханов пытались вернуть на родину, посла, отправляемого к нему, поучали: «Ему ты песен наших спой!»

(13) *А ты под Вечным Синим Небом*

Вечное Синее Небо, не имеющее зримых границ и форм, есть «тело» Тенгри-хана, высшего божества. Это обстоятельство определило лёгкое принятие тюрками и монголами буддизма, ислама или – в случае с Георгием – православия.

(14) *Лежишь, источен до костей –*

Степной обычай предписывает оставлять усопшего на поверхности земли: звери и птицы, несущие своих духов, унесут его души в свои миры. Источенность до костей говорит о том, что Ветер благосклонен к погибшему «брату», к которому обращается сказитель.

(15) *Не отогреет дева телом.*

(16) *Держи кумыс. Со мною пей!*

Кумыс имел ритуального значение и применялся для жертвоприношений благим духам. Таким образом, учитывая роль ветра (строка 14), певец уверен, что «брат» находится в верхнем мире.

(17) *Мы все – в степном пожаре травы:*

(18) *Великий хан, пастух простой.*

После грозы самая страшная стихия в степи – пожар. Сама Жизнь («жан» – и «душа», и «огонь», и «жизнь») не разбирает, кто падёт перед нею. Это подчёркивается и образом самой значимой богини – Умай: она и та, кто даёт душу-счастье («кут») ребёнку, и кто забирает эту душу у умирающего.

(19) *Других пусть славит путь кровавый,*

Как и испанцы, степняки почитали войну одним из наибольших удовольствий.

(20) *А мы пришли к себе домой!*

Здесь предстаёт простая концепция: дом – там, где я. Тем более когда дом – переносная юрта. Гюрге прямо заявляет: «Меня устраивают эти, валашские, степи, и здесь будет моя новая Татария».

[...]

...Таким образом, мы можем сформулировать концепцию «татарскости»: это одновременно и готовность взяться за оружие – не только с целью защиты родины, но и ради удовольствия, – и уважение к смерти, и стоическая любовь к той, кто даёт и забирает души, и пренебрежение властью людей, но также – стремление к простому человеческому счастью, перекрывающее всё преждеперечисленное. А для осуществления подобного нам нужна сильная и богатая держава.

Осталось добавить о судьбах братьев-сооснователей. Гюрге отправился в Орду (см. легенду о его жене-юха) и обосновался, по-видимому, в улусе Великого хана, в Китае: по крайней мере, спустя 250 лет документы ордена говорят о восстановлении связи с Востоком. Манфред агитировал рыцарей принять принципы братства, разработанные им с Георгием, сражался с пруссами под знамёнами Пржемысла Отакара¹, «короля железного и золотого», а после защищал детей своего патрона, Фридриха Гогенштауфена. Он снова, как и за четверть века до этого в случае с Эсклармондой, не смог спасти внука императора, шестнадцатилетнего Конрадина, обезглавленного по приказу Карла Анжуйского² – эта казнь шокировала Европу. Более успешны оказались его хлопоты об освобождении Беатрисы³, внучки императора, пленённой в шестилетнем возрасте и проведшей в темнице восемнадцать лет, для чего принял активное участие в подготовке Сицилийской вечерни – пасхальной резни французов. После освобождения Беатрисы его следы теряются.

Я отнёс статью в редакцию «Исторического альманаха Ягеллонского университета» и с трепетом стал ожидать решения. Когда увидел её на бумаге, пахнущую типографской краской, с моих плеч словно гора свалилась. Но праздновать в этот раз решил не в «Новороле», а в загородной корчме. Её держал один татарин, в войну попавший в плен и осевший в наших краях.

К тому же меня щедро вознаградили. Я не только о гонораре, но и о подарке небес... или не небес. Ко мне вернулась Беата. Она заметно изменилась: будто похудела, в лице появилось что-то кукольное... чуждое... Ну да бог с ней!

(Однако ела она с аппетитом, не уступающим моему. Не было никаких душевных сил разбирать оттенки вкуса, поэтому я просто заказал манты – что-то вроде колдунов на пару с рубленным фаршем, бишбармак – мелко нарезанную ягнятину с овощами, чашку крутого бульона с казиликом – колбаской из кусочков конины с жиром, плов – нечто наподобие рисовой каши с мясом, но совсем не похожее на неё по вкусу, шербет из виноградного сока с базиликом и розовой водой. К крепкому, коричневому чаю с молоком были чак-чак – какие-то шарики, залитые мёдом, закрахмаленные кубики из мёда же со специями, сушёные абрикосы, начинённые молотыми орехами и чем-то очень кислым под названием то ли «крут», то ли «курт» (конечно же, политые мёдом), наконец, просто мёд в сотах. Ах, да, ещё большой пирог с начинкой из плова – правда, сладкого, с изюмом и ещё чем-то.

Да, без аперитива и дижестива такое количество – гастрономическое самоубийство! Беата сдалась уже на плове! Зато Марыся за обе щёки уплетала сладости.)

Там, в одиноком шинке с видом на далёкие горы, сидя на веранде в кресле-качалке, затягиваясь трубкой с миндально-горьковатым турецким табаком и ощущая блаженную сытую истому во всем теле, я глядел

¹ *Пржемысл Отакар (1233–1278)* – король Чехии, герцог Австрии, основатель Кёнигсберга.

² *Карл Анжуйский (1227–1285)* – амбициозный монарх, король Неаполя, Албании, Иерусалима, князь Ахейский и пр., пытавшийся «возродить средиземноморскую Римскую империю». После Сицилийской вечерни его планы пошли прахом.

³ *Беатриса Сицилийская (1260–1307)* – провела в плену с 1266 по 1284 год; вышла замуж за маркграфа Салуццо, т. о., её потомком является Франческа Мария дель Ватто-и-Урсуа.

на коршуна, кружащего в безоблачном небе. И так же тихо, на совиных крыльях, кружилась в голове дума:

«Я не строю иллюзий по поводу будущего. Человечество стало геологической силой, как пишет Вернадский, а потому – следуя своей природе – оно лишь увеличит Сахару. В этом наш рок и, кажется, предназначение, и, кто бы ни побеждал в грядущих войнах, итог будет один: время упруго. Хотя, признаться, страшно. И хочется жить. До дурного сумасшествия, до желания целовать эту грешную землю. И крикнуть: “Иди, Польша-мать, своею дорогой!”»

Конечно, я смогу взяться за оружие. Возможно, даже смогу получить от этого удовольствие. Моральное. Но всё это потом. А сейчас... Вот воробьи купаются в пыли. Повозка бежит – ездока не видно в жёлтом море пшеницы. Где-то вдали, на поле – лошади. Жаворонок заливается. Марыся играет в салочки с сыном корчмаря...

Я хочу, чтобы вы были счастливее нас».

*Рафал Вильчур, профессор Ягеллонского университета.
Август 1930, Краков.*

Рафал Вильчур (1887 – после 1939) попал в автокатастрофу, в которой погибла его жена. Предположительно, потерял память: журналист Тадеуш Доленга-Мостович описал встречу с человеком, поразительно похожим на профессора, в сельской местности Мазовии. В любом случае он отсутствует в списках польской профессуры, ликвидированной в ходе *Intelligenzaktion*.

Юлия ТУЖИЛКИНА

Родилась в Сарове. Окончила Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара. По профессии учитель русского языка и литературы, работала в дополнительном образовании, в школе, на телевидении, в пресс-службе РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Живет в Тбилиси, работает специальным корреспондентом информационного телеканала «Хабар-24» (Казахстан), а также публикуется в грузинском русскоязычном журнале «Русский клуб».

БРАТ И СЕСТРА

Она любила его задолго до его появления. Авансом. Вперед. Загодя. А вот когда он родился, ее мечты рухнули: играть с братом не получалось. Слишком маленький, слишком нежный, слишком бестолковый. Все было слишком. А когда он подросток, у нее почему-то включились материнские чувства ответственности и превосходства. Но брат это не оценил. И потому их игры спокойными назвать было трудно. Они дрались, вечно спорили, обзывались и взаимно пакостничали. И даже самая мирная игра в шашки заканчивалась знатной потасовкой. Но иногда и они превращались в банду, возводя вокруг себя мир, доступный только им двоим.

Старческие глубокие, неровные морщины так прочно вцепились в ее облик, что сделали похожими кожу на высохшую и потрескавшуюся от засухи землю. Цвет лица был тусклым и серым, более подходящим для черно-белого комикса, нежели для живой женщины. В ее взгляде давно потухли последние искры, а глаза, некогда излучавшие теплый зеленый свет, поблекли, точно изумруды, оказавшиеся подделкой. Сухие, слегка трясущиеся губы уже давно утратили манящий изгиб и были сжаты в одну тонкую жесткую нить. Ей так было тяжело все вспоминать. А хотелось. Но память, тот колодец ощущений детства и молодости, был уже истощен, а точнее, в силу возраста закрыт и недоступен. А в девяносто лет это единственное развлечение, что приносит азарт, сладость и даже восторг. И потому современный медицинский центр, куда она отправилась добровольно всего пару месяцев назад, нашел для нее решение. Она прочла об этой услуге в каком-то буклете, который принесли внуки вместе с журналами. Да, наука шагнула вперед. Ученые научились возвращать воспоминания, а вместе с ними мечты и радость прожитых лет. И все оказалось просто: воссоздали нейронную сеть: соединили, реставрировали и хронометрировали воспоминания сестры и брата, все аккуратно записав на носители. Теперь было достаточно только

подключить ее к компьютеру, прикрыть глаза, а там... Простор! И побег в молодость! Она наслаждалась этим всеми своими долгими днями в пансионате. Ходить она уже не могла, только передвигалась в инвалидном кресле и по большей части лежала, предаваясь воспоминаниям.

«Маленький» – так называет его мама. Он упитанный, веселый и красивый, как девчонка. Мы едем в автобусе с братом домой. Все кругом толкаются локтями, руками и оттаптывают нам ноги. Я пытаюсь защищать брата, чтоб его не задавили.

– Ничего, – говорю я ему. – На следующей остановке многие выйдут, и будет посвободнее.

Он таращится на меня большими темно-зелеными глазами, его круглые, как у матрешки, щеки тесно зажаты шапкой с детскими завязками. Он мне верит и крепко держит за руку. Вскоре люди выходят – автобус пустеет.

– Девочка, иди, садись сюда! – вдруг обращается какая-то тетка с бородавкой на носу к моему брату.

Я ошарашенно молчу. Молчит и брат. Надулся, как бурундук. Ох, как он не любит это!

– Девочка, садись! – настаивает тетка с бородавкой.

– Я не девочка, я мальчик, – шепчет мой брат.

– Что? Что, девочка? – переспрашивает тетка, наклоняясь к брату.

– Я мальчик! – сердито ворчит тот.

А я смеюсь. Опять! Опять его приняли за девочку. Ну что ж. Нечего быть таким красивым! Но вдруг я вижу его глаза, обрамленные темными ресницами, словно опахалами, и стеклянный гневный взгляд. Вся его фигура маленького человека, укутанного в какую-то несуразную шубу, подпоясанную солдатским ремнем, весь его образ: поникшая поза, опущенная голова и дрожащие губы, – выражает настоящее горе. Ежесекундное горе маленького брата. Я уже не смеюсь. И только по дороге домой, искоса поглядывая на его розовые от мороза нежные щеки, украдкой прыскаю: ну как матрешка! Девочка и только!

Все эти воспоминания отличаются от снов. Можно сказать, кардинально. Сны – это нечто, не поддающееся сознанию, там никогда не знаешь, чем они вызваны и как закончатся. Это разгул воображения, порой ничем не обоснованный, вызванный лишь усталостью или эмоциональным состоянием. В ее же случае воспоминания всегда носили характер завершенности, вновь давали пищу для размышлений, переосмысления совершенных поступков и прожитых лет. Она не любила жалеть о прошлом, потому так легко пошла на эту услугу. «Все мои ошибки, так или иначе, характеризуют меня, они являются неотъемлемой частью моей сути, мыслей и мировоззрения. Без этих ошибок, виражей судьбы, взлетов и падений, больших и маленьких, это была бы уже не моя жизнь, а чья-то другая. Потому жалеть о сделанном или несделанном – пустая трата времени. Я так сделала! И готова это прожить снова и снова в своих воспоминаниях», – так отвечала она своим детям и внукам, которые не совсем понимали ее желание оставаться в пансионате. И был один еще невероятный бонус в воспоминаниях. Сны даже сейчас при современных достижениях науки до сих пор оставались черно-белыми, подобно театру теней. А вот воспоминания были раскрашены, да и не только. Во время сеанса подключено было и обоняние: а что может лучше напомнить о былом, как ароматы и запахи?

Я зашла в квартиру и сразу почувствовала: что-то изменилось. Тонкий, едва заметный аромат. «Новые духи у мамы?» – подумала я. И тишина. Я медленно сняла пальто и зашла в свою комнату. А посередине! Кошмар! Все игрушки вытряхнуты из ящика и валяются огромной кучей на полу. Но покричать я не успела. Я увидела рядом с братом девочку! И даже замерла на месте. Раньше он девочек не приводил. Да и вообще он всегда был, как мальчиш-плохиш. Он таскал с улицы камни и прятал их под подушкой, он лазал по деревьям, пропадал всеми вечерами за старыми гаражами. Его друзья – самые отчаянные хулиганы во дворе. А тут – девочка! Я поздоровалась, аккуратно обошла груды игрушек, забралась с книжкой на кровать и стала потихоньку наблюдать. И было на что посмотреть. Наши разодранные куклы и игрушки и вдруг в руках этой девочки ожили и превратились в сказочных героев. Эта белокурая нимфа с веснушками играла увлеченно, азартно и как-то гармонично спокойно. А мой брат сидел и смотрел на нее. На этот маленький цветок мира, добра и созидания. Девочка приделала белке уши из ваты. Завязала мишке шарф, прикрыв рваную рану на шее. Она вручала моему брату то одну игрушку, то другую и показывала, как с ними разговаривать. А тот, загипнотизированный, послушно исполнял все ее желания. Он стеснялся смотреть на меня, я не подавала виду, что подглядываю. Но я вдруг осознала, что он не просто маленький мальчик, временами невыносимо вредный и задиристый, он человек, который нравится девочкам. А в дальнейшем будет так же нравиться женщинам, которые будут влиять на его поступки и его жизнь.

Мы вместе отчего-то вдруг притихли. А потом девочка ушла, оставив маленький букетик живых ландышей – именно этот аромат я почувствовала при входе.

К старости реализм в ее натуре одержал верх над романтизмом. Ее сердце, довольно бурное, нежное и отзывчивое в молодости, не превратилось в розовую вату. Она давно перестала восхищаться слащавыми рождественскими историями или плаксивыми драмами. Каким-то чудом реальность без прикрас приносила ей больше радости и тепла. Она не боялась беспокойных, тревожных воспоминаний, что многие годы в молодости отзывались болью или стыдом. Наоборот, сейчас они пробуждали в ней отчаянное желание жить и вновь прокручивать свою историю! И именно брат был в центре ее воспоминаний. А новизна в этих событиях состояла в том, что объединенные с братом воспоминания не позволяли ей заикливаться только на своих ощущениях. Или видеть только одну сторону. Картина событий представляла в более полном формате, теперь она лучше понимала самого брата: его мысли и чувства.словно в сериале, где главная героиня она, но и второй герой прописан ярко, не менее глубоко и детально.

Заходим с братом в тир. Мы оба любили стрелять. Он стоит и выпрашивает у меня деньги, чтобы самому расплатиться. Но я уперлась. Мал еще! Вот подошла наша очередь, и вдруг меня толкнул какой-то парень, пытаюсь пролезть вперед. Я не успела ничего ответить. Мой брат коршуном налетел на него и прижал к прилавку. Хулиган отступил и ушел в конце очереди. Впервые брат заступился на меня. Как так-то? Он же маленький! Я вдруг посмотрела на него иначе, со стороны. Он с меня ростом, крепкий, коротко пострижен по какой-то чудаковатой моде. Детская пухлость давно исчезла, и появились четко

очерченные подбородок и скулы. А сведенные темной дугой брови и какой-то яростно-тревожный блеск глаз даже пугал. Да он же вырос! Как я могла не заметить? Я молча отдала брату деньги...

Брат мягко погладил ее по голове, наклонился и обнял. Его руки, всегда горячие, были такими родными! Он чмокнул ее в щеку, и у нее потекли слезы. Нет, это не была слабость или старческая сентиментальность. Это были искренние чистые слезы радости от встречи.

– Ты приехал! – Ее морщины на лице вдруг пришли в движение, лицо оживилось и помолодело. – Как долго я тебя ждала! – Она даже как-то вдруг подобралась в своем кресле, засуетилась.

– Тридцать лет... – выдохнул он.

Они молча смотрели друг на друга. Уже почти полвека брат и сестра жили вдали друг от друга. Разные страны, разные семьи, профессии, интересы, круг друзей и знакомых. Все разное, однако...

– Я все равно вижу тебя мальчиком, – улыбнулась сестра.

– Ну, уж это извращение с твоей стороны, – поморщился он. – У нас всего шесть лет разницы.

На минуту он замялся, а потом добавил:

– Но все равно ты старше.

И засмеялся так, как в детстве, подзадоривая и дразня ее.

– А ты все такой же балагур и заноза! Как жаль, что тебя не было рядом все эти годы... – улыбнулась она в ответ. – Как твои? Все хорошо у них?

– Да, неплохо. Все живы, здоровы. Ты поспи, я посижу рядом.

– Только не уходи, – попросила она. – Мне осталось немного.

День за днем брат проводил около сестры. Они смеялись, подкалывали друг друга, вместе смотрели воспоминания: их новогодние праздники, стихи Деду Морозу, совместные поездки на рыбалку, семейные праздники. Часто вспоминали родителей, молодых и сильных. Глаза брата и сестры искрились, как прежде. Весь мир сконцентрировался вокруг них, в одной маленькой белоснежной палате. И они раскрашивали ее своими воспоминаниями.

Однажды с утра она его предупредила.

– Я сегодня уйду, ты не бойся. Мы встретимся. Но тебе еще рано, – говорила она брату, отводившему глаза в сторону.

К вечеру сестра попросила воспоминание. То тягостное, что жило в ее памяти все эти годы, которого она избегала и страшилась. Она помнила тот день смутно. И единственное, что вынесла и сохранила на всю жизнь, – свою ненависть к сливам. Да-да, к обычным садовым сливам, из которых мама варила компот на зиму.

Был обычный теплый день конца лета, когда еще осень только изредка хмурыми дождями намекает о себе. Младший брат немного простудился, и родители решили не водить его в детский сад. Бабушка, большая, красивая и добрая, согласилась сегодня присмотреть за внуком. Я без дела скучаю дома, болтаю с бабушкой, поясняю, каким супом накормить двухлетнего брата. Та сажает его в детский стульчик, который я очень люблю, потому что он может трансформироваться в столик на колесиках с деревянными счетами на панели. Вдруг неожиданно зашла в гости мамина сестра, которая была у своей подружки. Она пришла без дела, бесцельно побродила по квартире, заглянула в гостиную. Мне с ней говорить было не о чем. Она вообще ассоциируется

у меня с болью, так именно она – наша семейная медсестра и приходит в основном делать мне уколы. И я ее за это недолюбиваю. Мы с бабушкой на кухне кормим брата с ложки, он с удовольствием чмокает своими пухлыми губами. Отсутствие аппетита? Не-е-ет. Он про это никогда не слышал. Зато, по словам взрослых, хоть приятно смотреть на ребенка. Бабушка с какими-то прибаутками отправляет в рот малышу очередную ложку... И тут брат начинает кашлять. Сильно, глухо и долго. А затем вдруг резко выгибается телом, запрокидывая голову назад, почти выпадая из стульчика. И замолкает в такой почти окоченевшей позе. Я не слышу крика бабушки. И только вижу, как она резко вспорхнула со стула, обхватила ребенка и замахала руками. Тут я понимаю, что ее вой сливается с моим. Тетка, та самая, злая мамина сестра, влетает в кухню и выхватывает ребенка. Она бежит с ним в детскую и разрывает на его тельце рубашку. А брат молчит. Он молчит уже долго. Я понимаю, что орем мы с бабушкой. Две бестолковые, никчемные курицы. Мы не просто орем, мы задыхаемся от воя и страха. Ребенок не дышит, и мы это видим. Кто-то из нас собирается позвонить родителям. Мы обе бежим к телефону, что-то орем в трубку. Я вновь вижу свою тетю, которая стоит на коленях перед окоченевшим ребенком. И методично, резко и как-то совсем как чужая растирает грудь брату. Она не слышит нас и не реагирует на плач и крики. Она не с нами, она с ним, с этим маленьким голым ребенком без признаков жизни. И мамина сестра вырывает его жизнь из лап чудовищной смерти, из лап страха и огня для всех нас. Она запустила его маленькое сердце. Первый вздох, первый плач... Но мы еще не верим. Мы с бабушкой в каком-то одинаково шоковом состоянии. Тут прибежали все: мама в ярко-красной вязаной кофте с белыми маленькими розочками, побледневший отец, врачи скорой помощи, соседи... Меня выгоняют в другую комнату. И я выхожу на свежий воздух – на балкон. Посередине стоит огромный алюминиевый таз со сливами. Синие спелые сливы каких-то гигантских размеров. Ну до чего ж большие! Медленно, чтобы отвлечься, я начинаю их есть. Они, конечно, пыльные, немного грязные, но ничего. Пусть будут такими. Сейчас не до мелочей. Я их ем, ем, ем. Отрешенно и как-то машинально...

Противное тонкое попискивание компьютера нарушает воспоминание. Все. Она больше не нуждается в нем. Она ушла. К родителям, к бабушке, к той самой вредной маминой сестре. Ушла с миром и воспоминанием, которого боялась всю жизнь. Она ушла, остановавшись на сливах, которых после того случая не ела никогда. Брат встал, подошел к сестре, наклонился и поцеловал ее, нежно, тепло. И застыл в растерянности. В палату вошла медсестра, затем врачи. Зафиксировали смерть. Медсестра, аккуратно выключила программу в компьютере. Тихое шипение. Легкий треск. И голограмма брата исчезла. Та самая голограмма, которую создали по решению брата всего месяц назад и которая поддерживала весь этот месяц сестру. Чудо техники – голограмма, осязаемая, наполненная всеми качествами и запрограммированная на определенные слова и поступки, всего лишь создавала иллюзию близости родного человека.

- Нужно сообщить ее брату, – спокойно распорядился врач.
- Не получится. Он умер два дня назад, – тихо ответила медсестра.

Сергей АХМЕТОВ

Родился в 1988 году в Алма-Ате. Окончил Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (бакалавр экономики), а также Казахский национальный университет (магистратура факультета журналистики). Директор транспортной компании.

Публиковался в журналах и альманахах «Сибирские огни», «Автограф», «Царицын», «День и ночь», «Дактиль» (Казахстан), Unzensiert (Германия), в сборнике «Карта памяти: современная историческая литература». Автор исторического романа «На южных рубежах». Живет в Алма-Ате.

ЯЙЦО

Поверь мне, уважаемый читатель, что я предпочел бы перенести это повествование в стародавние времена, когда степную гладь нарушали вихри, поднятые копытами орд, а всадники веровали в одушевленность природы и поклонялись каменным истуканам, чем говорить о временах, недавно отгремевших. Ведь в произошедшее весьма трудно поверить в наш просвещенный двадцать первый век. Нынешние люди знают буквально все, а о том, чего не знают, говорят будто слышали. Так или иначе, им никогда не попасть впросак, как будет описано ниже, ведь с недавнего времени любой, умеющий мало-мальски перебирать пальцами рук, способен открыть страницу поисковика или напечатать свой вопрос виртуальному голосовому помощнику. И все же я сам был свидетелем происшествий, о которых пойдет речь, глаза мои видели то, что существовало на самом деле, а уши слышали, что оглашало воздух, во всяком случае, если разум мой склонен по-прежнему подпадать отчасти под мою власть. И поскольку главной моей миссией является служение правде, а также некоторое увеселение по случайности заскучавшего читателя, то я вынужден следовать закону жанра и излагать имеющийся материал прямодушно и без пристрастия.

А произошло все не далее чем двадцать – двадцать пять лет назад. И даже теперь я склонен таким нехитрым маневром несколько отдалить период времени, когда произошли события. Но пусть будет так, как сказано, чтобы почтенный читатель не заподозрил меня в многословии или, что еще более жестоко, – в графомании.

Дабы соблудости хронологию событий и облегчить читателю понимание места действия и героев повествования, я вынужден начать издалека. Ведь прямым началом событий была таинственная находка, которую обнаружили в глухом лесу мальчишки, прописанные по месту

жительства в замечательном во всех смыслах селе Колара, что стоит недалеко от восточной границы Казахстана.

В этом поистине потрясающем месте, которое городские жители любовно называют аулом, но, строго говоря, являющемся административным центром сельского округа, я оказался вследствие уговоров своего доброго дядюшки. Этот почтенный старик пятидесяти лет, между прочим, большой шутник и остролов, не уставал возмущаться при встречах со мной на различных семейных мероприятиях, вроде свадебных празднеств, дней рождения детей, обрядов обрезания или менее приятных, таких как поминки и похороны. В моменты крайней раздраженности, которые непременно наступали в завершение его наставительных речей, обращенных ко мне, он называл меня манкуртом, что, согласно бессмертному Чингизу Айтматову, означает человека, позабывшего свои корни. Право, по которому дядя называл меня таким неприятным прозвищем, было дано ему им же самим, ведь он считал себя хранителем традиций при городском колене нашей замечательной семьи.

Сам он более десяти лет назад переехал из аула, откуда происходили многие наши предки, в пригород Алматы и теперь считал себя совершенно городским человеком, хотя быт его мало изменился. Пригород и есть пригород. И все же это позволяло ему смотреть на городских свысока как на людей, фактически предавших вековечный кочевой образ жизни в угоду пустым благам цивилизации, к тому же пришлой, американской, как он выражался, а кроме этого, как позже выяснилось, на людей из аула он смотрел не менее высокомерно, считал возможным поучать их как человек передовых, городских взглядов, приобщенный к последним вехам науки и техники.

Как-то раз много часов подряд, иногда с короткими передышками, он рассказывал мне о прелестях жизни в ауле, о красотах тех мест, в которых он обитал в пору нежного малолетства, а также о многочисленной нашей родне, до сего дня проживающей в тех дивных краях. Тот факт, что я не просился униженно, не рвался посетить места, откуда произрос корень нашей родословной, не стремился увековечить свою малую родину в текстах своей, пусть и бесталанной, прозы, приводило его в глубокую печаль и недоумение. Эти разговоры всегда носили характер пустой болтовни, как по мне (хотя, бесспорно, сам он верил, что я только из рассеянности своего недалекого ума забывал брать с собой блокнот, чтобы записывать его речи для потомков), но однажды случилось непоправимое.

Дело было в том, что один мой довольно бойкий юмористический рассказ неожиданно напечатали в республиканской газете. Но сам по себе этот факт был примечательным только для меня, пока какая-то киоскерша не продала экземпляр этой газеты моего дядюшке. Он ведал, что я занимаюсь этим малоприбыльным делом, но считал его не более важным, чем потуги трехлетнего малыша дотянуться языком до козявки в носу. Но, когда он позвонил всем городским родственникам, посвященным в мои дела, дабы убедиться в том, что глаза и разум ему не изменили и он взаправду узрел на страницах газеты мое имя и нашу фамилию, все для него изменилось. Он, возвращенный советским государством человек, почитал республиканскую газету пьедесталом, от которого следует сделать всего один шаг, чтобы оказаться на вершине литературной славы – в газете всесоюзной. Факт небытия Союза его, как оказалось, трогал так же мало, как выход на экраны очередного американского блокбастера.

К моему сожалению, эти сдвиги почувствовал и я, дотоле пребывавший в комфорте и неге в отношениях с этим чудачком. А комфорт мой заключался в том, что дядя до времени считал меня не только манкуртом, но и бездельником, неспособным даже вбить в доску гвоздь или проверить уровень масла в автомобиле, настоящим позором семьи и отщепенцем трудового общества. И вскоре наши отношения приобрели холодные, почти ледяные оттенки. Дядя, солидный мужчина и патриарх семьи, считал род деятельности, которым я намеревался кормиться, как бы это помягче сказать, слюнтяйским. Переживал он не только из-за моих нестабильных заработков, но и из-за того, что свободное время я предпочитал тратить на мариане бумаги (несмотря на то что я пользовался компьютером), а не на занятия спортом или физическим трудом. Моя худоба, а точнее стройное осанистое тело, которое древние наверняка посчитали бы достойным быть увековеченным в скульптуре, не давали ему покоя. И вот однажды что-то заклинило в его мозгу, какая-то летучее создание ужалило его в известное место и он, когда-то разрядник по какой-то борьбе, победитель какого-то первенства в армии, обладатель кубка по итогам некоей допотопной спартакиады, а ныне любитель зарядок, физкультуры и упражнений с собственным весом и гириями, стал предлагать мне, молодому человеку, полному сил, схватиться! Как аристократ, как высокородный повеса екатерининских времен он даже предоставил мне право выбора. Подобно ассортименту в городских столовых, предлагаемое мне меню содержало в себе борьбу по-казахски, классическую борьбу, поединок по правилам бокса или даже с применением ударной техники ног. Надо ли говорить, что я не желал этой дуэли хотя бы потому, что при любом раскладе (а я был совершенно уверен в своей победе) я бы оказался в проигрыше, ведь нет чести в том, чтобы одолеть старика, равно как и мало приятного, ежели оный старик тебя поколотит. Он же счел мою почти сыновью заботу о его здоровье за трусость, недостойную мужчины, и с тех пор в наших отношениях пролегла трещина, которая разветвлялась при каждой нашей встрече.

И вот случилась эта публикация, которая должна была стать моей гордостью, а вместо этого стала причиной головной боли.

Отныне никаких семейных встреч и торжеств больше не требовалось, чтобы дядя мог повидаться с любимым племянником. Он бомбардировал меня звонками, посылал в мою квартирку разведчиков, а затем явился и сам во главе посольства, состоявшего из лиц солидных и властных, наделенных некоторыми правами на меня. Среди них выделялись мои седовласые родители, которые регулярно помогали мне деньгами, так как зарабатывал я в ту пору немного от ремесла, о котором шла речь, а также мои старшие сестры, которые, в свою очередь, могли похвастать такими суммами долгов, наделанных мною, что одного сдвига их настроения могло хватить, чтобы повергнуть меня в банкротство и нищету. Даже не берусь вдумываться в то, как дяде удалось собрать эту компанию, которая могла не только меня, слабосильного, принудить к любым действиям, но даже и небольшой вооруженный отряд.

Суть их требования заключалась в том, что я должен был немедленно собираться и под крылом и покровительством дяди отправляться в аул, дабы провести там выходные, а заодно набраться впечатлений и потом на основании их написать ни много ни мало — роман о тамошнем житье-бытье. Полагаю, так мои славные близкие родственники решили искупить перед предками и перед дядей лично, свою вину, ведь они, равно как и я сам, не бывали в ауле десятилетиями. Мой короткий успех

в области литературы, судя по их разговорам, сделал из меня человека. Да, да, просто человека, без прилагательных. И потому я должен был быть принесен в жертву, я должен был стать разменной монетой и отправиться с дядей в аул как представитель всех городских ветвей и ответвлений нашего рода.

Причины, по которым я считал невозможным перечить этим людям, дотоле бывших в моем понимании неподкупными и справедливыми, описаны выше, и потому могу лишь заметить, что согласие мое было получено тотчас. Не испытывая более терпения уважаемого читателя многословными вступлениями, приступаю к повествованию.

* * *

Издrevле казахи жили сплоченно, представляя собой большие семьи, целые аулы, подроды и роды, кочевавшие совместно. Для того чтобы разобраться в хитросплетениях родственных уз казахов, нашего быта и традиций жительствова, необходимо будет отвести под печатный текст, таблицы, графики и прочие визуальные символы много сотен страниц, чего, учитывая мои нынешние цели, заключающиеся в развлечении дорожного читателя, я, увы, сделать не могу. Скажу лишь, что многие села населены жителями, которые в той или иной близости приходятся друг другу родными. Немудрено будет путешественнику обнаружить в казахстанских селах по двадцать-тридцать человек родичей, а если не родичей, то соседей и друзей или по крайней мере людей, могущих войти в семьи друг друга в недалекой перспективе. Да и вообще известно, что в сельской местности люди живут дружно, открыто, в условиях, когда все их замечательные достоинства, равно как и редкие пороки, представлены на суд общественности совершенно открыто.

Мне как коренному городскому жителю с извращенным представлением о жизни деревни, почерпнутым из фильмов и сериалов, а также из мудрых речей стариков, все это было в новинку и посему подогрело мой профессиональный интерес. Люди вроде меня, обладающие сомнительными талантами и посредственными способностями к писательству, все же иногда обладают некоторым любопытством, и особенно любят придавать этому качеству ореол романтичности и говорить о нем как о необходимости для нашего творческого ремесла. Мы, рабы литературных муз и служители Слова, которые на вопрос о кумирах непременно называют имена Толстого и Достоевского, в той или иной последовательности, и только компетентнейшие присовокупляют в сию блистательную компанию Чехова или кого-нибудь из века Серебряного, нередко пытаемся разорвать этот драгоценный, но тугой ошейник. И вот мне предоставилась возможность не только вспомнить о бесценных трудах таких известных писателей Азии, как Ауэзов и Айтматов, Майлин и Есенберлин, но и попытаться проделать путь, который вдохновил их на те талантливые произведения, которыми мы сегодня имеем возможность восхищаться.

Мы запаслись провизией, забили багажник старых дядиных «жигулей» подарками и городскими товарами, которых, по его словам, было не достать в ауле, и, помолвившись, отправились. Путь был неблизкий и весьма суровый, как по мне. Но мой дядя чувствовал себя отменно, разговаривал, веселился и даже пел, выключив при этом радио, и единственный фактор, который, как казалось, мог испортить ему настроение, — был я.

Как умудрилась его старая развалюха проделать этот путь в тысячу с лишним километров по дорогам, наверняка ставшим причиной обветшалости этого и тысяч других транспортных средств, мне до сих пор представляется удивительным. Но все же мы достигли пункта назначения – аула, расположенного между озерами Балхаш, Алаколь и Зайсан. С севера этот чудный край венчает хребет Тарбагатай, который, казалось, еще недавно был разложен на поверхности земли зеленым ковром и пребывал в той девственной природной красоте, как и был задуман Создателем.

Итак, несмотря на то что дядя свято поклялся взять меня под свое покровительство и по мере сил оградить от проявления излишнего гостеприимства, которое у казахов читается на уровне республиканского закона или даже выше его, состоялась бурная встреча. Нас встречали перед домом, вполне современным по тогдашним меркам, а внутри даже богатым своим убранством и евроремонтом, который считался в те времена явлением элитарным.

Забегая вперед, я отмечу, что встречали нас самые близкие мне по духу люди среди нашей сельской родни – дядина жена и их малолетняя дочь с ангельской внешностью. Они выглядели как фея со своей помощницей, были одинаково одеты в домашние платья с фартуками, что выдавало тот труд, которым они занимались в ожидании нас на кухне, с платочками или полотенчиками в руках и лицами, озаренными светом радушия. Дядя, уехавший в город на заработки, почти каждую неделю проделывал далекий путь, чтобы побыть со своей семьей и привезти в аул подарки, городские новости, свой недельный доход, а тут, в качестве особой диковинки, он привез и меня.

Городские члены семьи в ауле были явлением редким и потому особенно желанным, ведь издревле в степи любой путник считался ценным гостем, носителем информации и новостей, передававший хабар¹ о тектонических событиях, великих битвах и смене ханов на престолах. Кроме того, такие гости непременно привозили с собой разнообразный дивный товар из далеких земель и городов, который был особенно приятен жителям глубинки, ежели являлся подарком. С той седой поры мало что изменилось.

Я не мог не наслаждаться трогательной картиной воссоединения семьи, когда миловидная женщина, дядина супруга, приветствовала его такими словами:

– Ну что, нагулялся, старый хрыч? – и, по-видимому, засмуцавшись моего присутствия, тихо добавила ему на ухо: – Смотри, кобель несчастный, я все про тебя знаю!

Взять ли на себя поистине поэтический труд по описанию цвета лица моего дяди, который при мне старался выглядеть главой не только семьи, но и рода, или по описанию моего лица, которое украсила блаженная улыбка. В его достойной супруге я почувствовал родственную душу, а когда маленький ангел, их дочь, обняла меня за ногу, сердце мое дрогнуло. Вдобавок и дядина супруга, которую язык не повернется называть тетушкой, ведь выглядела она раза в два моложе самого суженого, ласково мне улыбнулась и расцеловала в обе щеки. Так люди, мало мне знакомые, запросто приняли меня в свое общество, как если бы знали меня с пеленок, и это было приятнейшим событием за последние часы.

¹ *Хабар* (каз.) — весть, новость.

Но дядя прервал эту милую сцену, сказав:

– Оставьте этого городского. Он слишком слабый. Покажите ему комнату, где он сможет завалиться в кровать и продрыхнуть часа три-четыре. Что поделать, так он привык, горемыка.

И хотя дядя вкладывал в свои слова определенный смысл, который, вкуче с насмешливым выражением лица, имел целью меня унижить, я был ему благодарен, ведь усталость с дороги давала о себе знать. Я тогда принял решение прибегнуть к ответной колкости до поры.

Его жена, имя которой Бибисара, что означает что-то вроде «светлой госпожи», оказалась женщиной не только приветливой, но и тактичной. Меня проводили в отдельную комнату и предоставили наслаждаться благами местной цивилизации и красотами пейзажей: из окна открывался уютнейший вид на зеленый дворик с извилистой тропинкой, которая вела к трем объектам – к изящному железному кубу для дождевой воды с сочными рыжинками ржавчины на углах, к выжженному участку земли вокруг самодельного мангала и, главное, к уличному месту отдыха из досок, любовно окрашенных в яркие цвета. Эти удобства меня несколько смутили и расстроили, хотя я настраивался на полное погружение в деревенский быт. Ведь мои задубевшие коленные суставы не привыкли к глубоким приседаниям. Но я оставил эти невестельные мысли до того времени, когда они станут насущными.

Я решил все-таки воспользоваться советом дяди и соснуть часок-другой на застеленной для меня кровати. Честно сказать, я рассчитывал на спокойный вечер в узком семейном кругу, дабы употребить его на более тесное знакомство с дядиной семьей из двух представительниц прекрасного пола. Но я был наивен. Я был слеп.

Кто же мог предсказать, кто мог ведать, что, пока я наслаждался пребыванием в царстве Морфея, произошли невероятные события, которые и позволили мне в дальнейшем наблюдать настоящую драму, фольклорное представление, борьбу характеров, по моему мнению, вкуче достойные быть записанными.

Первое, что бросилось мне в глаза после сна, была темень, ведь проспал я вместо одного-двух часов целых четыре, как, между прочим, и предсказывал мой мудрый дядя. Я умыл лицо в предоставленном лично для меня тазике с теплой водицей и, почувствовав себя бодрее, вышел в свет.

Как уже упоминалось, мы, казахи, любим принимать гостей, любим той и празднества, любим застолья и угощения, любим настолько, что каждый, кто отважился на строительство большого дома, непременно посвятит под это дело целую залу, центральную комнату в проекте своей будущей обители. Там обязательно будет стоять длинный стол со множеством стульев, который, конечно, будет пустовать большую часть года, но зато, когда придет время тоя, хозяевам не придется краснеть, и с этого стола, достойного лучших европейских дворцов, будут тщательно стертые слои пыли, и он будет нагружен яствами, напитками, изящной посудой, которая досталась хозяйкам еще от прабабушек в качестве приданого.

Именно в такую комнату с претензией на палаты я и угодил. И был тронут до слез.

Комната была освещена со всех сторон, и даже пол отражал языки пламени из печи. Длинный стол ломился от тарелочек и чашечек, полных разноцветными закусками, и я был уверен, что до подачи основного блюда предстояло еще немало преодолеть. За столом сидели двое

мужчин, одна женщина, а во главе его восседала величавая прародительница, чья-то бабушка, может, даже и моя. Она могла быть матерью или бабушкой дяди, его жены, его двоюродного брата, или кого угодно еще (о родственных связях читатель уже уведомлен).

Вот, подумал я, настал час моей славы! Я был польщен. Я чувствовал, что именно здесь, среди трудовых людей, крестьян и скотоводов, чабанов и молочниц, талант мой будет оценен и восхвален по достоинству.

Хмурые и подчас даже растерянные лица гостей меня не смутили. Ведь это были люди села, привыкшие после тяжелого дня посидеть за столом, вкусить здоровую пищу, которую они сами же и добыли от своего скота, из своих полей и огородов, и покумекать о севе, жатве или чем-то подобном.

Это выглядело торжественно, и я надел соответствующую случаю маску на свое лицо. Я обошел гостей и со всеми поздоровался, как того требовал обычай, ведь хоть я и оказался на правах хозяина дома, все же являлся младшим по возрасту и должен был выказать уважение, прежде чем на меня посыплются комплименты и мои литературные труды станут темой всего вечера, а то и ближайшей недельки-другой.

На меня косились, протягивали руки, кивали головами. Что говорить, ведь приехал родич из города, настоящий франт и к тому же писатель, без пяти минут лауреат какой-нибудь премии или кавалер каких-нибудь золотых орденов. И тут вошел дядя, сразу испортивший величавость картины.

– А, проснулся, лентяй! Садись поешь и пока не мешайся под ногами!

Это было грубо даже для такого неотесанного человека, каким был мой добрый родич. Он даже не удосужился представить меня гостям, и только поистине сестринская улыбка его жены сдержала меня от того, чтобы обдать его ледяным взглядом. И я простил его опять.

– И что, большое? – спросил важный мужчина, лет сорока пяти, не обращая на меня никакого внимания.

– Огромное! Вот такое! – ответил другой, с отекившим, блестящим от пота небритым лицом и синевой под глазом. Руками он держал воздух, как будто держал голову убитого врага.

– Невероятно! – вставил дядя и задумчиво устремил взор в дали, недостижимые для простых смертных.

– Где дети? Надо их хорошенько расспросить. Наверное, они что-то напутали.

– Нет-нет, аким-ага! Я сам видел, собственными глазами, – ответил мужчина с заплывшими очами.

Тут я понял, что дотолпе видел только мираж. Эти люди собрались вовсе не для того, чтобы чествовать меня. Ведь здесь сидел сам аким – глава аула, села или даже чего-то покрупнее, вроде района или области. Это был мужчина солидный, с галстуком, едва дотягивающем до пупа, с бычьей шеей и стрижкой ежиком, венчавшей куполообразную голову. Он был одет в белую рубашку и тем выделялся особенно. Я тогда еще не видел, что под столом его ноги были разряжены в комфортные штаны фирмы «Аидидас» с тремя полосками по бокам, а завершали его туалет черные туфли с зауженным носиком.

Дядя рассказывал, что население аула превышало две тысячи душ разных возрастов, имело школу, три магазина и, конечно, самое статусное и бесспорно важное учреждение – акимат, то есть местное правительство. Раз в гости пришел сам аким, значит, случилось что-то поистине незаурядное, и я с сожалением был вынужден признать, что это событие

превышает статусностью мой звездный приезд. На меня глядели либо с равнодушием, либо не глядели вовсе, хотя дядю и одолевал нервный глазной тик, когда он смотрел в мою сторону, а Бибисара улыбалась мне как-то игриво, как будто мы были соучастниками тайного сговора.

Что же такого произошло – выяснилось довольно скоро. В дом забежали ребятишки – такие мальчуганы лет от пяти до десяти, с чумазыми лицами, в перепачканных одеждах и в разнообразных обувках от шлепанцев до сапог. Они могли быть моими племянниками, внуками, братьями или просто соседями дяди.

Одного такого поймал важный аким и немедленно повел допрос, в то время как остальные устремили глаза в пол. Кто бы мог подумать, что вместо законного требования угощений эти хулиганы, наверняка проводившие большую половину дня в уличных играх, драках, лазаниях по деревьям или купаниях в глубоких лужах, будут стоять так смиренно и покорно, как будто их что-то сильно растревожило.

– Рассказывай все, что видел, мокроносый, а не то я посажу тебя в тюрьму! – заявил аким.

Этого было достаточно, чтобы мальчуган оставил все свое озорство и приступил, давясь от слез и страха, к даче показаний.

– После школы, аким-агай, мы гуляли в лесу, там, где хозяйство дяди Жанибека. Он когда-то показывал нам тропинку, по которой ходят охотники. Вот туда мы и направились, чтобы немножко поиграть и потом пойти домой делать уроки.

– Оставь это вранье для своей матери, малявка, я ведь знаю, что ты троечник и останешься в четвертом классе на второй год. Говори по существу, или я привяжу тебя к хвосту коня и пущу его в степь.

Так сказал достойный аким. Его жесткий лик был отмечен печатью доблести в это мгновение, и даже я встрепенулся. Что говорить о мальчугане, который затараторил со скоростью известного американского рэп-исполнителя, известного миру под псевдонимом Эминем.

– Сначала мы дрались палками, и я поколотил Асылбека. Потом он побежал за мной, чтобы отомстить, но меня ведь не догнать. Тогда он стал кидаться шишками, но и то не попал, потому что он косой...

– Врешь! Ты... ты... – закричал другой мальчуган – по всей видимости, названный при рождении Асылбеком.

– Сам заткнись! Не видишь, что ли, мужчины разговаривают! – ответил допрашиваемый, выпрямил спину и задрал подбородок.

Никто из взрослых не смог сдержать улыбки, а вот аким был непреклонен, как стародавний бий, взявшийся распутать сложную межродовую распрю. Мальчик дрогнул под его огненным взором и продолжил:

– Мы забежали далеко, и тогда я увидел это яйцо! Оно было огромное, аким-агай, как будто яйцо тираннозавра! Вокруг ползали змеи и тараканы. Это было ужасно! Я, конечно, не испугался, а вот Асылбек струхнул и заплакал.

Асылбек и правда заплакал. Только не от испытанного ужаса, а от бессилия, потому что его сдерживали и дети, и взрослые и не давали ответить обидчику ни кулаками, ни языком. Но аким положил этому конец, отправив детей в сторонку и стукнув кулаком по столу.

– Яйцо динозавра! Чего только эти дети не придумают. Наверное, нашли гнездо какого-то орла и перетрусили. И чего такой шум-гам подняли? Весь аул на ногах!

– Нет-нет, аким-ага. Я сам видел, собственными глазами, – повторил мужчина с подбитым глазом. – Это яйцо тигрового питона!

– Эй, Жаке, уж ты-то помолчи! Тебе с перепоя и не такое покажется. Тигровый питон! И откуда он такое взял? – обратился аким уже к окружающим. – Где тигр, а где питон, а? Дурак!

– Зря вы, аким-ага! Я ведь сам таких видел по телевизору. Там точно такие же яйца показывали!

– Брось, брось, Жаке. Посмотрите на него! Ему зеленая змея уже мерещится, пока стопку не поставишь. Иди лучше покажи, где это яйцо, и принеси его сюда, поглядим, – велел аким.

– Разве можно! – вдруг запротестовал дядя. – Нельзя его трогать! Ведь если это яйцо змеи, тигровой или зеленой, уж не знаю, то что, по-вашему, сделает разъяренная самка, когда найдет свое гнездо пустым? Она нападет в ответ и украдет человеческого младенца.

Право же, нет ничего печальней, чем потуга автора, который ради подчеркивания шутки пишет «ха-ха-ха», силясь вызвать у читателя смех, хотя бы из жалости к его трудам. Поэтому я вынужден сказать, что грохнул, взорвался, заржал, ибо слово «прыснул» будет звучать слишком лирично. Эта дядина шутка, высказанная с видом, достойным преемника вождя, произносящего речь на похоронах своего предшественника, была поистине очаровательна.

Но он посмотрел на меня сурово, как если бы я допустил кощунство. И, что еще ужаснее для моего и без того задетого самолюбия, остальные последовали его примеру и окинули меня строгими взглядами.

– Он городской, бедолага, – сказал дядя как бы в оправдание, и, к моему удивлению, гостям этой фразочки было достаточно, ибо они понимающе закивали, а на меня стали смотреть уже не осуждающе, но сочувственно.

Мне вновь пришлось проглотить обиду, поскольку я был в явном меньшинстве. Ведь только маленькая племянница подбежала ко мне в тот момент, взобралась на колени и зашептала какую-то белиберду в ухо. Этим я был спасен от дальнейших совершенно неуместных насмешек и остался сидеть так, с племянницей на руках, как человек взрослый и рассудительный.

– Правильно говоришь. В позапрошлом году чабан Айдар, который пас общее стадо, заплутал и провалился в какой-то овраг. Там он нашел волчье логово, и только счастливая звезда уберегла его от того, чтобы быть съеденным, ведь волчица была на охоте. Но в логове остались несколько волчат, и глупый Айдар решил взять одного себе и вскормить. Вы же помните, что было потом.

Все закивали, а дядя все равно продолжил:

– Волчица выследила его, пришла в его дом и откусила ему ногу. Он потом в город ездил, на операцию.

Все закивали вновь, а женщина за столом даже ахнула. Так как чабана Айдара среди гостей я вроде не наблюдал, то сделал вывод, что он до сих пор лечится в городе и наверняка не испытывает ни малейшего желания возвращаться в аул, где безнаказанно бродят волчицы. И я его понимал, мне становилось жутко. Даже не от рассказов про змей и волчиц, но оттого, что все присутствующие, почтенные люди, привыкшие жить плодами своих трудов, такие близкие к природе и животному миру, не просто верили в сказанное, но как будто полагали, что иначе не может и быть!

И тем не менее аким вновь показал свою непреклонную власть и велел мужчине с опухшим лицом, которого он называл Жаке, взять в помощники моего дядю, несколько мальчуганов из наиболее рослых и отправиться туда, где обнаружили это таинственное яйцо.

– Наверное, это яйцо какого-то орла или беркута. Сейчас принесут его, и мы все посмеемся. Этот Жаке постоянно находит что-то и норовит втоухать какому-то дураку, – тут он зачем-то посмотрел на меня и продолжил говорить, а женщины его слушали с вниманием и почтением.

Из дальнейших его рассказов я понял, что этот Жаке редко был отягощен делами и насущными его занятиями были попытки раздобыть известное прозрачное зелье или по крайней мере средства, на которые его можно было приобрести, а иногда и выменять. Судя по блеску глаз при виде бутылочки с похожим содержанием, которую Бибисара выставила на стол в самом начале, и блаженных метаморфоз на лице Жаке, сравнимых разве что со счастьем влюбленного юноши, которому после томных недель ожидания красавица наконец предоставила щечку для поцелуя, этот напиток являлся квинтэссенцией его деятельности и вообще бытия. Так что доверия ему было не больше, чем детям, а ведь только они и видели яйцо, которое взбудоражило аул и даже самого акима!

Бибисара хлопотала на кухне, а ее маленькая дочка наконец спрыгнула с моих подзатекших колен и убежала помогать или мешать матери. Без нее я остался как будто без брони, и аким тут же обратил на меня узкие щелочки своих уполномоченных глаз.

– Значит, ты племянник Касыма? – так зовут моего дядю, и я кивнул. – Значит, сочинишь стихи?

Я вновь кивнул, хотя стезей моей была проза. Ведь наконец-то речь зашла о чем-то важном, и я благодарно обвел взглядом всех присутствовавших – почтенную прародительницу и женщину, не то жену акима, не то жену Жаке, а возможно, и обычную соседку-кумушку Бибисары. Она всхлипывала и вздыхала во время разговора, и до сих пор зажимала платочком рот, видимо, все еще раскрытый от изумления.

– А на домбре умеешь? – строго спросил аким.

– Нет, но я пишу...

– А-а! – зачем-то прервал меня аким и даже махнул на меня рукой, как будто перед ним сидел пустомеля.

А ведь я хотел поведать ему о задуманном романе о жизни аула и снова сделал попытку заговорить, но и тут он проявил свою власть, которая казалась не выборной, а потомственной.

– У нас тут все поэты. И на домбре играют и поют.

Я не поддался на провокацию и снова открыл рот, чтобы объяснить ему разницу между прозой и поэзией, между импровизацией акынов и словом печатным.

– А-а! – вновь сказал он многозначительно.

Но вместо очередной мудрости он не изрек ничего, потому что в комнату вошла Бибисара и на подносе принесла дымящийся бульон в фарфоровых пиалах. Она разнесла его гостям, а посередине стола поставила мисочку с куртом. Надо сказать, что я порядком проголодался и манящий дымок, паривший над сорпой, заставил меня позабыть об акиме и его расспросах.

Выпив свою порцию, я почувствовал прилив сил и спросил акима, что привело его нынче в дом моего дяди, и, чтобы не показаться бестактным, присовокупил весьма остроумную шутку.

– Уж не являетесь ли вы нашим родственником?

– Мы из одного колена по линии нашего прапрадеда Ахмет-бия, – не моргнув глазом объяснил он.

Теперь я понял, почему должность его мне показалась наследственной, коль скоро в нашем роду в каком-то далеком поколении был бий.

– В акимате наводнение, поэтому я работаю здесь сегодня. У нас же ЧП! Яйцо! Я должен реагировать! Бибисара, скоро ли будет плов?

Так он ответил на мои вопросы, и после вдумчивого размышления они показались мне исчерпывающими. Судя по тазику с водой, который предоставила мне Бибисара прямо в гостевую спальню, и по туалету на улице, я сообразил, что в поселке имелась проблема нехватки воды. Видимо, вся вода трубами была подсоединена к акимату как самому нужному зданию, и потому там случилось наводнение – от обильного напора. Не успели, так сказать, распределить водные ресурсы. Ну а где же еще работать главе региона, как не в самом гостеприимном доме, в котором обитает умница Бибисара и ее миловидная дочка, моя племянница?

Отныне я был удивлен только тем, что в комнате не было участкового, главного врача, директора школы и остальных функционеров, но аким будто предугадал ход моих мыслей и не то сказал, не то отпрыгнул в сторону:

– Участкового надо звать. И врача! Вдруг это яйцо заразное! Протокол надо составить!

Все сошлось, и я умолк. Стало быть, ЧП, стало быть, яйцо. Именно оно было причиной всему происходящему, причиной, по которой дом моего дядюшки на время стал проходным двором.

Из открытой форточки, обтянутой пузырем марли, послышался шум. Он нарастал, как будто дом моего дяди окружали со всех сторон, как будто разъяренные аульчаны узнали, что здесь затаился враг нашего рода, или, возможно, люди узнали, что в аул приехал знаменитый писатель, кто знает.

В любом случае шум становился все гуще, все громче, и тогда я стал даже радоваться присутствию в доме главы округа, ибо выглядел он настоящей скалой, за которой можно спрятаться, если вовремя покормить ее пловом.

Послышался скрип калитки и многочисленные голоса. Потом звук шагов по ступенькам крыльца и полу прихожей, и, наконец, в залу вошли люди. Это был не участковый, которого призывал аким, а только Жаке. Выглядел он, правда, поистине благоговейно, ведь впереди себя он нес нечто вроде колыбели, свитой птицами и зверушками, как будто для мальчика Маугли. За ним в комнату вошел мой славный родственник дядя, и далее их сопровождал хвост из давешних мальчишек, которые растеклись по стенкам залы и стали наблюдать за священнодействием Жаке. Он же несмелыми шагами углубился в комнату и поставил диво из веток, соломы и еще каких-то растений прямо на стол.

И тогда мы увидели невероятное.

Женщина, сидевшая за столом, снова ахнула и едва не повалилась в обморок. Если бы не диво, которое было предоставлено нашему обзору, я бы подумал, будто она пародирует героиню мексиканского сериала. Но бравый дядя ухватил ее за плечи и потряс, чем быстро привел в сознание, хотя и заслужил почти враждебный взгляд своей милой супруги.

Надо признать, едва не ахнул и я сам, ибо на столе лежало огромное яйцо желтого цвета, в которое мог поместиться взрослый, откормленный кот.

– Массаган! – буркнул аким и растекся по стулу, будто сраженный стрелой неприятеля. А значило это высказывание что-то вроде «Вот те раз!», или, проще говоря: «Оба-на!»

– Алла-а! – закричала в свою очередь женщина, словно увидела труп любимого, и зарыдала.

– Вот, аким-ага, я же говорил! – торжественно объявил Жаке, когда руки его освободились от грозной ноши. – Разве я когда-нибудь врал вам? А вы мне не верите...

– Ладно, ладно, еще ты заплачь, – сказал аким, вновь беря уздечку разговора в свои пухлые руки с закатанными рукавами рубашки и губы, увлажненные нажористым бульоном.

Жаке воспрял. Казалось, что он получил некое разрешение, некую санкцию, так что откупорил бутылку, поставленную на стол для почетных гостей, так широко, так вожделенно раскрыл рот и уже готов был вылить в себя содержимое прямо из горлышка, но что-то остановило его. Может, укоризненный взгляд Бибисары, может, мое присутствие, а может, врожденное чувство гордости. Так что он оставил эту варварскую затею и обратил взор на пиалу, которую я успел опорожнить, налил пахучей жидкости в нее, и теперь его было не остановить никакой стихией. Ведь даже если бы землетрясение разорвало бы землю пополам, он все равно успел бы выпить и погибнуть в блаженстве.

Этот славный человек, полный страсти, был не лишен обаяния. На лице его отразилась нирвана, так будто только что исполнилась мечта его детства. Потом он взял кучку сухофруктов и закусил ими нектар своей жизни. Все было с тщанием прожевано и вскоре, после дёрганого движения могучего кадыка, исчезло в горниле его желудка. Он был счастлив, как поцелованный ангелом смертный.

– Ну что, аким-ага, когда выступишь мою долю? – спросил Жаке, чем привел акима в недоумение.

– Какую долю, ты, тупица проклятый? Выпил и иди себе!

– Как это какую, как это какую!? – возмутился Жаке. – Да, яйцо нашли пацаны, но они несовершенно... хык... летние...

Он икнул и немножко смутился, и тут же улыбнулся, как добрый беззубый волшебник. Икнув еще раз, но уже напоказ, почти театрально, он под шумок налил себе еще немного горячительного и поспешно выпил, как больший выпивает живительную водичку.

– Так что, считай, я первый обнаружил яйцо, – Жаке перешел с акимом на «ты». В который раз я убеждался, что огненная вода способна пробудить в тихоне орла. – Беру всех в свидетели! – тут же продолжил воодушевленный Жаке, который теперь своим напором и горделивым жестом руки напоминал оратора в римском сенате. – Аким! Все знают, что я нашел яйцо! Теперь ты не сможешь продать его... Хык! Моя доля – пятьдесят... хык... процентов.

Аким оглядел присутствующих и понял, что никто ничего из сказанного не понял, ровно как и он сам.

– О чем говорит этот алкаш? – спросил он почему-то меня, как будто я был в доле с Жаке.

– Наверное, он думает, что вы хотите продать яйцо как находку, – предположил я.

– А-а! А он не хочет, чтобы я посадил его на трое суток за пьяный дебош? – так же доверительно, почти шепотом аким вновь поинтересовался у меня.

– Думаю, он считает это яйцо ценным объектом. Государство ведь платит за археологические находки, – снова предположил я.

– А-а! – на сей раз это звучало удовлетворенно.

Мы оба посмотрели на Жаке, как адвокат и судья, которым высшими силами поручено решить его судьбу. Он кивнул.

– Это яйцо тигрового пи... хык... тона. Такие только в Индии водятся. Я по теле... хык... зору смотрел. В зоопарк продадим. Моя доля – пятьдесят.

– А-а! Хорошо, хорошо. Садись, дурак, посиди, – сказал аким.

Жаке поддался уговору и сел, пока аким гладил его по голове, как блаженного. Не прошло и минуты, как бравый алкоголик захрапел.

– Что же это за гигант-то такой? Орлиное, что ли, яйцо, а? – спросил аким у моего дяди.

– Здесь орлы не водятся, – почесал голову тот. – Не может быть.

– Масаган! – аким снова сел и уставился на яйцо.

Дети заглядывали на это чудо-юдо через наши плечи и головы, и мы, сидевшие за столом неглупые люди, также не умели найти ответа. Наконец аким решил прикоснуться к яйцу, как будто это могло приблизить его к разгадке сей тайны. Он потянул ладонь, и вот-вот она должна была коснуться желтой скорлупы здоровенного яйца, как раздался крик. Он тут же одернул руку, чем выдал свой страх, словно жулик, едва не пойманный на месте преступления, а еще точнее, будто слуге народа протягивали плотную, пышную пачку зеленых, но честь вдруг возобладавала над корыстью, и он сумел ее не взять.

– Не смей этого делать, аким! – это звучало как призыв к милосердию, но твердый, как изъявление последней воли жены висельника. Это были слова женщины, все время плакавшей, и тем нагонявшей на окружающих тоску и окутывающей злосчастное яйцо ореолом необъяснимости. Хотя крика ее было достаточно, все же она посчитала необходимым обвести пространство вытянутой рукой. Она окончательно привлекла внимание всех гостей, случайных, вроде акима, и законных, вроде меня. – В год, когда у богача Нурпеиса из рода Садыр сгорел дом, лет двадцать... десять назад, когда я была молодая, охотники нашли на северном склоне Тарбагатая точно такое же яйцо. Это вам подтвердят аксакалы... или любой из моего аула... И когда охотник притронулся к яйцу, оно раскололось, и оттуда выпулились змеи. Не тигровые, как сказал мой муж, – она наконец невольно прояснила мне свое происхождение и причину участия в собрании, – а ядовитые, маленькие и черные. Сто... нет, тысяча змей! И тогда в нашем ауле, когда я еще жила под кровом родителей, перед тем как этот несчастный забрал меня к себе женой, случилась беда. Эти змеи покусали детей, и потом началась эпидемия. Холера или чума, я не помню – я же не врач, – но пол-аула умерло.

– Ойбай! – улыбнулся аким. – Что ты городишь, баба? Надышалась, что ли, сивухой от своего ненаглядного алкаша?

– Ах ты, взяточник проклятый! Да я тебя под суд отдам, я в органы обращусь, и на тебя найдут управу! Я тебя свалю!

Правитель волости ничем не выдал своего волнения, однако к угрозе представительницы электората, которая вошла в образ Немезиды, отнесся с серьезностью.

– И что, пол-аула померло?

– Да!

– А куда делись змеи?

- Они расплескали свой яд и подошли.
- Вот как! Удивительные создания.
- Не создания, аким, а порождения ада!
- А-а! – аким вновь казался удовлетворенным.

Такой между ними состоялся диалог, и я даже не знал, воспринимать это как шутку или, подобно остальным, важно покивать. Было видно, как аким напрягает свой лоб, как сдвигаются его суровые брови, как весь он раздувается, а струйки пота текут по отъеденному на государственных харчах лицу. Дети вокруг, да что говорить, и все взрослые, затаили дыхание в ожидании его решения. И он решил:

– Тогда я не буду его трогать.

Женщина осталась довольна. Электорат победил. Глас народа был услышан и, что почти невероятно, воля его была исполнена. Так бывает в поистине демократических обществах, примеру которых мы все стремились подражать. Почтенная матрона, преисполненная гордости за свое деяние, села.

– Что будем делать, Касым? Может, и правда, какая-нибудь нечисть вылупится?

Мой дядя, бывший охотник, знавший леса и горы Тарбагатая наизусть, лишь пожал плечами. По-моему, он не хотел брать на себя и доли ответственности за происходящее, ведь если из яйца вылупятся змеи, гибель грозила всем нам, невольно оказавшимся на пути этих скользких ползучих гадов. Версия с тысячей черных змей казалась еще более чудовищной, чем та, с тигровым питоном.

Дядя подсел к акиму, неподалеку от яйца.

- Может, вызовешь спасателей? – предложил он.
- Из города? – уточнил аким.
- Да.
- Они нас спасут?
- Если успеют.
- А если нет?
- Тогда надо вызвать еще скорую.
- Две кареты?
- Или даже три.

Лично меня версии со змеями и орлами хоть и пугали, но не вполне удовлетворяли, так как тогда и до сих пор я считал себя человеком, одаренным глубокомыслием. Сельские жители, вероятно, не видели кинофильма под названием «Чужой», так как с прокатом видеокассет или компакт-дисков у них было туго. И потому я не могу обвинять их в том, что никто не предложил эту наиболее правдоподобную версию. Ведь из такого же яйца в кинофильме вылуплялись инопланетные личехваты, а я пребывал в уверенности, что сие было бы пострашнее змей и орлов.

Напряжение нарастало, однако, поскольку никто даже не думал спасти свою жизнь бегством, даже мальчишки, я сделал вывод о потомственной храбрости аульчан. Речь уже шла о вызове военных, когда случилось страшное.

Яйцо, до времени лежавшее вполне умиротворенно и только своим видом и исполинскими размерами напоминавшее всем о своей чудовищности, вдруг пошевелилось. Это увидели не сразу, а только после сухого звука, треска веточек под ним. И тогда оно затряслось, как будто нечто внутри стремилось к свету, стремилось родиться, чтобы пожрать все вокруг.

Все отскочили от яйца, когда оно двинулось в третий раз. Послышался всеобщий вздох.

– Касым! Неси ружье! Эй, сопляки! Бегите в подвал и несите топоры, косы и все тяжелое! – аким раздавал приказы.

Этот глава племени распорядился в доме дяди и Бибисары как высший властелин, которому бразды правления достались от Всевышнего. Ведь иначе, думал я, он не мог знать в каких местах хранятся те или иные предметы хозяйства моего дяди.

Вскоре приказы его были исполнены. На яйцо было направлено два охотничьих ружья, женщины и мальчишки вооружились ножами, топорами, вилами и лопатами. Наш род собирался встретить неприятеля, и это выглядело величественно в своей грозности. Даже я сильно ждал кулаки, ибо был одним из этого воинственного рода.

Но нападению не суждено было случиться. Неожиданно встала прародительница, доселе мирно почивавшая на другом конце длинного стола. Голос ее был подобен грому труб.

– Дураки несчастные! Олухи пустоголовые! Не смейте стрелять в это яйцо!

Авторитет прародительницы был настолько высок, что я мысленно утвердился в том, что она являлась бабушкой всем присутствовавшим. Даже дремавший Жаке вскочил, выпрямился смиренно, хотел отдать честь, но вместо этого потянулся за бутылкой.

– Слушайте, слушайте, ослы неповоротливые! Если бы в ваших головах было хоть что-то кроме кизяка, вы бы сразу обратились ко мне, и я бы сказала вам все!

Надо ли говорить, мой любезный читатель, что все взоры и все внимание было немедленно обращено на старушку. Мы вперили в нее умоляющие взгляды, мы готовы были пасть ниц и распластаться перед ней, как это делают католики перед алтарем в их готических соборах. Мы жаждали узнать истину из ее мудрых уст. И она как самая старшая представительница рода жалилась над нами и сказала:

– Древнее пророчество теперь сбылось! О нем мне рассказывала моя бабка, а ей – ее бабка, а ей – сам древний старец, святой Ерназар-ата! Он говорил, что ровно через через двести шестьдесят четыре года, когда случится потоп и когда к склонам могучего Тарбагатая из города явится сумасшедший, небо соединится с землей и от этого союза родится ребенок-айдахар! Все вы знаете, что сейчас как раз год дракона. И этому мальчику-дракону предначертано встать во главе нашего рода, когда я умру, и повести его к величию!

– Он что, станет президентом? – задал я вполне здравый, как по мне, вопрос.

Прародительница смерила меня уничтожающим взглядом с густым наливом презрения, так что я почувствовал себя абсолютным тупицей или сумасшедшим – тем самым, из пророчества. Тогда я был уверен, что подобное чувство должен был испытывать любой на моем месте, сжигаемый этими строгими очами, однако спустя время, я все же запознал себя в малодушии и излишней самокритичности.

– Потоп! Потоп же в акимате! – аким хлопнул себя по лбу.

Наверняка он был смущен тем, что не ему суждено встать во главе рода, но все же до сорокалетия мальчика, который должен был родиться, судя по всему, из яйца (а именно такой возраст предписан кандидатам в президенты нашего Казахстана), было еще много времени, и аким успокоился.

Старушка, поразив всех нас вестью из седых времен, села и представила нам разбираться со сказанным по своей воле. Но мы были настолько поражены известием о рождении мальчика-дракона, или, точнее, о его вылуплении из яйца, что были словно парализованы. А вот жена Жаке, уже имевшая успех на ораторском поприще, не растерялась и закричала, как это было у нее в привычке:

– Зачем вы это сюда принесли!? Разве может из яйца вылупиться человеческий ребенок? Это происки шайтана!

И тут погас свет. Да, да, мой драгоценный читатель, как заклинание, как призыв злого духа, сработало сказанное безумной теткой. Ибо все погрузилось во тьму, и вокруг послышались крики, визги и плач. Эти звуки горя людского довлели над нами, заполняли пространство, готовые вот-вот поглотить все живое. А злополучное яйцо гигантских размеров светилось и будто отражало зловещее пламя на грубое, беззубое лицо пьяницы Жаке...

Я дотеле не сталкивался с нечистой силой и немного растерялся. Это безобидное чувство, правда, выплеснулось наружу коротким криком, чисто мужским, как бывало в эпоху батыров, воины выкрикивали боевой клич перед битвой. Не более того.

Но, когда свет вновь победил тьму и воцарился в гостевой зале, первым, что я увидел было смеющееся лицо дяди. Он явно вздумал вогнуть меня в трепет, но и этого удовольствия я его лишил, скрыв свое беспокойство за лицом праведника. Но его было не провести:

– Что, испугался? Слышали, как он кричал? Одно слово – городской. Помогите, спасите!

Я точно помнил, что не кричал ничего подобного. Это было что-то вроде короткого «ах», «эй» или даже «эхе-хей!», но дядя все опошил, а остальные, как водится, его поддержали, хотя бы потому, что им было удобно взвалить и свой испуг на меня как человека нездешнего.

– Спасите, так кричал, да? Ой, умора! Вот дает, трусишка! – хохотал аким, хотя слезы страха еще не обсохли на его лице.

Даже дети, стоявшие вдоль стен и плакавшие еще минуту назад, теперь указывали на меня пальцами и хихикали открыто. Пришлось обратить скорбную мину в доброе и простодушное лицо, пусть и глуповатое. Раз уж сам лидер всей вотчины решил мною прикрыть свой позор, я был вынужден подчиниться и принять удар на себя.

Однако все это не отменяло главную проблему и главный источник всеобщего страха – яйцо.

Тут в комнату вошла Бибисара с огромным подносом.

– Эй, Касым! Хватит уже мучить людей! Плов готов.

– Как, жена! – воскликнул дядя. – Разве сейчас время ужинать? Видишь, гостям теперь не до ужина.

– Я сказала, хватит смеяться. Если у кого-то пропадет аппетит из-за твоих идиотских шуток и дорогие гости не отведают мой плов, то, видит Аллах, я от тебя уйду!

– Что такое? Бибисара, дорогая, что ты говоришь? – вступился аким. – Это что, какая-то шутка?

Дядя вдруг разразился смехом, достойным Иблиса. Он смеялся весело, заразительно, издевательски и долго. Пока Бибисара не стукнула его ложкой по башке, да так, что все услышали нечто вроде звона колокола.

И вот произошел раскол. Сначала раскололся дядя и поведал нам всем о том, как он съездил на Зеленый рынок в Алматы и как внимание

его привлекло не обилие товаров, а это самое яйцо, за которое он отсчитал уйму денег, а принадлежало оно, по словам торговца, огромному страусу эму.

Тут вновьбрякнуло оружие, которое вооруженные дети и аким успели отложить. На сей раз они хотели направить его на шутника-дядю, но он успел рассказать, как стоял перед торговцем с округленными глазами, а тот рассказывал ему всякие небылицы о яйце. И поскольку сам дядя на короткое время пребывал в шкуре сегодняшних его гостей, в шкуре недалекого аульчанина, склонного верить во всяческие легенды, увидев нечто незнакомое его взору, то его пожалели и не убили тут же.

Настроение всех присутствовавших улучшилось еще и оттого, что на столе красовалась оттенками желтого, оранжевого и красного праздничная гора плова. Дети немедленно заняли свободные места, а их было достаточно за длинным столом, побросали топоры и ножи и вооружились ложками.

А затем произошел второй раскол – дядя разбил-таки злосчастное яйцо, чтобы все увидели его содержимое. Вместе с Бибисарой они отнесли его на кухню, чтобы зажарить, запечь или даже замариновать – о том я не ведаю. Но не прошло и часа, как на столе появилась самая большая яичница, которую я или любой из гостей когда-либо будет иметь наслаждение увидеть и съесть.

Даже прародительница отведала этого блюда, и, хотя древнее пророчество не сбылось, она ничем не выдала своей досады. Вероятно, она не видела ничего зазорного в том, что зря перепугала потомков, ведь огромных яиц на свете было много, и если именно в этом не оказалось мальчика-дракона, которому суждено стать великим и прославить наш род, это вовсе не означало, что он не вылупится из другого. Иного объяснения ее самоуверенности я найти не могу.

Так большим пиром закончился этот день, и согласно традиции после ужина все были отпущены по домам с полными карманами и пакетами угощений. Только совершенно сонный Жаке, полностью удовлетворивший свою единственную страсть, был оставлен ночевать в доме дяди, а вместе с ним после недолгих раздумий мужественно согласилась остаться и его впечатлительная супруга.

Поскольку весь следующий день, который я должен был провести в ауле, был предназначен для хождения по горам и охоты вместе с дядей, я полагал, что вряд ли сумею в этот раз вновь насладиться столь замечательным обществом. Поэтому после всех переживаний я всей душой желал оставить о себе добрую память в этом замечательном месте и раздарил детям, ставшим зачинателями всех дальнейших событий, много вкусностей, которые привез с собой из города. Полагаю, я не без основания заключил, что именно дети как самые многословные и пронырливые представители местного населения сумеют как должно разнести обо мне благоприятную славу.

Ведь кто знает, может быть, скоро мне выпадет случай вернуться и вновь предстать перед этой приветливой компанией.

* * *

Возможно, среди отважных читателей найдутся такие, кто дочитал мой сказ до сего параграфа. И я посмею высказать надежду, что вы

будете настолько снисходительны, чтобы проявить интерес к еще одной детали, произошедшей в ту ночь.

Когда смолкли аульные псы и луна достигла своего зенита, я проснулся от навязчивых яичных кошмаров. Мне пришлось долго приходить в себя, прежде чем я осознал, что до утра мне не дотерпеть и уже теперь, в кромешной тьме, организм гонит меня воспользоваться местными удобствами. Я собрал свое мужество в кулак, оделся и пошел.

Как уже было описано, тропинка во дворике уходила в три стороны, и я выбрал правильную, ведущую к уличной будке. Но что-то тревожило меня, что-то терзало мне душу. И это были не отклики ночных кошмаров, но нечто вполне осязаемое. Уши уловили треск костра, а глаза различили свечение языков пламени. По дорожке, которая вела к мангальному месту, я пройти побоялся, но все же приблизился, притаился, пригляделся и прислушался.

Там в полном одиночестве колдовала почтенная матрона, жена алкоголика Жаке. Она приплясывала вокруг костерка, а из уст ее выскакивали какие-то дикие заклинания. Одновременно с этим странным обрядом она бросала в огонь осколки яичной скорлупы.

Олег ПОГАСИЙ

Родился в Ленинграде в 1955 году. Окончил Карагандинский политехнический институт. Работал в Ленинграде инженером в строительном тресте. В настоящее время фрилансер. Публиковался в периодических изданиях России, Украины, Литвы, Израиля, в журнале «Дискавери». Живет в Санкт-Петербурге.

ИМИТАЦИЯ

(Из цикла «Похождения Арсения»)

«Прикрыл бы, что ли», – скривился Арсений и поздоровался с Пашей, выносящим окровавленную, разрубленную надвое мышь в детском совке для игры в песочнице. Столкнулся с ним на лестничном марше к последнему этажу, лифт в блочных пятиэтажках не предусматривался. Детей у Кати и Паши Соколовых не было, а совок был откуда-то, как въехали, всегда. «Ты к нам? – спросил Паша и опустил руку с совком, стараясь убрать с глаз, ближе к перилам. – Всю неделю шуршала обоями за мебелью, по трубам бегала». «Смущение оставляет ему шанс», – подумал Арсений и ответил: «А к кому еще?» Арсений не питал по отношению к Паше никаких иллюзий, вообще не питал иллюзий относительно большинства населения, независимо от цвета кожи и разреза глаз охочего до зверств. Открыла Катя.

«Привет». – «Привет». – «Флешку пока не нашла, надо в пристенном поискать, в коробках. Проходи, не стой». Арсений прошел, сел за стол. Катя принесла поднос, спохватилась, что забыла чашку, пошла на кухню. Арсений поправил скатерть, взволнованную подносом, на котором блюдце варенья с вишневыми отмелями и кочками ягодок; белоснежный фаянсовый чайник с потемневшей полостью носика, по которому побежит терпкий аромат, на выпуклых боках – китаянки в красном с высокими черными прическами, прижученными длинными шпильками; закрывающие половину лица веером, как оторванными крылышками той же бабочки Чжуан-цзы, решившего, вопреки дао, разорвать неопределенность – так кто же спит всё-таки? А сахарница, доверху груженная рафинадом...

Арсений приостановил себя. Рассматривая неодушевленные вещи, в особенности бытового назначения, на порядок меньше тратишь энергии, чем при концентрации на дышащ ей материи, но вырабатываемая сознанием импровизация в основном лежит в эстетической плоскости,

вскользь касаясь этики, и тогда есть искус стать жертвой бесплодных, хотя местами выразительных и точных, сравнений, как бывало со стихами акмеистов в начале творческого пути. Вернулся Паша. Грохнула, включившись, колонка – так, что открылась дверь ванной комнаты. Паша сел напротив Арсения, вытирая руки платком: «Полотенца нет, я бы тоже чайку». Катя принесла две чашки, глянула на Пашу, Арсения: «В стирку бросила, сами разливайте, я флешку поищу». Она выкатила ящик на колесиках из шкафа до потолка, нет, тут одни тряпки, разочарованно пробежала по ним рукой, задвинула, второй – с бижутерией, коробочки, коробочки, здесь может быть, и, спиной к Арсению, торжественно приподняв интонацию, сообщила, что Паша крестится, к батюшке ходили, повернулась, тряхнула круглую, пластиковую коробочку, не пустая, и, пробуя разомкнуть её, загадочно улыбнулась: «Как некрещеным быть, если у нас такое событие, ожидаем мальчика?» Арсений удивленно посмотрел на её гибкую фигуру, задержал взгляд на животе, обтянутом маечкой, пожал плечами, но спросил: «Скоро?» «Заповеди выучил, молитву нет, путаюсь, стихи в школе плохо наизусть заходили, время – неделя, двойку не поставят», – разлил чай по чашкам и засмеялся Паша. А Катя, с обидой на резьбу, притопнув ножкой: «К осени ждем... Паше белую рубашку отгладила, полотенце новое для этого дела купили, с батюшкой беседа была». «Надо, надо, все крещеные, а я нет, нехорошо получается, как этот, иноагент», – засмеялся Паша. «Язычник, язычник!» – подхватила Катя; а Паша нарочно сделал лицо глупым, высунул язык и загоготал. Паша работает машинистом в метро, Катя – специалист по продаже туристических услуг. Катя просила флешку для мужа. Арсений знал Катю с детства, их родители дружили, вместе с ней учились в одной школе, в одном классе, случайно встретились несколько лет назад, она уже была Соколова, оказывается, живут через два дома, а флешка мужу теперь без надобности, крестится, а Арсений загорелся одной темой, вспомнил, что на том носителе что-то такое было, а откуда скачал, не вспомнить. «Дай мне», – Паша встал, подошел к Кате и протянул руку. «Смотри не скрути, пригодится еще», – Катя выпрямила ладонь с коробочкой и подвинулась, раскрыв до упора дверцу с зеркалом, которое на всю внутреннюю сторону полотно умножило Соколовых на два. Коробочка под брошь из фальшивых камней, сбрызнутых лимонным золотом, на булавке из натурального металла, перекочевала с излучающих теплоту женских пальцев в грубые мужские руки, повторяя свой путь в плоскости отодвинутой мнимости, сохраняя при этом вместе с передающим и берущим её субъектами удивительно точный светоносный реализм, как на картинах «малых голландцев». «Имитация!» – вспыхнуло слово у Арсения. Страдая бессонницей, Арсений нашел противоядие нескончаемой хаотичной череде образов, мешающих погрузиться в спасительный сон, когда он закрывал глаза. Транквилизаторы отшел сразу, дабы не стать заложником химии, а вот если не пытаться безуспешно выкинуть их из головы, ворочаясь с боку на бок, но одним словом обозвать весь пул невротичных переживаний, материализующихся в этих картинках, по телу побежит успокоительный холодок, мгновение – и ты уже сладко спишь. Этот найденный бессонной ночью метод сработал и сейчас, бабахнув словом «имитация». Флешка, к радости Кати и безразличию Паши, оказалась в этой коробочке. «Нашли!» – как драгоценность, держала Катя её двумя пальчиками, а Паша шумно закрыл шкаф, загнав в его темноту вторых себя и жену.

«Имитация, именно имитация, и ничто иное, – выхватив это слово, рассуждал Арсений, направляясь домой, – составляет и суть межличностных отношений, и ею пронизана вся жизнь институтов социума». А поднимаясь на свой этаж, перешел к широким обобщениям, уводящим в глубины тайн бытия. Но обо всем по порядку. По образу и подобию, как записано и повторяется на всех языках, сотворен человек и строит свои отношения с себе подобными. Входит в храм, который должен быть его домом. В храме человек проходит из притвора к алтарю, поднимается от земли к небесам; храм сияет и высится и вещает символами и словами царства Божия, в храме человек получает облачение, окормление, освящение, которые призваны приблизить к миру невидимому, дать видимость сокрытого. Повторяет путь жертвы и искупления ея. Но обряды таинств – Арсений нащупал ключ в кармане, открыл дверь – без веры – пустая трата времени, претенциозно обставленная пародия, а ежели совсем рискованно сказать – зарубленная мышь у газовой плиты. А вера всегда к чему-то приложена, в данном случае к признанию истины, которая откуда-то и кем-то передана, истины в последней инстанции, первопричины всего сущего, из чего всё берется и куда всё уходит. Арсений включил компьютер, в разъем вставил флешку, открыл файл со статьей, в которой развивается идея, лежащая на стыке физики элементарных частиц и философии, применительно к человеку. Арсений прокатал текст несколько раз, вчитываясь в заключения, подчеркивающие абзацы, желая пробиться в иное измерение, расшатывая забор букв протиснуться в поле смыслов, стоящих за словами. В конце текста выводилось парадоксальное утверждение, что человека как самостоятельной единицы нет в отражении, чем является сейчас его жизнь, образуемая светом элементарных частиц, и нет природы, отдельно стоящей, с чего происходит отражение, то есть бога, или первопричины, источника элементарных частиц, как называть, по усмотрению, но есть сама природа зеркала, его энергия, а это и есть человек и бог, или первопричина, в одном лице. Это было слишком глубоко и далеко, а о том, что ходит, говорит рядом, пьет чай – ничего окончательно проливающего свет Арсений не нашел, никакого другого слова, помимо «имитация», чем можно было назвать нашу жизнь, не появилось; вера вне факта и обоснования – возможно, это когда-нибудь у него получится, кто знает? Но, может быть, это не проблема Арсения, а такого слова не существует? Он выключил экран. И когда яркий свет взорвался в темное ничто, у Арсения спонтанно загорелся экран памяти: окровавленная мышь, лежащая на детском совке, и пробежали титры – «Не убей!».

Александр СМИРНОВ

Родился в 1986 году в Ярославле. Окончил математический факультет Ярославского госуниверситета. Кандидат физико-математических наук. Доцент кафедры теоретической информатики ЯрГУ.

Имеется более 150 публикаций в различных изданиях одиннадцати стран («Юность», «Нижний Новгород», «Журнал ПОэтов», «Нива», «Второй Петербург», «Вокзал», «Черновик», «Жемчужина», «Знание – сила» и другие).

Живет в Ярославле.

ТРАНСПОРТНЫЙ ВОПРОС

В городе исчезали автобусы. Они пропадали внезапно, вместе с водителем, кондуктором и всеми пассажирами, но самого исчезновения заметить не удавалось никому. Один свидетель клялся, что автобус проехал мимо него, другой же утверждал, что никакого автобуса в глаза не видел. Транспорт словно выпадал из реальности, не оставляя следов.

– Остановить! Не допустить! Уволю всех! – орал мэр на заседаниях, багровея и брызжа слюной. Стыдливо прятал взгляд начальник департамента транспорта, растерянно кивал головой главный финансист, сосредоточенно что-то конспектировала смазливая секретарша. И ничего не менялось.

Инспектор стоял на апрельском ветру и задумчиво смотрел на дорогу. Он вёл дело с самого начала, но до сих пор не получил ни единой зацепки.

Сразу после первых пропаж все автобусы оборудовали радиомаячками, однако те просто прекращали подавать сигнал в момент исчезновения. Тогда местность вблизи конечных остановок, где автобусы испарялись наиболее часто, нацеливали видеокамерами, но и это не помогло – исчезновения стали происходить в слепых зонах между камерами либо в совершенно иных точках маршрутов.

За последние полчаса мимо инспектора проехало десятка два автобусов, и один из них так и не добрался до следующей остановки. Теперь инспектор силился вспомнить, не отличался ли пропавший чем-нибудь от своих собратьев. Но нет: та же бело-зелёная раскраска, пошарпаные грязные борта с рекламой какой-то ерунды – всё как всегда.

Шло время, летели запросы по инстанциям, приезжали комиссии для выяснения и, ничего не выяснив, уезжали обратно. Прежнего мэра

сняли с должности и посадили, по официальной версии, за растрату, и теперь уже его бывший зам орал на подчинённых. А автобусы продолжали исчезать. К середине лета в строю оставалась едва ли половина городского автобусного парка, однако большая часть подвижного состава не покидала гаража из-за массовых увольнений водителей.

Тем не менее общественный транспорт ходил практически порожняком – лишь редкий смельчак отваживался прокатиться на автобусе и даже на трамвае или троллейбусе. В городе ползли тревожные слухи, и население спешно пересаживалось на резко подорожавшие такси либо и вовсе предпочитало пешие прогулки.

Тёмным осенним вечером инспектор возвращался домой, допоздна задержавшись на очередном оперативном совещании. Дело принимало непростой оборот – столица грозила изолировать город, если в ближайшие дни не будут предоставлены хоть какие-то результаты расследования.

Внезапный резкий скрип изношенных тормозных колодок прервал ход мыслей инспектора, переходившего в этот момент улицу. Он инстинктивно отшатнулся, но дорога была пуста. Что-то невидимое мерно пророкотало мимо. «Вот и зацепка», – подумал инспектор.

Расследование наконец-то сдвинулось с мёртвой точки. Выяснилось, что многие горожане в последнее время слышат невидимые автобусы.

А к концу недели в деле появилась первая жертва. Камера видеонаблюдения отчётливо зафиксировала, как перебежавший дорогу человек вдруг взмыл вверх, подброшенный неведомой силой, и, пролетев метра три, безжизненно распластался на асфальте. Характер травм указывал на то, что его сбил крупный транспорт.

По улицам стало страшно ходить – невидимые автобусы убивали и калечили пешеходов, словно не замечая их. А видимые автобусы между тем продолжали исчезать.

Первый автобус вернулся в январе. Он возник так же незаметно, как и пропал когда-то, возможно, в том же самом месте. Он совершенно буднично подкатил к пустой остановке и высадил пассажиров, которые, как ни в чём не бывало, отправились по своим делам. Водитель сильно удивился, когда на следующей остановке его автобус заблокировала полицейская машина. Он сопротивлялся при задержании и с искренним недоумением воспринимал вопросы следователя.

– Я ни в чём не виноват, – повторял он снова и снова.

– Мы вас ни в чём не обвиняем, – устало отвечал инспектор. – Просто честно расскажите, где и чем вы занимались последние месяцы.

– А я вам честно говорю: работал.

– Где вы работали?

– Да здесь в городе, где ж ещё.

– Где вы были сегодня утром?

– На маршруте, как вчера, как позавчера...

– На каком маршруте?

– Да на своём!

– Ваш автобус пропал почти год назад. Вас не могли найти ни в городе, ни в стране, ни где-либо ещё. Повторяю вопрос: где вы были последние месяцы?

– Вы меня за идиота держите? Как может пропасть автобус? Он что, растаял?

– И всё же это факт, который бессмысленно отрицать. Автобус с двадцатью пассажирами находился неизвестно где – исчез, или был похищен, или... Возможно, по вашей вине.

– Да вы с ума здесь все посходили!

Так продолжалось часами. Ни водитель, ни кондуктор, ни те пассажиры, кого удалось найти, – никто не мог сказать, что с ними происходило после исчезновения.

Однако вскоре один за другим начали возвращаться остальные автобусы. И вновь никто не помнил, где он побывал. Ничто не помогало – для невольных путешественников все эти месяцы промелькнули как будто за секунду.

Шумиха нарастала, домыслы расползались и множились. А потом вдруг всё резко замолкло. Прошло, как проходит всё на земле.

Старого мэра выпустили под подписку о невыезде, нового посадили за какие-то проступки, старые автобусы списали и закупили новые. Недавняя история потихоньку забывалась, отходя к разряду городских легенд.

Жизнь вернулась в привычное русло, и лишь инспектору отчего-то не спалось ночами.

А одним солнечным утром с маршрута исчез первый трамвай...

ГОРОДСКИЕ СНЫ

Тускло мерцают капли на листьях хмурого леса. Густы ночные тени. Она пробирается сквозь чащу. Мокрые от недавнего дождя волосы липнут к лицу, и потревоженные ветки окатывают ледяными брызгами.

Внезапно за лесом вырастает город. Застывшие в торжественном безмолвии улицы, гулкие мостовые. Ночь съедает краски, и укутанный ею город однообразен и бесконечен.

Наступает рассвет, и на улицах появляются первые прохожие. Она ловит обрывки фраз, но не понимает ни слова. Чужой язык, чужие стены, и сама она здесь чужая.

Будильник рассеивает видение, но не может прогнать его окончательно, и по дороге на работу она чувствует, как под очертаниями настоящего города возникают образы из сна.

А дальше – привычный офис и суета. Она действует на автомате, повторяя каждодневный цикл, словно отдавши своё тело и разум общественному механизму.

Колесо дня проворачивается на идеально смазанной оси, и полог ночи падает, высекая искры фонарей.

А в том городе зима. По улицам мечется ветер, неистовый и злой, бросается колючим снегом. Она сжимается под тонким пальто и ищет укрытия, но все двери закрыты. Она хочет проснуться, но не может. Наблюдая себя со стороны и оставаясь в то же время собой, она содрогается от холода и страха, порождённого этой двойственностью. Ткань сна мимикрирует, притворяясь явью, и сознание мечется, стремясь разорвать гнетущий кошмар.

Утро не приносит избавления. Кофе подстёгивает мозг, но не разгоняет хмарь мыслей. То тут, то там сквозь прорехи в реальности проступают контуры мрачного города, а звуки обращаются в неведомую тарбарщину. Плоскости экранов становятся окнами в сон. Отчуждённая от самой себя она куда-то идёт, что-то делает, но память отказывается фиксировать происходящее.

Неделя за неделей, месяц за месяцем, всё глубже сон. И она уже не понимает, город ли снится ей или она снится городу и что будет, когда они оба проснутся.

Ольга КОСОВА

Родилась в Кстове. Окончила Горьковский педагогический институт иностранных языков, преподаватель французского и английского языков. Работает в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина в Кстове.

Автор четырех сборников стихов и книги прозы. Публиковалась в журналах и альманахах. Лауреат Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» (Кстово, 2022) и других литературных конкурсов.

Живет в Кстове.

В САДУ

В саду у Николая Петровича уже несколько лет живет маленькая вертячая птичка с длинным подвижным хвостом. А вернее, две одинаковых птички. Только сразу это не поймёшь. Их редко можно увидеть вместе. Когда одна высиживает кладку, другая кормится. Потом они меняются. Вот и кажется, что птичка только одна. Каждую весну и лето они порхают с дерева на дерево на участке, роются по очереди в свежевскопанной земле вместе с шустрыми крикливыми воробьями и, кажется, ничего и никого не боятся. Может, только Егорку, девятилетнего внука Николая Петровича. Мало ли что ему на ум взбредёт. Мальчишки, они есть мальчишки.

– Деда, смотри, опять воробышек около нас летает. А как правильно: воробышек или воробушек?

– Воробышка, – засмеялся Николай Петрович. – И так и этак говорят. По мне, так воробушек правильно. Ты вон с малых лет в компьютере сидишь. Забей в поиск да посмотри. И мне заодно скажешь.

– А почему этот воробушек на других не похож? – не унимается Егорка, поменяв букву в слове, чтобы угодить деду.

– Может, потому что это и не воробей вовсе? Воробьи – вон они. А это трясогузка. Видишь, она постройнее, и хвост у неё длиннее и постоянно в движении. А теперь скажи мне, почему птичка получила такое название.

Пока Егорка, уткнувшись в телефон, искал информацию о трясогузке, Николай Петрович принёс из домика чайник, две чашки и нарвал листья смородины и мяты. Заварил чай и сел на лавочку, вытянув уставшие ноги. Да, годы берут своё. Прошли те времена, когда он без усталости мог весь день, не разгибая спины, работать на огороде.

– Печенье или конфеты есть? – деловито поинтересовался внучок, убирая телефон.

– А ты приносил? – пошутил Николай Петрович. – Неси мою сумку. Всё есть. Только бабушке немного оставь. Она у нас тоже сладенькое любит.

Егорка откусил от баранки, отхлебнул чая и прошамкал:

– Тряشوгушка, потому што...

– Стоп! Прожуй сначала, а потом говори.

Егорка быстро задвигал челюстями.

– Попой она трясёт. То есть нет – гузкой. Но, по-моему, это одно и то же. Только ещё хвост добавляется.

И захохотал.

– Помнишь, как я в школе ответил, чем петух отличается от человека?

– Такое забудешь, – засмеялся и Николай Петрович.

В первом классе на уроке естествознания учительница спросила у ребят, чем птицы отличаются от людей.

Кто-то сказал, что у птиц есть крылья, другой ученик вспомнил про клюв. Егорка изо всех сил тянул руку. Он вспомнил песенку, которой его научил старший брат:

А люди не летают, не летают, как птицы,

Потому что отрасли большие ягодицы.

– Ну, Егорка, чем ещё отличаются птицы от людей?

– У птиц нет ягодиц! – громко и четко сказал ученик.

Учительница делала всё возможное, чтобы не расхохотаться. К её огромному удивлению, все остальные ребята, сохраняя серьёзные лица, задумались ненадолго, а потом согласно закивали головами.

– Да уж, было дело, – отсмеявшись протянул дед, – так что теперь ты легко запомнишь название этой пичуги.

– А детки у неё есть?

– Не знаю. Может, и есть. Только я гнезда не видел.

Николай Петрович лукавил. Гнездо с пятью малюсенькими яичками он давно нашел в дровнике. Или дровянике. (Они с Егоркиной бабушкой так и не сошлись во мнении, как правильно называть пристрой к бане для дров.) И теперь там уже появились птенчики. Внукам дед про гнездо не сказал: будут лазать туда, птиц тревожить. Разве удержатся мальчишки от любопытства? Спугнут птиц, погибнут птенцы. Чувствовал он свою вину перед ними.

В прошлом году в трубу дымохода то ли залетел, то ли свалился воробей. Николай Петрович понял это, когда пришел топить баню. Неизвестно, сколько времени в заточении провела несчастная птаха. Как позднее выяснилось – воробей. Он бился и ворочался в тесном пространстве, отчаянно пытаясь выбраться. Хозяин бани открыл дверцу топки, постучал по трубе – вылетай, мол. Птица от шума забилась ещё сильнее. Тут Николай Петрович смекнул: «Надо посветить, чтобы пичуга увидела, куда лететь». Убежал в садовый домик за фонариком. Когда вернулся, шума и шороха уже не услышал. Посветил в топку на всякий случай, чтобы показать, куда надо выбираться – тихо. Постучал по трубе – ни звука! «Ну, слава богу, улетела», – подумал. Положил в печку бумагу, щепу, поленец и чиркнул спичкой. Бумага занялась сразу, но тут внутрь бани повалил дым, а сверху прямо в огонь свалился воробей. Николай Петрович протянул в печь руки, вытащил полено, освобождая проход и хотел уже схватить и вытащить страдальца, но птица забила крыльями и, вылетев из печки, забилась в угол баньки. Хозяин кинулся к нему – хотел помочь, сунуть обожжённые лапки птицы в бочку с холодной водой, чтобы снять боль, но воробей вспорхнул, вылетел из бани и улетел.

В тот же день Николай Петрович велел старшему внуку залезть на крышу и воткнуть в трубу старое металлическое ситечко. Как раз подошло по размеру. Всё, дым выходить будет, а птица внутрь не упадёт.

Зимой баней не пользовались, в сад хозяева ходили только снег почистить да птиц покормить. С нетерпением ждали весны. Удивительно – молодым работать в саду никак не хотелось, а с годами все больше и больше работа на земле притягивала.

– К земле пора привыкать, – шутила жена Николая Петровича. – Возраст.

Наступили теплые деньки, и Николай Петрович как-то в пятницу сказал за ужином:

– Завтра сезон открываем. Звони детям, скажи, будут шашлыки и баня.

Но когда он, придя в сад на следующий день, затопил деревянную, из соснового бруса сложенную небольшую, но такую любимую всеми баньку, дым пошёл не в трубу, как должен, а повалил из топки внутрь помещения.

Николай Петрович притащил самодельную старую лестницу, которая едва доставала до крыши, влез на неё и, поняв, что на крышу ему залезть не удастся, скомандовал жене:

– Тащи швабру. Похоже, за осень и зиму на ситечко сор налетел. Буду сбивать.

С трудом, привставая на носочки, дотянулся концом швабры до верхушки трубы, несколько раз ударил снизу вверх по её боковой стенке, где выступала ржавая сетка ситечка, и после нескольких попыток сумел всё-таки его сбить. Из трубы сразу повалил густой дым.

– Коля, смотри, мы ведь гнездо сбили, – позвала его жена, рассматривая разлетевшиеся веточки и скорлупки яичек. Над головами тревожно с щебетом летали две трясогузки. Они то садились на крышу бани, то через секунду взмывали вверх и перелетали на куст смородины, и опять на крышу, потом на ветку яблони...

– Ты хочешь сказать – я сбил? Я виноват? Откуда я знал, что там у них гнездо? И что мне было делать? Табличку им писать – не для строительства гнёзд, а чисто для вашей безопасности трубу закрыли? Чтоб не сгорели в печке?!

Николаю Петровичу надо было выпустить пар только потому, что он сам страшно расстроился. Жена махнула рукой и ушла прибираться в домик. А её муж несколько раз виновато взглянул на птичек, потоптался около скорлупок и вернулся к прерванному делу.

Но это было в прошлом году. А теперь он оберегал найденное гнездо. Радовался, что трясогузки не улетели прочь с их участка. Вернулись после зимы на старое место. Сразу, как только Николай Петрович обнаружив кладку яйца, он натаскал в предбанник из дровяника дров, завалив угол под самую крышу, чтобы до конца лета птиц уже не тревожить. Тогда он ещё не знал, что трясогузки всего-навсего две недели насиживают яйца. Потом вылупляются птенцы. Скорлупки родители уносят далеко от гнезда, поэтому внучата Николая Петровича и не догадывались о наличии птенцов. А ещё через две недели подросшие птенцы тоже покидают гнезда.

Хотя, возможно, он правильно натаскал дров побольше. Иногда птицы делают вторую кладку. Так что лучше подстраховаться.

Вчера вообще перепугался. Пришел в сад, а трясогузок нет. Подождал минут десять – не видно, не летают. Осторожно приоткрыл дверцу дровяника, заглянул – птенцы на месте. Все пятеро: маленькие, крепко

прижавшись друг к другу, они лежали тихо-тихо и даже клювики не открывали. Словно получили от родителей наказ лежать смиренно и не привлекать ничьего внимания. Глазки-бусинки блестят, а сами не шелхнутся. Закрыв дверцу, Николай Петрович сел на лавку перед баней и принялся ждать. Птиц не было. Он достал телефон, набрал номер:

– Наташа, где у мальчишек сачок, не знаешь?.. Зачем-зачем. Трясогузок нет... Давно уже, минут десять точно... Как ты думаешь, может, мне сачком мошек наловить, птенцов-то кормить надо.... А, всё, вернулись. – обрадованно завертел он головой, услышав знакомое щебетанье. – Ну ладно, некогда мне тут с тобой разговаривать. Делом надо заняться.

И Николай Петрович, сунув телефон в карман куртки, тихонько отошёл от бани подалее.

Егорка напился чаю с баранками и пошел прыгать на батуте. Ну, прыгать – это громко сказано. Так, посмотреть на мир сквозь защитную сетку да раза два невысоко подпрыгнуть. Это если оба внука в саду, то одновременно каждому надо скакать по часу. Тут и до драки может дойти. А когда делить батут не с кем, то и прыгать никто не хочет.

– А- а-а! –вдруг раздался громкий крик Егора. – Там огромная муха внутри! Деда, прогони!

Николай Петрович подошёл и увидел в самом низу на сетке большого мотылька.

– Он ничего тебе не сделает, залезай и прыгай.

Но Егорка спрятал руки за спину и сделал шаг назад.

Николай Петрович нашел палку и хлопнул по сетке. Мотылёк перелетел на другую сторону. Теперь уже Егорка хлопнул прутиком по сетке – мотылёк перелетел в сторону, но вылетать не спешил.

– Ну что ты какой глупый! – возмутился мальчонка. – Вылетай! Верх открытый, не видишь, что ли?

Мотылёк, вспорхнув в очередной раз, сел на верх сетки, и тут откуда ни возмись на него налетела трясогузка. Она схватила несчастное насекомое, перелетела в траву и, наступив одной лапкой на мотылька, разорвала его на две части. Потом, крепко держа в клюве половинку погибшего мотылька, вспорхнула на ветку дерева, перелетела на сарай, оттуда на крышу бани. Посидела, повертела головой и перелетела на бочку с водой, оттуда опять на яблоню, на жёлоб бани и, решив, что достаточно всех запутала, быстро нырнула в дровяник. Мальчонка ничего не заметил.

– Вот смотри, Егорка, всё говорят, что из живых организмов только человек обладает разумом. А животные, и тем более букашки всякие, – глупые создания. Живут только инстинктами. А мотылёк-то не случайно вылетать не хотел. От птиц прятался. Откуда он знал, что его уже выследили и караулят?

– Все жить хотят, – весело крикнул Егорка, залезая внутрь батута. – И есть. Одним чаем сыт не будешь. Деда, чем меня кормить будешь?

Распустившиеся ирисы легонько качались на длинных стеблях, маленькие маргаритки и анютины глазки буйно цвели на клумбе, благодухали пышные величественные пионы, а две маленькие и шустрые трясогузки без устали выискивали пропитание своим детям.

– Красота-то какая, – протянул Николай Петрович. – И жизнь хороша, и жить хорошо! Ну что, человеческий детёныш, хватит уже скакать. Пойдём, кормить тебя буду.

Поэзия

Владимир АЛЕЙНИКОВ

Родился в 1946 году в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. При советской власти на Родине не издавался. Работал в археологических экспедициях, грузчиком, дворником, в школе, в многотиражной газете, редактором в издательстве. В 1980-х был известен как переводчик поэзии народов СССР. Первые книги стихов вышли в 1987 году. Автор многих книг стихов и прозы – воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках.

Стихи переведены на различные языки. Награждён медалью Кирилла и Мефодия за выдающиеся достижения в отечественной словесности (1996), медалью Циолковского – за космический масштаб его поэзии (2006). Лауреат премии имени Андрея Белого (1980), Международной Отметины имени Давида Бурлюка (2011), Бунинской премии (2012). Живёт в Коктебеле.

ВОСПОМИНАНИЕ ТОМИТ МЕНЯ ОПЯТЬ...

* * *

Жёлтым салютом листья взлетают,
 Ну и закат – йод!
 Музыка стихнет – и возрастает,
 Прошлое в лёт бьёт,
 Вместе с тоскою где-то витает,
 В небе гнездо вьёт,
 За сердце, хмурясь, разом хватает,
 Яд или мёд пьёт.

Что же, скажи мне, душу питает
 Всем, что к судьбе льнёт,
 Мысли читает, слёзы глотает,
 В бедах своё гнёт?
 Что за сиянье в дымке не тает,
 Бездну сулит льгот?
 Музыка вспыхнет – и прорастает
 Ввысь – и любви ждёт.

* * *

Конечно же, это всерьёз –
 Поскольку разлука не в силах

Решить неизбежный вопрос
О жизни, бушующей в жилах,
Поскольку страданию дано
Упрямитесь слишком наивно,
Хоть прихоть известна давно
И горечь его неизбывна.

Конечно же, это для вас –
Дождя назревающий выдох
И вход в эту хмарь без прикрас,
И память о прежних обидах,
И холод из лет под хмельком,
Привычно скребущий по коже,
И всё, что застыло молчком,
Само на себя непохоже.

Конечно же, это разлад
Со смутой, готовящей, щерясь,
Для всех без разбора, подряд,
Подспудную морось и ересь,
Ещё бестолковой, верней –
Паскуднее той, предыдущей,
Гнетущей, как ржавь, без корней,
Уже никуда не ведущей.

Конечно же, это исход
Оттуда, из гиблого края,
Где пущены были в расход
Гуртом обитатели рая, –
Но тем, кто смогли уцелеть,
В невзгодах души не теряя,
Придётся намаяться впредь,
В ненастных огнях не сгорая.

* * *

Тирсы Вакховых спутников помню и я,
Все в плюще и листве виноградной, –
Прозревал я их там, где встречались друзья
В толчее коктейльской отрадной.

Что житуха нескладная – ладно, потом,
На досуге авось разберёмся,
Вывих духа тугим перевяжем жгутом,
Помолчим или вдруг рассмеёмся.

Это позже – рассеемся по миру вдрызг,
Позабудем обиды и дружбы,
На солёном ветру, среди хлещущих брызг,
Отстоим свои долгие службы.

Это позже – то смерти пойдут косяком,
То увечья, а то и забвенья,

Это позже – эпоха сухим костяком
Потеснит и смутит вдохновенье.

А пока что – нам выпала радость одна,
Небывалое выдалось лето, –
Пьём до дна мы – и музыка наша хмельна
Там, где песенка общая спета.

И не чуем, что рядом – печали гуртом,
И не видим, хоть, вроде, пытливы,
Как отчётливо всё, что случится потом,
Отражает зеркало залива.

* * *

1

Воспоминание томит меня опять,
Иглою в поры проникает,
Хребта касается, – и сколько можно спать? –
Душа к покою привыкает,
К жемчужной свежести, рассветной, дождевой,
А всё же вроде бы – что делать! – не на месте,
Не там, где следует, – и ветер гулевой
Ко мне врывается – и спутывает вести,
С разгону вяжет влажные узлы
Событий давешних, запутывает нити,
Сквозит по комнате – и в тёмные углы
С избытком придури и прыти
Разрозненные ключья прежних дней
От глаз подальше судорожно прячет,
И как понять, кому они нужней,
И что же всё же это значит? –
И вот, юродствуя, уходит от меня, –
И утро смотрится порукой круговую,
Тая видения и в отсветах огня
Венец признания подняв над головою, –
И что-то вроде бы струится за окном –
Не то растраченные попусту мгновенья,
Не то мерцание в тумане слюдяном
Полузабытого забвенья,
Не то вода проточная с горы,
Ещё лепечущая что-то о вершине,
Уже несущая ненужные дары, –
И нет минувшего в помине,
И нет возможности вернуться мне туда,
Где жил я в сумраке бездомном,
Покуда разные сменялись города
В чередовании огромном,
Безумном, обморочном, призрачном, хмельном,
Неудержимом и желанном,
Чтоб ныне думать мне в пристанище земном
О чём-то горестном и странном.

2

Страны разрушенной смятенные сыны,
Зачем вы стонете ночами,
Томимы призраками смутными войны,
С недогоревшими свечами
Уже входящие в немыслимый провал,
В такую бездну роковую,
Где чудом выживший, по счастью, не бывал, –
А ныне, в пору грозовую,
Она заманивает вас к себе, зовёт
Нутром распахнутым, предвестием обманном
Приюта странного, где спящий проплывёт
В челне отринутом по заводям туманным –
И нет ни встреч ему, ни редких огоньков,
Ни плеска лёгкого под вёслами тугими
Волны, направившейся к берегу, – таков
Сей путь, где вряд ли спросят имя,
Окликнут нехотя, устало приведут
К давно желанному ночлегу,
К теплу неловкому, – кого, скажите, ждут
Там, где раздолье только снегу,
Где только холоду бродить не привыкать
Да пустоту ловить рыбацкой рваной сетью,
Где на руинах лиху потакать
Негоже уходящему столетью?

3

Взглянуть успел и молча побрести
Куда-то к воинству густому
Листвы расплётнутой, – и некому нести
Свою постыльную истому,
Сродни усталости, а может, и тоске,
По крайней мере – пребыванью
В краю, где звук уже висит на волоске, –
И нету, кажется, пристойного названья
Ни чувству этому, что тычется в туман
С неумолимостью слепую
Луча, выхватывая щебень да саман
Меж глиной сизою и порослью скупую,
Ни слову этому, что пробует привстать
И заглянуть в нутро глухое
Немого утра, коему под стать
Лишь обещание сухое
Каких-то дремлющих пока что перемен
В трясине тлена и обмана,
В пучине хаоса, – но что, скажи, взамен? –
Труха табачная, что разом из кармана
На камни вытряхнул я? стынувший чайк?
Щепотка тающая соли?
Разруха рыхлая, свой каверзный паёк
От всех таящая? встающий поневоле

Вопрос растерянный: откуда? – и ответ:
Оттуда, где закончилась малина, –
И лето сгнуло, и рая больше нет,
Хоть серебрится дикая маслина
И хорохорится остывшая вода,
Неведомое праздная везенье, –
Иду насупившись – наверное, туда,
Где есть участие – а может, и спасенье.

* * *

Шум дождя мне ближе иногда
Слов людских – мы слушать их устали, –
Падай с неба, светлая вода,
Прямо в душу, полную печали!

Грохнись в ноги музыке земной,
Бей тревогу в поисках истока, –
Тем, что жизнь проходит стороной,
Мы и так обмануты жестоко.

Падай с неба, память о былом,
Припадай к траве преображённой,
Чтоб не бить грядущему челом
Посреди страны полусожжённой.

Лейся в чашу, терпкое вино,
Золотое марево утраты, –
Мне и так достаточно давно
Слёз и крови, пролитых когда-то.

Где-то там, за гранью тишины,
Есть земля, согретая до срока
Тем, что ждать мы впредь обречены –
Ясным светом с юга и с востока.

Не томи избытком доброты,
Не пугай внимания нехваткой, –
В том, что явь не пара для мечты,
Важен привкус – горький, а не сладкий.

Потому и ратуй о родном,
Пробивай к неведомому лазы,
Чтоб в листве, шумящей за окном,
Исчезали века метастазы.

Может, весть извне перелилась
Прямо в сердце, сжатое трудами?
Дождь пришёл – и песня родилась,
Чтобы стать легендой с годами.

Виктория БЕЛЯЕВА

Родилась в 1980 году в Ростове-на-Дону. Окончила исторический факультет Ростовского государственного университета. Работает преподавателем. Публиковалась в журналах «Москва», «День и ночь», «Дружба народов» и других. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов.
Живет в Ростове-на-Дону.

Я ПРЕВРАТИЛАСЬ В СЛОВА МОЛИТВЫ...

Васильки

У Бога глаза цветут васильками, а небо – открытый Храм.
Вчера я Бога встретил на облаке. Честное слово, мам.
Там очень светло и очень спокойно. Бог засекает пашни.
И умирать не страшно, кажется. А, кажется, жить страшно.

Страшно было сидеть в подвале и хоронить соседа,
Страшно было бы терять землю, впитавшую кровь деда.
Страшно было с гуманитарной помощью не добраться,
Когда по дороге, во время обстрела, разбили машину и рацию.

Я так и сказал Богу. Он кивнул в ответ и улыбнулся, мама.
Я к нашим в окоп просился, я рвался с неба упрямо.
Бог отпустил на время, чтоб я до утра в рукопашной
Бился и знал – умирать не страшно, сдаваться страшно.

И плотные тучи-снаряды падали мне на плечи,
И пыльный, кровавый закат догонял и врага, и вечер.
А Бог кричал: «Русский солдат, ничего не бойся!
Теперь, мой сын, для тебя все это Небесное войско».

А я сейчас, мама, сильнее и выше. Я стерегу планету.
Я теперь мама, воин мира и воин белого света.
С Богом, ты знаешь, мама, мы победим однажды,
И зацветут в полях васильки, и больше не будет страшно.

Завтра ты тоже выживешь

Я превратилась в слова молитвы, которую Бог слышит.
Я теперь больше моря, суженый. Я теперь неба выше.

Крепче окоп и бронжилетов, громче огня снарядов.
Этой молитвой тебя отыскала. Чувствуешь, здесь я, рядом?!

Солнцем твои обняла я плечи – лучами, как покрывалом.
Ты же вчера выжил, суженый! Это я тебя согревала.
Ливнем пробилась и каплями смысла с лица твоего усталость.
Ты же вчера выжил, суженый! Это радугой я улыбалась.

Стала стеной, ветром развеяла все минометы и дроны.
Ты же вчера выжил, суженый! В кармане твоём иконой
Я буду лежать. Я буду любить. Буду снова молитвой –
Завтра ты тоже выживешь,
Завтра ты тоже выживешь,
Завтра ты тоже выживешь и победишь в битве.

Молоко

Он однажды оставил её совсем –
Звали трубы медные. С этим, с тем.
А реальность домашних панельных стен –
Это быт. Это узы, обуза, плен.

Но муку она сыпала на хлеба́
И шептала: «Храни же его, судьба».
А мечты её – солнце, смола весны,
И в объятья, что ласковы и тесны.

Улетали в вечность за днями дни.
Жили-были то с кем-то, а то одни.
За свободу цена – из безвкусья ночь,
Отражают звёзды тоску точь-в-точь.

Он вернулся внезапно, не постучал.
Трубы согнуты. Светел их стен причал,
Потому что в доме её рукой
Тесто месится нежностью с молоком.

Если впустит и если его простит
Глаз серебряных солнечный гематит –
Он и псом будет счастлив сидеть у ног,
Оттого, что в доме их только Бог.

И она впустила. О чём болеть?
Согревают в зиму не хлеб и медь,
А те самые, жаркие, что тесны,
И на смятые простыни льются сны.

Майский мед

От ангины лечишь мёдом из мая и молоком.
Янтарями цветут деревья в осеннем лете.

Город мой, листвою зацелованный, далеко.
В нём троллейбус, умытый ливнями, в детство едет.

В этом месте всё проще: люди, дома, мечты.
Поезда мчат мимо, утро встречая чаем.
Здесь озябшие ночи, ангина, ковыль и ты,
Здесь зачем-то я. И зачем-то опять в начале

Долгой осени. В тихом, чужом краю
Одуванчик, тобой я сорванный, у вокзала.
Ты прости, но майский, кажется, не люблю.
Всё пройдёт. Подуй, чтобы легче обоим стало.

Снег

Нам удастся встречаться теперь во сне –
Это всего быстрее и всего честней.
Хлопьями валит снег, чтоб назло весне.
Эту погоду задумала я из противоречия.

Холодно вместе не будет. Проснусь – уйду.
Опытом называю теперь беду,
Мне не упасть бы лавируя да по льду.
Время обманывает, значит, лечит.

Надежда КНЯЗЕВА

Родилась в 1986 году в г. Лукоянове Нижегородской области. Окончила Арзамасский педагогический институт, работает учителем английского языка в сельской школе.

Автор четырех книг стихов. Лауреат премии журнала «Нижний Новгород», поэтических конкурсов «Всемирный Пушкин», «Северная звезда», «Бегущая строфа», «Филатов фест», «Всемирный день поэзии» и других.

Член Союза писателей России. Живёт в Арзамасе.

ГОЛОС В ТРАМВАЕ

* * *

садился за стол
с легким чувством города
брал вилку (нет) ложку (нет) ручку (нет)
открывал окно ворда
впускал в комнату белый ветер
слева слова
справа слова
вдохни не дыши
двенадцать пар (ребер) строк
рентгенограмма сознания
выходил из-за стола
с легким чувством города
внутри

* * *

мелочи
в сущности мелочи

поезд в два часа ночи
скользит по грани апрельского неба
отражается в залитой паводком суше
засвеченными кадрами окон

или
спиной к закату
остановиться на пешеходном переходе
на красный свет солнца
чтоб на дорогу легли
наши длинные тени
головой на восток

или
перебегая улицу в сумерках
без разрешающего знака
инстинктивно схватиться за руки
потом отпустить
медленно

или
впервые смотря в иллюминатор
быть с облаками на равных
видеть воздушные замки
лететь сквозь курчавые горы
зефирные берега

или
садиться в ночи на троллейбус
и видеть в окно как
в путь провожают двое
один машет рукой
второй – хвостом

или
никуда не уезжая просто
засидеться за искренним разговором
в вокзальной пирожковой
потом
стараясь не хлопнуть дверью
чтобы не разбудить буфетчицу
выйти
слушать соловьев
над рельсами

* * *

платье
тканевый колокол
бесшумно звенит на тебе
запахом сонной воды
твердит очертания тела
гулкового языка
внутри его легкого купола
с каждым шагом
на понижение дна
всё больше в тебе от медузы
преломляясь на стыке стихий
расходишься круглыми волнами
все мы вошли в эту воду
чтобы выйти иными
осторожно
холодные ключи
бьют [набат]
в теплой ладони озера

* * *

Если долго повторять слово вслух,
из него улетает смысл,
оставляя его пустым,
как розовая внутренность ракушки,
как круги на полях,
как незнакомое имя,
прочитанное на обелиске.
На морозе слово становится зримым,
обрастает иголками инея,
скачет звонкой монеткой,
прежде чем рассыпаться в пыль.
Во рту слово живет подобно моллюску,
растёт, заполняя собой пространство,
и лишь ощутив его тесноту,
переползает искать новое жильё,
подходящую
ушную раковину.

* * *

Ровно в полночь
зачат новый день.
Во тьме,
как и полагается таинству.
Он пока предстает
как абсолютное чёрное тело,
первозданное отсутствие света
внутри цилиндра фокусника,
квадрат Казимира,
не знающий страха
белого листа.
Из его теплой, влажной глубины
Сначала проступают звуки:
шк-шк-шк-шк-шк.
Это зелёные школьники-кузнечики
шуршат карандашами,
штрихуют нарастающее утро,
липовый цвет и траву
под босыми ногами
июля.

Голос в трамвае

Когда я вырасту
или меня не станет
(в этом случае все равно) —
я хотел бы стать голосом,
объявляющим трамвайные остановки
из шипящих динамиков
над узкими створками.

Этим мудрым, вежливым
дикторским баритоном,
что не выходит за пределы
городского кольца,
не диктует, как жить,
но знает о жизни всё:
как вовремя остановиться,
притормозить на опасном спуске,
как ощутимо трясёт
на поворотах и стыках.
Я буду жить
в пустом металлическом теле,
где солнце проходит насквозь
пыльные стекла,
цепляться за жизнь
дугой токоприемника,
ездить по кругу,
но знать, где кончаются рельсы.
Мимо Покровки,
вдоль по Ильинке,
дальше,
только б звучать,
звучать
партией этой пьесы.

Ефим БЕРШИН

Родился в Тирасполе в 1951 году. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал в газете «Красное знамя» (Сыктывкар), военным корреспондентом «Литературной газеты» во время военных действий в Приднестровье и Чечне.

Автор ряда поэтических сборников, двух романов, художественно-документальной повести «Дикое поле» о войне в Приднестровье. Публиковался в журналах «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «45-я параллель», «Знамя» и других отечественных и зарубежных изданиях. Лауреат премий журнала «Дети Ра» (2018), «Антоновка+» (2019), журнала «Дружба народов» (2021).

Живет в Москве.

А МНЕ ГОСПОДЬ НЕ ДАЛ ПРОВОДНИКА...

* * *

Да что страна, ее леса и недра,
когда с какой ни глянешь стороны –
страна всего лишь продолженье неба,
как небо – продолжение страны.

И только снег, летящий мимо, мимо
чужих домов, где мог бы жить и я,
напоминает о единстве мира,
единстве быта и небытия.

Ведь в сумерках, лишенных дара речи,
так поступь снега сказочно легка,
что от покатых крыш Замоскворечья
почти неотличимы облака.

И кем бы мы ни стали, обессилев, –
вечерней тенью, облаком, золой –
когда-нибудь небесная Россия
соединится с русской землей.

* * *

Я воровал березовые чурки
и соскребал с коры сосновый клей,
чтобы в огне обшарпанной печурки
моей осине было веселей.

И словно растревоженные мысли,
где каждая по-своему права,
чернильным дымом из печи, как мыши,
бежали в небо мокрые дрова.

Я жил, нигде не прикипая к месту,
и руки примерзали к топору,
когда, скрипя, торжественную мессу
осины совершали поутру.

Я жил в краях, где из-под ледостава
бездомные ломились топляки,
но злая, подозрительная слава
брела за мной вдоль берега реки

и темным лесом, тропками прошитом,
где, не предав ни Ягве, ни Христа,
я шел снегами Вечным русским Жидом,
и мне вослед свистели поезда.

А впереди, отмеривая даты
и километры, плелся зимний лес –
как Моисей, седой и бородатый,
и как Христос, вернувшийся с небес.

* * *

Кругом песок.
И лица – как из гипса.
И неба расплзающийся шелк.
Наверно, я не вышел из Египта.
А если вышел – так и не дошел

до купины, до истины, до света
и до обломков золотых тельцов.
И без меня святой Ковчег Завета
пылал на спинах новых мудрецов.

Они меня нарочно не пустили
на этот пир, закрывшись на засов.
И мне уже не выйти из пустыни
и не догнать отцов и праотцов.

И я пошел по зимникам, заимкам,
в краю, где мир сугробами зачат,
где в зимнем небе моментальным снимком
тоскует замороженный закат.

Кругом снега.
Замерзшие осины.
И схваченная инеем луна.
И мне уже не выйти из России,
пока в снегах не вспыхнет купина.

* * *

Запятые птицами упорхнут
с пожелтевших страниц, едва
полевая гроза просвистит, как кнут,
перемешивая слова.

Потому что в начале был звук в ночи,
а не слово, не жест, не мысль.
Жизнь рождалась, как яростный треск в печи,
из которой бежала мышь.

И останется только этот треск,
эта мышь из пещной норы.
Ну, а я, дорогая, всего лишь текст,
недописанный до поры.

А еще – собака. Я весь, как есть,
слышу все, чем живет навоз.
Оттого и страсть к перемене мест,
что бежит от тела, услышав весть,
непутевый собачий хвост.

Триптих

1

А мне господь не дал проводника.
Не понимая, где восток, где – запад,
сорвавшись, словно сука с поводка,
бегу, ориентируясь на запах,

под бесконечным ливнем октября,
по осени, по прошлогодней гнили,
мне черт – не черт,
Вергилий – не Вергилий,
а впереди – ни дна, ни фонаря,

ни улиц, ни зарубки на пеньке,
ни звука.

Лишь у мусорного бака,
задравши лапу, писает собака,
рисую схему жизни на песке.

2

Зачем дорога, если нет конца
дороги?
Для чего в краю осиновом,
играя роли сына и отца,
не быть, по сути, ни отцом, ни сыном,

ни мастером, ни глиною? Зачем
продрогшим псом под бесконечным ливнем,
изнемогая от житейских схем,
бежать стремглав за журавлиным клином?

Свободы нет!
Незримый поводырь
меняет вечность на часы и годы.
Но горизонт, изъеденный до дыр,
еще таит иллюзию свободы.

3

Как хочется на круге на шестом
или седьмом, когда иссякнет вера,
остановиться, возвратиться в дом
и в дураках оставить Люцифера.

Но нет уже ни дома, ни крыльца
в пространстве, где ни выхода, ни входа.
Как сладостна, как гибельна свобода,
лишенная начала и конца.

Ревет огонь. Изнемогает ночь.
И прямо посреди кипящей бездны,
выламываясь из привычных нот,
безумствует симфония победы.

Из будущих книг

Алексей ВАРЛАМОВ

Российский писатель, публицист, филолог. Родился в 1963 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного университета. Исследователь истории русской литературы XX века. Доктор филологических наук, профессор МГУ. Ректор Литературного института им. А.М. Горького.

Автор романов «Лох», «Мысленный волк» и других, а также книг в серии ЖЗЛ: «Пришвин», «Александр Грин», «Михаил Булгаков», «Алексей Толстой», «Андрей Платонов», «Шукшин».

Лауреат многих литературных премий. Член президиума Совета по культуре и науке при Президенте РФ. Живет в Москве.

ПРИЗВАНИЕ ВОЛХВОВ

(Главы из романа)

Гора Печали

Вот уже неделю я живу в батюшкином доме. Помогаю хозяину по мере сил в храме или в саду, хотя никакой особенной помощи там не требуется, но, видимо, как человек деликатный он не хочет, чтобы я чувствовал себя нахлебником. По воскресеньям в церкви собирается народ, не очень много, однако человек двадцать приходит. Приезжают из соседних деревень и даже из Польши. Жена священника, две их дочери и сын поют в хоре, предлагали петь и мне, но я никогда не остаюсь на службу. Ухожу гулять вдоль ручья. Матушке это, похоже, очень не нравится, и она считает меня сектантом. Я ее боюсь и правильно делаю. Она производит впечатление очень властной женщины, и мне кажется, все в доме держится на ней. Она отвозит детей в школу, ездит каждый день на работу в курортную больничку на горе, воюет с призраком судьи, а батюшка служит. Не для людей, для Бога, потому что в будние дни в храме никого нет, кроме него, а он все равно служит. Мне это трудно понять. Мое сознание не до такой степени вертикально устроено, а вот поп наверняка что-то чувствует – другого объяснения у меня нету. Надо быть очень стукнутым, чтобы бросить работу, квартиру в городе и переехать в горную деревушку вместе с женой и тремя капризными детьми в дом с привидением, да еще каждый день испытывать ее скрытое и явное недовольство и желание к чему-нибудь прицепиться.

Например, ко мне. Я это физически ощущаю и уверен, что матушка ругает мужа из-за меня, твердит, что у них будут неприятности, говорит, что у них дети и нельзя быть таким доверчивым и беспечным. На каком основании они должны мне доверять?

– С русскими надо быть осторожным. Может быть, этот бездельник – путинский шпион и пробрался сюда с заданием нас отравить? Отравили же в Англии отца с дочерью! – вопит Анна на весь дом, и я хорошо слышу ее торопливые нервные слова, которые мне даже не надо переводить. Славянские языки так устроены, что когда ты в общих чертах представляешь, что именно хочет сказать другой человек, ты его понимаешь.

Но Анне, кажется, на это наплевать. А может быть, она даже хочет, чтобы я все слышал.

– Знаешь ли ты, отче, что написали недавно на двери гостиницы в Острове?

– Что, любовь моя?

– Русские здесь не обслуживаются!

Но батюшка только улыбается ей в ответ. Он немножко блаженный, и ее это раздражает, однако конфликтовать с ним всерьез она опасается, видимо, у ее власти есть пределы, и она чувствует черту, которую нельзя переступить. Мы не говорим с отцом Иржи о моем будущем, я не знаю, как велико его милосердие и сколько продлится мое пребывание в этом доме. Я вручил ему свою судьбу вместе с новеньким заграничным паспортом и истекшей визой и в ответ занимаюсь тем, что подметаю и без того чистый храм и жду, пока вырастет газон, чтобы его постричь. Как работник Балда с той только разницей, что во мне нет балдовской расторопности, а в нем поповской жадности, и потому ничего, кроме крова и харчей, мне здесь не полагается. Все справедливо. Именно так, как я хотел в том смешном старинном кабаке, где у каждого постоянного посетителя есть личный стул с вырезанной физиономией на спинке. Так было заведено при прежних хозяевах, а потом после войны позабыто, но хитроумный эллин традицию возобновил, чтобы бороться с конкуренцией – кому не радостно посидеть на именном стуле, на котором, кроме тебя, никто сидеть не будет?

Я хожу иногда на другой конец деревни и разговариваю с греком. Он мне чем-то симпатичен. Мы с ним тут единственные иностранцы. Конечно, я гораздо в большей степени, чем он. Но все равно. Он как будто бы чех и не чех. Ребенком его привезли в эту страну, и он прожил здесь всю жизнь. Грек рассказывает поразительные вещи про то, как их вывозили из Греции. Там шла тогда гражданская война, и детям греческих коммунистов разрешили уехать. Ему было четыре с половиной года, его братику два. Их везли трое суток в закрытых машинах по балканским дорогам, почти не останавливаясь. Братик дороги не вынес. Умер. Мне это кажется странным. Они же должны были ехать – я мысленно представил – через соцстраны – Албанию, Югославию, Венгрию. Почему нельзя было задержаться, оказать детям помощь, накормить, позвать врача?

– Тито поссорился со Сталиным.

– А дети-то при чем?

Грек наливает пиво и протягивает мне кружку. Затем поразмыслив, кладет тарелку гуляша.

– Нас распределяли по разным странам. Мне еще повезло. В Венгрии греческих детей заставляли работать с утра до вечера на полях

подсолнечника как рабов. Но зато мы всегда держались вместе. И попробовали бы хоть одного обидеть – всей шоблой навалили бы, – говорит он с угрозой и проводит руками по лицу, как будто умывая его.

– А ваши родители?

– Они приехали позднее, но я с ними не жил, – эллин поскущел. – А в семьдесят четвертом вернулись в Грецию.

Запутанная история, как, впрочем, и с судетскими немцами. И сколько еще таких? Меня однажды занесло в Поронайск. Это городок на Сахалине на берегу залива Терпения, и там была одна женщина, кореянка, она работала в детской библиотеке и рассказывала, как их гнобили до войны японцы, а после советская власть, никуда не выпускали с острова, не давали гражданства, не разрешали ни учиться, ни работать, где хочешь, а она все равно сумела получить высшее образование и никакого зла на свою страну не держала. И очень переживала, когда та развалилась. Логика никакой. Но тетка мировая, и дети ее обожали. Рассказывала еще, как ее пригласили на открытие памятника сахалинским корейцам на горе Печали в Корсакове, где ее земляки собирались после сорок пятого года, всматривались в море и ждали, когда за ним придет корабль с Родины. А он так и не пришел...

– Я так плакала там, так плакала.

На сдержанную кореянку это было не очень похоже, но, видно, тут прорвало.

Грек же очень любознателен и, на мой взгляд, сверх меры политизирован. Не знаю, это национальное или личное, но он несколько раз спрашивал меня, за кого я голосовал на наших выборах в марте.

– Ни за кого.

– Но почему? Голосовать – это долг каждого гражданина, – его седые жесткие волосы и иглы усов сердито топорщатся: похоже сейчас в «Зеленой жабе» начнется урок по экспорту демократии.

– В тот день, когда проходили выборы, я находился в другой стране, – отвечаю я занудным голосом.

– Ну и что? – возражает Улисс. – Там разве не было вашего посольства?

– Было. Но туда никого не пускали.

– Такого не может быть, – качает он крупной породистой головой. – Никакое государство не имеет права ограничить доступ граждан другого государства в их посольство. А тем более в день выборов. Эта страна находится в Европе?

– Ну это как посмотреть.

О том, что творилось в день российских выборов в Киеве, я умалчиваю. Никаких дополнительных очков мне это не даст.

А грек между тем намекает мне на то, что все происходящее в моих интересах. Ведь чем хуже сейчас в России, тем больше у меня шансов получить политическое убежище. Как было во времена СССР. У вас же сейчас снова СССР. Так?

Господи, что он в этом понимает? И какое еще убежище? На каком основании мне его дадут? А Улисс расходится все больше, учит меня как жить и что говорить, он искренен и правда жаждет мне помочь. Но мне не хочется ничего не выдумывать. Я ищу покоя и хочу понять одно – где друг моего детства со Звездной улицы в садоводческом товариществе «Труд и отдых» близ Второго бисеровского участка?

Гегельянец в «Тайване»

Странно не только то, что он мне не звонит, не пишет и не отвечает на звонки и эсэмэски. Еще более непонятно, что ничего не пишут о нем. Обыкновенно в интернете новостей, связанных с Петром Павликом и его благотворительным фондом, тьма. Здесь он дал интервью, там что-то провел, выступил, тут спонсировал, где-то еще профинансировал, открыл, учредил, поддержал, пожертвовал, наградил, поощрил, отобедал, вошел в попечительский совет, стал членом, многочленом, почетным председателем, был избран, переизбран, приглашен, введен, включен, согласован, утвержден. И вдруг – тишина. Я начинаю даже волноваться, хотя, в общем-то, волноваться особенно не из-за чего. Если бы что-то случилось, маленький Юра уже сообщил бы. Петя и раньше пропадал на целые месяцы и никто не знал, где он находится.

...Мы встретились с ним в университете, в том здании, что называлось в просторечии стекляшкой и выходило торцом на проспект Вернадского. Я впервые увидел его после дачной истории и глазам своим не поверил – Петя, Петюня, мой купавинский друган, спаситель нашей планеты, поступил, как и я, в универ, пусть даже на другой факультет. Я – на филологический, а он – на философический. Вроде бы и там и там фил, но разница дьявольская! Они были такие серьезные, ученые кролики, кураевы, галковские, зятя межуевы, а мы веселые, бесшабашные с нашими девчонками, с нашей латынью и старославом. Сам Петя несильно изменился, разве что сделался еще более толстым и теперь вряд ли смог бы играть в жопки. Но когда я, радостный, подошел к нему на сачке, он не то чтобы меня не узнал, нет, он узнал, вежливо поздоровался, спросил что-то незначительное, но, в общем, было понятно, что я ему не интересен. Купавну он вспоминать не захотел, и не потому, что ему было неприятно, а просто он выкинул ее из головы как вещь лишнюю и обременительную.

Я спросил, верит ли он по-прежнему в то, что мир устроен одинаково от ничтожно малого до великого. Петя пожал плечами и сказал, что с вращением электронов все оказалось несколько сложнее, чем он предполагал, и речь идет скорее не о вращении элементарных частиц, но об облачной вероятности. Вообще он сделался еще более сосредоточенным, и со мной ему было говорить не о чем и незачем. Павлик с утра до утра занимался тем, что, как ежик, собирал знания, общался на равных с аспирантами и молодыми преподами, после лекций и семинаров отправлялся в фундаментальную библиотеку и если бы было можно, оставался б там ночевать. Он был, безусловно, лучшим студентом на своем курсе, а может быть, и на всем факультете. Это признавали все и за глаза звали его Кантом, хотя самого его эта кликуха страшно злила. Он был – насколько я могу судить в силу своих убогих представлений о царице наук – убежденный гегельянец и полагал, что идеи существуют не в сознании, а в реальности, и верил в неизбежность противоречий, из которых может развиваться нечто путное. Над ним посмеивались, однако никто ему не завидовал, никто с ним не соревновался, потому что это было бесполезно, а главное, глядя на этого бесполого, мешковатого юношу в очках с толстыми линзами и гладко зачесанными назад сальными волосами, открывавшими обширный выпуклый лоб, все сразу понимали, какую надо заплатить цену и что принести в жертву ради своего успеха. Его научное иноческое будущее было расчерчено и очевидно: синяя рожа, красный диплом, аспи-

рантура, защита кандидатской, работа на кафедре, докторская, и так до Академии наук.

Но вышло иначе. В середине третьего курса знайка вдруг задурил. Он перестал ходить в школу, выкинул за ненадобностью читательский билет и поклялся, что больше не притронется ни к одной книге. Основным местом его пребывания сделалась пивная «Тайвань», располагавшаяся справа от огромного здания китайского посольства. В те годы оно еще пустовало, а пивная была среди студентов университета весьма популярна, хотя пиво там отдавало содой. Но, с другой стороны, а где оно тогда было лучше? Само же китайское посольство отделял от пивнухи метровый заборчик, на котором народ в теплое время года любил сиживать, и милиция гоняла нарушителей государственной границы. Заведение было известно еще тем, что в семьдесят девятом, когда Китай напал на Вьетнам, под темными окнами посольства собирались студенты, швыряли снежки и чернильницы, и память об этом событии передавалась от поколения к поколению, обрастая немислимыми подробностями. Именно туда с самого утра к открытию отправлялся лучший философ курса. Очень скоро он сделался знаменит, получил прозвище Петр Тайваньский, к которому в отличие от Канта отнесся весьма благосклонно, с ним дружили парни с разных факультетов, одни его консультировали, других консультировал он, и по сути Павлик мой превратился в некий параллельный по отношению к университету центр. Как объяснял он мне сам позднее, на одиннадцатом этаже ему в какой-то момент просто стало скучно, а на двенадцатый его не пропустили из-за избыточного веса. В истории, философии, гносеологии, логике, религии и атеизме, в этике и эстетике он все для себя уже понял и захотел узнать иное. «Тайвань» был идеальным для этого местом. Общаясь с самым разным народом – а кого там только не было – умников, дураков, диссидентов, мистиков, эзотериков, стукачей, книжников, бездельников и поэтов, – Петя без книг практически освоил программу всех факультетов и сам сделался университетом. Я, возможно, утрирую и сам бы он с этим никогда не согласился, но правда это был очень и очень умный мальчик с замечательным мочевым пузырем: никто не мог выпить столько пива и так долго обходиться без туалета. Павлик переставал всех. А одним из его собеседников, батюшка, был, представьте себе, большой Юра, который оканчивал о ту пору аспирантуру физфака и забегал в «Тайвань» выпить кружку пива по дороге домой. Задерживался он в заведении обыкновенно ненадолго, поскольку вечно был занят, писал мудреные статьи, ездил на научные конференции, а еще, как потом выяснилось, распространял запрещенные книги. Звездочет был со всеми одинаково приветлив, но близко никого до себя не допускал, и Петька оказался единственным, кто по-настоящему сумел занять его внимание. Было ли это как-то связано с Купавной и с той ночью, когда по просьбе Светки Юра открыл перед маленьким беглецом ночное небо, утверждать не возьмусь, но чашечкой двое бывших купавинских дачников вместе выходили из китайской пивнухи. Не договоривши своих разговоров, они шли на Воробьевы горы и дальше кружным путем мимо цеховского гетто спускались к реке, переходили по железнодорожному мосту и топали в сторону Юриного номенклатурного дома, плавной дугой изогнувшегося на левом берегу Москвы-реки наискосок от Киевского вокзала. Я знал об этом, потому что ходил в университетский турклуб и наш добрый тренер Валерий Павлович Конюшко устраивал нам по этому маршруту вечерние пробежки.

Увлеченные беседой двое мыслителей меня не замечали, а я обгонял их с печалью и ревностью – мне бы очень хотелось, чтобы они меня вспомнили и взяли к себе.

А потом Юра исчез. Петька грустил по своему старшему товарищу, пытался его разыскать, однако все было безуспешно. Астроном как в воду канул. Слухи ходили самые разные, а несколько времени спустя Петю Павлика вызвали в Главное здание университета на девятый этаж. Там веселый голубоглазый дядечка, числившийся проректором по общей безопасности, доверительно рассказал ему, что аспиранта давно хотели засудить за любовь к самиздату, но вмешался его отец и от греха подальше отправил парня в армию.

– А следующим тебя заберут, – захохотал проректор.

– У меня белый билет, – возразил философ уныло.

– Все равно заберут. Только уже не в армию.

Слово аспирантки

На факультете Павлика по-прежнему жалели и не отчисляли, вызывали на деканат, увещевали, продлевали сессию и надеялись, что он образумится и вернется, но все было тщетно – Петя так и не одумался. Тем не менее его скорее всего дотянули бы до диплома, если бы не помешанная на Фейербахе преподавательница с кафедры марксистско-ленинской философии, которая читала диамат и нам. Она отказалась ставить гегельянцу на экзамене тройку, притом что он ей все ответил и про материализм, и про эмпириокритицизм. В сущности, это была уже агония этих дурацких предметов, никто не требовал присягать на верность партии и правительству, нужно было только знать и излагать материал, можно даже было спорить с чем-то, не соглашаться, критиковать культ личности и ночные декреты советской власти, даже отстаивать первенство духа над материей и ставить в центр мировой разум – все это приветствовалось и считалось знаком обновления, ускорения, гласности и перестройки, но Петюню было решено примерно наказать. Некоторая справедливость в этом присутствовала – именно в Петре Павлике увидела угрозу своей драгоценной науке и причину всех государственных бед похожая на цыпленка Божья старушка Чаева, которая в годы войны вылавливала на освобожденных территориях девушек, спавших с немцами. Петя в ее догматических глазах был явлением родственным – изменником, шатуном, шалуном и пятой колонной.

– Компромиссы допустимы в малой степени в экономике, – критически оценила Чаева процесс перестройки и непроизвольно затрясла маленькой, изящной, как у кобры, головой. – Но в идеологической борьбе им места нет. Как ветеран партии я намерена писать письмо в ЦК.

Увы, только что вернувшийся в Москву после переговоров с баронессой Тэтчер глупый мышонок Горби ее восьмистраничному посланию с цитатами из Ленина и предостережениями против оппортунизма и ревизионизма не внял. А сына доктора Павлика таки отчислили в восемьдесят восьмом году как последнего эмгэушного диссидента и антисоветчика одновременно с публикацией «Доктора Живаго» в «Новом мире». Однако в «Тайвань» он все равно продолжал ходить, ничего дурного про свой факультет не говорил, и три года спустя, когда идеологическая борьба была кафедрой научного коммунизма всухую проиграна, внезапно разбогатевший гегельянец стал давать альма-ма-

тер деньги на ремонт, книги и именные стипендии для студентов. Кроме того, Петя назначил пожизненное содержание обнищавшей после закрытия ее кафедры Чаевой, в чем некоторые углядели изысканную месть, хотя мой купавинский товарищ был просто добр душою и помогал всем, невзирая на их взгляды.

О «тайваньском» периоде в его жизни я больше ничего не знал, потому что в сторону китайского посольства чаще ходили студенты с естественных факультетов, а гуманитарии предпочитали пивной бар с автопоилками на улице Строителей за метро «Университет». Но была одна девушка, аспирантка с кафедры общего языкознания Валечка Макарова, высокая, тонкая, очень чувственная, стерва порядочная, которая однажды сказала, что отдастся тому, кто сводит ее на Таганку на «Мастера и Маргариту». Сказала в присутствии нескольких человек, один из которых мне был крайне неприятен. Плюнуть на нее надо было, но у Валечки был такой завиток волос возле уха, что я не мог с собой ничего поделывать.

И тогда я поехал на Таганку. Но это было бесполезно. Какие билеты? Там занимали очередь за несколько суток и чужих не пускали. А уж на «Мастера»... Кого я мог разжалобить – Любимова? Смехова? Дупака? (Это директор театра, если кто не знает.)

Но именно там, в ночных очередях, которые держали ребята из Физтеха и МИФИ, я узнал про уникального чувака с чудной фамилией, который, если ты ему приглянешься, может сделать билеты на любой спектакль, а искать его надо в университетской пивной на улице Дружбы.

...Больше всего меня поразило, как Павлик был одет. Вместо мешковатых штанов и ботинок «прощай молодость» он носил хорошие джинсы, американские армейские сапоги, пуловер и очки в дорогой оправе. Голову он теперь стриг наголо, отчего выглядел довольно зловеще и даже богатый прикид не скрадывал его внешнего уродства, но зато придавал бывшему философу жутковатый шарм. В этот раз он был со мной гораздо любезнее. Сказал, что билеты достать, конечно, может и сделает это для меня по дружбе по минимальной цене, но не лучше ли послать такую девушку куда подальше? Я с ним мысленно согласился, однако в театр мы все равно сходили, и хотя спектакль Валечке не понравился, слово свое аспирантка сдержала. А мы с Петюней потом хорошо постоюли в «Тайване». Постоюли, потому что сидячих мест там не было. Видимо, для того чтобы народ не задерживался, хотя кружок все равно не хватало, и у Пети имелась своя фирменная банка из-под консервированной айвы. Единственное, что было неудобно – в помещении не разрешали курить, и периодически возникали менты, которые штрафовали тех, кто им попадался, но – ни разу Петю. Они как будто не замечали этого большого центрального человека с резкими складками на голой голове. Зато время от времени к нему подходили мелкие целевые люди и о чем-то негромко договаривались. До меня доносился шелест манящих слов и наименований, среди которых билеты в театр были не самым главным призом, но еще больше меня поразило, что Павлик ничего не записывал, а все запоминал и, как когда-то названия созвездий, держал в своей лобастой кочерыжке всевозможные марки джинсов, батников, водлазок, запасные колеса, австрийские сапоги, мебельные стенки, кассетные магнитофоны, банки с красной и черной икрой и еще черт знает что в рублевом эквиваленте конца эпохи развитого социализма.

Диспетчер мой в тот день был в лирическом расположении духа и рассказал о том, что занялся фарцой не от хорошей жизни. Светка вышла

замуж, муж ее зарабатывал немного, и помогать сыну она не могла. Да он и не просил ничего. Сам ей деньги давал. Ей и своему херсонскому папаше. Злые языки говорили, что Павлик был связан с ОБХСС, с ментами и даже с гэбухой, которая взяла его под покровительство после встречи с дружелюбным проректором в главном здании. Не знаю. Я ничего в торговых операциях не понимал, но помню, как тогда меня это все резануло, и я почувствовал себя разочарованным и обманутым. Не из-за порочных связей. Нет. А просто Петя, этот светоч Петя Павлик, который смотрел на звезды в телескоп большого Юры и сделался его другом, виртуозно играл в жопки, спасал землю от инопланетян, раскрыл механизм устройства Вселенной и пел гимны Периодической таблице Менделеева, — этот интеллектуал, интеллигент, любомудр, объективный идеалист, краса и гордость Московского университета стал спекулянтом, жуликом, фарцовщиком пусть даже ради ближних. Мне казалось тогда, что мы живем в такое время, когда стыдно думать про деньги, стыдно копить, ты же потом жалеть об этом будешь, Пьерушка. Страну надо возрождать. Я напился и обличил его с ног до головы. Он выслушал меня очень внимательно и заплатил за пиво.

Разбор полета

Сегодня хозяин дал мне выходной, и я брожу весь день по окрестным горам. Я нахожусь здесь уже почти две недели, денег у меня по-прежнему нет, документы окончательно просрочены, и с каждым днем мое положение усугубляется, но я стараюсь об этом не думать. Кто знает, может быть, потом я буду вспоминать это время с благодарностью? А может быть, никакого потом не будет, но я правда боюсь священника, мне кажется, он умеет читать мысли, ну, или по крайней мере с интуицией у него в отличие от меня все в порядке. Он совершенно точно знает обо мне и моей жизни гораздо больше, чем я рассказываю, а может быть, даже больше, чем знаю о ней я сам. Наверное, это профессионально-профессиональное. И все-таки вряд ли его способности действуют на расстоянии. Сейчас, когда я далеко от его дома, то позволяю себе думать о своем.

Внизу видна деревня, церковь, железнодорожная станция и сама железная дорога, которая огибает холмы, вьется, и видно, как неспешно идет по ней старенький поезд, состоящий из нескольких вагончиков. Именно что идет, а не едет, словно нащупывает себе путь и боится свалиться с кручи. Потом останавливается на станции Горни Липова, она самая ближняя к нам, высаживает и принимает горстку пассажиров и движется дальше в сторону Остружны. С высоты поезд похож на игрушечный, и я вспоминаю, как папа подарил мне на день рождения железную дорогу. Очень простую, небольшой круг, по которому носился заводной паровозик, а у маленького Юры была немецкая, электрическая, с разными поездами, станциями и стрелками, и я ему завидовал, идиот.

Я ухожу все дальше, следуя указателям, которые обещают привести меня к горной хижине, и там можно будет сделать пикник. Мне нравятся эти лесные дорожки со стрелками, сколько километров отсюда до лечебницы, до города, до мельницы, до заброшенной шахты и до вершины горы. Иногда по пути попадаются непонятные сооружения, похожие на заброшенные военные объекты — бункеры, дзоты, окопы, и я вспоминаю, как в военных лагерях под Ковровом мы проходили об-

катку танками. Это оказалось совсем не страшно и напоминало наши дачные игры в войнушку. Гораздо страшнее сейчас, когда я ложусь у края обрыва и смотрю вниз. К избушке поднимаюсь обессиленный к четырем часам, хотя собирался быть тут не позже половины второго, доползаю до порога и долго не могу пошевелиться и отдышаться.

В хатке прибрано, чисто, достаю пиво, бутерброды, в запасе у меня бутылка местной водки сливовицы – ее подарил Одиссей. Очень хочется разжечь костер, но делать этого нельзя, и мне становится грустно, потому что костры – моя любимая забава с детства, и везде, куда бы я ни приезжал, я всегда старался развести огонь. А тут это невозможно. Конечно, наши помойки посреди леса не лучшая альтернатива и можно представить, как выглядел бы такой домик в России, но почему нельзя, чтобы была и чистота, и костры в лесу?

Сижу на деревянной лавке, смотрю на ветряки вдаль и пью пиво, как когда-то в «Тайване», который давно закрыли. Рассказывали, что туда любил ходить старший внук Брежнева Леонид. Он учился на химфаке, и однажды компанию молодых людей, отмечавших медиану, загребли в ментовку. Внук был не очень похож на деда, и когда назвал свою фамилию, а затем еще и имя, парня отметили с особой тщательностью и усердием. Потом, правда, так же тщательно извинялись, но злачное место все равно решили упразднить, чтоб не было соблазна. Я не поленился, проверил этот рассказ в интернете, и получилась нестыковка, ибо внук Брежнева учился в универе гораздо раньше, чем закрыли пивную, и тем не менее история мне понравилась. Говорят, Павлик очень переживал за «Тайвань» и пытался его выкупить, но в ту пору его возможности не были такими обширными, а главное, изменились отношения с Китаем, посольство ожило, наполнилось людьми, чернила со стен и окон были смыты и о конфликте семьдесят девятого года старались не вспоминать. Пивнуха же с ее вызывающим народным названием была могущественному соседу как бельмо в глазу, и от нее избавились. А жаль, правда. Мне вообще много чего жаль из той жизни, и чем дальше мы от нее уходим, тем больше я о ней жалею. При этом я абсолютно не согласен с теми, кто расхваливает совок – дурацкое слово, сам его не люблю, но еще меньше понимаю мечтающих туда вернуться, однако сегодня у меня сентиментальное настроение, и я хочу сделать то, что запрещал себе все эти дни – вспомнить Катю.

Петя, когда отправлял меня в Киев, надеялся, что у нас с ней может что-то опять сложиться, ибо сейчас – провозглашал он – настало время, когда люди должны друг друга прощать и находить спасение в прошлом, бросать якорьки и попытаться остановить идущий вразнос корабль.

– Мы все ошиблись, сбились с дороги и пошли в несчастную сторону. Надо просто вернуться на несколько десятков лет назад, – говорил он вдохновенно, и у меня от его вдохновения начал дергаться левый глаз, но, с другой стороны, это тоже была причина, по которой он не бросал все эти годы меня, а потом еще разыскал Юрку и взял его на работу. По той же причине я должен был согласно его плану встретиться с Катериной.

– Ты в этом уверен? – лишний вопрос и интонация безнадежности в моем голосе мне самому была жалка и смешна.

– Шура, – отвечал он.

– А ты не посмотрел в интернете, как она изменилась с тех пор?

– Ну, милый, ты тоже не стал краше, пусть даже тебя по интернету не показывают.

Если он хотел меня при этом поддеть, то напрасно – у меня уйма недостатков, но ни тщеславие, ни честолюбие к ним никогда не относились. Я просто всегда хотел, чтоб на меня как можно меньше обращали внимание и трогали. И, в общем-то, мне это удавалось.

– А если она откажется?

– Она согласится, Слава.

Самолет мягко потряхивало. Кроме нас двоих и экипажа, в нем никого не было. Изнутри он был обит дорогим деревом и походил на яхту, и, возможно, поэтому ощущение у меня было такое, будто мы не летим, а плывем.

– Ей же любопытно посмотреть на своего первого мужчину.

Я совсем не был в этом шура, то есть уверен (в том, что ей любопытно), а Петино замечание показалось мне в высшей степени бестактным, равно как и в общем упоминание Кати, но мои отношения с этим человеком складывались таким образом, что я от него зависел, а не он от меня. Иначе я ни за что не полетел бы с ним на Ямал, даже с учетом того обеда, который нам подала приветливая стюардесса, ибо в последние годы у меня развилась аэрофобия. Хотя, конечно, я не мог не признать того, что по сравнению с обычным пассажирским самолетом, где ты сидишь зажатый между креслами и мучительно делишь с соседом подлокотник, а тошнотворную еду тебе приносят как скотине в стойло, маленький воздушный корабль с ресторанным меню и потрясающей винной картой, вылетевший безо всяких очередей из пустынного третьего Внукова, казался венцом человеческого успеха.

Петя с трудом встал и неуверенно прошелся по салону. Большой, неуклюжий, с одышкой и зашкаливающим уровнем сахара в крови – неужели врачи ничего не могут сделать или сам не хочет? Ведь нынче все помешаны на здоровье, а этот пьет, ест за троих, сладкое, мучное, хотя ему наверняка все это запрещено. А у него еще сердце больное, и я вспомнил Светку, которая орала на нас посреди поля в Купавне. Наверное, хорошо, когда сын у тебя олигарх – выгодная получилась материнская инвестиция. А вот моей матушке не очень-то со мной повезло...

– Они в глубине души очень хотят этого разговора. Они ждут его и только делают вид, что мы больше не братья и навсегда разошлись, а на самом деле поглядят, как они за нами наблюдают, как реагируют на все, что у нас происходит.

– Угу, – буркнул я. – Ты читаешь хотя бы иногда их сети?

– Да, они реагируют не так, как бы нам хотелось, – проговорил Павлик, помедлив. – Но если мы действительно старшие, то это мы виноваты в том, что произошло. Это мы недоглядели, не так себя повели, где-то ошиблись, и, значит, мы должны ошибку исправить.

Я снова вспомнил рыхлого, плаксивого мальчонку, с которым мы играли у ворот в садоводческом товариществе «Труд и отдых» и представляли его таскать воду на прокурорское поле. Кто бы сказал мне тогда, что через много лет он будет проводить со мной в собственном самолете политинформацию об отколовшейся Украине и толковать о нашей общей судьбе, вине и ответственности, мыкая и трясясь своими полутора сотнями килограммами так непреклонно, что мне оставалось лишь сидеть и молча слушать его, попивая в качестве дижестива односолодовый вискарь «Writers tears», и глядеть за окошко, где ровно светило солнце и тянулись, сколько было видно глазу, плотные облака.

– Я думаю, я чувствую, что они во многом сами жалеют о том, что произошло, и если можно было бы отыграть назад, давно бы уже отыг-

рали, но гордость меньшего народа мешает им это признать. Они ждут от нас извинения, раскаяния, хотя бы показного, и в этой ситуации мы должны поступить великодушно и сделать первый шаг навстречу.

– Вернуть им Крым?

Самолет задрожал. Лети мы обычным рейсом, раздалась бы команда – дамы и господа, наш самолет находится в зоне турбулентности, просим вас вернуться на свои места, привести спинки кресел в вертикальное положение, пристегнуть ремни безопасности, поднять откидные столики, открыть шторы иллюминаторов и все такое. А тут никто ничего не говорил, и я не совсем понимал, что делать. Стаканы на столе запрыгали, виски полетели на пол, стюардесса непрофессионально побледнела, и я вслед за ней.

– Немедленно всем пристегнуть ремни! – рявкнули в кабине.

Видимо, дела были неважны, коль скоро пилоты арендованного самолета позволили себе такой тон в отношении клиентов. Если мы все-таки сейчас где-нибудь навернемся, то завтра все газеты выйдут с сообщением о том, что известный предприниматель, общественный деятель, филантроп и просветитель Петр Павлик погиб в авиакатастрофе, а обо мне не напишет никто.

Борт снижался, и его продолжало трепать, как байду на волнах на озере Воже, когда там задует северный ветер или тебя атакуют аборигены на казанках. Вот уж точно воздушное судно. Бутылку с писательскими слезами гоняло по полу, и я думал, как бы ее ухватить и еще раз приложиться. Может быть, последний раз в жизни. Из кабины выполз на карачках никакой пилот и что-то сказал Пете на ухо. Тот помотал головой. Я не слышал их разговора, но догадался, что речь шла о запасном аэродроме в Когалыме. Эх, командир, командир – если сам боишься принять единственное правильное решение и не хочешь потерять работу, спроси лучше меня. В конце концов, я тоже имею право голоса, и этот совет меня в Когалым. А ты, Петя, вспомни про Леха Качиньского, генерала Лебеда и губернатора Фархутдинова. Достойные все люди, но зачем тебе оказаться в этом ряду? Какой бес тебя попутал! Ты же всегда все правильно делал. Подумай, сколько стоит твоя жизнь, и не забудь, что тебе некому передавать капиталы, если не считать избалованных тобой же жадных сводных братьев, которые спустят все за год.

Самолет прорвался сквозь облака, под нами показалась река, лес, и даже с высоты было видно, как гнет ветер деревья. Борт швыряло из стороны на сторону, уже не как лодку на волнах, а как пьяницу в коридоре общежития Литинститута. Садились боком. Я вцепился в кресло, но Петя даже не дрогнул. «Вот нервы». Борт завис над летным полем, словно вертушка, коснулся полосы, подпрыгнул, перекосясь так, что едва не задел крылом землю, стюардесса закричала, страшно загремела посуда, открылся шкаф, из которого что-то посыпалось, писательские слезы потекли ручьем по полу, а корабль оторвался от земли, вдавив нас в кресла, и снова взмыл в бушующий воздушный океан. Сделал круг над аэропортом и сел как на тренажере. Ровно, четко, уверенно.

К стюардессе вернулся румянец. Она выглядела так, будто ничего не произошло, только страх быть уволенной прятался в глубине ее потемневших глаз. Пилоты профессионально протянули нам руки на прощание. Петя сухо их пожал, я видел, что он недоволен. Не экипажем – мной.

– Не надо переносить личные отношения на всю страну, – буркнул он, глядя куда-то в сторону.

Ночной концерт

Не знаю, как я тогда стерпел. Но даже если бы, не сдержав обиды, я что-то язвительное про его собственные компетенции в самой пленительной области жизни сказал, моя насмешка не достигла бы цели. Мы никогда не говорили с Павликом на эти темы, я не знаю, было ли его печальное свойство связано с пресловутой свинкой или с чем-то еще, но, часто думая о своем друге, я представлял себе византийских военачальников, которые добровольно отсекали все лишнее, что мешало им целиком отдаться войне. И это были не какие-то там евнухи, не извращенцы – это были воины, полководцы, герои, которые хорошо знали, что Марс и Венера не могут ужиться в одном человеке. Петя не был человеком Марса, но у него было особенное отношение к миру. Он был свободен от того, чем были поработаны остальные, и всегда хотел в жизни нового. Теперь этим новым для него стала соседняя территория, в которой он понимал еще меньше, чем я, но отчего-то решил, что сможет потушить братский огонь так же, как когда-то гасил подземное пламя на прокурорском поле в Купавне. Благородно, но бессмысленно. Или на него произвела такое сильное впечатление моя обличительная пьяная речь в «Тайване» в восемьдесят каком не помню уже году?

Я глядел на Павлика, и у меня на языке вертелся вопрос: почему ты не уезжаешь? Ты мог бы жить со своими капиталами в хорошей стране, где уважают законы и к людям не относятся как к скоту, а не в той, где тебя едва не убили рэкетеры, а потом они же, став госслужащими, заставили отдать половину активов. Ты мог бы купить дворец, остров, жить на яхте, в нью-йоркском пентхаузе с видом на Центральный парк, лондонском особняке, в Венеции, на Таити, но ты остался в России и сокрушаешься из-за того, что ни один народ в Европе не пострадал и не потерял в последние полвека столько, сколько славяне, ты твердишь про Родину, ее судьбу, ее путь, исторический жребий и славянские ручьи, которые все равно сольются в русском море, – что-то очень жалкое, детское, ты раздаешь направо и налево деньги, поддерживаешь никому не нужные фильмы, выставки, спектакли и книги, жертвуешь сотни тысяч проходимцам и темным людям, которые с утра до ночи толпятся в твоей прихожей, осаждают тебя звонками, письмами, прошениями, и стараешься всем помочь. Но зачем?

О, если бы я был на Петинем месте! Даже не так, если бы мне достались крохи того, чем по праву владел Петр Тарасович, или он вдруг решил бы за что-то наградить и меня, я бы плюнул на всех славян с их идиотскими распрями, купил бы домик на берегу финского озера и жил бы там круглый год, наблюдая за тем, как белые ночи сменяются короткими зимними рассветами, плавал бы на байдарке, ходил на лыжах, ловил рыбу, и больше ничего мне в жизни не было бы нужно. Я даже приглядел такой домик на одном хорошем озере в районе поселка со смешным названием Сюсьма, и вечером, когда мы сидели в бутафорском ненецком чуме и закусывали водку строганиной, изложил Педре свою мечту, сказав, что мне не хватает каких-то двухсот тысяч евро и финского гражданства. Петя удивился сначала, почему я хочу дом именно в Финляндии, а не в Карелии, или, наоборот, в Канаде либо в Новой Зеландии, где есть все то же, но гораздо интереснее и ярче. Я объяснил ему, что те страны находятся слишком далеко и к тому же над океаном особенно сильные зоны турбулентности, а в Карелии нет того покоя и безопасности, которые необходимы моему ослабевшему организму.

– Хорошо, – сказал он, не отрываясь от планшета. – Только с Финляндией у меня не получится. Проще будет с чехами.

– Почему с чехами?

– Им нравится моя фамилия, – ответил Петя уклончиво.

– Но я хочу на север.

– Поработаешь в Оломоуце, через несколько лет тебе дадут европейские документы, и езжай куда захочешь.

– И что я буду за это должен?

– Ничего. Только сделай как я прошу.

– Это условие?

– Это просьба, – и Павлик улыбнулся детской, купавинской улыбкой. – И скажи, пожалуйста, Катерине, чтобы она остерегалась бучи.

– Какой еще бучи?

– Ты скажи. Она поймет.

...Надо было брать больше пива. И сливовицы, кстати, тоже. Она, конечно, уступает нашей водке, но и за эту, Одиссей, спасибо. Я иду вниз и пою песни. Пою отвратительно, у меня ни слуха, ни голоса, но при этом петь я люблю. На всех известных мне языках. Вниз идти еще тяжелее, чем вверх, а пьяному поскользнуться на этих склонах ничего не стоит. Я, кажется, и падаю, потом старательно ползу, цепляясь за корни деревьев, снова падаю и снова ползу, и когда выбираюсь на тропинку, грязи на мне как на танке.

Хорошо, что в горах никого нет. Сезон начнется позднее, а пока тропинки пустые, редко-редко встретишь одинокого человека, поздороваться, улыбнешься в ответ и топаешь дальше. Мне нравится одиночество в горах. На равнине оно утомительно, скучно, но горы тревожат мое сердце. В горах я, вероятно, чувствую то же, что чувствует отец Иржи в храме. Вертикаль.

На горной дороге показывается автомобиль. Он не едет – стоит, но, как мне спяну кажется, раскачиваясь на рессорах, точно и он слегка принял. Подхожу ближе. Машина полицейская, а качка в ней лишь усиливается. Мне как лицу бесправному да нетрезвому унести бы от нее ноги подальше, но не идти же обратно вверх по кручам, с которых я еле слез, проскочу как-нибудь. Интересно, однако, как эта тачка сюда забралась и кто ее бросил? Или тут проходит спецоперация? Облава? Снимают кино? В голове у начинаются крутиться разные сюжеты. Вспоминаю, как читал перед отъездом из России книжку про девушку, которая ушла гулять в горы и не вернулась. Ее нашли через месяц на берегу горного ручья, и она была абсолютно голой. Это случилось сто лет назад в Австрийских Альпах, и до сих пор никто так и не раскрыл тайну ее смерти. Даже автор той книги. Вот и с этой машиной тоже может быть связана тайна, но черт возьми! Лишь когда я оказываюсь совсем рядом с автомобилем, понимаю, как опрометчиво поступил.

Не голая, но полураздетая девушка на заднем сиденье встречается с моими глазами, вскрикивает, вслед за ней поднимается бритая голова бородатого парня в расстегнутом мундире, а я, проклиная себя за тупость, шагаю прочь. Блин, как неудобно получилось! Я бы мог бы и подогладивей. Однако сюжет приобретает все более отчетливые очертания. Полицейский заманил девчонку в лес. Или вынудил ее сюда поехать? В России таких случаев сколько угодно, неужели здесь тоже? А впрочем, судя по довольным разбойничьим раскосым глазам, девчонка не сильно возражала, а может, сама этого красавчика сюда завела...

Эх, где моя юность, где моя свежесть? Вопрос не в том, что они прошли. А в том, сколько таких девчонок я упустил! А они упустили меня. Но, кажется, именно тогда, размечтавшись и рассожалевшись о несбывшемся, я сбился с тропы. Станут ли меня в поповском доме искать, а может быть, вздохнут облегченно – ну ушел и ушел. Появился неизвестно откуда и зачем и так же исчез. Или найдут тело эти двое на полицейском авто, когда в очередной раз поедут подальше от чужих глаз?

Я иду не понимая, где нахожусь, вроде бы горы и горы, смеркается, половина восьмого, восемь, а я все шагаю и не ведаю, в какой стране нахожусь, в какой эпохе, сколько границ успел пересечь и к какому морю выйду, по дороге опять попадаются бетонные глыбы, заросшие кустарником и травой, и похоже, в каком-то из этих бункеров мне придется заночевать. Но тут над горами зажигаются звезды, потом поднимается луна, ее еще не видно, только ощущается, что скоро она покажется из-за склона и вся местность преобразится. И вот лунный свет лавиной сходит на долины и перевалы, я плыву по освещенной дороге, смотрю на свою долгую, размытую тень и без двадцати десятых оказываюсь в Горной Липове, только с другого конца. Эх, даже заблудиться не сумел. Бреду через деревню, где ко мне уже привыкли, еще не настолько, чтобы со мною здороваться не как с чужестранцем, но все же потихоньку я становлюсь частью этого пейзажа.

Никуда не тороплюсь, долго стою на мостике, который переброшен через ручей. Дом отца Иржи с другой стороны. Все уже давно спят, и только наверху, в пустынной колокольне, горит свет. Отец Иржи, судя по всему, там. Дверь открыта, мне хочется подняться по таинственной лестнице, но делать этого нельзя, и я просто стою и жду, прикладываясь к пузатой бутылочке, покуда она не кончается. Тридцать пять минут, сорок две, сорок девять. Внутренние часы работают бесперебойно независимо от состояния души и градуса тела. Роскошная сладострастная луна висит над головой и не стесняясь показывает всю себя. Перекликаются ночные птицы, хищно кружатся в лунном свете бабочки и мотыльки, за ними охотятся, выбрасываясь из ручья, форельки, и всеми этими действиями дирижирует кто-то незримый, как если бы природа давала концерт своему единственному пьяному зрителю. Наконец священник спускается, запирает дверь, и лицо у него такое задумчивое, прекрасное, одухотворенное, точно он и был тем дирижером, и мне хочется в ответ рассказать ему про свою возлюбленную. Именно сейчас. Я чувствую, знаю, что время пришло.

Выступаю из темноты, громко икая. Иржи вздрагивает и смотрит на меня рассеянно, без осуждения, но в то же время и без одобрения. Похоже, ему не нравится, что я немножко выпил, но трезвый я бы не посмел своей историей коснуться. Не знаю точно, с чего начать, потому что я познакомился с Катей дважды. Или, вернее, так: увидел ее через несколько лет после того, как мы с ней впервые проговорили полночи на берегу моря. Поэтому первый раз был вторым, а второй – первым. И с этого второго первого раза я и начинаю. Получается не совсем вразумительно, да плюс еще непрекращающаяся икота нарушает плавность и красоту моего повествования, и у меня складывается впечатление, что иерей слушает меня не просто невнимательно, а даже не пытается вникнуть в суть. Мысленно он все еще там, на колокольне со своей дирижерской палочкой, хотя мы уже зашли в дом. Я начинаю сердиться и прошу его дать мне водки и выпить вместе со мной. Не хочу, чтобы он слушал на трезвую голову.

– Это не исповедь, не дурацкие грешки, в которых каются ваши старушки, – кричу я ему в лицо. – Это – роман, самый сокровенный мой роман, и с вашей стороны невежливо мне отказывать.

Однако моя просьба еще больше огорчает его, и он мягко, конфузливо, но очень настойчиво предлагает мне больше сегодня не пить, а пойти отдохнуть и поговорить завтра. Но я не собираюсь ложиться, я хочу, чтобы настала ночь воспоминаний, я знаю, что это должно произойти именно сегодня, машу руками и, кажется, задеваю что-то в комнате. Оно падает, разбивается, на шум выбегает матушка Анна в плюшевом розовом халате с мишками, и у меня нет слов, чтобы передать выражение ее лица при взгляде на осколки стекла на полу, лужу и мой походный костюм, но Иржи запрещает ей говорить хоть слово. По таким мелочам и становится понятно, кто в доме хозяин.

– Зитра, всечно буде зитра, – говорит он, подталкивая меня к двери.

Но меня уже не остановить, я не хочу никакого зитра, я хочу сейчас и кричу на плюшевую матушку, обвиняю ее в лицемерии, фарисействе и прочих смертных грехах, а батюшку в том, что он только изображает участие, а на самом деле равнодушен к людям, как печная кладка бездействующего камина в доме, который, икаю я яростно:

– Вам не принадлежит!

Матушка даже не бледнеет, но белеет от гнева, а поп кивает в такт моим возмутительным речам и ведет меня на второй этаж в мою комнату. Подсохшая грязь комьями падает на лестницу. Бросаю в угол одежду и быстро засыпаю, но в третьем часу ночи просыпаюсь оттого, что наверху кто-то топает. Икота не прошла, голова раскалывается, страшно хочется пить, но я понимаю, что если спущусь на первый этаж, то разбужу хозяев. Вчерашняя наглость сменяется приступом раскаяния таким сильным, что я готов уйти, не попрощавшись. Я боюсь даже вспоминать, что именно вчера наговорил и какими глазами буду утром смотреть на отца Иржи, а про матушку не смею и думать. Мне не спится, я продираюсь сквозь лобовую боль и размышляю про немецкого судью, который продолжает мерить шагами чердак над моей головой. Каково ему знать, что в захваченном чехами его родовом гнезде буянит пьяный русский? В окошко виден ярко освещенный луной склон горы и тени высоких деревьев. Тоскливо кричит ночная птица. Земля несется сквозь вселенский холод и слегка дрожит от легкой космической турбулентности. Мне сорок девять лет, я живу в чужом углу, а своего у меня нету и, скорее всего, уже не будет. Мне становится ужасно грустно, так грустно, так жалко себя, что хочется плакать, хочется, чтобы меня кто-нибудь пожалел. Учительница мама с ее верными учениками, покойница бабушка, отец или, может быть, Катя...

Памяти «Памяти»

Она стояла на винтовой лестнице, которая вела с сачка на второй этаж к конференц-залу в первом гуме. По этой лестнице ходили не так часто, потому что зал обыкновенно пустовал, но в тот день он был открыт и народу было много по случаю вручения дипломов. Мы занимались тем, что невнимательно слушали недавно назначенного молодого декана, слонялись по просторному коридору, фотографировались, прикладывались по очереди к бутылке теплого шипучего вина и изображали радость, хотя никакой особенной радости не было. Ну окончили

и окончили. Распределение год назад отменили, и если раньше каждый боялся, что его засунут в школу, то теперь куда идти работать и как жить дальше, никто не знал. Когда я поступал, нас отбирали для важной государственной деятельности – преподавать советскую литературу иностранцам, готовили к сложным заграничным командировкам, к идеологической борьбе и пропаганде социалистического образа жизни.

– Преподаватель советской литературы как зарубежной, входя в аудиторию, занимает огневой рубеж идеологической борьбы с врагами и полудрузьями, – это была первая фраза, которую я услышал на своей кафедре, однако потом на наших глазах все начало рушиться, и за несколько лет врагам и полудрузьям сдали все, что было можно и что нельзя.

Сейчас многие у нас это время ругают, а я рад, отец Иржи, что оно совпало с моей молодостью. Помню, как все менялось на глазах, перестройка, гласность, Абуладзе, дети Арбата, белые одежды, факультет ненужных вещей, пусть Горбачев предъявит доказательства в «Московских новостях» и публичная лекция академика Афанасьева про Сталина на улице Двадцать пятого октября, куда было невозможно попасть, и народ стоял на улице и сквозь открытые окна ловил обрывки фраз. Это было время невероятной жажды правды, под видом которой нас так опоили новой ложью, что до сих пор не можем прийти в себя. Но ведь та жажда, честный отчет, не на пустом месте возникла! Вам она ничего не скажет, у вас была своя нежная революция, и все закончилось миром, вы вон даже со словаками разошлись так, что никто не пострадал, а мы умылись кровью и продолжаем ее лить. Погодите, я скоро дойду и до своей коханой Катерины, но мой роман требует болтовни. Так вот, я был счастлив, что все старое рушится. И каждый месяц, неделя, день, каждый новый номер «Огонька», «Знамени» или «Юности» приносили что-то новое. Большая была стена, мощная, хоть и трухлявая, и мы отколупывали от нее по кирпичику, не соображая, что будет, если вся эта конструкция обрушится на наши головы. Нынче говорят, что надо было не так, ставят в пример Китай, и дядька мой то же самое твердил, когда мы с ним сидели в Купавне и он стучал огромными кулаками по столу на террасе, клялся Ниной Андреевой и товарищем Лигачевым и клял Яковлева с Шеварднадзе.

– Убить их мало было! Куда КГБ смотрело? С кем боролось? Почему проглядело?

Но я все равно любил и люблю конец восьмидесятых. Мне жутко нравилось видеть, как день за днем мы отыгрываем, вырываем кусочек свободы и то, что вчера казалось невозможным, сегодня становится фактом. Сначала ругали только Сталина, а прочих ни-ни, но однажды я с изумлением прочитал в «Вечерней Москве», как писатель Астафьев назвал Брежнева чушкой, и вот тогда-то я и понял, что это конец. При дорогом Леониде Ильиче я родился, вырос, ходил в детский садик и в школу, я помню, как печально и жалостливо смотрела на нас учительница обществоведения Нина Ефимовна, когда он умер. И хотя мы высмеивали дефекты его речи и рассказывали про него анекдоты, все равно прочитать в советской газете «чушка Брежнев» – это было нечто запредельное. Не просто повторение оттепели, а самая настоящая весна – с грохотом разбивающиеся сосульки, потоп, ледостав, грязь, наводнение – и этого уже было не остановить. Да, батюшка, журналисты, режиссеры, писатели были в ту пору нашими героями и шли впереди всех. Я ходил на встречи с ними в какие-то дома культуры, окраинные клубы и даже стадионы, куда опять же не могли попасть все желающие.

Они говорили страстно, дерзко, умно; я слушал, как в студенческом театре МГУ на улице Герцена старенького поэта Наума Коржавина, приехавшего по случаю из Америки, умоляли прочитать про декабристов, которые разбудили этого самого Герцена, а маленький смешной Наум в очках с крупными линзами отнекивался, потому что боялся подставить тех, кто его сюда пригласил.

На том вечере, кстати, произошла одна история, которая поначалу показалась мне смешной и нелепой, а потом, наоборот, серьезной. В зале, где нынче православный храм, а тогда стояли рядами кресла и на месте алтаря была сцена, народу набилось невероятно много. Люди сидели на подоконниках, толпились в дверях, тянули головы, хлопали – и вдруг интеллигентная тетенька с красиво уложенными волосами и припудренной родинкой на массивном подбородке вскочила с места и иступленно закричала, вытянув палец:

– Уходи, немедленно уходи! Память, память...

Весь огромный зал, вздрогнул, обернулся, и я не сразу понял, что этот перст указывает на меня.

– Провокатор, черносотенец, антисемит!

Я не мог ничего понять, а только чувствовал, как все вокруг застыли в напряженном ожидании.

– Пусть он немедленно уходит!

Челюсти при этом работали у нее так жутко, будто она хотела меня сожрать. Подслеповатый Коржавин на сцене замолчал и обиженно выпятил нижнюю губу, а до меня не сразу дошло, что тетку сбила с толку борода, которую я отрастил сразу после военных лагерей и показался ей членом националистического общества «Память». Однако ж до какой степени были наэлектризованы, взвинчены люди, если несчастная, ключкообразная пегая бороденка, отращенная для пущей солидности молоденьким студентом, заставила мощную даму на незнакомого парня публично нападать и вынудить его с позором уйти. А между тем мы были с ней единомышленниками, и я, как и она, как и миллионы советских интеллигентов, балдел от происходящего, стоял по утрам в очередях за газетами, а ночами смотрел бесконечные трансляции со съездов народных депутатов, с упоением и абсолютной верой слушал двух следователей с дач купавинской прокуратуры Гдляна и Иванова – она ломалась все быстрее эта старая махина, скрипела, крошилась, шла трещинами и сама не верила в свое исчезновение. И мы не верили в это тоже. Но скажите на милость, как она могла выстоять, когда в восемьдесят седьмом году мой ровесник, девятнадцатилетний немецкий пацан, аккурат в день пограничника пролетел полстраны на маленьком самолете и сел на Красной площади возле собора Василия Блаженного? Потом все спорили, что это было: тщательное спланированное действие Запада или обыкновенное российское головоуятие, потом про перестройку кинулись говорить, что то была национальная трагедия, предательство, пятая колонна, либералы, масоны, космополиты, агенты влияния. Но какие на хрен либералы, какие, отец Иржи, масоны, если первыми по улице Горького прошли те самые памятники, в принадлежности к которым меня обвиняла милая женщина из студенческого театра МГУ, а потом они же два часа терзали в Моссовете бедолагу Ельцина?

Говорят, нечто похожее случилось и в семнадцатом году. Тоже повылезала разнообразная шпана и тоже все ликовали – долой царя, да здравствует свобода, демократия, а потом драпали за границу или забивались в подполье. Но если бы тогда мне сказали, что вот я иду и ору, счастливый,

свободный, во всю свою юную глотку «Долой КПСС!», а потом за это буду нищенствовать, потеряю семью, родину, смысл жизни, я бы все равно орал «Долой!», а коммунистов, за то что они дважды погубили мою страну – и когда пришли и когда уходили, – не люблю еще больше.

Горячо-холодно

Но я отвлекся, простите, я буду часто отвлекаться, болтать и сам себе противоречить. Так вот, пятый курс проходил в угаре, но не учебы, а устроения жизни, иногородние женились на москвичках, а самые продвинутые – на иностранках, девицы торопились выскочить замуж, кто-то мечтал прорваться в аспирантуру, а кто-то остаться на кафедре. Меня не ждало ни то ни другое, учился я посредственно, но все равно мне было грустно уходить из университета, который я любил и всегда гордился тем, что я московский студент. Я верил, что в Москве есть только один университет, и позднее мне сделалось ужасно смешно, когда какой-нибудь институтишко вдруг начинал величать себя университетом. Мне был двадцать один год, я ждал от этой цифры чего-то необыкновенного, и в голове у меня роились романтические мечты завербоваться на Север, на Соловки или на Дальний Восток, на Курильские либо Командорские острова, узнать жизнь, поработать в районной газете, поездить по стране, и, наверно, жаль, что я этим мечтам не последовал. Однако подвернулась работа в головном издательстве, дурацкая, младшим редактором, и дядюшка Александр уверил мою маму, что это шанс, который глупо упускать, – карьера, рост, перспектива.

Вы хотите узнать про моего отца? Он умер, когда я был ребенком. Меня воспитывала мама и ее братья. Матушка второй раз замуж она не вышла, и я не знаю, больше ли во мне теперь благодарности за то, что в моей жизни не было человека, которого я должен был бы называть – не знаю как, папой или дядей Васей, или вины перед ней. Это обстоятельство, кстати, роднило нас с Петей, хотя мы о нем никогда не говорили.

Но вы опять меня перебиваете, а в ту минуту с новеньким синим дипломом в выдавшем виде дипломате я размышлял о том, как мы поедем к Тимоше на Фили, где у нашего общего друга Алеши Тимофеева была квартира в добротном кирпичном доме, принадлежавшем Западному порту, и мы собирались там отметить окончание универа. Только сначала надо было запастись спиртным, что в девяностом году было делом немислимой сложности, ибо и водка, и вино продавались по талонам в очень немногих магазинах, так что надо было выстаивать огромные, бесформенные очереди, в которых диктовали порядки шпана и алкаши.

Я уже размышлял, куда бы нам поехать, на Киевскую, Красногвардейскую или может быть, Лодочную улицу. Там был один укромный, мало кому известный магазинчик на берегу Химкинского водохранилища, куда можно было перебраться на речном трамвайчике от Речного вокзала, а дальше пройти пешком вдоль воды, и именно в эту минуту я увидел ту девушку. Она была похожа на чью-то младшую сестру или, может быть, невесту, правда, для невесты слишком молода, она пришла, должно быть, с кем-то из тех, кто получал сегодня диплом, но стояла одна, и было похоже, что она потерялась, как теряются маленькие дети. Эта ее незащищенность мне напомнила одно мое старое обязательство.

– Ты кого-то ищешь?

Она кивнула.

– Кого?

– Вас.

Повторяю, она мне, правда, кого-то или что-то напоминала, но я ее, конечно, не узнал, потому что она очень изменилась, как меняются, взрослея, девочки. Я только видел, что она страшно волнуется. Это волнение ощущалось во всем. Она волновалась, как волновалось Бисеровское озеро после семи часов утра, как волновалось купавинское поле, когда дул западный ветер, то есть я хочу сказать, целиком, полностью, каждой травиночкой, былиночкой, колоском. Простите, отец Иржи, я пробовал в университете писать стихи, очень плохие, и это, может быть, не слишком удачный образ, но именно так она волновалась, или, точнее, так я про ее волнение подумал. И это волнение странным образом притянуло меня к ней. Так волнуются, еще может быть, перед экзаменами. И мне сделалось смешно, потому что все свои экзамены в жизни я сдал и больше никогда не буду учить вопросы и вытягивать билеты.

А она вздохнула, опустила голову, и я почувствовал, догадался, что если я сейчас уйду, то эти прекрасные глаза наполнятся слезами, простите. Но я и не хотел уже никуда уходить.

– Может, вам подсказать? – спросила она упавшим голосом.

– Что?

– Ну там, горячо, холодно.

Я пожал плечами и сказал первое, что пришло на ум.

– Костер.

– Холодно.

– Картошка.

– Еще холоднее.

– Стройотряд?

– Нет.

– Общага.

– Холодно.

– Поход?

– Холодно.

– Осень.

– Холодно, холодно, – говорила она с каким-то невообразимым отчаянием, и, правда, холодом пахнуло посреди жаркого душного летнего дня, а потом незнакомка так порывисто взмахнула рукой, что я схватил ее за тонкое запястье, чтобы она не улетела, и эта порывистость опять же что-то мне напомнила. Но я все равно ее не узнавал.

– Метро.

– Холодно.

– Сессия.

– Холодно.

– Сплав. Байда. Рыбалка. Сачок. Колок. Портвейн. Буфет. Красновиново. Азау. Третье ущелье. Сандал. Античка. Старослав. Истграм. Инстаграм. Поцелуй. Тысяча поцелуев, моя Лезбия.

– Холодно, – и тут она так глянула, что меня как будто дернуло током.

Я оглянулся по сторонам – мы начали привлекать внимание.

– Ладно, давай по-другому. Ты меня давно знаешь?

– Да.

– А я тебя?

– Тоже.

– Я тебя раньше видел?

– Не видели, – согласилась она. – Потому что было темно.

– А ты меня?

– Много раз.

Она была так красива, так притягательна, и столько юной девичьей, женской прелести в ней было, что я оторопел. Платье на ней было светлое, легкое, оно просвечивало, но не вульгарно, а чуть-чуть, так что можно было только догадываться о юном, гибком теле под ним. Я опять подумал, что эта девочка ошиблась, перепутала меня с кем-то, и мне стало ужасно обидно. Нас обгоняли знакомые и незнакомые люди, на меня поглядывали с интересом мои нарядные накрашенные сокурсницы, надо было отойти, подняться или спуститься, чтобы уступить им дорогу, подскочил озабоченный, толстогубый Тимошка, похожий на зеркального карпа из прудов бисеровского Рыбхоза, и, намеренно не глядя на девушку, показал мне на часы, но время я знал и без него и все равно не мог сдвинуться с места – пропал, растворялся в этих черных смеющихся глазах, еще не знавших наслаждения своей силой, смущенных, довольных, виноватых – в ней не было ни тени усталости, разочарования, жеманности или кокетства.

– Это было в Москве?

– Нет.

– В поезде?

– Нет.

– В самолете?

Она опять покачала головой:

– Я никогда не летала на самолетах.

– Я тоже.

– А зачем тогда спрашиваете?

«Ну же, ну же, вспоминай», – умоляли, плакали и смеялись ее глаза с дрожащими ресницами.

– А ты точно меня ни с кем не путаешь?

– Нет.

– Тогда скажи где.

– В Крыму.

В Крыму я был единственный раз в жизни, что значительно сужало поиск, но все равно вспомнить ее не мог.

– Пепито комэ лос пепинос, – неуверенно прошептали пунцовые нецелованные губы.

Я выкатил глаза – неужели это была?..

Комитет молодежных организаций

Простите, что я снова пью и плачу, иерей Иржи. Наверное, я действительно постарел, потому что сделался слезлив и сентиментален. Уже поздно, но не уходите, пожалуйста, а лучше позовите матушку Анну, может быть, она тоже послушает мой рассказ и станет ко мне чуть добрее. Ведь это правда, что я бесправный беженец и очень неаккуратный и, похоже, весьма бестактный, хорошо невоспитанный человек, но я никого не отравлял, не преследовал и не сделал никому ничего плохого. И скажите ей, что Крым у Украины мы не украли – слышите ли вы эту чудную аллитерацию и сохранится ли она в переводе на чешский? – ибо как можно украсть у самих себя наше общее место, где я впервые с Катериной увидался? Только поклянитесь мне, хоть я и знаю, что клясться у вас, у попов, не принято, пообещайте

мне тогда, что никогда вы не обратите против меня то, что я вам сейчас расскажу.

...Ровно за четыре года до этой встречи я сидел на десятом этаже стекляшки на кафедре античной литературы, пытаюсь пересдать латынь Зиновьевой, и, подглядывая в шпаргалку, канючил «Вивамус меа Лезбия аткве амемус». Это был мой единственный хвост. Я не умел учить мертвые языки. Живые кое-как мог, но к мертвым не лежала моя душа и никакой красоты и гармонии я в них не обретал. А у Зиновьевой не лежала душа ко мне. Она невзлюбила меня с того раза, когда на ее вопрос, как переводится *memento mori*, я ответил:

– Не забудь умереть.

И теперь ее раздражало все – духота в аудитории, пыль, ее вчерашний разговор с заведующей кафедрой, ленивые аспиранты, пожилой муж, курсовые работы, пересдачи и, наконец, мое неумение отличить акузативус кум инфинитивус от аблятивус абсолютус. А кроме того, Зина обожала Кагулла и мечтала поехать на озеро Гарда, где у ее античного божества две тысячи лет тому назад была вилла, но в большом парткоме опять отказали, хотя приглашение от Болонского университета приходило каждый год.

– Слушай, ты, дубовая роца, если ты будешь выдавливать из себя стихотворение о любви, как прыщ, у тебя ничего не получится с девочками.

Прыщей у меня сроду не было, а дубовой роцей она звала всю нашу идеологическую группу, куда набрали одних парней с рекомендациями из райкомов комсомола, сделав для нас отдельный щадящий конкурс, и кто мы были после этого, как не дубы?

– Выучишь и придешь через три дня.

И ушла, уверенная в себе, женственная, носительница латыни и древнегреческого, как жрица храма не знаю кого, Аполлона, Артемиды, Афины Паллады, презиравшая все, что произошло с человечеством после разрушения Рима варварами, один которых сидел перед ней.

А я поплелся по коридору. Я знал, что у меня не получится выучить стихотворение про прекрасную Лесбию и ее поцелуи, не получится запомнить дурацкие латинские конструкции и падежи, вряд ли меня за это вышибут из универа, но я точно останусь без стёпы, а эта стёпа долгая, с летними месяцами.

В учебной части не было никого, кроме маленького, очень живого ясноглазого человечка по имени Тиша Башкиров. Он посмотрел на меня с чрезвычайно озабоченным видом.

– Ты из какой группы?

– Испанской.

– Звонили из КМО.

– Откуда?

– Хлебалин заболел корью.

– Прививки надо вовремя делать.

– Он работал с делегацией перуанских партизан. Завтра в семь они вылетают в Симферополь, а оттуда едут в «Кипарисный».

– Корь заразна, у детей инкубационный период, и их надо посадить на карантин, а у меня латынь через три дня. Поцелуемся, моя Лезбия, не забудь умереть...

– За детей не переживай. А латынь, если полетишь вместо него, я тебе обеспечу.

Ясноглазый Тиша ведал в профкоме дефицитом, и у него были рычаги воздействия даже на неподкупную Зину.

Партизанская делегация состояла из трех человек – двух братьев, десяти и двенадцати лет, и их руководителя – плотного, крупного парня, моего ровесника, с маленьким смуглым лицом и курчавыми волосами. Он спустился с Анд и через месяц собирался туда вернуться. В Советский Союз Хосе Фернандес поехал, чтобы посмотреть на страну развитого социализма и подлечить желтые от коки зубы. Второе ему удалось, а вот СССР партизану не понравился абсолютно.

– Это не общество потребления, это общество суперпотребления, – проворчал он, отдавая меня зловонным дыханием, и стал рассказывать, как ходил в «Березку» покупать сувениры и как его там ободрали, потому что иностранец.

Как липку, хотел тупо сострить я, но у меня не хватало знаний, чтобы перевести для него нехитрую игру слов, и к тому же я не был уверен, что правильно его понял, ибо внучка испанской эмигрантки из Сантандера Елена Эммануиловна Винсенс учила нас в университете благородному кастильскому наречию с выговариванием всех положенных звуков, дифтонгов и согласованием времен, а у Фернандеса в его гнилом рту была каша и грамматика в принципе отсутствовала. С мальчишками было чуть полегче, корь к ним, по счастью, не пристала, сами они оказались очень сообразительными, быстро освоились в отряде, объяснялись с вожатыми и с другими детьми жестами, потом скоренько освоили языковой минимум, вплоть до площадных слов, и я им в принципе не был нужен.

Несколько дней я вообще не понимал, что от меня требуется и зачем сюда привезли. Я был второй раз в жизни в пионерском лагере, но от первого у меня осталось такое отвратительное воспоминание, что и теперь я с ужасом и состраданием смотрел на детей, которые ходили в одинаковой форме, жили по распорядку, играли в вышибалы, отправлялись после обеда спать, это называлось у них абсолютом, и пели хором «вместе весело шагать по просторам». Однако оглядевшись, я понял, в какую лафу попал сам.

Переводчики в лагере жили вольготно, просыпались, завтракали, обедали и ужинали, когда хотели, днем писали пулю, а после отбоя собирались в беседке, пили крымское вино, слушали музыку, танцевали или шли на берег, разжигали костер, варили мидий и рапанов, купались в чем мать родила, а потом делились на парочки, причем всякий раз новые. Это было похоже на игру в ручеек, нравы были вольные и незамысловатые, никто никому ничего не обещал, но Зина как ведьма наколдовала. Меня они не принимали, как когда-то мы не принимали Петю в нашу компанию, а точнее, принимали с насмешкой. Я был всех моложе, а выглядел и вовсе ребенком, так что вожатые удивленно на меня смотрели, когда я попадался им после отбоя – из какого отряда и почему не в форме и не в постели?

Я страдал по всем пунктам, милосердный столичный народ, старшекурсники и аспиранты из иняза и МГИМО, владеющие разными языками от хинди до иврита, надо мною стебались, как издевались мы опять же над бедняжкой Петей. А та, на которую я смотрел больше других (она работала с югославами и держалась крайне надменно), исчезла в ночи с кем угодно, только не со мной. Чем меланхоличней я на нее тарачился и пытался смешно ухаживать, тем откровеннее, назло она меня отталкивала. А потом закрутила роман с моим героическим партизаном, причем, поскольку испанского Аннушка не ведала, Хосе Фернандес потребовал, чтобы я до определенного момента переводил, после чего по его знаку проваливал. Не знаю, как она терпела его бой-

цовские ароматы и чем он запудрил ей мозги, я был в бешенстве и печали, бродил вдоль моря, швырял камешки, искал куриных богов, ловил скорпионов, тарасился на звезды, рифмовал море и горе, и однажды услышал, как на лавочке кто-то плачет. Тихо, безутешно, всхлипывая и глотая слезы.

Сначала я даже не понял, кто это – мальчик или девочка. Коротко стриженные волосы, белая рубашка, выделявшаяся на черном фоне, ребенок, подросток, чадо. Только довольно полное. Я подошел ближе.

– Ты что здесь делаешь? Почему не спишь? – я попытался придать строгости своему голосу, и тогда пухлое дитя заплакало еще сильнее, как если бы мое присутствие освободило ребенка от необходимости таиться.

Пепито ест огурцы

Это была девочка лет двенадцати или тринадцати, пионерка даже не старшего, а среднего отряда. Признаться, я испугался и хотел поскорей уйти – а если нас вдруг увидят, то что подумают? – но она вцепилась в меня и не отпустила.

– Они не хотят со мной дружить, – прорыдала девочка.

– Кто?

– Дети.

– Почему?

– Говорят, что я заразная.

– Чем ты заразная? Что за глупости, тут всех проверяют, – возразил я, а сам подумал, что над ней смеются из-за бочкообразной фигуры, и тебе надо просто поменьше, дитятко, кушать.

И она как будто это поняла и посмотрела на меня с укором – во всяком случае так мне почудилось в той зыбкой крымской тьме:

– Они говорят, что я радиоактивная.

– Какая? – я вытарашил глаза, среагировав сначала на слово «активная», ибо с детства терпеть не мог пионерских активистов.

– Я из Припяти, – всхлинула толстушка.

Я вздрогнул. Это было лето восемьдесят шестого года. О чернобыльской катастрофе говорили постоянно, боялись страшно, проверяли щитовидку, мазали себя йодом и пили красное вино, но впервые я увидел человека оттуда. Она была беженка, отец Иржи, как и я теперь, и что-то пробежало, заискрилось между нами, что-то похожее на человеческую солидарность. И мой голос, и мое перехваченное сочувствием горло, и мурашки на коже – все это побежало от меня к ней как электрический ток. А девочку прорвало, она стала рассказывать, как они хорошо, как весело в этой Припяти жили, а потом все разом кончилось и воскресным утром – замечу при этом, матушка Анна, что авария случилась в ночь на субботу, и весь жаркий субботний день дети ходили в школу и играли на улице, – и только в воскресенье всех жителей собрали во дворе, велели взять с собой документы и запас продуктов на три дня и садиться в автобусы. Они уезжали, уверенные, что вернуться домой очень скоро.

Тут она опять разрыдалась и плакала очень долго. Внизу плескалось море, далеко на берегу развели костер мои старшие друзья и варили мидий, а я должен был утирать слезы несчастной девчонке, у которой в квартире навсегда остался кот Снежок, и этот кот якобы уже за три дня до аварии вел себя очень необычайно и бросался на стены, а до этого был такой ласковый и послушный.

– Нас привезли в Фастов, и там мальчишки оралы, чтоб мы убирались вон и швыряли камни в автобус. Милиция смотрела и не вмешивалась. А потом нас всех отправили в больницу на осмотр. Сначала мы долго ждали, а когда я зашла в кабинет, то врачиха в маске старалась от меня подальше держаться, будто я крыса какая-то. И вообще они там все злые были. А одежду нашу всю забрали, выдали ужасные пижамы и волосы состригли. А у меня волосы были густые, длинные.

Я достал сигарету и закурил.

– А мне можно? – попросила она.

– Маленькая еще.

– Я уже пробовала.

Я обнял ее, и она затихла, согрелась под моей рукой. Так мы сидели не знаю сколько времени. Ночь была хорошая, прятая, южная, в третьем часу костер погас, и над морем встала ущербная луна.

«А вдруг она действительно заразная?» – мелькнула в голове подлая мысль, но я еще крепче прижал ее к себе:

– А какой у нас был город, какая школа. Я до сих пор поверить не могу, что туда не вернусь. А они стали говорить, что все правильно, вот мы так хорошо жили, все у нас было, а теперь пусть мы проживем плохо, потому что это справедливо.

Она подняла на меня глаза, они были огромные, влажные, взрослые и блестели в темноте, а в них отражалось море со звездами:

– А вы тоже так считаете?

– Нет. И ничего не бойся. Я с этими козлами поговорю.

– Нет, не надо. Не выдавайте меня, не надо, пожалуйста, ни с кем ни о чем говорить. Обещаете? Лучше научите меня по-испански говорить.

Я растерялся.

– Как же я тебя научу за пять минут?

– Ну какое-нибудь предложение.

И тогда я сказал фразу, которой нас научила прекрасная Елена, когда мы отработывали на фонетике звук «р»:

– Repito come los pepinos.

Девочка несколько раз повторила ее.

– Ну все, я пойду, вы только не выдавайте меня, пожалуйста.

Она порывисто, очень порывисто для своей тучности вскочила и исчезла в ночи, а мне сделалось ужасно грустно, и собственная печаль показалась такой мелкой, незначительной... Я пытался в оставшиеся несколько дней найти эту девочку среди ее сверстниц, но они все были такие похожие в этих синих шортах и белых блузках, и крупных, рано созревших среди них тоже было немало – в ответ на мои взгляды отроковицы либо смущались, либо начинали глупо хихикать, а спрашивать у вожатых, кто там из Припяти, я не стал – в конце концов, я дал ей слово. Но не забывал про нее, и когда смотрел по телевизору или читал в газетах про Чернобыль, то вспоминал девочку, ни чьего имени не знал, ни лица толком не разглядел – только помнил голос, недетские глаза и тихий сдавленный плач.

И вот теперь она стояла передо мной. Или не так. Передо мной стояла, матушка Анна, необыкновенно красивая, стройная девушка с длинными, густыми каштановыми волосами и очень живым, полным прелести открытым лицом. Она была ужасно похожа и не похожа на рыдающую в «Артеке» толстушку, а я еще не знал, как окажется переплетена с моей ее жизнь, но знал, что ничего более прекрасного и значительного в этой жизни уже не будет.

Одиннадцать одиннадцать

Конечно, это я сейчас для красоты так говорю, ни о чем таком я в ту пору не думал. Просто жил себе и жил. Но ни на какие Фили я, разумеется, не поехал, и мы пошли с этой чудной девочкой мимо главного здания гулять по Воробьевым горам, спустились к реке, и я важничал, как если бы все эти университетские уголья принадлежали лично мне, как маркизу Карабасу. Я правда очень любил эту местность, старался произвести на девушку впечатление и чувствовал, что мне удастся. Не помню уже точно, что я ей тогда рассказывал, но у всякого человека в запасе много историй, которые можно рассказать, а особенно когда тебя слушают так внимательно, упоенно, как слушала меня она и не слушал прежде никто другой. Да, представьте себе, дорогие мои, хотя вам наверное и трудно в это поверить, но мне почти никогда не давали в нашей компании голоса. Считали человеком неразговорчивым, неинтересным, да, наверное, я таким и был, но иногда мне очень хотелось поговорить, рассказать, найти того, кто станет тебя слушать и простит, если ты говоришь нескладно, коряво, путано, повторяясь, но зато искренне, от сердца. А Катя не верила, что все происходит наяву и она гуляет по Москве с большим мальчиком, о котором мечтала все эти годы. Конечно, это могло показаться и до сих пор кажется мне странным, но впоследствии Катерина рассказывала, что я даже не представлял себе, как много значил для нее тот разговор на берегу моря, как он поддерживал ее, когда они поселились в Белой Церкви и на приезжих смотрели косо, ибо квартиры, которые им дали, предназначалась людям, давно ожидавшим своей очереди на жилье, – и вся эта враждебность, злость, жестокость, оскорбления, которых, может, в действительности, было и не так уж и много, но все умножалось в ее голове – новая школа, одиночество, отчаяние, да и люди были там по характеру совсем другие, чем в Припяти, – а потом еще умер от лейкоза, а на самом деле от горя и несправедливых обвинений ее отец – все это она пережила лишь потому, что запаслась крымским воспоминанием и оно ее поддерживало, спасало, превращаясь в яростную мечту о нашей встрече.

– Когда мне бывало очень одиноко, я все время повторяла то по-русски, то по-испански: пепито ест огурцы, пепито ест огурцы. И представляла тебя.

Я, признаюсь, засомневался и подумал, что если живешь такой вообразимой влюбленностью, то можешь очень сильно разочароваться, увидев предмет своего обожания наяву. Но, должно быть, у девочек это происходит иначе или же Катя моя была исключением. А может быть, я был в ту пору не так уж и плох, не знаю, но впервые в жизни я шел с девушкой, не испытывая неловкости, не думая о том, что я непривлекателен внешне, и одет бедновато, и не остроумен, и не обаятелен. Я про все про это забыл.

Мы протопали черт знает сколько километров по набережной Москвы-реки до Парка культуры и дальше через мое любимое пустынное Остожье с его выселенными домами и заброшенными неряшливыми особнячками, мимо бассейна «Москва» – его тогда еще не закрыли – к Кремлю и Красной площади и дальше через Зарядье в сторону Ивановской горки. Стало совсем темно, но мне не хотелось с ней расставаться и нравилось, что она по-прежнему смотрит на меня с восхищением и я не кажусь ей смешным, глупым, инфантильным, в чем щедро обвиняла меня аспирантка Валя Макарова, с которой мы иногда встречались у нее дома, когда родители куда-нибудь сваливали.

– А если ты настоящий мужик и хочешь чаще, сними квартиру, – внушала мне аспирантка, но хорошо ей было так говорить...

– У тебя болезнь века – недорослизм, – ставила она мне диагноз перед тем, как перейти к заключительной части нашего свидания, а я возражал, что мне не нравится это слово:

– Оно плохо состыковано. Корень русский, суффикс иностранный.

Валечка считала себя знатоком русского языка и оттого раздражалась и оскорбляла меня еще пуще, отчего я и дальше чувствовал себя не вполне уверенно. И как же хорошо мне было теперь, когда я болтал всякую чепуху и ни думал о своей инфантильности.

Стрелка на моих часах внутренних приблизилась к половине первого, и пришло время прощаться с девочкой из Чернобыля, а прощаться ну совсем не хотелось, и тогда я сказал:

– А поехали, пока метро не закрылось, на Фили. Народ там до утра гудеть будет, – и представил себе, как мы приезжаем с ней на Новозаводскую и как на нас посмотрят, и все станут мне завидовать, а наши спесивые девки утрутся, но она покачала головой.

– Да не бойся ты, они классные ребята, поедем там чего-нибудь, вина попьем. Ты же голодная, – вспомнил я, потому что и сам почувствовал голод.

– Нет, – и помню, как меня удивила твердость ее возражения.

– Тогда... – я крутил головой по сторонам и выпалил: – а давай тогда – в Купавну!

Она не стала спрашивать, ни что это такое, ни где находится, ни сколько и на чем туда ехать и кто там живет. Она как будто только и ждала того волшебного слова.

Курский вокзал был совсем недалеко, она успела позвонить тетке, сказать, что домой не придет и быстро-быстро повесить трубку, и мы побежали на последнюю захаровскую электричку, которая уходила ровно в час ночи. В вагоне, кроме нас, никого не было, мы молчали, потому что обоим вдруг стало понятно, что мы перешли черту, за которую уже нельзя вернуться и, согласившись поехать с полужнакомым парнем к нему на дачу, она лишала себя возможности отступить, а я брал на себя ответственность за ее согласие. И когда мы вышли на пустую, еле освещенную платформу и зашагали по дороге моего детства мимо круглой станционной пивнухи, вдоль однопутной железной дороги, мимо участков Минвуза, ЗИЛа, общества слепых, химиков и энергетиков, вдоль березовых холмов у дач имени восьмисотлетия Москвы, когда шли краем прокурорского поля, не касаясь друг друга, по всему этому темному, моему родному, теплому, гулкому пространству, где я нашел бы дорогу с завязанными глазами, то ни о чем не говорили.

Я никогда не забуду, матушка Анна, ту ночь. Она была облачной, беззвездной и какой-то особенно густой, будто бы не конец светлого июня, но август стоял на земле, и кто-то задвинул над нами полог, чтобы тьма длилась дольше положенного.

В дачном домике было тепло и тихо. Пахло сухим деревом, мотыльками и старыми газетами. Я включил свет на террасе, несколько бабочек и малярийный комар забились в стекла и вокруг абажура. Мы были страшно голодны, но, к счастью, в шкафчике нашлись сухари, а в подполе консервы и самодельное вино, которое изготовлял дядюшка, я нарвал в ночи зелени, лука, первых огурцов и последней редиски, Катя пожарила на сковородке тушенку, а после легла со мной так просто, как если бы мы были мужем и женой. И все, что произошло между нами

на кровати, где я засыпал ребенком, где просыпался и звал бабушку, когда мне становилось страшно, где я вырослел и мне начали сниться стыдные сны, – все было невыразимо трогательно и странным образом, бестелесно. Телесность, чувственность пришли позднее, а тогда мы просто понемногу узнавали друг друга.

Да, матушка, не знаю, как у вас, а у нас в те времена завоевать любовь девушки, добиться близости с ней – это все было не так уж просто, здесь требовалось время, терпение, уважение, и каждая девушка сама для себя определяла, когда это может произойти. Тогда у девочек еще были – не знаю, как это правильнее сказать, – понятия о чести или предвзвешенности, но мало кто рискнул бы согласиться на такое на первом свидании, а тем более если это случается с тобой в первый раз. И то, что она с такой легкостью, ни в чем не сомневаясь, мне доверилась, показалось мне невероятным даром, чудом. А может быть, ничего странного здесь и не было – ведь она ждала этой ночи четыре года, и я уж точно не был для нее случайным человеком. Но только и у меня, отец Иржи, тоже было ощущение, что со мной все произошло впервые, а если что-то и бывало раньше, то лишь для того, чтобы я не тыкался, как слепой котенок.

Утром я проснулся поздно, когда солнце на стене моей комнаты показывало 11 часов 11 минут, в доме было тихо, и никого не было рядом со мной. Я испугался, что то было лишь сонное видение, вскочил и в одних трусах выбежал в сад. Стояло нежаркое позднее утро, посреди огорода опершись на лопату, возвышался мой дядюшка, приехавший из Москвы на последней электричке перед дневным перерывом, и что-то оживленно Кате рассказывал. Давно я не видел его таким довольным. А она сидела на корточках в моей клетчатой дачной рубашке, быстрыми ловкими пальцами прореживала морковь и смеялась. Она была все-таки настоящая хохлушка. Надеюсь, это звучит не обидно?

Неразумные

Матушка что-то быстро спрашивает у мужа, тот так же быстро отвечает, и на этот раз я не понимаю ни слова. Но, похоже, это связано с возможными сельскохозяйственными работами на их участке. Что-то вроде того, где бы им найти такую же расторопную трудолюбивую украинку, потому что от этого бездельника толку все равно никакого. В душе я с ней соглашаюсь, но, поднимаясь к себе наверх, думаю о том, что хотя бы чуть-чуть загладил вину и заработал себе, как Шехерезада, право находиться здесь еще одну ночь. Смотреть дальше я боюсь. Я всегда жил, ни на что не рассчитывая и не думая о будущем. По-английски это звучит очень коротко. *Save tomorrow for tomorrow*. Во всяком случае именно так пели в рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда», которую в школьные годы я слушал часами. По-русски выходит длиннее: не заботьтесь о дне завтрашнем, ибо завтрашний день сам о себе позаботится. Но, правда, и деньги, и карьера, и успех – все это были для меня бранные слова, и, может быть, поэтому я оказался никому не нужен в родной стране в ее другие времена, как не нужен никому сегодня в чужой. А впрочем, в моем нынешнем убогом и непрочном существовании все не так уж и плохо, одно только меня огорчает: здесь нет книг на русском языке. То есть, может быть, где-то – в библиотеке или в местной школе – они и есть, но идти мне туда ни к чему, а в доме у священника ни одной. В гостиной, правда, стоит книжный шкаф.

Половина его открыта, а вторая закрыта на ключ. Что там находится, не знаю, но в открытой части чешские книги, и я страшно скучаю по нашему круглому шрифту, по милой моей кириллице. Ей-богу, впору начать писать лишь для того, чтобы было что читать.

Чтение для меня с детства занятие физиологическое, я не могу даже спокойно есть, когда у меня перед глазами нет написанных слов. Говорят, это вредная привычка, а я без книги скучаю, томлюсь, злюсь. Как можно заснуть, не прочитав что-нибудь на ночь? Или, наоборот, не взять книгу, среди ночи проснувшись? И оттого теперь мне так неуютно, тоскливо, пусто. Наверное, надо было бы взяться за изучение чешского языка, но я чувствую, что это мне уже не по силам. Языки надо учить в юности.

Единственная кириллическая книга, которая мне в этом доме доступна, – Библия. Она, правда, на старославянском, по которому, как и по латыни, у меня был в универе твердый неуд, и только снисходительное отношение добрейшей Марины Максимовны к дубовой роще превратило его в неверный уд, но все же читать Евангелие я могу, и странное чувство вызывает у меня эта книга! Я прочитал ее впервые очень поздно, когда уже учился в университете. До этого только мечтал, как о какой-нибудь «Лолите», но даже ту найти было проще. Библия несла печать запрета, о ее содержании я мог лишь гадать, и кто такие Христос, Пилат, Иуда, Мария Магдалина и апостолы, узнавал все из той же рок-оперы. Но когда с сигаретой во рту я впервые прочитал Евангелие, оно меня поразило. Триллер, драма, психологический детектив. Теперь мне стыдно про эту сигарету вспоминать, и едва ли я признаюсь в ней отцу Иржи, однако когда я перечитываю знакомые сюжеты, мне хочется не то чтобы с ними спорить, а тянет задавать вопросы.

Вот, например, притча о блудном сыне. Меня всегда задевала в той истории участь старшего сына. Мне его почему-то ужасно жалко. Хотя по своей судьбе и по грустным итогам моего полувека я куда больше похожу на его непутевого младшего брата, я все равно очень хорошо понимаю обиду первенца, которая и в самом Евангелии высказана очень отчетливо и даже нарочито, намеренно подчеркнута. Так что, строго говоря, это притча не о блудном сыне, но о сыновьях и братьях вообще.

Старший ведь, правда, очень и очень обижен на своего отца. И это – справедливая обида. В самом деле, если много лет он усердно ему служил и ни в чем не смел ослушаться, то почему не заработал даже малейшей похвалы и награды? Или это, как и многое в Новом Завете, скрытая полемика с Ветхим, с книжниками и фарисеями, которые не такие, как этот мытарь? Но ведь, кстати, и с фарисеем все не так однозначно, как кажется. Все привыкли порицать его за то, что он похваляется своими добродетелями, но пусть критики скажут – постытся ли они столько же, сколько он, сохраняют ли целомудрие, наконец, приносят ли каждый месяц в храм десятую часть своей зарплаты? Я таких не знаю. Да и в Евангелии разве фарисей осуждается? Там сказано лишь то, что он выйдет менее оправданным, нежели мытарь. Менее оправданным, но вовсе не осужденным, и то лишь потому, что поступки фарисея ожидаемы, а мытаря нет. Но это хорошо один раз так прийти в храм и покаяться, а дальше что с мытарем будет? Опять станет грешить, обирать простой народ и бить кулаком себя в грудь, какой я сякой? Или сам превратится через год в фарисея?

Мне нравится размышлять на эти темы. Возможно, потому, что Евангелие так устроено: в нем грешник всегда лучше праведника. Блудни-

ца – тех, кто ее побивает, самаритянка иудеев, заблудшая овца овец послушных, даже закатившаяся монетка стоит вопреки всем законам арифметики дороже девяноста девяти. По сути, это бунтарская, мятежная, революционная книга. За исключением одной истории – притчи о разумных и неразумных девах. Я ее не понимаю. Вернее, даже не так – я ее не принимаю. В самом деле, так ли уж велик проступок пятерых девушек, у которых не оказалось масла, чтобы навсегда оставить их за дверью брачного пира? И разве их боголюбивые сестры не могли с ними поделиться? Ведь нас с детства учили: надо делиться с другими тем, что у тебя есть. Неужели бережливость разумных не противоречит евангельской заповеди о любви к ближнему? О да, конечно, на эту притчу наверняка есть толкование и под девами надо разуметь то-то и то-то, а под маслом что-то еще, но я так устроен, что понимаю все буквально: девчонки, вам правда жалко было масла для своих подруг? Или вы не догадывались, чем они рискуют, уходя в ночь? Как вы могли их отпустить и неужели будете с чистым сердцем ликовать и праздновать на пиру с Женихом, зная, что из-за вашей скупости, ну хорошо, пускай, осмотрительности и мудрости кто-то остался в беде? Да лучше бы вам всем этого масла не хватило! И я вам больше, девочки, скажу: если бы вы, разумные, попали в беду, то те, глупые, вам бы помогли, не оттолкнули, потому что они грешнее, а значит, и добрее вас.

Зато история с благоразумным разбойником, правда, трогательная до слез и ужасно достоверная. Есть какие-то штрихи, детали, когда вдруг начинаешь понимать: такое невозможно выдумать, и это было на самом деле. Разбойник ведь не просит у Спасителя взять его в Царствие Небесное, он даже не дерзает помыслить о таком, ибо руки у него в крови и он за дело распят на кресте. Он просит о самом малом. Ты вспомни меня, пожалуйста, когда придешь в свое царство. Только вспомни. И больше ничего. И за это смирение, за это малое получает большое. Но почему, если прощаются мытари, блудницы и разбойники, нет прощения пяти девушкам, вся вина которых состоит лишь в том, что у них не оказалось масла, что бы под ним ни подразумевалось?

Эти вещи меня волнуют, я верую в них, как умею, а еще мне нравится ход службы, я иногда прихожу к отцу Иржи, особенно по будним дням, когда в храме никого нет, и только зеленая лягушка прискакивает из ручья, садится на пороге, но не решается его пересечь. Я стою позади и пытаюсь разобраться в том, что в храме происходит, повторяю знакомые слова, но если бы меня спросили, чего же я тогда мешкаю, почему не переступаю порог и не примыкаю к верным, то я бы ответил так – мне еще рано, и я жду более позднего часа. Да, конечно, тут есть риск не успеть, никто не знает, когда за тобой придут и похитят, но ведь у меня есть дар чувствовать время, и одновременно с этим я думаю о работниках первого часа, которым выпало перенести полуденный зной. А что если у кого-то из них не хватило сил и он упал на меже? Или не выдержал и ушел в тень? Усомнился, заболел, да и сбежал с этого поля? Не лучше ли в таком случае заранее обождать и устроиться на работу позднее? В сущности, это та же расчетливость, что и у благоразумных дев. Или же я опять занимаюсь самокопанием и самооправданием?

Жаль, что я не могу поговорить на эту тему с отцом Иржи. То есть вопросы задать могу, но получу ли я на них ответы и не выйдет ли что-то еще более худшее, чем Евангелие с сигаретой? Не решит ли матушка Анна, что теперь мне окончательно нет места в их благочестивом доме с моим метафизическим бредом?

Алеша хороший

Мама не хотела никуда дочку отпускать – какая Москва, зачем она тебе? В Москве опасно, страшно. Учись в Киеве. Но она окончила школу и поехала туда, где жил я. Хотя, скорей всего, я преувеличиваю свою роль и Катя поехала бы сюда учиться и без меня. Как-то я спросил ее, а если бы у меня была девушка или я был женат, что бы ты тогда сделала.

– Отбила бы тебя.

– А если б не получилось?

– Ну это вряд ли, – усмехнулась она, и зрачки ее глаз враз стали узкими и колючими.

Катя собиралась поступать в Литературный институт на факультет поэзии, экзамены у нее начинались в августе, и мы жили в Купавне все лето, она готовилась, а я отгуливал последние в жизни каникулы, перед тем как отправиться в редакторское рабство. Как она объяснила матери бегство от тетки, не знаю, но позже я понял, что в ее характере было столько непреклонного, упрямого и своевольного, что никто не мог ее остановить. Потому что если эта тоненькая девочка что-то для себя решила, то ни при каких обстоятельствах она не стала бы уступать. Это было странное сочетание живости, гибкости, обаяния и внутренней жесткости, упертости, непреклонной воли. Но это все я начинал понимать позднее, тогда же я просто показывал ей свою Купавну – все места моего детства, старый и новый карьер, речку Камышовку, лес, озеро и среди прочего большой валун на прокурорском поле. Я рассказал тогда Кате про своего друга и инопланетян, не ожидая, как эта история ее поразит.

– Спасти Землю, – повторила она. – Я бы хотела сделать что-то подобное, но только не понарошку, а на самом деле.

Я посмотрел на нее удивленно.

– Если бы меня попросили отдать свою жизнь за какое-то важное дело, я бы сделала это не задумываясь. А ты?

– Не знаю, едва ли, – мне не хотелось врать, хоть я и боялся ее разочаровать.

Однако высокие мечты не мешали Кате быть очень практичной, ловкой, азартной и даже хищной. Я и сейчас закрываю глаза и вижу, как она заходит в высоких болотных сапогах и купальнике с удочкой в руках в Бисеровское озеро, и в эту минуту, ничего кроме поплавок, для нее не существует. Представьте себе, матушка Анна, она ловила рыбу впервые, но делала это так, будто занималась ужением всю жизнь. Я один только раз показал ей, как надо забрасывать, и вот она уже точным ловким движением отправила снасть в окно между кувшинками и через несколько секунд подсекла и вытащила золотого карася. В ней не было ни малейшей беспомощности – ой, я рыбку поймала, помоги мне ее снять или насади червяка, я боюсь, мне противно, жалко – нет, зато азарта до черта, и все у нее получалось, а если клевал окунь и заглатывал червяка, она опять же не просила моей помощи, доставала крючок сама. Да, это странно, но в ней было очень много взрослого. Только запястья и щиколотки были тонкие, как у ребенка, и когда я обхватывал их руками, то чувствовал такую нежность, такую жалость, простите... А может, она повзрослела из-за Чернобыля?

С утра Катя садилась готовиться к экзаменам, я помогал ей как мог, хоть и понимал, что ни в какой Литинститут она не поступит. Но не мог же я ей сказать, что туда огромный конкурс, а ее стихи банальны, скуч-

ны, в них нет ничего своего, и я просто говорил, что в поэзии ничего не понимаю, но мне нравилось смотреть на ее лицо, когда она читала, слышать ее голос, смотреть, как она сжимает свои детские руки, и думать о том, скоро наступит вечер и мы пойдем в мою комнату с тканым ковриком на стене, на котором волки преследовали в темном лесу сани, и я физически ощущал, как боятся и лошади, и люди, и неизвестно, удастся ли им спастись.

Днем она отрывалась от книжек и звала меня в сад. Я не любил дачную работу, мне она была скучна и утомительна, я больше тяготел к образу жизни нашей бывшей соседки, но вместе с Катей мне было весело делать все. Никогда наш участок не был таким ухоженным, аккуратным, как в то лето, и если бы новые времена не отменили кукиных оценок, мы получили бы первое место. А потом наступал вечер, мы возвращались на велосипедах с озера, сидели на террасе, ели салат из своих овощей, свою рыбу, и мне казалось, что нам ничего и не нужно от внешнего мира – только б он нам не мешал.

К ужину мы иногда звали дядюшку, который за несколько лет до этого построил на другом конце участка домик с односкатной крышей (такие строить не запрещали), Алеша приходил с бутылкой водки, наливал по чуть-чуть мне и ей, а сам выпивал остальное, хмелел и становился необыкновенно разговорчив. Он вспоминал службу в Германии, куда попал после окончания военной академии, и я представлял молодого, высокого, красивого офицера – победителя, не оккупанта, не завоевателя, а охранителя германской земли, чтобы никогда больше она не смела угрожать моей Родине и всему миру. И Катя обожала его в ту пору слушать, а я страшно ревновал, потому что знал: никогда в жизни мне не будет суждено стать воином, победителем...

– Ты уже сделал предложение? – спросил однажды Алеша с командирской прямоотой.

Мы с Катей переглянулись.

– Ей еще нет восемнадцати, – буркнул я, смущенный его бесцеремонностью.

Дядюшка неодобрительно покачал головой, и его нравственный жест был понятен без слов: значит, спать вместе можно, а жениться нет. Сам он женился молниеносно, когда приезжал на месяц из Германии в отпуск. Холостая жизнь в гарнизоне здорового мужика томила, и бабушка, больше всего боясь, что он женится на немке, подыскала ему невесту в Москве. Это была удивительной красоты женщина польских кровей, правда, Купавну она за бытовые неудобства терпеть не могла и если и приезжала туда, то только на такси за пятнадцать рублей и ночевать никогда не оставалась.

Она вообще была женщиной настроения – невероятно обаятельная, когда ей все нравилось, и фурия, когда что-то раздражало. Так что, строго говоря, история дядюшкиной женитьбы вряд ли могла служить примером для подражания, да и вообще, ну какой из меня был муж и какая из маленькой Кати жена? Мы были как дети, и все у нас было понарошку, мы не жили, а играли, баловались, одно слово – недоросли, и единственное, что она с самого начала взяла на себя, – следить за безопасными днями, и мы ложились вместе не каждую ночь или же... Простите, эти подробности уже наверное были бы совсем лишние, я просто хочу сказать, что нам было очень хорошо вместе во всем, и я окончательно понял слова Юрика про Светку и ее ухажера.

Язык и мова

Самое удивительное, что в институт Катя поступила. Правда, не на факультет поэзии, какового в Литературном институте и не оказалось, а были только поэтические семинары, но туда ее даже не допустили до экзаменов. Как она мне объяснила, не из-за стихов, а потому что:

– Нужен рабочий стаж, без стажа они не берут.

Возможно, это было и правильно – о чем ты станешь писать, если жизни не знаешь, но она-то ведь знала. И если бы это зависело от меня, то по такому критерию я точно сделал бы для нее исключение. Однако Кате повезло в другом: в тот год в Литинституте набирали группу художественного перевода с украинского языка, и ей предложили поступать туда.

– Я не хочу, – она заплакала. – Я не люблю украинский язык. Ну ладно еще английский, французский. Или лучше всего испанский. Да и какая я украинка? Я – Катя Фуфаева. У меня папа русский, мама русская, они приехали на станцию работать и здесь поженились. В школе нас заставляли мову учить, но кому она нужна? Все же всё понимали и ставили кому четверку, кому пятерку в зависимости от того, как выучил Шевченку.

Кохайтеся, чорнобриви,
Та не з москалями,
Бо москалі – чужі люде,
Роблять лихо з вами,

– прочитала она нараспев.

– Это что? – я не понял почти ни слова.

– Это меня так в школе дразнили, – засмеялась Катя – меня всегда поражали ее переходы от печали к веселью и наоборот. – Поэма у Шевченки есть, «Катерина» называется, про дивчину, которую соблазнил и бросил русский офицер.

Она посмотрела на меня строго, и я тоже засмеялся.

– У меня дома никто не говорил на украинском. Ну, бабушка в деревне. Так я ее и так понимаю. А почему я должна все это учить? Я хочу писать стихи на своем языке, я люблю русских поэтов, Цветаеву, Бродского люблю, и что, я буду переводить их на украинский? «Я рада, що не хвора через вас». Бред какой-то. Нет уж, лучше я заберу документы, поработаю где-нибудь и на следующий год попытаюсь еще раз.

Я слушал ее, смотрел, как она взмахивает руками и мило гримасничает, как вздрагивают ее ресницы, и думал: Цветаева – ладно, Цветаевой все девочки увлечены, но Бродский? Он сложный, не для восторженных девчонок. А значит, ее выбор был неслучайным, и принялся возражать, говорить, что отказаться – это будет полная глупость и что она сама не понимает, как ей дико повезло, что в этот год случился набор именно в украинскую группу и она со своим аттестатом и оценкой по мове сможет в ней учиться.

– Да какая там оценка? Она же липовая! Я тебе говорю, никто ничего не учил и всем просто так ставили.

Однако убедил ее мой последний аргумент – если она заберет документы, ей придется уехать домой.

Странное дело, я вот теперь думаю, матушка Анна, из каких мелочей складываются большие события. В этом смысле Петя был, конеч-

но, прав в своем детском наблюдении, и из маленького атома наших отношений через много лет развилась катастрофа, масштаба которой мы еще не осознали. Ведь если бы она не пошла учиться и не выучила этот ласковый, трогательный язык так же профессионально, как выуживала золотых карасей из Бисеровского озера, то, быть может, и не было бы никакого майдана, ибо, по моему убеждению, сделавшаяся в самом центре Москвы на Тверском бульваре украинкой Катерина Фуфаева и стала той соломинкой, которая сломала хребет верблюду, или, если угодно, той бабочкой, чей взмах крыла вызвал цунами.

Вообще должен вам заметить, мои дорогие, что вся соль нашего с Украиной раздора заключается не в Путине, не в советском наследии, не в войне на Донбассе, не в газовой трубе, не в присоединении Крыма и не в голодоморе. Есть другая, более глубокая и, к несчастью, практически неустраняемая причина всех недоразумений, и связана она с тем, что украинский язык звучит ужасно потешно для русского уха, причем именно в тех ситуациях, когда сам этот язык становится страшно серьезен. У украинцев невероятно красивые песни, у них потрясающие есть две буквы – одна «и» с двумя точечками, похожая на свечку, а другая – э обратное, тонкое словно серпик луны. Их язык хорош, когда они поют, рассказывают сказки, когда говорят о простых вещах, он непревзойден в застолье, в любви, нежности, в разговоре с детьми, с родителями, с соседями, но стоит им перейти на речи государственные, как вся их неприспособленность к самоорганизации обнажает себя, и они это чувствуют, потому что больше привыкли говорить на эти темы по-русски, им самим переходить на украинский неловко, ведь русский язык здесь гораздо органичнее, точнее, полнее, гибче, глубже, и именно боязнь показаться смешными заставляет их совершать безумные поступки и желание уйти от нас как можно дальше. Вот в чем вся штука, и им надо либо с этим примириться, либо идти на нас войной. Вырвать все русское с корнем, как драл мой дядька сорняки и меня заставлял. Им надо все время себя доказывать. А им это несвойственно, тяжело, и потому они злятся еще сильнее. Разумеется, это только моя имперская, великодержавная версия, и я отдаю себе отчет в том, как чудовищно она звучит для любого украинского патриота и меня навсегда внесут за нее в «Миротворец», я догадываюсь, как сурово осудит меня за нее безусловно политически корректный философ Петр Павлик, а Катерина, если сегодня вдруг услышит, вцепится дикой кошкой и исцарапает мое лицо, несмотря на все наше расчудесное прошлое, но что поделать, если я прав и они это знают?

Твербул

Худощавый, очень серьезный умный парень с густыми жесткими усами, чем-то похожий на Максима Горького, но не такой длинный и мрачный, принял у Кати документы. «Критик, наверное, – подумал я с неприязнью. – Все вы тут гении от литературы. Зарежете бедную девочку. Она плакать будет, а мне ее опять утешать». Однако, представьте себе, она хорошо сдала экзамены, а потом удачно прошла собеседование – возможно потому, что понравилась ректору – он был человек светский, тонкий и ценил женскую красоту. А кроме того, Катюшка так упоенно рассказывала ему про Булгакова, про Андреевский спуск и «Белую гвардию», что он покорился. Так моя Катерина сделалась студенткой

Литературного института, и я со своим дипломом Московского университета вдруг ощутил какую-то ущербность. Нет, правда, этот чертов институтишко, занимавший пространства столько же, сколько даже не один наш факультет, а несколько кафедр, одно отделение, малюсенький, ничтожный, похожий на удельное княжество в сравнении с империей моего родного МГУ, какое-то Монако, Сан-Марино или Лихтенштейн, капризный вольный бутик посреди державной Москвы, превратился для меня в болезнь, наваждение, в причину нервного расстройства.

Я ревновал ее ко всему. К дворику со старыми деревьями, где якобы работал дворником Андрей Платонов и выметал поганой метлой нерадивых студентов, к древнему обветшалому зданию, в которое страшно было зайти – казалось, оно вот-вот рухнет под тяжестью лет, к лавочкам в саду и подоконникам, где курили все кому не лень, лежали растрепаннные книги и рукописи, и во всем этом ощущалась такая свобода, такая нега, сам воздух был пропитан вдохновением, как соляной раствор, который сейчас же начнет превращаться в кристаллы и выпадать талантами. Конечно, ее там будут окружать интересные люди, творческие, вольные, поэты, прозаики, критики – а кто был я? Обслужка, младший редактор, почти что цензор, занимающийся полной ерундой. Она бросит меня, встретит другого, более яркого, одаренного, речистого. Однако напрасно я так думал.

Много лет спустя, когда мы с Катей уже давно расстались, я встретил того парня из приемной комиссии. Он сделался известным писателем, держался несколько отстраненно, устало собирая комплименты своим романам, и небрежно раздавал автографы. Было заметно, как ему нравилась его слава, пусть даже он пытался это скрыть, но когда, подписывая у него книгу в магазине на Тверской, я напомнил писателю про Катю, всю его спесь как рукой сняло. Горький оживился и стал рассказывать, как все парни в институте были в нее влюблены, мечтали закадрить, дрались, бились, спорили, подкатывали к ней, но она всем отвечала, что у нее есть жених и она скоро выйдет замуж.

– У нас даже было такое творческое задание на семинаре. Написать его портрет. А где она теперь?

Его утомленные, опухшие от компьютера глаза уставились на меня с такой бесцеремонностью, что я почувствовал себя в рентгеновском кабинете, и мне захотелось исчезнуть, раствориться в этом пространстве и самому стать книгой с неприметной обложкой, задвинутой на самую дальнюю полку. Очередь, которая не поместилась в магазине и вывалилась на Тверскую, терпеливо ждала, те, кто стояли непосредственно за мной, благоговейно писателю внимали и смотрели на меня с интересом, а я думал о том, что, слава богу, никто так и не узнал, как я был далек от всех литературных фантазий и ни в какие герои не годился.

Однако вот какая штука, отец Иржи, ни моей маме, ни сестре Катя не понравилась. Я не сразу решился познакомить ее с ними, но в какой-то момент подумал, что пора. И – ошибся. Получилось плохо, натянуто, неестественно. Мне это было непонятно. Как можно было ее не полюбить, не оценить ее ум, красоту, нежность, хозяйственность, наконец – все то, что сразу же увидел родной мамин брат? И что это было, женская ревность, неприязнь и они приняла бы в штыки любую девушку, которую я приведу в дом? Или, наоборот, интуиция, и они уже тогда знали, что из-за Кати поломается моя жизнь?

Я не стал ни о чем спрашивать, в нашей семье отношения никогда не выясняли, до конца ничего не проговаривали, все происходило испод-

воль, по умолчанию, однако в глазах двух моих родных женщин третья оказалась лишней. Лимитчица, бесприданница, охмурила приличного московского мальчику с университетским дипломом – боже мой, какая это была глупость!

Не знаю, может быть, Катя повела себя не так, как они ожидали, может быть, от волнения она держалась во время нашей единственной общей встречи скованно, надменно или наоборот чересчур развязано, легкомысленно, и чем сдержаннее и недовольнее были мама и сестра, тем больше гордости и независимости проступало в ней, может быть, она слишком откровенно прижималась ко мне или была не так одета, я в этих вещах ничего не понимал, но почувствовал впервые в жизни, что семья не поддерживает меня, и это открытие привело меня в бешенство. Мы ушли с Катериной вместе и всю ночь ходили по бульварам, отвергнутые, несчастные, может быть, даже несколько упивавшиеся своей отверженностью, а потом поднялись на последний этаж доходного дома в Последнем переулке на Сретенке и там долго и горестно целовались...

И все-таки это был счастливый год. Я делал вид, что учусь быть редактором и снисходительно выслушивал советы своего старенького наставника Альберта Петровича, который гордился тем, что проработал в издательстве сорок лет, знал всех современных писателей и, как Моисей, водил их по советской пустыне и помогал обманывать цензуру. А Катя каждый день ходила в свой игрушечный институт, но очень часто мы сбегали – она с лекций, а я с работы – и гуляли по Москве, которая в тот год сошла с ума, митинговала, протестовала, разбивала палаточные городки и болтала, болтала, болтала. Мы смешивались с людьми, которые бог знает из каких медвежьих краев понаехали в столицу и искали правды, слушали самых разных ораторов, каждый из которых знал наверняка, как обустроить и спасти Россию, и мы все вместе им хлопали, шикали, кричали, свистели, подписывали письма, прошения, петиции и обращения и сами вступали в бесконечные разговоры и споры. Но больше всего меня поражало, как в огромной толпе внимание к себе привлекали не самые умные и талантливые, но самые наглые, самоуверенные, грубые люди, и ведь именно такие придут потом к власти. И у нас, и на Украине.

Да, это странный эффект человеческого стада, которое не то возмнило, не то действительно почувствовало себя народом и решило, что от него что-то зависит, но трагически ошиблось в выборе вожаков. Однако все это стало понятно позднее, а тогда после долгого молчания и сидения в советском заперти как же сладко было бродить от человека к человеку и не бояться стукачей, говорить, что думаешь, и знать, что ничего тебе за это не будет. После казенного советства, после строгой английской спецшколы, после чаевских лекций по диамату и истмату с их окончательной и полной победой социализма в одной отдельно взятой стране так трудно было поверить во внезапное полное его поражение, и мы как будто торопились надышаться этим вольным воздухом, а вдруг перекроют?

Так мы бродили по Москве – юные, чуткие, беспечные. Однажды вышли на «Парке культуры» из метро и увидели толпу, которая оттеснила машины на обочину и валила по Садовому кольцу и орала во всю глотку «Долой КПСС!». Мы специально не стали заходить внутрь, а просто стояли и смотрели, как они шли мимо нас – свободные, счастливые, раскрепощенные мои сограждане, и этот поток казался бесконечным.

– Нет, на Украине такое невозможно, – произнесла вдруг Катя, и я не понял, чего было больше в ее голосе: досады или радости.

- Почему?
- Там все другое.
- Ничего, и до вас дойдет, – сказал я уверенно.
- Ох, лучше бы не доходило.

Не знаю, что она имела тогда в виду и помнит ли об этих словах сегодня, а я был настолько поглощен московской жизнью, что все происходившее вне Москвы, оценивал лишь в зависимости от того, насколько оно нас касалось. Для меня существовал один критерий: за перестройку ты или против, и я назвал бы братом или сестрой каждого, кто орал «Долой!», и всем было понятно, о чем речь.

Каммингс аут

На ноябрьские праздники мы снова поехали в Купавну. Было очень холодно, неуютно, серо, и наше милое летнее озеро, кое-где возле берегов уже прихваченное льдом, казалось тяжелым, чужим, колючим. По берегам лежал снег, и оттого вода была зловещей и безумно красивой. Снег медленно осыпался с наклонившихся деревьев и разбавлял ее черноту исчезающей белизной. Мы попробовали рыбачить, но леска обмерзала, не клевало, Катя, южное создание, скоро продрогла, и мы вернулись на дачу, но там было еще холоднее, ветер выдувал тепло из щелястого домика, тогда мы развели в саду здоровенный костер, а потом весело ругались с Кукой, который вместе с овчаркой Найдой прибежал из своей сторожки тушить наш пожар. Пламя отражалось в окнах домика, огромные тени метались вокруг, и Найда прыгала за ними, а стоило отойти от костра, как ты отказывался под такими холодными и яркими звездами, каких не бывает летом, и можно было поверить во все космические путешествия и в пришельцев, которыми мы пугали много лет назад Петьку.

Я рассказывал Кате, как зимой на третьем курсе ходил с Конюхом в поход по Кольскому полуострову, видел северное сияние, ночевал в палатке в лесу, причем спальные мешки мы соединяли и спали по несколько человек мальчишки вперемешку с девчонкам и и ничего. Самое страшное наступало утром, когда надо было надевать замерзшие за ночь, колом стоявшие штаны и влезать в окаменевшие ботинки, и высшим мужским благородством считалось высушить носки девушки у себя на животе.

- И с кем вместе ты спал? Кому сушил? – спросила Катя ревниво.
- Никому, ждал тебя.

Она покачала головой, а я спел ей песенку, которую однажды услышал от Тимохи:

если поестъ нельзя так попробуй
закурить но у нас ничего не осталось чтобы закурить;
иди ко мне моя радость давай поспим
если закурить нельзя так попробуй
спеть но у нас ничего не осталось
чтобы спеть; иди ко мне моя радость давай поспим
если спеть нельзя так попробуй умереть но у нас ничего не
осталось чтобы умереть; иди ко мне моя радость
давай поспим
если умереть нельзя так попробуй помечтать
но у нас ничего не осталось чтобы помечтать
иди ко мне моя радость давай поспим

Я знал, что пою неважно, и в отличие от Тимофея у меня нет ни голоса, ни слуха, но мне нужно было ей это высказать, пусть чужими словами, раз нет своих, а потом мы легли в нашем холодном домике на моей отроческой кровати, крепко-крепко обнялись, и волки, которые гнались за санями на тканом коврикe, подходили к домику и дышали в наши спины. И ветер выл так страшно. Ууууу! Да, мы были очень сиротливыми, но поддерживали друг друга, я любил ее, и мне кажется, эта любовь вызывала лучшее, что было во мне спрятано глубоко-глубоко.

Я ведь вырос порядочным эгоистом – вы, наверно, батюшка, это уже заметили. А вы-то, матушка Анна, уж точно знаете. Но понимаете, мама после смерти отца боялась воспитывать меня строго и в чем-либо отказывать, она меня избаловала до невозможного, ей говорили, просили этого не делать и мои тетки, и сестра, но она была так всем напугана. С сестрой получилось иначе, мама полагала, что девочка крепче, гибче, она все вынесет, а мальчик хрупкий, может не выдержать, сломаться. Я не оправдываю ни ее, ни себя, а просто рассказываю вам, как было. И вот я хочу сказать, что с Катей я почувствовал, как меняюсь не только потому, что становлюсь разговорчивее, а потому что в моей жизни впервые появился человек, который был мне более дорог, чем я сам себе, – новое и совершенно удивительное для меня состояние.

Ночью пошел снег, он укрыл все пространство вокруг, и наш сад, наши грядки, кусты малины и смородины, яблони и вишни – все было покрыто плотным слоем снега. Сразу же сделалось теплее, ярче, светлее, мы дурачились, гонялись друг за дружкой, бросали снежки и падали в сугробы, а потом пришел Кука в кроличьей шапке-ушанке, валенках и овчинном тулупе. На этот раз он был недоволен тем, что мы наследили в переулке, но мы так смеялись, что он махнул рукой и стал смеяться вместе с нами и рассказывать про моего деда, с которым они на этих болотах вместе разбивали участки и вешали на кольях гадюк. И про мою бабушку, и про дядьку Алешку, еще молодого, неженатого. Про то, как дружно жили, ходили друг к другу в гости, играли в волейбол, отмечали праздники, и не было тогда между садами и огородами никаких заборов и споров, но после все это появилось и что-то важное из жизни ушло. Я слушал Куку с удивлением – никогда я не подозревал в мерзком старикашке такой сентиментальности, но потом он надоел нам своей болтовней, и мы пошли к станции. Там забились в теплую электричку и проспали до самой Москвы. Но когда я проводил Катю до общежития на улице Добролюбова и она исчезла в монструозном здании, снизу доверху набитом литературными гениями, ревность начала мучить меня и изводить все сильнее.

Я помню, как несколько ночей подряд просыпался в третьем часу и воображал себе поэтов, которые пишут в ее честь стихи, прозаиков, посвящающих ей романы, – трудно ли вскружить доверчивой провинциальной девочке голову? Напоить, охмурить, соблазнить? А может, кто-то уже так и сделал или делает сейчас, в эту минуту, а Катя просто все умело скрывает? Не решается прямо сказать? У них же там это просто. И каждый раз, когда мы встречались после ее семинаров в институте, я долго всматривался в Катину лицо, вслушивался в ее голос и пытался понять, не изменилось ли в ней что-то, не произошло ли, пускай случайно, нечто ужасное, необратимое, и оттого делался мрачен, напряжен, неразговорчив. А Катя не понимала, что со мной творится, тормошила меня, смешила, обижалась, тревожилась, задавала вопросы,

на которые я не знал, как ответить. Так я мучил ее и мучился сам, пока однажды она не сказала сквозь слезы:

– Я тебя очень прошу, Вячик, не бросай меня, пожалуйста. У меня, кроме тебя, никого нет. Ни родных, ни подруг. Никого.

Я посмотрел на нее пораженно: как, почему, откуда такие мысли возникли в ее голове, и не в силах больше терпеть неуклюже признался в том, что меня терзает.

Это было в середине декабря, мы шли по Тверскому бульвару, уже зажглись фонари, вокруг толпился народ, и я ожидал, что Катя рассмеется, а может быть, ей даже станет приятно и она воспримет мою ревность как свидетельство любви и собственной значимости, но она отнеслась ко всему с необычайной важностью. Мы дошли до конца бульвара, и там, возле Никитских ворот, семнадцатилетняя девушка, глядя на большую заснеженную церковь, остановилась, истово перекрестилась, а потом повернулась ко мне и сказала:

– Я никогда не была и обещаю тебе, что никогда не буду с другим женщиной.

Она стояла передо мной юная, строгая, торжественная, в длинном драповом пальто и в пуховом платке, засыпанном снегом, ресницы ее дрожали, а черные глаза блестели в неверных московских сумерках и смотрели на меня, матушка Анна, так серьезно, так непреклонно, что какой-то частью души я вдруг пожалел, что выпросил, выклянчил у ребенка эту страшную клятву, смысла которой она и оценить-то не может. А потом обнял, прижал ее к себе, как когда-то в Крыму на лавочке над морем, но тревога моя не сделалась от этого меньше, и тем острее мне не хотелось никуда Катю от себя отпускать, а жить и делать все вместе с ней: ложиться спать и просыпаться, ходить в магазин, готовить еду, убираться, и чем приземленнее и проще будут наши дни и поступки, тем лучше. Кажется, я даже говорил об этом, целуя в холодные мокрые от снежинок щеки и в теплые губы, и мы снова бродили до полуночи, мерзли, а когда замерзали, то поднимались в чужие подъезды и там целовались.

Катя сказала, что есть смысл сходить к новому ректору, быть может, он разрешит нам жить в общежитии вместе, ведь все говорят, что это справедливый и великодушный человек. Однако я не хотел ни у кого одалживаться. Я тогда был гордым и еще не потерял веру в себя. А значит, надо было искать деньги, чтобы снимать квартиру. Пускай не в Москве, а где-то в пригородах, в Старой Купавне, например, в Балашихе или в Железнодорожном, там это могло быть дешевле. Я боялся, что Катя станет капризничать, но она была очень непритязательная, терпеливая, она видела, как я переживаю, и всегда поддерживала меня. Мне важно вам об этом сказать, потому что как бы ни складывались наши отношения потом – она была славным, добрым человеком.

Я не знал, что делать, и поехал на могилу к отцу. Кладбище находилось далеко от Москвы, и я бывал там не очень часто, но подобно тому как некоторые люди ходят в церковь, когда им плохо, так и я ездил к отцу и разговаривал с ним. Не помощи просил, а просто о себе рассказывал, и вот я стал говорить ему про Катю, мне кажется, он бы ее сразу полюбил и сумел бы убедить маму и Ленку в том, что она хорошая, верная. В тот день случилась оттепель, туман, я не сразу нашел могилу, ноги у меня промокли, но я курил и не уходил от ограды. А он смотрел на меня с фотографии на памятнике без креста, тридцатипятилетний веселый человек, и все понимал.

Господи, кому и зачем было надо, чтоб все это закончилось?

Голова Гоголя

В начале мая становится тепло, и Одиссей дает мне свой велосипед. Он плохо приспособлен для горных дорог, шины у него не надувные, а сплошные, преимущество их в том, что их невозможно проколоть, но зато они чувствуют каждую неровность земли. Переключатель скоростей отсутствует, и даже не на очень крутых подъемах мне приходится слезать и идти с ним в гору, и наоборот, свободно катиться вниз я боюсь, потому что не доверяю ни тормозам, ни своим рукам и ногам. Но все равно велосипед – это счастье. Я все чаще отпрашиваюсь у отца Иржи и, к неудовольствию матушки Анны, с утра укатываю на велике и гоняю целый день. Впрочем, гоняю – громко сказано. Это меня обгоняют блестящие профессионалы на горных велосипедах с очень толстыми или очень тонкими шинами, они презрительно проносятся мимо, низко наклонившись над рулем в своих обтягивающих штанах, крупных очках и шлемах. Я по сравнению с ними задыхающийся чайник, «жигуль» перед «мерседесом». Этот дрындопед уступает даже купавинской «Украине» моего детства, но меня это нисколько не смущает. Сажу прямо, медленно кручу цепь и еду туда, куда заблагорассудится. Я не садился на велик, наверное, лет тридцать, последний раз это было опять-таки в Купане, которую я объездил в детстве вдоль и поперек, и теперь мне жутко нравится вспоминать руками и ногами, всем своим телом, как это было. Наверное, я достиг того возраста, когда душа уже не просит ничего нового, а больше всего хочет вернуться в прошлое и делать то, что любила тогда.

Вокруг нашей деревушки множество живописных мест, долин, ручьев, пригорков, озер с реликтовыми цветами, пещер и один городок. У него смешное название – Есеник. По написанию похоже на Есенин. Но ударение на первый слог, хотя корень может быть и общий, связанный с осенью. Городишко небольшой, со старыми домами, красивой площадью, ратушей, торговой улицей, школой, с железнодорожной станцией. Я качу по улицам, где совсем не слышно русской речи. Русские обыкновенно едут на запад, в Карловы Вары, и мне это нравится. Не хотелось бы встретиться с кем-нибудь из своих соотечественников. Но однажды в неприметном месте, в стороне от центра, среди обычных современных домов вдруг замечаю памятник. Это – голова человека на довольно высоком, выше человеческого роста прямоугольном постаменте, и она кажется мне знакомой. Подъезжаю ближе. Ба! Гоголь! Точно он, и внизу по-чешски что-то написано. Если я правильно понимаю, он тут лечился. Вероятно, в санатории, который находится выше по склону, и старинное, красивое здание, окруженное павильонами, беседками, открытыми бассейнами, скульптурными группами, аллеями и дорожками для пешеходных прогулок разной сложности и продолжительности, видно издалека.

Батюшки мои, я-то все думал про себя, что едва ли не первый русский, кто по своей воле ступил на эту землю, ан – нет. Вечером у грека залезаю в интернет и выясняю, что Гоголь бывал в здешних краях дважды, и оба раза его запихивали на несколько часов в ванну с холодной водой и энное количество воды заставляли принимать внутрь. Такие были методы лечения у местного доктора-самоучки, бывшего пастуха, который этот курорт придумал и был помешан на гидропатии и трудовой терапии. Кормил пациентов грубой пищей и заставлял с утра до вечера работать на свежем воздухе. В сущности, создал трудовой лагерь.

Первый раз Гоголю тут понравилось, и он написал матушке, что благодаря холодному лечению припадки его не так тяжки и страдания духа на время угасают. Но год спустя сжег в здешней печи второй том, а затем спасаясь от сурового пастушьего распорядка, сбежал из Есеника в бельгийский Остенде. Точнее, не из Есеника, этот городок назывался тогда по-другому, и жили здесь не чехи, а немцы, у которых потребность создавать лагеря, должно быть, в крови. Это другая тема, и мне от нее не уйти – хозяин дома, чей дух бродит по комнатам, ко мне взывает, и рано или поздно я буду должен докопаться до правды, хотя о судетских немцах здесь говорят очень неохотно. А точнее, просто молчат. Но Гоголь, Гоголь...

Через несколько дней снова проезжаю мимо памятника. Не случайно, нет – меня тянет к этому персонажу. Для Катерины он предатель, отступник, отказался от мовы в пользу клятого русского и был за это наказан безумием. А для меня? Я покупаю в «Потравинах у Адама» пиво и сажусь на асфальт напротив памятника. Голова Гоголя чуть наклонена и смотрит на меня печально, с укором, но и с какой-то усмешкой. Конечно, это трогательно, что чехи поставили ему памятник, и критиковать сей монумент было бы неловко, но положила руку на сердце, памятник не очень удачный. А впрочем, когда ему с памятниками везло?

Гоголь, Гоголь, кто вас выдумал и кто вы нам? Друг, враг, лазутчик, патриот, русский монархист или тайный украинофил? За что не любил вас Розанов, и знали ли вы, что в вашей стране произойдет? Как вы там сказали... Пушкин – это русский человек, каким он явится через двести лет. Ну вот, прошли они, эти двести лет, вот все исполнились, и что? Вам самому-то как? Нравится? Страну разворовали, ограбили, обкорнали, дворцов себе понастроили, лживых попов наплодили – кто? Пушкины? Мне стыдно за банальные обывательские мысли, но если я лузер, то почему в моей голове должны быть другие? А птица-тройка ваша дурацкая, а Русь святая, которую сторонятся другие народы? Сторонятся они, как же! Шарахаются от нее и гонят отовсюду! Вы даже вообразить себе этого, голубчик, не можете. Ни одному русскому царю такого не снилось. Даже тому, кто рыбу в гатчинском пруду удил, куда Европа ждала со своими вопросами. И вам, Николай Васильевич, это все как? Нравится? Мчится она неведомо куда. Ну положим, не мчится, а еле тащится, только хотелось бы пусть приблизительно знать направление. Может, подскажите из выбранных мест в вашей переписке?

Я, кажется, не замечаю, что начинаю говорить вслух. Половина пятого, заканчивается рабочий день, мимо проходят люди, европейская воспитанность мешает им удивляться, кто-то думает, что я хочу рядом с этим памятником сфоткаться и предлагает свои услуги, а я пью не знаю какую по счету банку пива, смотрю на меланхоличную, все понимающую голову Гоголя, как какой-нибудь Евгений на Медного всадника, и мне чудится, что она увеличивается в размерах, превращаясь в чугунный шар, который скатится сейчас с постамента и станет крушить все вокруг. Ужо тебе! И понимаю вдруг, что не люблю его. Никогда не любил. Ни эти чертовы вечера на хutore, ни мертвые души, которыми меня в школе душили и заставляли писать по ним сочинение, ни старосветских помещиков, ни Акакия Акакиевича, ни Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского, ни жену его Анну Андреевну, ни дочь их Марью Антоновну, ни судью Ляпкина-Тяпкина, ничего и никого, хотя помню все так, будто читал вчера. Колдун. Пасквилянт. Хитрый малоросс. О, если бы он был бездарен, если бы! О, как я Розанова понимаю,

своего милого, слабого, грешного, нежного и злого Розанова, каждой клеточкой своего существа ощущаю. Ты победил, ужасный хохол! Победил в девятьсот семнадцатом и победил сейчас. Это ты вызвал к жизни всех этих упырей, ты населил ими Русь, ты притащил в российскую империю украинскую нечисть и пустил ее в самую нашу душу, ты охмурил и отнял у меня Катерину. Как писал, сволочь! Дороги расползались как раки, поднимите мне веки, редкая птица долетит до середины Днепра... Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, грустно жить на этом свете, господа. Вы гусак. А вы у меня Крым забрали. А вы нас с Европой рассорили. Идиоты, боже мой, какие мы все идиоты и как могли до этого дойти? Катя, Катенька...

Вечером сижу в кабаке и продолжаю изливать злобу на Гоголя, о котором грек первый раз слышит, но про памятник знает.

– Это который недалеко от бывших русских казарм?

– Каких еще казарм? Здесь что, стояла наша армия? – для меня это второй на сегодня есенецкий сюрприз.

– Как вошла в шестьдесят восьмом, так и осталась, пока в девяностом не выгнали, – бурчит Одиссей и наливает мне пива. – В санатории пробовали возражать, писали в Прагу, курортная зона, водолечебница и все такое, но русские настояли.

– Советские, – возражаю я раздраженно и дую на пену. – Не надо, пожалуйста, путать. Это разные вещи.

Грек пожимает плечами: ему все равно. А у меня, если покопаться в самом себе, ко всему этому двойственное отношение. Либеральная часть моего существа возмущена советской оккупацией Восточной Европы и подавлением свободы в чужих странах, она сочувствует тем, кто против СССР протестовал, выходил на площади, митинговал и бросался под танки. Но имперская ей возражает. Если мы отдали в войну миллионы – даже не сотни тысяч, а миллионы наших солдат за освобождение других стран и Чехословакии в том числе – то неужели в качестве, если угодно компенсации, не имеем права на защиту своих интересов? В конце концов за что тогда погибли наши люди и разве не хотели бы в первую очередь они, чтобы потомкам была от их смерти польза?

– Говорят, там служил Иржи, пока ваши не ушли, – нарушает мои диалектические размышления Одиссей.

– Отец Иржи? Бред какой-то. Как он мог служить в советской военной части? И кем? Капелланом? Никаких капелланов тогда не было, да и он совсем молодым был.

– Не знаю, так говорят.

Ну может, в облуге, и вообще какое мне до этого дело?

Стихи по кругу

Татьяна КОПТЕЛОВА

г. Раменское, Московская область

* * *

Девушка пела на минном поле
О всех пропавших земных сыновьях,
О всех лежащих в песке, подзоле,
В луганских травах, донецких степях.

Девушка пела, а мины взрывались,
До самого солнца взлетал чернозем.
Растут ли цветы на меди и стали?
Узнаем в апреле, бог даст, доживем.

Девушка пела, и ветер восточный
Носил ее музыку с фронта на фронт.
То служба, то жизнь завершалась досрочно,
Но девушка пела. Светлел горизонт.

Игорь ЗАЙЦЕВ

Нижний Новгород

Памяти Игоря Грача

Ввязаться в бой и честно умереть,
Про главное не досказав на треть...
Не докурив и не окончив строчки...
Принять судьбу, а значит – пулю. Точка?..
Но вышедшая за предел душа
Не покидает мира, не спеша
Она приходит и стучится в дом,
Который полюбился иль знаком.
Она к друзьям стучится... И к чужим –
Их пробуждает голосом своим,
Чуть с хрипотцой, чуть заикаясь речь,
Про Аввакума и былую Сечь,
Про жизни смысл и Промысел Времен...
Он был им найден! И переплетен,
И зарифмован. Отлитой строкой
Прошит с его неровною судьбой.
И вот теперь, он, перейдя черту,
Навеки отрицает немоту

Строк стихотворных в ящике стола,
Он – Аввакум! В земле судьбы зола!
Он только Слово, духом средь светил!
Он кровью подписался. Заплатил.
За силу говорить из немоты
За то, чтобы его услышал ты!

*1 мая 2017 года поэт Игорь Грач погиб под Луганском
от пули укронацистского снайпера.*

Евгений ХАРИТОНОВ

Белгород

У храма

Сидит у храма на лужайке,
Потрёпанный, как этот век,
Нет, ни алкаш, ни попрошайка,
А жизнью битый человек.

И чтоб унять в душе тревогу,
Прикрыть на сердце синяки,
Свои ладони тянет к Богу!
А мы кладём в них пятаки.

Мстислав ШУТАН

Нижний Новгород

* * *

Новогодние картинки:
Ели, звёздочки, снежинки.
Жизни гармоничный лад.
То, что было век назад.

Новогодние игрушки:
Тигры, зайчики, петрушки.
Разноцветный хоровод.
Разноцветный Новый год.

Тишина – и странный шёпот.
Неужели чей-то ропот?
Шёпот – и глубокий вздох...
Кто-то пишет: «С нами Бог».

* * *

О Сяо Бао, о Сяо Бао –
О маленькое сокровище!
Ты за каретой легко бежала
Уханьской «Скорой помощи».

Юные годы – какая милость!
 Семь лет уж собачья зрелость.
 Помнишь, как элегантно кружилась?
 На душе танцевалось, пелось...

Целых три месяца в ожидании
 У той городской больницы.
 У верных псов есть обет молчания
 И святости знак на лицах.

Хозяин же умер через неделю –
 Не в коме, не в грусти, не в плаче.
 Лежал он в своей белоснежной постели,
 Глаза ему снились собачьи...

*Примеч. авт. «Сяо Бао» в переводе с китайского языка означает
 «маленькое сокровище».*

Юрий ПРОНИН

Нижний Новгород

На смену поколений

Я старый многолетний дед,
 В одежду ветхую одет.
 Одежду новую вчера
 Трепали юности ветра.
 Я старый, но не крепкий, дуб.
 Я в меру глуп. Местами туп.
 А рядом, шелестя листвой,
 Клён подрастает молодой.
 Я чую: кажется ему,
 Что я живу не по уму.
 Моя растрескалась кора,
 Меня прогнать бы со двора.
 Или разжечь бы мной костёр,
 Чтоб ночью осветился двор.
 А я – доставщик желудей,
 Который кормит всех свиней,
 Которые дают навоз,
 В котором папа клёна рос.

Маргарита ГРАФОВА

Казань

Байкал и Кама

Байкал не гремит, не волнуется, не течёт –
 Алмазно-кристален воды пленивший лед.
 Он прочен, что обожженная в пекле сталь,
 И безразличен, как юной весне февраль.

Байкал не бурлит, не играет живой водой,
Он мертв, словно ночь девицы немолодой.
Байкал не силен, не отважен и не кипуч,
Он скован, что солнце вуалью морозных туч.

Красавица Кама так радостна и юна:
Сражается насмерть с медной луной волна,
К утру не оставив противницы и следа –
Искрящейся гладью шелка кровит вода.

Но волнам Байкала, увы, не пробить пути
В тот край, где обвенчан с Камой жестокий Стикс,
Где белые ночи плавают останки лун,
Где вечная музыка рвёт кровотоки струн.

Ноябрь

Остывающим пожаром
Растворяло солнце мощь
И скатилось мёртвым шаром
За пределы рыжих рощ.

Бледный лист дрожит под снегом,
Как слеза из янтаря,
Как короткого ночлега
Не нашедшая заря.

Серый бархат небосвода
Растворился в едкой тьме,
И смущенная природа
Покоряется зиме.

Сергей УТКИН
Шарья

Об испытании одиночества туманом

Туман обманывал дорогу.
Туман обманывал меня.
Он, крадучись, бежал к восходу
И, как к итогу,
Шёл в нём я.

Упрямство щебета пичуги,
И, орошённую зарёй,
Землёй в полупустынном луге
Я был как будто одарён.

Со мною повторялась песня.
И мысль тянула: «декабрист».
Так истово
С заботой честной
И грустью проходила жизнь.

Милая, не сдюжить жизнь такую,
Милая, умерь над грешным власть!

Дай другим счастливые столетья,
Щедро разверни пред ними жизнь.
Мне излишни дарованья эти.
Добрая, от пеня воздержись.

Зарница

Уж не клеветники, но ярые враги!
Не мог предположить российский гений:
Столь разногласья будут глубоки –
Аж до глубин далёких поколений.

Им всё не так: могуч свободный росс,
Не кланяется, сапоги не лижет;
Он так перед народами возрос,
Что понуждает укрепляться их же...

А дряхлая Европа зло смердит,
Америка беснуется в бессилье;
Глобальная зарница впереди –
Восходит ясноликая Россия.

Это утро

Снова утро. Рассвет. Вроде всё как всегда.
Песни вешние птички разносятся...
Только ныне в смятении стынут года –
Это к дню непростому относится.

Изуверские страсти пытали Его
И презрение толп усугубили;
Во смиренье услышал Отца своего,
Что Любовь не изведает убыли.

Это утро из утр, и вовеки дано,
Чтоб к погибели адской не пятиться.
Пёстр земной календарь, но зиянье одно –
Воспылала Господня Пятница.

Ярослав КАУРОВ

Родился в 1964 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом линейной бригады скорой помощи, на кафедрах патологической анатомии, токсикологии. Доктор медицинских наук, автор 32 изобретений, 2 монографий и 1 открытия.

Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Правда», «Москва», «Литературная газета», «Юность», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «День поэзии» и других. Шеф-редактор литературно-поэтического журнала «Холм поэтов».

Член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Живет в Нижнем Новгороде.

ЮРОДИВЫЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Хотя описанное – на девяносто процентов правда, в текст целенаправленно внесены неточности и даже, в силу ряда необсуждаемых причин, – ошибки. Надеюсь, опытные люди меня поймут. Автор также постарался сохранить мелодику и ритмику языка героев очерка. Эти люди не говорят цветастыми длинными фразами, речь их немногословна и точна, как приказы на поле боя.

Я. К.

По откосам и кремлю, старым купеческим улицам и новостройкам, промзонам и музеям Нижнего Новгорода вот уже почти полста лет гулял одетый в военизированные обноски не первой свежести, похожий на колобка и перекасти-поле, человек с много раз перебитым носом, худым счастливым лицом и светящимися правдой глазами. Порою он надолго пропадал: иногда на месяцы, иногда на год-два. Возвращался воодушевлённый и наполненный новой внутренней силой, которой, казалось, не было преград. Походка вперевалочку выдавала его абсолютно свободный статус художника жизни. То носил он милицейскую форму, то «зелёнку» с диковинными шевронами, то казачьи лампасы. Многие представители закона здоровались с ним тепло и уважительно. Часто он шёл окружённый молодыми людьми в похожей одежде, глядевшими ему в рот с восхищением и обожанием.

Времена диктуют не только нравы, моды, философствования и технические средства. Времена выбирают своих святых, мучеников и победителей.

Юра Евстигнеев, а описываем мы именно его, – пассионарий и юродивый нашего времени.

Юра умел драться, и дрался он гениально. Кличку-позывной он заработал себе – Терминатор. А еще, вследствие своей пассионарности, он умел быстро и просто научить драться большинство российских мужиков. В этом он был непревзойдённый художник и поэт. Пользовались его даром и милиция, и спецподразделения. «Даром» – является главным и ключевым словом, потому, что Юра был бессребреником, и платили ему всегда гроши.

Как-то Юра с полгода участвовал в чеченской военной кампании.

– Ну и как, заработал что-нибудь? – спросил я его.

– Да ты что! Ещё и должен остался.

– За что? – не выдержал я.

– Ну как? Я же там ел, мне форму выдали.

– Чего же ты туда ездил? – попросту спросил я у него.

– Ты не представляешь! – пафосно провозгласил он. – Артиллерия за нас! Авиация за нас! Воюй – не хочу! А пусть все знают: нас трогать – себе дороже!

Ещё только вернувшись после военных событий в Карабахе, Юра пошёл работать в милицию и совершил там необычный поступок. Он застрелил двух воров. Как на поле боя, вызвал их на перестрелку и убил. Стрелял Евстигнеев очень хорошо. Формально он защищался, но начальство в ужасе поняло, что такими темпами он лишит их работы. Больше его из дежурки РОВД не выпускали, но и тут он ухитрялся проводить воспитательную работу.

О том, как Терминатор дрался, рассказывает один случай. Казаки всегда подрабатывали охранниками. Так они охраняли в девяностые областную больницу им. Семашко. И вот в Юрину смену шестеро гопников, а они были крепкими ребятами, решили нагрубить медсестре приёмного покоя. Из каптёрки вылетел ликующий Терминатор с напарником. И хотя напарник отстал лишь на несколько шагов, к его прибытию все шестеро хулиганов в разных нелепых позах ползали по полу.

У Терминатора были удивительные ученички. Из них наиболее ярко мне вспоминается парочка богатырей, которые, следуя традиции, имели позывные Дракула и Питбуль.

Дракула был темноволосым красавцем, с крупным носом и подбородком, его мускулатура, при идеальной гармоничности, была мощна, как у греческого бога. Питбуль – веснушчатый, курносый, белобрый силач, имел форму шара. Этот чугунный шар подминал и втапывал в землю на полметра всё. Чтобы уточнить их физическую форму, стоит вспомнить, что Питбуль, при весе в сто пятьдесят килограмм, мог стоять в киб-дачи (статичная боевая стойка «всадника») много часов. Руки, ноги и корпус он набивал ломом, им же фланкировал, укрепляя запястья и кисти. Он разгонял у Вечного огня в День десантника хулиганивших и подвыпивших ветеранов военной службы. Его смерть в числе многих подозрительных смертей в казачестве. Погиб он странно – угорел на квартире приятеля вместе с самим хозяином, жившим в этом доме многие годы.

* * *

За долгое время своей незаметной службы Родине Евстигнеев завел себе не только толпы друзей, но и кучу болезней. Он весил около

ста пятидесяти килограмм. При этом неплохо бегал кросс. Но ноги не вечны – стали отказывать вены, а именно клапаны вен. Юра оперировался, снова уезжал на очередную войну, снова оперировался. В конце концов он заплатил за бариатрическую операцию на желудке. Сделали шунтирование желудка, и теперь часть пищи шла напрямую, и Юра сильно похудел. Однако ноги и позвоночник были всё равно изношены. Но парадокс состоял в том, что жить, не защищая Родину, он как православный и патриот не мог. Не мог физически.

Юра понимал, что с такими ногами в разведку ему уже нельзя. Решил положиться на судьбу – куда Бог пошлёт, туда и пойду.

Шестого июля 2022 года Юра от Автозаводского военкомата в числе добровольцев приехал на автобусе в Новополино (поворот шоссе на Пулино). С трёх сторон территория была огорожена новеньким забором, с четвёртой забора не было совсем. Можно было пройти через КПП, а можно просто обойти. Кстати, за водкой именно так и ходили.

В Новополино был военный городок: пятиэтажки, выкрашенные в светло бежевый цвет. Штаб – обшарпанный, зато казармы – шикарные. Кубрик – от 8 до 12 человек. Выходишь из комнаты, тут же – туалет, тут же – душ, сушилка и кладовая. Территория вытоптана. Везде пыль.

Экипировали Юру очень богато. В три огромных баула вошли: спальный мешок, бельё, куртки, свитеры, тёплые и простые штаны, ботинки, плащ-палатки. Даже очень приличный нож.

В Пулино из кормёжки было: 2 вида первого блюда (например, борщ и харчо, или солянка), три вида второго (котлета, тушёная курица и шницель) и три вида гарнира (картошка-пюре, рис, гречка или макароны). А отдельно лежат солёности (солёные кабачки, солёные помидоры – в палец толщиной, нарезанное прессованное мясо – с ладонь, помидорный салат, винегрет, огурцы). Юра, когда в первый раз зашёл, пожадничал, – даже не мог всего съесть.

В Новополино же давали маленькую пластиковую тарелочку макарон с отдельными волокнами мяса (солдаты смеялись, что волокна мяса нужно сдавать обратно в столовую), вместо масла – спред (искусственные трансжиры), хлеб. Печенье, конфеты к чаю, компоту – в любое время дня. Никаких салатов, это всё – в Пулино.

В общем, еды, конечно, хватало. Правда, однажды макароны дали с битым стеклом: разбили банку и поленились доставать её осколки.

На второй же день бросили на стрельбище, пешком. В один конец дорога – 15 километров. Туда – 15, обратно – 15. Два раза сходили – две трети личного состава стёрли ноги. Мужикам это не понравилось. Начали ходить в тапочках, кедах, лыжах, босиком, в сланцах. Приехали представители части, начали грубить (а среди призванных и добровольцев – взрослые мужчины, начальники цехов, они сами кого хочешь застроят). Короче, застроили приехавших, как-то отбились.

Приехал замполит по фамилии Пивов, невысокий, мягкий, кругленький, приятный. Юре не понравилось, как на замполита матом ругался при всех его непосредственный начальник – командир дивизии, высокий, плечистый красавец с роскошными усами. Впечатление, что пытался оскорбить лично. Пивов потел, но молчал.

Юра помнил, как к ним выходил ротный и с вежливой улыбкой на лице говорил: «Господин офицер! У меня к вам вопрос. Прошу ко мне

зайти. Сейчас мы с вами погутарим». И уже после, при закрытых дверях, начиналось воспитание. Не при личном составе.

А у нынешних «вояк» грубость была в порядке вещей. Субординация и штабная культура явно страдали.

* * *

В Новополино к тому же воровали. Это понимание приходило ещё в столовой. Заместитель командира по материально-техническому снабжению – маленький, кругленький, лысенький, борзый. Вор редкостный, но ничего не докажешь, профи высший класс. Он отвечал за организацию караула, постов в парке вооружения. Как-то Юру назначили в наряд дневальным. Смена начиналась в восемнадцать ноль-ноль, сообщили в двадцать один ноль-ноль. Идти – километра полтора-два по прямой, по дороге – целых семь. Дошли засветло. На точке стоят около десятка гусеничных боевых машин пехоты БМП-2, но модифицированные, навороченные, по паре-тройке раций, паре-тройке установок для радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Охраны нет. Рядом часть, но до неё – метров восемьсот. Пришли, отдежурили сутки, – смены нет. Вот такая организация, такой «зампотех».

* * *

Как-то в казарму зашёл старший сержант из контрактников.

– Кто у нас Евстигнеев?

– Я.

– Я слышал, что вы воевали?

– Да.

– Где воевали?

– Карабах, Приднестровье, две Чечни, Донбасс. Вот документы. – У Юры всё было запротоколировано.

– Юрий Евгеньевич! Как вы смотрите, чтобы пойти сапёром?

– В принципе, хотел в пехоту, но сапёром даже интереснее, всё-таки на порядок ближе к спецназу, чем пехота.

– Условие: вы пойдёте командиром взвода.

В первый раз Юру привели к командиру части. Тот уже задал более крутой вопрос.

– Командиром роты пойдёшь?

– Какой роты?

– Сапёрной.

Капитан отправил представление.

С представлением Юра, вероятно, по здоровью не прошел. Капитан так и сказал:

– Кинули. Ты мне по душе, но не срослось.

– А почему?

– Не знаю. Не моя тема.

Ну, по крайней мере, честно.

* * *

Собрались. Переехали в учебку, аж за Рысково. С подразделением Евстигнеева в учебку приехали ещё два сапёрных батальона, оба из Бурятии. Приехали туда – всех тянут на центр.

Полковник Питерский, «зам Бога по сапёрной работе», знаком с Конторовичем Александром Сергеевичем. Низенький, старенький, стройненький, в очках, седые усы.

И сын у него такой же маленький. По сапёрному делу оба – монстры. Сын в конце организовал учебный заход на партизанский лагерь: устроил минное поле; даже наученный Юра на его mine «подорвался». Учил, как из обычных мин сделать летающие: идёшь по дороге, а мина в пятидесяти метрах от тебя срабатывает, вылетает и взрывается над дорогой. А в конце он заложил прямо под воротами противопехотную мину нажимную (ПМН).

Как-то Юра вышел во двор. На бревне сидел мужик. По пояс голый, здоровенный. Полковник Муромцев.

Юра пожаловался на незнание офицерами тактики. Например, уличного боя.

– А ты что, специалист? – спросил здоровенный.

– Да уж не институтка, – хмыкнул Юра, и тут его понесло. – Заход в город – это как заход в горы. Когда заходят в город, нужен концентрированный огонь по всем огневым точкам. Но по очереди. Стоит дом, в нём три-пять этажей полностью забиты огневыми точками, на разных этажах от пяти до двадцати огневых точек. Предположим, огонь из дома ведётся из разных окон по разным секторам. Первыми выбиваются огневые точки, обрабатывающие именно конкретный сектор. Потом огонь переносится на следующие точки, работающие по другим секторам.

Туда бьёт три-пять танков, шесть-восемь артустановок. Пять-шесть «савушек». Туда уже соваться бояться. А другую сторону дома ещё и «грады» обрабатывают. Противотанковые управляемые ракеты (ПТУР) их бьют снарядами: от кумулятивных до термобарических.

Один дом так отработали, – перешли на другой. Если точка «ожил» – снова все скопом в один момент бьют по ней. Так заходят и в город, и в горы.

– А как мы будем этот город оборонять? – спросил полковник.

– Первое, нужно чтобы туда не прошли танки, а если прошли, то пожалели. Распределяем противотанковые заграждения – «звёздочки», или их еще называют «ежи» (объемные шестиконечные кресты в виде буквы «Ж»). У танка есть ребро наклона. «Звёздочка» должна быть ниже этого ребра, но выше клиренса, тогда его разворачивает или просто проламывает даже дно. И никуда он с ежа не денется. Как на якорь встал. А если его разворачивает, так это ж просто мечта какая-то. Идеальная мишень. Тот же «Леопард» – у него лобовая броня бешеная, около 1200 мм, а бортовая броня не защищает даже от 30-миллиметровой пушки. Особенно задняя часть башни уязвима и две трети корпуса задней части. Броня, как у бронетранспортера, уязвима. А там боеукладка. А ещё используют дроны типа «Ланцет» и «Герань». Но «Герань» выпускаются целым роем, по семь-восемь. Причем летит он от Донбасса и до Львова. «Ланцет» несёт 20–25 кг взрывчатки, бьёт в движении одной ракетой в одну технику. Он работает от 5000 метров.

Муромцев оказался из инспекторской группы «Инженерный поиск России». Он вывел Евстигнеева на полковника Романа Евгеньевича Чирова.

– Тебя как зовут?

– Юра.

– А зачем это тебе, Юра? – спросил Чиров.

- Что зачем?
- На войну тебе зачем?
- Как зачем? Привычка. Я всю жизнь на войне. У меня казачий род.
- Понятно... – полковник сказал это так, как будто слова о казачестве сразу всё объясняли.
- Ты извини, на занятия ты больше не пойдёшь. Будешь сам учить.
- Но минно-взрывное дело хотелось бы освоить.
- Хорошо. Это посещать будешь.

Так Терминатор освоил минно-взрывное дело. По минированию знания оказались обширными, по разминированию – посредственные, не хватило времени.

Пока Юра был в учебке снова преподавателем, его два раза пробовали представить к офицерскому званию. И хотя всё командование полка было за решение этого вопроса, все же не прокатило, звание не дали.

После учебки Юру вернули в прежнее расположение, а там на него повесили «нарушение субординации»:

- Ты перепрыгнул через голову начальства!

* * *

Дальше в конце сентября через Таганрог попали на Украину.

Еще на станции зашли в кафе. Взяли по порции борща. Спутники Юры дёрнулись заказать второе. Евстигнеев уговорил их не торопиться: «Сначала съешьте, потом закажете, если сумеете». Густого ароматнейшего борща принесли такую порцию, что её одну доесть надо было ещё постараться. Запах чудный. Цвет самоцветов. Мясо не свинина, но в бульоне маленькие кусочки сальца плавают. Конечно, с одного борща все наелись. А что вы хотите – юг России.

В лесополосе раздали патроны. Юре очень не понравился автомат АК-12. Собирать его гораздо дольше.

Дальше посадили в автобусы. Сказали, чтобы вещи с собой не брали – их доставят отдельно.

Минуточку! Это Юра уже проходил. Он наваливает себе на спину три своих безразмерных мешка и садится в транспорт.

Как выяснилось, он был прав. Машины отстали, спальников ни у кого нет. Используя свои дополнительные бушлаты, Терминатор как минимум взвод уложил спать. Устроились в одноэтажном саманном домике в две комнаты. Саман – кирпич из глины с добавлением соломы. Здесь, на юге, домов из такого кирпича много. Поскольку Юра негласно был командиром, то проверил личный состав.

Вот там Юра впервые и увидел, как ракета бьёт беспилотник «Байрактар». Зрелище его впечатлило и порадовало.

* * *

Пока личный состав отдыхал, Юра начал вспоминать свои прошлые приключения на Донбассе. Воспоминания накатывали не подряд, а фрагментарно, цепляясь не за время, а за похожесть сюжетов и яркие фигуры людей.

Вспомнилось, как, сбежав из госпиталя после контузии, он в очередной раз попал в переделку. Евстигнеев прибил к какой-то части.

– Ну куда тебя можем назначить? Вот командовать ПТУР. Только командир у них уже есть, и неплохой. Доброволец из России.

– Раз есть, то и не о чем говорить, – буркнул Юра.

– Ну тогда вторым номером на пулемёт, на «Корд» (российский крупнокалиберный пулемёт с ленточным питанием).

Юра согласился.

Со стороны Песок перед блокпостом ушли в сторону. И напоролись на колонну укропов. Длинная колонна техники. Только танков около двадцати штук. Сбоку стояла пятиэтажка. Спрятались за неё. Из-за пятиэтажки вышел танк.

С пикапа пулемёт бил точно и передвигался шустро. Команда прикрывала пулемётчика с позывным «Рома Танк», почти двухметрового дядю, специалиста по сжиганию танков.

Бойца послали в лесополосу по ходу движения с РПГ-18 «Муха» (реактивная противотанковая граната).

Танк выдвинулся, и ему зарядили из пулемёта в заднюю звёздочку, толкающую гусеницы. Крупнокалиберные патроны из КОРДа порвали звёздочку в клочья. Гусеница сползла. Танк повернул башню и навёл дуло на пикап.

«Пожил, и будет», – подумал Юра о себе в это мгновение.

Из лесополосы по колонне ударила «Муха». И вся колонна жажнула по лесополосе. В падающее дерево попадало несколько снарядов. Там царил ад.

Рома перенёс огонь на техническое отверстие в середине танка. В этом месте под бронёй была карусель, подающая снаряды. Сдетонировал боекомплект, и танк был выжжен изнутри в одно мгновение. Башня ушла вверх метров на сто. Продолжения пикап ждать не стал и рванул вбок.

Колонна с полминуты постояла и ушла обратно в Укропию. Потом эту колонну накрыли «Грады». Никого не осталось.

Как выжил боец с позывным «Тетерев», бивший из лесополосы из «Мухи», никто понять не мог. Когда его спросили, он всерьёз ответил: – Вот как Астерикс и Обеликс бегают, только быстрее.

Поехали в Дмитровку. Ехали на фургоне типа «Хлеб». Юра в кабине вместе с водителем. По ходу движения русский и украинский танки затеяли дуэль, метров с трёхсот. Первый выстрел – и оба промазали.

Из машины служивые посыпались как картошка.

Вторые выстрелы – танки тоже промазали. С трёхсот метров!!!

Между танками шёл дед. Просто так, с авоськой, может, в магазин. Под выстрелами дед не дрогнул. Он Великую Отечественную войну прошёл. Ему по фигу. Юра подумал, что танкисты из-за него и мазали.

В результате наш танк всё-таки выиграл, поджёг укропа и уехал. Все опять погрузились в фургон.

Доехали до Димбровки.

Снова неразбериха. Подразделение уехало, и остались вдвоём Юра и его старый знакомец и ученик «Заяц». «Заяц» уверен, он с любимым командиром, с которым прошёл в прошлый раз Крым и Рым. Легли спокойно «ждать у моря погоды». Вдруг пришло сообщение, что укропы прорвали фронт и с большими танковыми силами прут сюда.

Хозяйственный Юра припас 2 РПГ-26, которые 600 миллиметров брони жгут. Юра решил дожидаться укропов и вооружение использовать, а после уйти в леса, благо граница России была недалеко.

Вдруг останавливается машина, выходит сам «Рязань» – удивительно способный и везучий командир, с которым Юра прошёл не одно сражение.

– Вы чего здесь делаете? А ну, поехали со мной! – таким командирам, как «Рязань», лучше не перечить.

Приехали обратно в Дмитровку, а там личный состав. А у рязанских бойцов Евстигнеев был в авторитете после того, как с двумя пистолетами натворил дел.

Авторитет у Юры был серьёзный. Мало того что он выжил в тылу у укропов, когда его забыли на посту и уехали, изведя боекомплект миномётов, мало того что он ездил на Донбасс из года в год, Юра ещё умел зачищать наиболее надоевшие блокпосты противника. Стрелял Евстигнеев с двух рук изумительно, но, кроме того, имел актёрский талант. На войне жалеть противника нельзя. Смекалка военной поры максимально жестока.

С его тогда еще отяжелевшей фигурой, с больными ногами, перемотанными всё время эластичными компрессионными бинтами, старческую походку Юра мог и не изображать. Худое лицо, перекошенное многими переломами носа, возраста не имело. Он отращивал хиленькую бородёнку, одевался, как бомж. Из штанины постоянно выбивался и волочился по земле бинт. Нешадно хромая, Юра без всякого грима изображал полубезумного старика. Так, задавая идиотские вопросы, он попадал на блокпост. В этот момент товарищи Юры начинали по ту сторону фронта шуметь. Укропы отвлекались, и от евстигнеевских пуль не уходил никто.

Юра тогда организовал для бойцов секцию по рукопашному бою и стрельбе с двух рук.

Шёл 2014 год. Под Дмитровкой укропы применили химию, но не учли, что подряд шли дожди. После этого ни из каких колодцев пить нельзя было – тут же диарея начиналась. И русские, и укропы попросту дристали, как на реактивной тяге.

Ещё один случай всплыл у Юры в памяти. Казаки, пять человек во главе с Юрой, шли возле опушки леса. Без всякого камуфляжа, в папахах – кубанках с красным верхом. Появились укропы. От казаков метрах в пятидесяти встают, начинают рыть лёжку под снайпера. Не маскируясь. То ли с похмелья, то ли как. Казаки залегли, подползли поближе. Навели автоматы по секторам. Укропы не реагируют. Сколько можно сидеть ждать! Юра кашлянул – реакции нет. Юра громко выругался.

– Э-эй! Трам, ти-ра-рам, – и далее нехорошими словами шесть этажей.

Укроп обернулся:

– Да пошёл ты!

Возникла немая сцена.

Тогда у Юры появился пистолет ПМ с глушителем.

Укропов приняли, привезли, попили с ними чайку. Оказались снайперы Кировоградского спецназа. Они начали рассказывать, что никогда из винтовок не стреляли. Винтовок не видели.

Потом приехали «смершевцы» и пленных забрали.

Сидение в окопах продолжалось. Химия действовала безотказно. Понос был у всех. Каждые двадцать метров были выкопаны отхожие ямы, а до них ещё добежать надо. Жара за сорок градусов. Вонь стояла невыносимая.

Привозили пятилитровые пластиковые бутылки с водой для питья, по две на бойца. Пока пили из бутылок, диарея отступала. Но сколько можно терпеть! Вода кончалась – снова пили местную...

Ночью случилось новое происшествие, развлёкшее личный состав. От позиций в сторону укропов шла лесополоса. Сначала её заминировали сами укры, затем наши, затем с российской территории зашли сапёры-суперпрофессионалы и заминировали третий раз. На каждом метре по две мины. По этой лесополосе идёт мужичок – пьяное чудо. Причем идёт, падает, поднимается и снова идёт. Дошёл до окопов. Два раза дали в рыло, оказалось, идёт с российской территории. Поссорился с женой, ушёл из дома. Пришёл за Родину воевать.

Дали ему самозарядный карабин Симонова (СКС), он его тут же, в первом бою, у укропов махнул, не глядя, на автомат, и жизнь наладилась.

С позициями Евстигнеева граничила полоса выжженной земли. Когда-то, ещё до приезда Юры, её организовала машина, которая везла боеприпас для «Градов». Одна машина прошла, а вторую укропы разбили.

По этой земле ползали три украинских танка Т-64, очень мешали. Они, кстати, и машину с «Градами» взорвали. Когда попыталась прорваться гражданская легковушка, «немцы», а так часто называют укропов, эту легковушку подожгли, прямо с женщинами и детьми.

Вообще то, что укропов постепенно стали называть просто немцами – показательно. Это прошла между нами граница. Они навсегда записаны в чужие. Ведь слово «немец» означает, что человек не знает русского языка. Оно сначала и произносилось с ударением на второй слог. Немёц! Человек нем! К немцам относились и англичане, и голландцы, и испанцы. Украинцы отказались от русского языка и стали немцами. А немцы – враги! Их надо просто бить!

Приехали молодые бойцы, почти пацаны, с компьютером. Юра прикололся: «Во что будете играть?»

– Да, поиграем, – ответили они.

Связались то ли с беспилотником, то ли со спутником – прилетело три снаряда «Краснополь» 152-х миллиметровых. Трёх украинских танков не стало. Пустячок, а приятно!

Дальше «Рязань» уехал и что-то славное натворил, рассказывали, на другом участке фронта. Юру поставили старшим оставшейся на передовой группы. С 5 по 9 августа пошла реальная атака укропов. Подразделение Евстигнеева сожгло три танка и уничтожило 38 укропов и ни одного бойца не потеряло.

На линии соприкосновения всё заросло акацией, иголки в палец толщиной. Только в трёх местах оставили проходы. Пулемётики долбят со стороны, а весь личный состав с гранатомётами эрпэгэшками встали в трёх местах. Шаг – делается выстрел, сработавший отпрыгивает в сторону, на его место становится другой! Некоторое время укропы в сторону Юры дышать боялись. «Рязань» потом звонил, рассказывал, что, по переговорам укропов по рациям, на месте Евстигнеева стояли суперпрофессионалы! Зарядка РПГ 3–7 секунд. С кем вы связались? Рязанская десантно-штурмовая бригада (ДШБ).

Местность возле Дмитровки была своеобразная. Степь, поля нарезаны квадратами, между ними лесополосы метров сто – сто пятьдесят шириной. Некоторые поуже – метров пятьдесят. Высажены лесопосадки ещё при Сталине. Их очень берегли, ухаживали за ними.

По такой лесополосе ночью Юра 19 августа вел свою группу в разведку. Вдруг у Юры сработала чуйка. Ночное виденье. Рассосались, приготовились. L-образная засада. В лоб поставили пулемёт. С семи

метров начали стрелять. Пятнадцать человек под пулемёт. Обыскали их. Негры, у каждого по пятнадцать – двадцать пять тысяч долларов. Так у диверсионно-разведывательной группы (ДРГ) «Рязань» появилось два тепловизора, причём доставили их из Киева сами укропы. Киев честно выполнил свои торговые обязательства.

Началось передвижение войск на Иловайск. Подразделение поставили на дорогах. Шла техника – «укропоборочные комбайны». В те ночи Юру раз десять чуть не задавили. Слава богу, перевели на другое направление.

Интересно, что Саур-Могилу укропы не могли взять в течение месяца. Каждый день отчитывались, что она взята, теряли там кучу народа, и снова Саур-Могила была наша. А дело было так. Постреляв и спровоцировав атаку, наши закрывались в мощном, ещё фашистском дзоте и вызывали огонь на себя. Набравших укропов превращали в фарш, а наши снова вылезали и начинали стрелять. Взвод не могли взять бригадами.

* * *

У Юры есть друг Александр Сергеевич Конторович. Познакомились они на Донбассе в 2015 году. Александр Сергеевич, как его тезка Пушкин, писатель, причём чрезвычайно популярный. Он создал совершенно новое направление в приключенческой литературе. Это сочетание эффектности захватывающего сюжета и скрупулёзной профессиональной точности и глубины проработки материала.

Понимание того, какие отношения сложились между Александром Сергеевичем и Юрой, даёт возможность осознать, как устроен русский мир, как создана русская ментальность и духовность. Можно было бы описать эти отношения как взаимодействие учителя и ученика, и, условно, Конторович – это учитель учителей. Но Юра стал таким, какой он есть, задолго до их знакомства. Командир и подчинённый? Нет, тоже не то, хотя Конторович – явно ведущий. Два друга? Конечно! Но разница между ними столь велика, что это слишком бросается в глаза: Конторович – блистательно успешен, Юра – нищ, гол и бос. Конторович – сам создаёт удачу, Юра – неудачник во всём, что касается лично его и спаситель для других.

Кто более велик в истории России – архипастырь или юродивый, друг Ивана Грозного Филипп или Василий Блаженный?

Приходишь к тому, что это два взаимодополняющих примера безграничного служения Родине. Именно такие люди создают Россию и продляют её бесконечную жизнь.

Но это другой путь, это, я повторяю, путь противления злу насильем. Я всегда любил повторять: «Если ты умный, то должен быть сильным». Для многих это стало девизом.

Сейчас на Западе любят повторять, что Россия понимает только агрессивную силу, иными словами, только палку. Западные аналитики правы, русские слишком долго относятся к партнёрам по-доброму, дружески. Но если Россия поймет, что имеет дело с врагом, если ему удастся разъяснить ей это, она уничтожит его тут же.

Александр Сергеевич – профессионал в тех тонкостях военного искусства, которые описывает. Более того, некоторые эти технические и тактические находки сам и изобрёл. Им написанный роман становится учебником, а учебник – романом.

Александр Сергеевич – член совета по фантастике Союза писателей России, член Союза писателей ДНР, старший офицер (по понятным причинам мы не будем уточнять звание), участвовал в подготовке сотрудников центра специального назначения Абхазии, инструктор по оперативно-тактической, минно-взрывной, диверсионной и противодиверсионной деятельности батальона «Брянка», бригады «Призрак» ЛНР, автор 6 патентов (совместных) на изобретения устройств для предотвращения террористических актов.

Участвовал в войне в Абхазии, на Донбассе. В Чеченскую войну недолго служил в охране генерала А.И. Лебеда.

С 12 лет проходил подготовку в «Группе свободного поиска» Всесоюзного астрономо-геодезического общества. В 14 лет ходил на Эльбрус. Испытывали высокотехнологическую аппаратуру в тяжёлых климатических условиях, в условиях высокогорья.

А ещё Конторович окончил школу каскадёров Юрия Сальникова, первый выпуск... Учили прыгать в воду с 20-метровой высоты, стрелять из лука, арбалета, драться... Ну, много чему... Это была самая обширная подготовка каскадёров на тот момент.

Занимался много чем, например охраной спецпроездов и московских подземелий, в частности метрополитена. Был экспертом-криминалистом. Занимался судебной баллистикой, разработкой средств индивидуальной бронезащиты.

Окончил академию МВД. Там у Александра Сергеевича был необыкновенный преподаватель – Анатолий Николаевич Вакуловский, основоположник советской баллистики. Его практический опыт вообще ни с чем не сравним. Это был человек совершенно невероятной эрудиции. Вторым преподавателем был потрясающий специалист, мастер оперативной работы наивысшего класса Лев Давидович Гаухман. Его лекции на что угодно были похожи, только не на лекции. Он умел любой материал подать так, что он забивался в башку одним выстрелом – и оставался на всю жизнь. Колоссальный опыт оперативной работы, просто потрясающий! Александр Сергеевич вывел его в романах, как офицера немецкой разведки полковника Ланге. Его логика была безупречная, просто нерасшибаемая. Дальше Конторович, с подачи Вакуловского, стал работать криминалистом. Занимался научной деятельностью, которая в той или иной мере касалась служебной деятельности, иногда не касалась, выходила далеко за её пределы.

Далее работал в «Арли спецтехника», контора была аккредитована при всех наших силовых структурах. Арли – Аркадий Лившиц. По имени директора.

Занимались также разными делами. Разбирались в причинах различных взрывов, как криминальных, так и нет, – вплоть до самых невероятных. Взрыв элеватора в Орловской области – это был взрыв мучной пыли; плавильных печей в Воронеже – другая причина, в основе которого лежало элементарное несоблюдение правил техники безопасности. Ни разу не криминал, как это подавалось следствием с самого начала.

Там проработал до 2004 года. Официально ушёл в 2001-м, но сотрудничество продолжалось до 2004 года. Принимал участие в разработках, приезжал, когда это было нужно. Хотя уже не являлся официальным участником фирмы. Некоторые из тех разработок не превзойдены и сейчас. Патенты были зонтичные, закрывали всё в этой области.

Ничего нового в обход них придумать уже нельзя. Удалось вернуть к жизни оружие, забытое ныне, – арбалет. Александр Сергеевич на основе обыкновенного арбалета сделал устройство дистанционного разминирования «Блесна». Оно оказалось чрезвычайно эффективным и спасло немало жизней людям. Оно было немедленно принято на вооружение МВД и ряда спецподразделений, и используется по сей день. Умудрялись забрасывать с помощью него «кошку» и тралить проходы в минных полях. Сделали «кошку», которая проползает через забор из колючей проволоки и снимает 90% всех существующих растяжек. Устройство получило золотую медаль на Парижской выставке антитеррористического оборудования. Закинули её с помощью арбалета метров на 80 и протралили таким образом полосу для прохода. Разносили в клочья с помощью арбалета чемодан со взрывчаткой, причём детонатор не успевал сработать.

В своё время в Афганистане сбрасывали воду нашим бойцам, когда не было возможности посадить вертолёт. Наливали воду в пожарный шланг, завязывали концы и кидали его метров с двухсот. И он не рвался – он же очень прочный. А там воды солдатам литров 50–100. Подумали – а как это можно ещё использовать? Положили свёрнутый кольцом шланг вокруг артиллеристского снаряда, взорвали, и все осколки остались в воде. А взрывная волна ушла в небо. И это ещё один из патентов Конторовича. Укладывается кольцом шланг, снаряд 76 мм взрывается без вреда для окружающих. Никакого противоречия физике нет. Винтовочная пуля не пробивает метр воды. Когда вы устанавливаете пулеулавливатель, там полтора метра воды. И пуля их не пробивает, падает на дно. А это снаряд, осколки имеют другую форму, иную пробивную способность. Даже если они пробьют эти 20–30 сантиметров воды, никакого вреда они уже не принесут. Да, он может набить синяк, разбить стекло, слегка поранить – но не убить. Такие решения возникают на стыке изученных вещей и иной области. Использовали детонаторы для разрушения взрывоопасных предметов, не для взрыва, а чтобы они не взорвались. Сделали эту разработку, несмотря на то что это явление полностью противоречит всему, что преподавалось.

А далее дядю Сашу пригласили советником в Ассоциацию ветеранов спецподразделения «Альфа», в одно из структурных подразделений, там проработал почти десять лет. И начались поездки в ту же Абхазию... Приходилось и с автоматом бегать, и мины искать.

В жилой казарме, из здания в здание проходили просто через дыры в стенах.

Очень интересная страна. К сожалению, там погибло несколько наших инструкторов.

Получилось так, что погиб полковник Нерсесян «Нерс» (который чувствовал свою смерть – почти мистическая история), и стрелявший в него едва не убил, чуть ли не тем же выстрелом, министра внутренних дел Абхазии. После подобных событий Конторовича стали использовать только как инструктора, категорически запретив даже нос совать в какие-то конкретные мероприятия. Боялись потерять.

А дальше был Донбасс.

Александр Сергеевич приехал туда в 2014 году. Привезли гуманитарную помощь. На глазах люди умирали от голода... Это было довольно жуткое зрелище... Тогда же, в этот же приезд, с тамошним комбатом Конторович принял заучить людей, как им не погибать.

Там были молодые мальчишки, они не воспринимали войну всерьёз. Александр Сергеевич прекрасно понимал, что как только они выйдут на поле боя, там они почти все и останутся. Конторович был там с товарищем, таким же храбрецом, с Андреем Шумским (который был известен в России по прозвищу Дасти Миллер). У Алистера Маклина есть такой герой романа Дасти Миллер – сапёр-подрывник (от слова «дасти» – пыльный). Там он был известен под позывным Контур. Это специальная инженерная группа «Контур», где он в тот момент состоял.

Вместе с ним начали учить людей, чего не надо делать. То есть сюда не лезть, этого не трогать, за это не дёргать. Людям не свойственно думать о многом, что обезопасит их.

Александр Сергеевич наблюдал такую картину: в городе работает снайпер, сидит, стреляет по нашим позициям. Звонок. Наш связист, талантливый, умный парень – ему что-то нужно было наладить, – собирает рюкзак и направляется к двери. Его дёргают назад: «Ты куда?» И он на голубом глазу, отвечает: «Да всё нормально! Я сохранился». Чего-чего, что ты сделал?! Родной, это не игра! Ты что, совсем... Балда съехала в никуда?!

То есть уровень дилетантизма, причём и с той и с другой стороны, зашкаливал...

Было фантастическое зрелище, когда очень хорошо экипированная группа добровольцев приехала воевать, причём с хорошим снаряжением. Они выбежали в зону боя и спрятались за железным заборчиком. Потому что пластиковыми шариками из страйкбола заборчик не пробивают. Они привыкли, что шарик не пробивает забор, а то, что против них стоит пулемёт, который этот забор прошьёт вместе с ними пять раз, они не сообразили... Пришлось бахнуть по забору, чтобы пробить в нём дыру, и народ только тогда залёг. Ведь доходило и до такого... Причём с обеих сторон – и там и здесь. Александру Сергеевичу пришлось вспомнить всё, чему учили. И через его руки прошло более четырёхсот человек. И ни один из них не погиб по сей день.

Однажды к Конторовичу пришла делегация:

– У нас повадился летать квадрокоптер.

– Он что-то разведывает?

– Нет, он просто пролетает и через минуту летит назад. Ну, типа не мешает, да и фиг с ним.

– Ребята, подумайте! Перед вами город, на окраине которого идет война. Людям делать нечего, кроме того как квадрокоптер по одному и тому же маршруту гонять? Или есть какие-то другие задачи? Раз они делают это, значит, кому-то зачем-то это надо. Дайте бинокль.

Начали осматривать маршрут, где эта собака летала. И Александр Сергеевич нашёл некий охраняемый дом, там есть проходная, ворота, через которые заезжают машины, и всё это накрыто козырьком. А на козырьке сложен тротил!!! Кучка такая лежит... Квадрокоптер просто возил туда взрывчатку. Прилетал, отцеплял её и улетал. Александр Сергеевич подозвал начальника охраны и сказал ему:

– Вот видишь?! Твои действия?

– Мы его собьём.

– Зачем? А проследить, кто его запускает? Он же не может сам лететь. Вы поймите этого человека. Спросите, зачем он это делал. Кого он хотел убить? Как он вообще понял, что надо сюда лететь, а не куда-то ещё?

– А, да, мы всё поняли!

На следующий день появляется квадрокоптер, охрана дружно залпом его сбивает, и всё...

Первая книга Конторовича вышла в 2010 году. По-настоящему, первая книга была написана очень давно, но она содержала некоторые специфические моменты, в силу которых напечатана быть не могла. Как Александру Сергеевичу сказали: «Ты столько не отсидишь...» А тогда Артём Рыбаков начал писать свою первую книгу из сериала «Переиграть войну». Он писал её о совершенно реальных людях, он описал всю группу Конторовича. Группа называется «Лесные коты», и он перекинул всех в 1941 год в Белоруссию.

Он сказал Александру Сергеевичу: приходи, я на форуме выкладываю свои книги, напиши свои комментарии.

Александр Сергеевич пришёл, почитал, написал комментарий... и получилось, что помог в написании 6 глав в книге. Чего совершенно делать не собирался.

И дернул же Александра Сергеевича черт написать – мол, некоторые вещи, очевидцами которых мы являемся, означают на самом деле нечто иное. Что – мы понимаем лишь спустя много времени, и по самым незначительным деталям. Народ зацепился – обоснуй!

Пришлось кардинально перерабатывать всю книгу, менять имена, места действия – и уже в таком виде выкладывать.

И когда Александр Сергеевич выложил последнюю главу уже своей книги, через 7 дней ему позвонил главный редактор издательства «Яуза». Мол, мы хотим вас издать! Издали...

Думал – всё, на этом и конец. А потом люди потребовали продолжения.

Александр Сергеевич во всех своих книгах пытался донести главную мысль. Вот ты стоишь здесь и сейчас, перед тобой враг, и не появится бронетранспортёр и не прикроет тебя пулемётным огнём, никого нет, есть только ты один и только здесь. И от того, как ты сейчас поступишь, зависит то, что будет или не будет дальше. И ты не имеешь права уйти с этого места и отойти в сторону...

У Александра Сергеевича была примета такая – он вешал стакан на дерево... Народ видит стакан... И всё – никакими пинками туда их не загнать... Потому что люди понимали, что не будет того, что написано в воинском уставе. Здесь будет то, с чем никогда не сталкивался, и если уж ты сюда попал, то тут навсегда и останешься. И это играло. В ряде случаев достаточно было стакан на дерево повесить – и люди просто туда не шли. Сапёрное дело, казалось, всё изучено давным-давно, всё известно хорошо. Но выяснилось, что не всё. Можно повернуть даже такой прекрасно изученный предмет под таким углом, до которого трудно додуматься. Задача не стоит убить как можно больше людей, задача стоит, чтобы они сюда не полезли. Она решаема.

* * *

Во многие поездки Конторович и Евстигнеев стали ездить вместе. Александр Сергеевич учил тактике и взрывному делу, а Терминатор – рукопашке и стрельбе. В конце концов Юра стал у Конторовича кем-то вроде Санчо Пансы.

Как-то Александру Сергеевичу из Абхазии прислали огромную бутылку чудного вина. На денёк приехал к нему в гости из Нижнего Новгорода

Юра Евстигнеев. Юра подружился с этой бутылкой и прожил в огромной квартире Конторовича безвыходно неделю.

Но были и абсолютно военные воспоминания. Авторитет растёт не на голом месте.

Однажды Александр Сергеевич с Юрой обучали подразделение, находящееся на самом передке. К позициям примыкала роща, в которую повадились бродить укропы. Беспокоящий огонь вбок очень надоел казакам.

– Александр Сергеевич! Дорогой, войди в положение. Мы рощу уже минировали, но эти гады мины чуют и обходят. Караулить их там – людей нет. Помогите! Заминируйте по-своему! Скольких ребят уже потеряли!

Времени у Конторовича не было. Но через несколько дней он сходил в рощу.

– Скажете мне, когда укропы туда зайдут, – коротко сказал он.

Конторович применил какую-то систему вроде «Гроздей малины». Не буду перевирать название, да вам это и не нужно.

Александр Сергеевичу сообщили, когда в рощу зашли чуть более тридцати укропов. Никто из них не вернулся.

Я как-то спросил у талантливого писателя.

– Я всегда не очень хорошо понимал, как минировать, если человек уходит в неизвестном направлении; вот он уходит, за собой минировать, а другие попадают. Каким образом? Ведь лес большой, а они могут пойти другой дорогой...

– Возьмите мой роман «Черные бушлаты». Там как раз описана психология того, кто ставит мины. Почему он их ставит здесь, вот в этом месте, а не в другом. И в них попадают далеко не самые лохи, для которых потом абсолютная загадка, как это вообще происходит? Почему мы шли именно туда, а не в другую сторону? А мы пришли туда, куда нас привели. Значит, как итог, мы и должны были прийти туда, где мина стоит. Она одна на весь лес, мина, вот нас к ней и заманили. И я это делал, к ней и заманивал...

– А как?

– Очень просто. Эжен Франсуа Видок, создатель французской полиции Сюрте, многократно сидевший, неоднократно судимый уголовник. Великолепные слова у него: «Только преступник может поймать преступника». Это действительно так.

С корейцами, когда я их тренировал, был очень интересный такой момент. Они все мастера по борьбе и абсолютно все по таэквондо. Просто все, включая девчонок. Было 4 девчонки, 11 парней и 5 старших офицеров, до полковника включительно. Они сидели в классе вместе со всеми. Я им ставил также двойки, мог заставить отжиматься любого из них. И они всё это делали. Люди заточены под охрану. Насмерть заточены. Это их цель жизни – спасти. Я говорю, хорошо, выходим в спортивный зал. Ну, ты – вождь и учитель, а ты – начальник охраны. Ты берёшь себе из этой толпы кого хочешь в качестве охранника. Задача – защитить вождя и учителя от нападения террористов. Понял? Понял. Вокруг – толпа, стрелять нельзя, можно драться, не ограничиваю ни в чём. Бери. Он берёт двоих охранников. Спрашивает: «Кто будет террорист?» Я отвечаю: «Я буду террорист». По-корейски очень интересно звучит: «террабундара»... Он, значит, так: «Ага, тогда еще двоих». – «Ну что, хорошо. Можешь хоть всю толпу взять, вам это не сильно поможет... Вот у вас есть такой интересный обычай. Ваш вождь и учитель приезжает на митинг, из толпы выхо-

дит некий заранее отобранный человек и почтительно, двумя руками, с ним здоровается. Есть такое?» – «Да, конечно, есть». – «Великолепно. Вождь и учитель вперед, я с ним здороваюсь. Ваши действия?» Начальник охраны становится здесь, вождь и учитель со мной, а четверо охранников держат меня за плечи. Спрашиваю: «Я могу что-то сделать?» – «Нет, конечно». – «Почему?» – «А как?» – «Да вот так!»

Вождь и учитель падает с «разрубленным» горлом. Падают двое охранников, следующим падает начальник охраны. Четыре трупа в минус.

«Вас же убьют!» – «А тебя-то, – говорю, – каким образом это реабилитирует? Тебя расстреляют через 20 минут после меня. Ты не знаешь, кто здесь стоит. Ты не можешь этого знать! И никакое моё личное дело тебе не поможет. Я болен раком, мне жить осталось месяц, а мне вагон бабла притащили для семьи. У меня семью в заложники взяли, а ты ничего этого не знаешь. И тебя не должно это волновать в принципе. Ты не должен такого допустить. Всё. Не должен, и всё, хоть ты тресни». – «Давайте еще раз». – «Давайте». Становится – на этот раз пятеро «убитых».

– А как вы это сделали?

– Во-первых, никто из них не смог меня удержать. Я ушёл из захвата сразу же. Я срубил, как говорится, вождя и учителя вот, так ребром ладони, просто перерубил ему горло и так же ладонями прошёлся по горлу всех стоящих вокруг, уцелел тот, что стоял в стороне... Я до него просто не доставал. Ребята, поймите простую вещь. Диплом – конечно, здорово, только вы сюда не боретесь пришли. Вас пришли убивать. Тот, который пришел убить, не будет думать как борец. У него другой стиль мышления. Пока вы не будете думать, как убийца, вы никогда не сумеете его остановить. Он всегда будет на два шага впереди. Ты должен встать на его место и подумать: «Как я буду их убивать?» И когда ты будешь думать, как ты их будешь убивать, тогда ты и сможешь понять, как его можно остановить. А ты рассчитываешь, что с тобой будут бороться. Да не будут с тобой бороться... Здесь не спортзал! Тебя пришли убивать! Меняй мышление, думай как убийца. Думай как преследователь – и я буду знать, куда он придёт. Я оставлю ему след, по которому он пойдёт, потому что сделаю его видимым. Я пойду там, где он будет думать, что я должен пойти. И он придёт на эту мину, туда, где я её поставлю. Вот и всё.

– Здорово!

– Голова! Всё в голове. Когда всё объясняешь, люди говорят: как всё просто! Действительно, просто. Думать лишь надо.

– Это как Шерлок Холмс – каждый раз, когда рассказывал, всё оказывалось просто.

– Сколько ступенек на этой лестнице? Восемь, потому что я думал и замечал, а вы не думали. Вы просто бездумно по ней ходили. Всё правильно. Это ещё Конан Дойль написал. Я ничего не открыл. Всё открыто задолго до нас, только это почему-то не используется. И люди не хотят об этом думать, не хотят включать голову, не хотят соображать, где, почему, отчего? Лень. Клиповое мышление. На самом деле, любого человека, будь он хоть 52 раза клиповый, можно очень быстро поставить, в нормальное состояние привести. Он начнёт думать, включать голову... Человек всё-таки хорошо обучаемый субъект. Единственные, с кем бы я принципиально не стал работать, это всевозможные последователи всяких продвинутых течений. Бессмысленно. Абсолютно

неоправданный расход нервов, сил и прочего. Переубеждать человека, который свято верит в то, что положенный на бок пистолет стреляет за угол?

Я спрашиваю его:

– Почему?

– Ну, пуля же вот так летит.

– Да.

– Ну, я вот так поверну пистолет, и она вот так полетит – за угол. Законы физики для него не значат ничего. У него есть святое внутреннее убеждение, что она вот так и полетит... Ну, и что с ним время терять. Пусть он стреляет за угол. Я посмотрю, что у него получится на практике... У нас, когда идёт обучение, говорят: «Что для этого нужно?» Да ничего не нужно. Какое-то специально оборудованное помещение? Зачем? Объясните мне, зачем? У тебя начнётся боевое столкновение, ты скажешь: «Я здесь не буду воевать. Вот это лишние шкафы, вот эти столы мешаются, а тот автомобиль стоит не на должном месте». Тебе специально площадку должны приготовить? Нет, ты будешь воевать там, где тебя застанут. Может быть абсолютно любое помещение: жилая комната, офисное помещение – всё, что хотите. У меня описан кусочек этого дела во второй книге в «Черной серии», в «Штрафниках». Когда человек там устраивает тренировку. Там описано чётко, как он думает. Весь ход мыслей прописан... Как он думает, что вот этот шкаф – его используют вот таким образом, или этот стол – вот таким образом... Всё подробнейшим образом расписано. Там есть один очень интересный, работающий приём, когда с ним академик устраивает полуфокус, полутренинг, дядька, в возрасте...

– Это когда трубку-то он берёт со стола и исчезает...

– Да. Это же работающие вещи... Прекрасно работают. И таких примеров... Это случай не первый и не единственный... Таких примеров у меня очень много. Все очень просто. Человек моментально доходит. Человек понимает, почему и отчего он это сделал. И делает так, что его не перехватить. Всё очень быстро доходит. Человек очень быстро учится. Когда его ставишь в экстремальные условия, у него прекрасно работает голова. Другой вопрос, что у нас сейчас никто не хочет ничего. А вы создайте нам условия, чтобы мы начали думать... Да иди ты лесом, дорогой! Тебя убьют в этом бою! И всё, и пусть тебя закопают! И ничего не будем создавать. Я лучше возьму вчерашнего шахтёра, который не будет задавать таких глупых вопросов, и он точно выживет. А тебя, продвинутого, застрелят завтра в первой же стычке! Туда тебе и дорога, если ты не хочешь включить свою голову! Естественный отбор иногда следует подталкивать, слишком длительно иногда. Я вот убеждался не раз, что из представителей продвинутой молодежи учиться не хочет просто никто. Именно... Они всё знают заранее. Что ты тогда сюда пришёл? Иди, вон, пиво попей на лужайке. И всё. Никаких проблем тебе не будет. А народ, который не отягощен подобными измышлениями, великолепно всё схватывает. Естественным образом, он и выживет в итоге, а не все эти «продвинутые товарищи». Причём я не говорю о войне... Нет. Мы же не учим людей воевать. Мы учим людей оставаться живыми. Это немножко разные вещи. И ты не обязательно должен кого-то убить, чтобы остаться живым. Ты просто не лезь туда, где тебя убьют, и ты останешься живой. Так вот с «продвинутым» это невозможно. У него на всё своё мнение. Он обязательно думает своё.

* * *

Один раз в Нижнем мы сидели у замечательного человека. Уже немолодой, владелец автомобильных мастерских. Дом – полная чаша. Народу много. В основном воробьи стреляные, «дикие гуси». Хозяин постоянно ездил на Донбасс, хотя уже давно заработал все деньги. Ездил в окопы, на передок, в горящие места. И был один нюанс. Хозяин был без почек. Три дня в неделю ему делали гемодиализ. Так вот, он договаривался в Донецке о проведении процедур, а они многочасовые. И снова на фронт.

Я оглядывался вокруг – знакомые Конторовича: вот абхазцы, вот парни из Ичкерии, вот Юра с учениками. Кавказцы готовили изумительное мясо. Братство вольных людей, воюющих за Россию. В этом было что-то нереальное, сказочное. Привал разбойников. Бородатые, усатые, воины – покорители галактики. Рассуждали о том, как и кому сподручнее в разведке носить «калаш». Говорили исключительно на русском. Угощались на славу. Пили домашнее абхазское вино. Воспоминание на всю жизнь. Жаль. Сгорел этот дом.

* * *

Опять воспоминания Юры.

2018 год, Донбасс. Сидит девчонка, симпатичная, красивая, зовут Алёнка. Юра подходит. Завязался разговор.

Юра спрашивает:

– Ты в какой школе училась?

Девчонка называет город в Израиле.

– Каким образом туда-то попала?

– Живу там. Я гражданка Израиля.

– А тут чего делаешь?

– Как что? Донбасс защищаю.

Поклон и уважуха. Это из бригады «Призрак».

* * *

Но вернёмся в 2022 год.

Только Юра заснул, их подняли и увезли в другое место – в Новоандреевку. Потом под Угледар, в Павловку.

Затем была поставлена задача двумя «Горынычами» очистить два прохода в минных полях для наступления. «Змей Горыныч» – это оружие, установка разминирования УР-77 «Метеорит». Каждая УР-77 кидает тонну восемьсот килограмм взрывчатки. Бьют метров на пятьсот минимум. Подразделению Евстигнеева поручили организовать дымовую завесу.

«Горынычи» своё дело сделали, но наступать стали на другом участке, и много народа погибло. Павловку взяли.

Но после офицеры, противодействовавшие присвоению Юре офицерского звания, снова подняли вой: «Евстигнеев подрывает их авторитет перед подчинёнными, нарушает субординацию!»

А тут у Юры снова разболелись оперированные много раз ноги. Возникла возможность уйти. И Юра лёг на лечение в госпиталь в Питере. Оттуда возвратился в конце сентября в Нижний Новгород.

Эпилог

Как несовременно в нашем мире не заниматься высоким, интеллектуальным, модным, продвинутым бизнесом. Как глупо не думать о себе и своей семье. Да это просто безответственно. В разные времена юродивые занимались разными делами. В Средневековье они носили лохмотья, а то и щеголяли голышом. Голодали и болели. Некоторые носили врезавшиеся в тела железные неподъёмные вериги. Времена меняются. Сейчас оборванцы в стразгах тусуются в самых модных клубах вместе с узаконенными ворами. Но юродивые нашего времени не они. Юродивый, вопреки общему мнению, говорит правду, творит правду, бесстрашно, безоглядно. Он ничего не боится! Он любит Родину так органично, словно ничего другого не может и быть. И в наше время неорганизованные защитники Отечества, проповедующие сопротивление злу насилием, – это ЮРОДИВЫЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ! Это и Юра Евстигнеев, и прекрасный успешный писатель Александр Сергеевич Конторович, их мало, но, к нашему счастью, достаточно. Именно ими жива Россия.

А Юра? Юра опять на Донбассе.

Евгений ЖУРАВЛИ

Родился в 1979 году в городе Ярцево Смоленской области. Окончил педагогический факультет Калининградского государственного университета. Предприниматель, исследователь, путешественник (Кавказ, Балканы, Афганистан, Иран). В 2015–2016, 2022–2023 годы – волонтер Донбасса, ЛНР, штаб Захара Прилепина.

Проза и стихи опубликованы в журналах «Подъём», «Русское эхо», «Великоросс», «Южная звезда», «Бийский вестник», «Врата Сибири», «ЛиФФт», «Балтика», «Берега».

Живет в Калининграде.

ЗАПИСКИ ВОЛОНТЕРА

Осенью 22-го я прибыл в Донецк без предварительных планов и обратной даты. Мной двигало желание, как бы пафосно ни звучало, быть максимально полезным своей стране. Начало полномасштабной войны не удивило, но, конечно, было принято с горечью. Такое развитие событий с десятков лет предсказывалось всеми, кто следил за ситуацией, но всё же теплилась почти религиозная надежда на «хитрый план» или что-то иное, столь же чудесное. Однако, помимо сдачи всех русских интересов, иных чудес не помню. Война тоже началась так, что каждый человек, искренне любящий Россию, не избежал отчаяния. Во многом моё желание быть участником событий продиктовано именно этим. Делать, что считаешь важным и нужным, не оглядываясь и не возлагая надежд на неловкие действия государства.

Донецк встретил мягким шорохом листвы и глухим уханьем артиллерии. Основная часть горожан даже не поворачивает головы к разрывам, демонстрируя тотальный фатализм. Едут в автобусах, совершают покупки, гуляют в скверах. Чувствуется некоторое опустение – многочисленные вывески «сдаётся» в витринах, небольшое количество автомобилей. Но людей много, в том числе в камуфляже, гостиницы в дефиците, чувствуется напряжённая суета. В целом – красивый, ухоженный, сильный город, достойный символа стойкости, каковым и является. Прилёты ежедневно, в том числе совсем рядом. «Во, как раз успею проскочить, – удовлетворённо констатирует таксист, высаживая меня на адрес. – В этот район с девяти начинают класть».

Несколько дней прошло в поисках собственного применения. Хороший человек и большой поэт Анна Долгарева назвала мне «того, кто точно занимается делом» – Юрий Мезинов. Написав, тут же получил

звонок: «Когда можешь приехать в Луганск?» – «А когда надо?» – «Прямо сейчас». Так я стал членом движения «Неравнодушные», они же – фонд «Добрый ангел», они же с некоторых пор – «Штаб Захара Прилепина». Юра, ополченец с 2014-го, один из создателей и глава всех вышеупомянутых организаций в ЛНР, мощная и значимая фигура не только в волонтерском движении. О нём можно и стоит говорить отдельно, но на большем количестве страниц.

Лагерь располагался в большой станице южнее Северодонецка, ближайшем месте к фронту, где есть электричество и мобильная связь. Бывший хлебозавод, приспособленный под склад и жильё, стал мне домом. Так получилось, что вскоре после прибытия ребята доверили мне быть начальником лагеря, Юра не возражал. Города Лисичанск, Северодонецк, Горское, Золотое, Рубежное, Кременная, Сватово и окружающие их населённые пункты стали моей зоной ответственности. Товары прибывали беспрестанно. Недостатка в волонтерах тоже нет – ссылки на странице Захара Прилепина достаточно, чтоб возникла очередь желающих. С тихой радостью обнаружил, что все прибывающие грузы и даже транспорт – жертвования неравнодушных граждан и предпринимателей. Никакого государства – настоящая, в прямом смысле, помощь народа. Лидируют в жертвовании ближайшие к войне города. Маленький Таганрог шлёт столько же, сколько миллионный Ростов, Краснодар и Воронеж чуть меньше, далее уже Москва и остальные регионы равномерно, география до самых восточных окраин. Думаю, дело тут в вовлечённости – личные связи, близость, осведомлённость. В целом чувствуется неравнодушие народа – много вязанного и шитого лично, с письмами, сладостями и нежностью. Бывает, вскрыв очередной чёрный пакет, видишь заботливо уложенные детские ботиночки с запиской, невольно подкатывают слёзы. Вокруг – тотальный апокалипсис, нет привычных бытовых условий, руины городов. У меня самого дети, трудно представить, как можно выпестовать тут младенца.

Поразила интенсивность войны. Не ожидал. Мы уже привыкли к мысли, что современная война должна быть похожа на фехтование – высокоточное оружие, стремительные группы спецназа. Оказалось, настоящая война – огненный каток, стирающий всё на своём пути. Северодонецк пострадал ничуть не меньше возведённого в образец жертвы Мариуполя, город-призрак, болезненно оживающий на короткий световой день. Но то, что видишь на месте Тошковки, Камышевахи, Попасной, в промке Рубежного и Северодонецка, превышает даже воображаемый Сталинград. Обугленные черешки деревьев, бетонная пыль городов. Чёрная оспа в полях, искорёженная сталь. Лохматая овчарка у переправы жмурит глаза, уклоняясь от игривой грызни своих крепких, похожих на медвежат, щенков. «Интересно, сколько им месяцев?» – невольно спрашивает вслух сидящий за рулём Женя. Ответ очевиден, и мы оба думаем об одном. Да, вскормлены человечинной. Здесь это не домыслы. Кое-где в воронках ещё виднеются куски рваного тряпья, на которых, скорее по привычке, сидят группами птицы, катая обклеванную кость. Сиротски оцетинилось деревянными крестами новое гражданское кладбище. По именам и вповалку. У шоссё коммунальщики не спеша вскрывают очередную насыпь. Снова массовое захоронение.

Города – без воды, отопления, газа и электричества, полны оставленных стариков, инвалидов, бездомных. Государство дотягивается не до всех. Ездят водовозки, с тентованных грузовиков раздают крупы и макароны, но не все могут выйти к этой помощи, донести воду до кварти-

ры или вообще, не обладают жильём и очагом. Частное волонтерство, как лекарство, проливаемое в застопоренный механизм, само находит проблемные места, заполняет и излечивает их. Лежачие больные, сироты, люди без документов, жители удалённых и уничтоженных посёлков – все они не могут получить помощь или не знают о ней. Адресная помощь – именно то, в чём сейчас нуждается прифронтовой Донбасс. Мы добыли списки лежачих больных, составленные до войны, отправились по адресам. Стандартный набор – продуктовый пакет, самые популярные лекарства, взрослые памперсы, вода. Далее соседи и просто случайные люди дополняли списки. Многие нуждаются в постоянном уходе, сейчас среди нас постоянно действует и врач. Лишь пятая часть немощных из списка отсутствуют, большинство, хоть и не по своему адресу, остались на месте. Люди, конечно, до последнего не хотят покидать родные места. Мол, куда мы поедем? Даже когда взрослые дети в Орле или Днепропетровске, говорят – я вся тут, вот мой дом, ничего больше моего в целом мире нет, лучше здесь и умру. У многих с началом войны дети бежали на Украину или в Польшу, отношения прерваны, но не из-за отсутствия связи. Они «сепары» для своих детей.

Нельзя сказать, что оставшиеся только ждут и терпят. Многие активны, готовы строить и участвовать в общественной жизни. Учителя – новые люди, сильно рискующие жизнью. В посёлке Чабановка школа возникла стихийно – кратно увеличилось население за счёт бежавших из северодонецкой агломерации, встал вопрос обучения. Люди самоорганизовались, стали работать без всякой зарплаты. К моменту нашего знакомства директор школы Людмила, бывшая до войны бухгалтером, собирала, где могла, любые канцтовары. В декабре уже принимала в тёплом, застеклённом и отчасти оборудованном нами здании съёмочную группу ТВ, а доброволец Серёга устанавливал газоанализаторы к купленному за свои деньги дымоходу. «Вот, всё у вас сбылось, – говорю, – даже официальный статус наконец-то продавили». «Не знаю даже, что чувствовать, – отвечает она. – Всего так много за последнее время случилось. И страшного, и трогательного. Открыла для себя – оказывается, в мире столько хорошего. Раньше не замечала. Маленькие радости. Вот ребёнок улыбнулся – как же хорошо! Куртку теплую добыла. Вкусненькое что-то. Игрушку. Кастрюлю. Настенные часы. Вот кто-то поприветствовал тепло или пошутил. Кто-то помог. Всё это стало таким важным! А ведь сколько добрых людей вокруг, раньше и не думала. Ведь собрались и сделали».

Добрых людей вокруг действительно много. Часто я слышу здесь, что война высветила в людях кто есть кто. Мы видим случаи беспримерного гражданского подвига. Немолодая Ирина из Северодонца спустила в подвал пятерых лежачих стариков своего дома, они пережили штурм, мы поставили их под опеку, двое больных, к сожалению, недавно умерли, двоих отправили к родственникам. Кто-то собрал вокруг себя бездомных собак, у кого-то более сотни кошек. Казалось бы, каждый из нас подумает – тоже так смог бы. Нужно понимать – люди здесь больше не имеют накоплений, запасов, предсказуемого дохода, бытовых условий. Их день – борьба за жизнь в этот день. Единожды все получили десять тысяч рублей. Дальше ничего. Потихоньку внедряются пенсии по возрасту, минималка. Цены как в Москве. Документы есть не у всех. Пенсионерка Татьяна, бывший социальный работник, без всякой зарплаты ходит по своим довоенным подопечным района РТИ Лисичанска, самостоятельно добывая для них гуманитарку и лекарства.

«Сладкого бы чего-нибудь – говорит она. – Положите вместо круп в продуктовый набор сгущёнку или конфет или шоколадку, знаете, как они будут рады! Истосковались тут все». Храм в Лесной Даче пригорода Северодонецка забрал к себе с наступлением холодов два десятка лежащих больных. Собираются взять ещё. Монастырь на Белой Горе кормит и одевает нуждающихся. Мы помогаем всем им чем можем.

Вообще религиозные учреждения сейчас играют здесь особую роль. Мы передаём им товары оптом, и взрослое, и детское, продукты, печки, лекарства, – они знают свою паству и распределят ценное точнее. «Напишите на листочке имена ваших детей, мы будем за них и вас молиться», – говорит отец Сергей из Сиротино. «Да некрещёные они, отец». – «Ничего, у Бога чужих нет. Вы и есть истинные христиане. Мы будем молиться». Люди объединяются вокруг храмов. Уверен, не ради благ. Вокруг катастрофа. Не покидает ощущение, что местным осталось надеяться только на Бога. Если честно, после первого знакомства с местностью меня накрыло чувство безысходности. Насмотревшись мрачных картин и наслушавшись за день людей, не раз останавливал машину, долго стоял на месте, пытаюсь сложить всё в голове. Не складывается. Что же мы будем со всем этим делать, как поднимать? А как быть этим людям?

Помимо православных храмов, без всяких колебаний я отгружал товары «Свидетелям Иеговы» на Стекольном, анабаптистам в Тошковку, синкретистам «Благодати» в Лисичанск и адвентистам в Северодонецке. «Вас кто-то прислал к нам?» – настороженно спрашивают в одном из мест. «Думаю, Бог». Они делают то же, что и мы. Всё это подвижники. Вне всяких сомнений. А моё служение само по себе похоже на карго-культ. Я пишу свои просьбы в безликий чат: «нужна тёплая одежда на большие размеры», «генератор 12 В», «побольше взрослых памперсов», «бетаметазон или аналоги», «ходунки детские», «мочевой катетер», «МФУ для Чабановской школы». И каким-то образом через короткое время из Ростова уже едут ходунки, генератор, взрослые памперсы и всё остальное. Не знаю, как точно создана эта система. Ребята расшаривают по своим страницам, равнодушные люди покупают и присылают конкретные вещи. Есть производители и торговцы, готовые безвозмездно поставлять что-то в любых количествах. Есть безликие спонсоры и те, кому нужен пиар. Что-то консолидируется в фонд. Что-то привлекает Захар. Юра тратит свои. Волонтеры и энтузиасты тоже не остаются в стороне. Иногда вещи специфичны, при этом неподъемны для частника, создаётся обсуждение по конкретной проблеме, задача так или иначе решается коллективно. Всё это работает исключительно на энтузиазме. Даже странно. Я отправляю мольбы русскому народу и всё получаю, потому что очень надо. Получается, мой народ – Бог.

Добровольцы – подвижники. Они приезжают на свои деньги и не получают платы. С чистыми помыслами и любовью делают всё, что нужно, и даже с верхом. Уезжая, часто оставляют кто две тысячи, кто пять. Деньги тратить тут абсолютно некуда – развлечений нет, связь плохая, комендантский час, сухой закон – считай, монастырь. Эти лишние деньги тоже тратятся на добрые дела – стеклопакеты, срочные лекарства, покупки конкретных товаров или услуг нуждающимся. Общество, близкое к идеальному. У нас похожие ценности и мировоззрение – ничего не нужно объяснять, мы понимаем друг друга и так. На каждого могу положиться. Нет пустых болтунов. Состоявшиеся в жизни или начинающие, все – люди деяния. Тот, кто собрался и поехал

в неизвестность. Кто не смог быть равнодушными. Айтишники, врачи, бухгалтера, экспедиторы, бизнесмены, ветераны, пенсионеры и студенты. Миша, ветеран Афгана, приехал на своём авто из-под Мурманска. Дмитрий с женой, владельцы частной клиники, из Екатеринбурга. Конечно, и без Таганрога никак. Листаю свои фото – Аня из Нижнего передаёт что-то инвалиду-колясочнику, катившему мимо. Просто не смогла проехать. Закат, лучшее время для съёмки – тёплые тона побитой улицы, контрастные тени, микеланджеловское касание пальцев. На лицо колясочника нисходит свет, искря взгляд и вычерчивая внешность. И вдруг я понимаю, что это не только солнце, она, Аня, – тоже свет, без которого не блеснул бы это взгляд случайного человека, не исходило бы от фото такое тепло. Каждый вечер мы устраиваемся за своим длинным столом, чтоб, в прямом смысле, преломить хлеб, планируя завтрашний день. Наступает утро, пары экипажей разъезжаются. Впереди кварталы многоэтажек с пустыми глазницами и посёлки, которых нет. Там тоже должны быть люди. Устиновка, Чихирово, Новотошковское. «Есть кто живой? Люди есть?» – кричал я в руины и темноту погребов. Деревни стёрты с лица земли, население вроде бы покинуло их, но смотришь – там пасётся коза, там лает собака. Кажется, никого. Но находится, наконец, испуганная старушка, успокаиваешь, даёшь продукты, свечи, каких-то лекарств. И вот появляется у калитки ещё старичок, потом ещё семья неопределённого возраста, ещё кто-то. Как они продержались здесь? В какой щели, в какой лазейке пережили? Просто поразительно, как уцелевает и прорастает вновь жизнь в самых невозможных условиях. И так везде. Смотришь, руины. Но где трое, где и двадцать человек. Невольно задумываешься о непобедимости жизни. Ставим на карандаш, будем заезжать, может, соберём и на генератор.

Неужели мародёры, спрашиваю. Да, говорят. Ездят тут всякие. Случается и произвол, напоминающий наши 90-е. Пользуясь безвластием, бандитствующие пытаются отжимать оборудование или собственность. Военные и комендатура вмешиваются при обращении, но предотвратить не могут. Как ни больно это говорить, на многие километры здесь «Дикий Запад», где у кого сила, у того и власть, отсутствие государственных функций и страх с наступлением темноты. Вакуум твёрдой власти.

К кадровым российским военным нет претензий. Напротив, именно они первые исполняют роль гумвойск, сразу лечат, кормят, одевают, если надо эвакуируют. Раненых и больных на броне отправляют в госпиталь, где теми занимаются, невзирая на наличие документов. В гражданскую больницу здесь попасть очень трудно. Где стоит армия – население всегда накормлено, утеплено и подлечено. Но армия уходит вперёд. И если с системным мародёрством вроде бы покончено, то государственная структура выстраивается на прифронтовых территориях не быстро. Долго ещё людям приходится рассчитывать только на себя. Тут понимаешь настоящую роль волонтерства. Это не только накормить и утеплить. Люди получают внимание. Мы возвращаем их к себе. Пытаемся решить каждую конкретную просьбу. Люди не чувствуют себя брошенными, обманутыми, преданными.

«Затянуло тебя, брат, трудно будет вернуться», – заметил кто-то из наших. Странное дело. Я осознал вдруг, что содержание жизни стало абсолютно иным, нежели пару месяцев назад. Люди, их беды, чувства, тихие радости, конкретные задачи, многие из которых определяют чью-то жизнь или судьбу. Человеческие истории – страшные и сентиментальные.

Люди, их лица и голоса. Они приходят и уходят – радостные и несчастные. Иногда звонят, если позволяет связь. Бывает, напрягаешься, вслушиваясь в обрывки слов, пытаешься уловить главное, спрашиваю, скажите, мол, по слогам, что вам надо. Благодарим, спасибо вам, слышится в ответ. Стал замечать случайные слёзы. И собственные, и чужие. Сначала смущался, но однажды видел, как шмыгает носом суровый командир. Многие события проносятся так быстро, что не успеваешь и рассмотреть, но сейчас понимаю – никогда не чувствовал себя настолько живым. Прошлое стало казаться далёким воспоминанием. Нет мотивов держаться за него. Реальность превратилась в сетку решаемых задач, пропал привычный счёт времени. Затянуло.

У меня были тетради и ноутбук, надеялся писать если и не художественные черновики, то хотя бы заметки об увиденном. Однако оказалось столько работы, что к ночи с трудом добирался до койки и открывал глаза, когда слышал шаги проснувшихся. Не было сил на творческие муки и даже перелистывание новостей. Не знал, что отдали Херсон, пока кто-то случайно не сказал. Один звонок в день – единственное, что связывало с прежней жизнью. В миру у меня небольшая логистическая фирма, я хорошо управляюсь с людьми. Здесь попал в свою стихию – хаос товаров и заявок превращать в цепочки доставок, систематизировать задачи, заявки, маршрутные задания, упорядочивать склад, обслуживать машины. В общем, пытался делать, что умею, старался делать хорошо. Получилось не всё, но упрекать себя почти не в чем. Вроде бы оказался в нужное время в нужном месте. Но всё же есть досада, что много времени ушло на рутину, а вокруг настоящая, прекрасная и беспощадная жизнь во всей её полноте, на максимальной яркости. Человеческие чувства и горести, мощь и хрупкость, евангельское человеколюбие и чистое зло. Такого нигде больше не увидишь, таким не надышишься.

До поездки я с некоторым недоверием относился к аксиомам наших СМИ, вроде «ВСУ умышленно бомбит свои города» или «расстреливают мирных». Но раз за разом люди рассказывают одни и те же истории. «Вот, поставили арту в этих ангарах, заняли мой дом и двор, – поясняет предприниматель Огурчик из Вороново, – русские наступали только. Так вот, арту развернули и давай долбить Северодонецк. Я знакомым звоню, спрашиваю – прилетает? Они – ещё как. Из моего двора, говорю. А они – не может быть. Вот так-то». В это трудно поверить. Не укладывается в голове. Зачем? Весь Северодонецк подтверждает, что как только возникла угроза отступления, ВСУ стали лютовать по отношению к жителям. Расстреливали не глядя. Уходя, давили машины, которые не могли забрать, валили дома и жახали из танков по пятиэтажкам. Встречал женщину, ранее симпатизировавшую Украине, муж которой не пережил, что защитники разнесли их квартиру, прихватило сердце. Когда ВСУ отступили в Лисичанск, возвышающийся над Северодонецком, начался суший ад. Ровняли город наобум. Националистам есть за что ненавидеть город, эти годы все за глаза называли его «Сепародонецк» – в 2014-м здесь была самая высокая явка на референдум по отделению. Как понимаю, отступая, ВСУ считает территорию потерянной для себя, а оставшихся людей врагами (их называют «ждуны»). И досада их настолько велика, что стараются превратить утерянное в пыль. Жизнь оставшихся их не интересует.

Более того, мне кажется, что тут кто-то получал удовольствие от убийств. Многие проукраинцы сменили свои убеждения, увидев воо-

чию действия захисников. Доводы «я за вас, хлопцы, за Украину» не действенны. Остался – значит, предатель. Ставлю буржуйку старикам-заукраинцам – разговаривают со мной на более-менее понятном полтавском диалекте. Охают, признаваясь в симпатиях, но и жалуясь на прежних своих кумиров – солдаты, занимавшие их жильё, уходя, расстреляли квартиру – батареи, мебель, стёкла. Заявили: «Мы вас пожалеем, но скоро всё равно сдохнете, попомните ещё». Такая вот снисходительная жалость. Но повезло не всем. Что-то тут произошло – какой-то сбой развития цивилизации, какой-то дефект в эволюции человека. Будто что-то потустороннее вырвалось вовне. Жуткое перекопанное кладбище в Боровском, являвшееся опорным пунктом, – окопы, прибитые украшенные черепа, разложенные кости. Коллективные захоронения. Недалеко АЗС Укрнафта с надписью «Правый сектор» – в резервуарах казнённые мужчины с пакетами на голове (их трудно извлечь, давно б уже захоронили). Жители этой округи как один повторяют историю – ещё за два года до войны их посёлки и окружающий лес дважды умышленно поджигали. Ну ладно, говорю, бывает. Безумец какой-нибудь или экономические интересы. Нет, говорят мне, ты не понял – нарочно поджигали и закрывали блокпостами въезды и выезды, чтоб мы сгорели. «Правый сектор». Не может быть, говорю. Мотива нет. Но раз за разом люди повторяют эту историю. Не знаю, что и думать. «Это чистое зло. Оно здесь на свободе. Поверь, Женя, не все мыслят как ты», – говорит Сид, легендарный нацбол, повидавший в своё время всякое. Сегодня он волонтер, тоже не смог оставаться дома. Основание деятельности любой насильственной идеологии, говорит он, не постулаты идеологии, а склонность к насилию. По сути, садистский мотив. Вот, к примеру, русский вполне может боготворить Гитлера невзирая на то что собственная семья менее века назад пострадала от расизма. Тезиса «он был за чистоту белой расы» достаточно, чтобы оправдывать свою склонность к насилию. Остальное для адепта неважно. Власть над чьей-то жизнью, истязание и убийство – одно из самых сильных возможных переживаний психики. Вспомним, иногда дети с упоением мучают насекомых. Если такое не остановить, формируется потребность в своеобразном удовольствии. Момент всевластия. Найти подходящую идею недолго. Указание на приемлемую жертву и легитимизация насилия – большего не надо, поклонники найдутся. Украина создала такую идеологию. Россия, русские – и не люди вовсе, орки, подлежащие уничтожению. Любое насилие законно.

Вот кто-то скажет, что я тенденциозен. Скажу – да. Пусть я и мои дети не идеальны, пусть моя картина мира не совпадает с чьей-то, но я не считаю себя подлежащим уничтожению на этом основании. Меня, моих детей и сограждан считают недочеловеками, ошибкой, которую следует стереть. Украина создала систему, где человеконенавистничество является нормой. Баловство это всё, скажет кто-то, не обращай внимания, везде есть плохие люди, маргиналы, националисты. Нет. Это стало системой. Невозможно представить, чтоб у нас кто-либо призвал уничтожать финнов и их детей или, к слову, евреев на основании принадлежности к национальности, языку или государству. По крайней мере такие призывы наказуемы. Здесь безнаказанны, а то и поощряемы даже действия. Хочу, чтобы все читающие этот текст осознали угрозу – вас расчеловечили, вас приговорили. Убеждения и симпатии не имеют значения. Русские как национальность и как система межнационального сообщества приговорены к смерти. И под это дело вписались

серьёзные тяжеловесы. Вспомните западный мем «русские не улыбаются». Случайно ли многие десятилетия в содержание понятия «русский» вкладываются нечеловеческие черты? Типа есть люди, а есть «особенные», русские. Орки.

У населения, перешедшего под контроль России, вне зависимости от симпатий, проявляются некоторые абсурдные представления о России и русских. Например, сетуя на утрату имущества, всё же все удивлены, что орки не оказались паталогическими убийцами, а чеченцы никого не насилуют. Притом что у востока Украины сильные родственные связи с Россией, а многие мужчины ездили вахтовиками в Сибирь и на стройки в столицы, русская провинция представляется им тёмной ямой, в которой невозможны унитаз и интернет. Почти все убеждены, что русские очень ленивы, к тому же алкоголики, а нация вырождается. Слышал мнение, что мы захватываем Украину ради генофонда, сами уже рожать не можем. Также однажды собеседник апеллировал мне аргументом, что, мол, я не могу свободно говорить даже здесь с ним, потому что якобы боюсь последствий, ведь у нас царит тотальная диктатура, люди пропадают без суда и следствия, а меня всегда гложет страх.

Но даже оставаясь убеждёнными в своих иллюзиях, иногда обидных, иногда и возвышенных, абсолютное большинство населения желает прочного мира под русским флагом. «Правда вы нас не бросите?» – самый болезненный вопрос здесь. У всех перед глазами истории беженцев из Изюма, Лимана, Купянска. В некоторых посёлках они сейчас составляют до половины населения. Известия, которые они получили от оставшихся земляков, посеяли страх. Там произошло что-то ужасное. Даже геноцидом это назвать неправильно, потому что под угрозой все, невзирая на национальность и убеждения. Жители зажиточного, по современным реалиям, п. г. т. Новоайдар, у каждого из которых есть близкие, которые воюют на противоположной стороне (много лет дислоцировался большой гарнизон), уверяют: «Бог с ним, что у вас, россиян, невкусная еда, что нет газа и дикие цены, но только давайте уже навсегда. Наши нам не простят». В общем, как бы грустно ни звучало, стопроцентную поддержку России обеспечила здесь украинская армия.

Противник противостоит нам очень серьёзный. Враг всё видит и бьёт очень точно. По нашему посёлку прилетало трижды. Логика этих ударов мне не очень понятна, но бесспорно – куда целились, туда и попадали. Конечно, не говорю об этом жене. «Что это у тебя там стучит?» – спрашивает иногда. «Ветки по кузову бьют, ничего особенного». Когда «ветки стучат» особенно сильно, я и не беру трубку. Любимая сердится, конечно, но уже не требует, чтоб немедленно вернулся, не ругается, не плачет в трубку. Однажды тихо выдохнула: «Признайся, у тебя кто-то там есть?» Кажется, пора возвращаться.

Серебристый самолёт уносит домой. Вдруг обнаруживаю себя в мире, от которого успел отвыкнуть. Всё застыло на месте, ничего не происходит. А кажется, должно быть иным, ведь столько времени прошло, столько всего случилось. Но нет. Недельный цикл примерно одинакового набора событий и новостей. Всё размеренно, всё очень серьёзно. Проблемы и цели здесь очень сложны, теряются где-то вдали. При этом плоски, будто двухмерны. И понимаешь, что вообще-то, наверное, так и должно быть. Как иначе обеспечить неизменность мира, его основательность? И снова дети в счастливом угаре виснут на руках, заказчики тревожно осведомляются о возможных повышениях цен, сотрудники дисциплинированно выходят на линию, чтоб превращать

своё время в мои цифры. Жена, бывает, перехватывает взгляд, спрашивает, опять, мол, задумался о чём-то? Наверное, чувствует. Может, знает, когда закрываю глаза рядом с ней, в мой сон вливается свинцовая тяжесть Северского Донца. Двигутся тёмные воды, плыву среди песчаных берегов и обструганных сосен, взбираюсь на понтон переправы и дальше по битому асфальту, по всем своим местам, от самой Камышевахи до Кременной. Лица мелькают, не всех узнаю. Вижу себя снова на своём месте. Ожидающие глаза ребят-волонтёров. Все молчат, наверное, какой-то сложный вопрос, ждут моего решения. Сон обрывается в небытие, теряется знание, что же такое важное нужно было решить. Каждую ночь. Эти яркие образы могут показаться художественным вымыслом, но как есть – все сны до сих пор происходят там. Никуда я не уехал. Наяву день проходит в обычных заботах, но то и дело рука тянется к смартфону – просмотреть рабочий чат, узнать, что требуется на базе, полистать самые свежие новости с фронта, попереживать за ребят. Рядом декабрь стремительно несётся к новогодней кульминации. То тут, то там бахает пьяная петарда. Непроизвольно фиксируешь выход. Конечно, петарда. Чему же ещё здесь бахать? Ясное дело. Петарда. Наверное. Скорее всего. Листаю отчётные чаты группы, тихо завидую – ребята в облике Дедов Морозов и Снегурок объезжают всех детей, которых смогли найти. Абсолютно всех. Детишки, написавшие заранее письмо, получают мечтаемое, вне зависимости от цены. Сам подкидываю деньги. Есть тяжёлые просьбы. «Чтоб наступил мир, дали воду и свет и чтоб ко мне приехал мой племянник и старшая сестра потому что уже год...», «мне уже 11, я конечно не ребёнок, но хочу попросить...», «хочу большую игрушку и верни папу». Трудно спокойно читать эти неровные буквы. Вот уже на столе оливье и вино, но тем сильнее мысль о том, каково там. Новый год взрывается фейерверками, а в голове лишь: «Господи, как же похоже на Кременную, как же похоже, а ведь небось там сейчас так же кроют». Наступают дни, похожие один на другой. Кажется даже, всё это один день. Но однажды раздаётся звонок: «Можешь приехать? Очень нужен». Ничего не обещаю. Трудно снова надолго оставить всё. Родители, фирма, сотрудники и их семьи. И свои же дети. А с любимой даже страшно вопрос поднимать. Она что-то чувствует, держится настороженно на каждую новость. Вот и сейчас. «Ты же больше не поедешь туда, правда?» Смотрит не отрываясь. Ждёт ответа. Не знает, что я уже купил билет.

Руслан СЕМЯШКИН

Родился в 1983 году в Симферополе. Окончил Таврический национальный университет по специальности «история» и Одесский региональный институт государственного управления.

С публицистическими статьями и очерками печатался в журналах «Наш современник», «Простор», «Литературный Азербайджан», «Памир», «Политическое просвещение», «Известия СКП-КПСС», в газетах «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Красная звезда» и других.

Живет в Симферополе.

«ПИСАТЕЛЕМ РОЖДАЮТСЯ»

110 лет со дня рождения драматурга Виктора Розова

Удивительно цельной личностью был этот большой художник. И, возможно, кто-то даже вправе усомниться: а разве художник, мастер, творец во всей нерасторжимой совокупности этих понятий, может представляться нам иным? Несобранным, непоследовательным, лишенным мировоззрения, устоявших взглядов на жизнь, творческих интересов и пристрастий? Нет, наверное, не может, не должен... По крайней мере, очень бы не хотелось, чтобы нашими мыслями завладели те, кто таковыми являются. Впрочем, предваряя разговор о Викторе Розове, чье столетие со дня рождения пришлось на 21 августа текущего года, скажем прямо – он действительно был во всех отношениях гармоничным, целеустремленным, глубоким, высоконравственным, скромным человеком, гражданином, патриотом, гуманистом, стремившимся творить добро и распространять его повсеместно.

И добро Виктор Сергеевич, воспринимая его тонко, остро, но не наигранно и далеко не абстрактно, преподносил, разумеется, прежде всего в своих неустаревающих, продолжающих и сегодня волновать пьесах, давно ставших классикой отечественной драматургии. Но добро в его творениях не сводилось к этакому простенькому сентиментальному подходу, заключенному в незамысловатые сюжеты, испокон веков вращающиеся вокруг всем известной двухполярной оси между добром и злом. Потому-то, не отвергая сентиментальность как таковую, бывшую в его понимании проявлением сострадания и склонностью «проливать

слезы над несчастьем другого», драматург считал необходимым правдиво показывать современность, а уж в ней находилось место буквально всему: острым конфликтам и столкновениям, противопоставлениям характеров, борьбе за нравственную и идейную чистоту человека. Ну а в том, что за человека, его духовный, очень непростой, противоречивый мир стоит побороться, он никогда ни на йоту не сомневался, так как прекрасно понимал не только ранимое человеческое существо, но и досконально знал наличествующие в обществе закономерности человеческого общежития. Не идеальные конечно, однако не такие уж и плохие, чтобы напрочь их отвергать, не замечая в них ничего хорошего, духоподъемного и оптимистичного. В общем, всего того, без чего жизнь на земле Виктор Сергеевич себе представить просто-напросто не мог, да и, по всей видимости, не желал.

Изображать же современность, по определению Розова, возможно было лишь при наличии двух основополагающих начал. На первый план им выдвигалась правда, всеобъемлющая, основывавшаяся на той большой и малой жизненной правде, с которой отдельно взятый человек и общество в целом сталкиваются повседневно. С той, которую мы выстраиваем сами, и той, которая существует помимо нашей воли. Но, в чем твердо был убежден Виктор Сергеевич, правда жизни к драматургу не приходит самостоятельно, ее ему следует научиться подмечать, распознавать, анализировать. «Автор должен жить полной жизнью и бесстрашно. И много знать», – писал Розов в своей автобиографической книге «Путешествие в разные стороны».

Не сомневался Виктор Сергеевич в том, что без дополнительных знаний и постижения сути жизненных явлений писателю, а уж тем более драматургу, ставящему перед собой задачу представить написанную им историю на театральной сцене, никак не обойтись. «Подмечать черты людей, с которыми сводит судьба, видеть жизнь наиболее полно собственными глазами, ездить по стране, по всему свету, чтобы понять, как устроилось человечество на земле в дни твоей жизни и что ты можешь ему предложить для облегчения его существования. <...> Думаю, что наши современные драматурги тогда удивляют нас правдой жизни и открытиями, когда все, о чем писали, было перед их очами».

Но не все увиденное, изученное и обдуманное, тем не менее, как полагал драматург, следовало описывать. Оттого и говорим мы о второй характерной особенности творческого дарования Розова, заключавшейся в гражданственности его произведений. И опять же, если смотреть на этот аспект более широко, то, конечно, следует говорить о идейности всего им написанного. Да, именно об идейности и той социальной направленности, которая ей неизменно сопутствовала. А уж в том, что Розов был человеком по-настоящему идейным, глубоко убежденным в правоте идей социальной справедливости, по словам публициста Арсения Замостьянова, в 90-е годы «как назло, из идеалистов не дезертировавшим», сомневаться не приходится. Вспомним в этой связи его принципиальные суждения, высказывавшиеся в диалогах с Виктором Кожемяко и публиковавшиеся в «Правде», а затем и собранные в отдельной книге Виктора Стефановича «Свидетель века».

Розова всегда интересовали морально-этические вопросы. Собственно, без них рассматривать человека в конкретных ситуациях, порождавших затем и общественные явления, он не считал для себя возможным. Но и сам показ таковых, без выражения позиции автора, драматург также не приветствовал. «Первоначальным толчком для пьесы

считаю возникшую во мне мысль по поводу какого-либо явления жизни, – говорил Виктор Сергеевич. – Чаще всего эта мысль первоначально меня тревожит просто как гражданина. Что-то мне в жизни нравится, что-то не нравится, и я начинаю думать, как бы сделать так, чтобы то, что мне нравится, укреплялось и развивалось, а то, что не нравится, исчезло из жизни навсегда».

Прав в этом отношении и крупнейший театральный режиссер, педагог, художественный руководитель Российского академического молодежного театра (бывший Центральный ордена Ленина детский театр, на сцене которого в разные годы были поставлены многие замечательные пьесы драматурга), народный артист РСФСР Алексей Бородин, верно подметивший: «Он писал, конечно, про людей. И не писал однолинейно: правда-неправда, честность-нечестность, открытость-неоткрытость – как это делить на черное-белое? Он писал многогранно, его характеры были интересны, но он знал, на чьей он стороне. И понимал, что что-то в его пьесе может не понравиться или вызвать определенную реакцию. Но не уступал. Внешне будто бы мягкий, на самом деле он был очень жестким в плане нравственных понятий. Без вызова, без пафоса, но очень определенным. И, кажется, очень совестливым. Он жил, в каком-то смысле держа ответ перед собой. Не перед кем-то, оглядываясь, кто что скажет, а прежде всего перед своей совестью. И он сохранил себя до самого конца. В том числе эту абсолютность и уверенность в том, что он должен жить и действовать только так, как чувствует, и нравится это или не нравится кому-то – совершенно не важно».

Задачу постижения сущностных основ личности и раскрытия ее моральных устоев, нравственных ориентиров, гражданских взглядов на примерах конкретных жизненных обстоятельств, выполнять Розову, бесспорно, было не так-то и легко. Да и каких-то умозрительных, притянутых за уши, неправдоподобных и поверхностных заключений он как художник-реалист не признавал. К чему они, если сюжет той или иной пьесы не реалистичен и несовременен? А без постижения современности, считал драматург, ему и вовсе обойтись было никак нельзя.

«Часто в пьесах действуют современные персонажи, – писал Розов в 1959 году в статье “Часы раздумий”, – люди буквально сегодняшнего дня, и автор, чтобы мы не спутали, услужливо делает пояснение на первой странице: “Действие происходит в наши дни”; но отчего же, когда читаешь или смотришь эти пьесы, то все время ощущаешь запах нафталина?»

Это происходит оттого, что не подслушан, не уловлен ритм современности. Мне кажется, что именно ритма, пульса современности нет во многих наших пьесах. Именно он делает пьесу до конца современной, именно он и диктует нам настойчивые поиски новой формы. Его надо ловить всюду: на улице, в трамвае, на работе, дома – везде. Не поймавшему его рано писать пьесы на современную тему. Такие пьесы чаще всего будут трактатами по таким-то или таким вопросам».

Сказано, без сомнения, точно, но, позвольте, почему мы и сегодня пьесы Розова, написанные достаточно давно, но с успехом идущие в наше время на крупных отечественных театральных сценах, числим практически современными и лучшие его творения, как «Вечно живые», «В поисках радости», «В дороге», «С вечера до полудня», «Гнездо глухаря», до сих пор не потеряли своей актуальности и злободневности, терзающих нашу постоянно пульсирующую мысль?

Скорее всего, творчество Розова, создававшееся в определенное время и при совершенно ином общественно-политическом строе, следует

считать в должной степени созвучным дню сегодняшнему, в первую очередь в его глубинной, опорной и основополагающей проблематике. Ну, скажите, неужели нам безразличны и не интересны душевные метания молодого интеллектуала Володи из пьесы «В дороге»? Того самого, который любил «все хорошее» и не любил сантименты и для которого «все авторитеты относительны» и «жизнь должна быть чистой»? А разве мы с вами воочию не представим картину из пьесы «Традиционный сбор», в которой нам встречается целая галерея выразительных человеческих характеров? И в которой мы наблюдаем некий срез многих сложившихся судеб, когда-то собранных в одном классе и прошедших через испытания и соблазны, вынуждавшие идти на компромиссы с совестью? Что и говорить, такие жизненные явления, талантливо, выразительно, вдумчиво и обстоятельно отраженные Розовым, совсем не устарели, не канули в Лету, не стали для нас непонятными и бессмысленными. Не даром же, следуя заветам драматурга, мы, вновь и вновь просматривая его замечательные спектакли, пытаемся взглянуть на жизнь, «так сказать, в ее рафинированном виде». Взглянуть, вникнуть, задуматься, соглашаясь с Виктором Сергеевичем, говорившим, что у человека «одна жизнь, и ничего больше», и постараться понять ее непреходящие смыслы, зачастую нами трактуемые слишком поверхностно, отвлеченно и просто. Так до обидного просто, как, согласно мировосприятию Розова, быть не должно, ведь человек – существо разумное, наделенное талантами и способное принимать серьезные и судьбоносные решения. Те самые, от которых напрямую зависит вся его земная жизнь... Жизнь, которую выдающийся драматург и патриот России призывал проживать осознанно, полнокровно, в любви и согласии, в труде и мире, с высоко поднятой головой, честно, достойно, по-людски.

Отличало Розова и то, что он являлся художником всецело русским, советским, и этой принадлежностью к земле предков и великой культуре нашего народа чрезвычайно гордился. Посему и произведения им писались прежде всего для своего, отечественного зрителя. Хотя нельзя не сказать и о том, что многие его пьесы успешно шли на театральных сценах зарубежных стран, и не только из социалистического лагеря. Розова также ставили в Великобритании, ФРГ, Италии, Швеции, Японии. И все же вдохновение он, побывав во многих странах мира, черпал дома, в горячо любимой им России. «Я бы никогда не написал пьесу “Вечно живые”, а потом и сценарий “Летят журавли”, если бы сам не побывал на фронте и в госпитале, не видел тех людей, – напишет драматург в своей книге воспоминаний “Путешествие в разные стороны”. – Просто у меня смелости не хватило бы. Конечно, материал надо не только знать, но и прочувствовать. Сколько я ни езжу по разным странам мира, но и в мыслях у меня нет написать пьесу из чужеземной жизни. Я много видел, много знаю, но не чувствую, что называется, всем сердцем той, чужой жизни. В нашей – многое чувствую, но не все понимаю, отчего тоже о каких-то явлениях не могу писать».

«Чужая», заграничная жизнь Розова не прельщала. Своя же, советская, а позже российская, и вправду не во всем им улавливалась, понималась и, соответственно, не всегда и приветствовалась. Потому и не писал Розов на темы ему мало знакомые и его не волновавшие. Да и не стремился он быть таким всезнающим толкователем жизни во всех ее проявлениях. Незнакомые ему сферы он в одночасье наскоком не осваивал. Всеядность в творчестве Розову претила. Художник по сути национальный, но интернационалист по духу и убеждениям, он работал

над раскрытием тем вненациональных и даже вневременных, но однозначно зарождавшихся на русской земле и в тех хорошо знакомых ему условиях, постижению которых драматург и посвятил более чем полувековой период своей непростой, но яркой и богатой на впечатления жизни.

Будучи уже тяжелобольным, но искренне сопереживая за будущее России, за ее культуру, духовность, за русскую речь и судьбы новых поколений, Виктор Сергеевич в больничной палате надиктовал и такие слова, ставшие его духовным завещанием: «...Нужно всем вместе выстоять в это трудное время и продолжить бороться за русскую речь, за чувство долга, за доброту и очистить от скверны сцену и особенно телевидение...

С этим “чудовищем” всем нам необходимо бороться. Необходимо создать на телевидении новые программы, а точнее сказать, вернуть забытое старое, необходимо возродить встречи с корифеями сцены, возродить “Литдраму”, “Театр у микрофона”, больше для детей нужно показывать сказок, ведь в сказках и борьба со злом, и правда жизни, и героизм, и любовь к Отчизне, и к матери, и к брату, и к природе, и... даже к маленькому зверьку... Создавайте атмосферу дружбы и любви друг к другу, почаще собирайтесь вместе с молодежью, вливайте в их умы только хорошее, доброе, умное».

Такое трепетное отношение к родной стране было для Розова предельно естественным и органичным. Слова же из приведенного духовного завещания лишь ярче высвечивают сущность этого большого художника и патриота, необычайно честного по отношению к своему государству и его народу. И, что характерно, таким честным и принципиальным человеком, гражданином, творцом драматург был всегда, с молодых лет, пронеся в себе беспредельную веру в Отечество, справедливое государство, его институты, культуру и искусство, литературу и театр. При сем очевидно и то, что эта неизбывная вера Розову по жизни помогала, ведь и ему, даже в то время когда он стал признанным и авторитетным драматургом, удостоенным Государственной премии СССР и других высоких государственных наград, приходилось сталкиваться с определенными трудностями, косностью мышления оппонентов, их откровенным примитивизмом, цинизмом и высокомерием. С горечью наблюдал он и за теми, кто заразился зазнайством, беспардонностью, чванством и другими пороками, накрепко завладевшими этими слабыми и безвольными людьми, рабами собственной мещанской глупости, жадности, корыстолюбия. Разумеется, с подобной людской скверной Розов всеми силами боролся и в своих сочинениях, отличавшихся остротой и бескомпромиссными исчерпывающими оценками.

Каждому крупному художнику, известное дело, присущ свой творческий почерк. Был он и у Розова, мастера, сознательно избегавшего эпических полотен и пафосных реляций. И, наверно, не потому, что он не смог бы написать, к примеру, героическую драму. А, напротив, оттого, что, имея за плечами богатый жизненный опыт, пройдя через горнило войны, Розов тяготел к другим сложным коллизиям, ставившим во главу угла человека, и совсем не обязательно героического, а вполне обыденного, со своими достоинствами и недостатками, радостями и огорчениями, возможностями и стремлениями. Человека, взглянуть на которого было также необходимо, тем паче что советская действительность давала драматургу богатый материал для размышлений, художественных обобщений и соответствующих выводов, в верности которых он не старался кого-либо настойчиво переубеждать. Пускай,

полагал Розов, каждый в зарождавшихся оценках разберется сам. Так оно и практичнее, и надежнее, и результативнее. Потому, вне всякого сомнения, массовый зритель практически безоговорочно и принял его пьесы «В добрый час!», «Вечно живые», «Неравный бой», «В поисках радости», «Страница жизни», «В дороге», «В день свадьбы», «С вечера до полудня», «Традиционный сбор», «Затейник», «Ситуация», «Гнездо глухаря», что не заметил в них фальши, пустой болтовни, надуманных конфликтов, призрачных иллюзий, мелких страстей, сентиментальной обывательщины и поверхностных заключений, которых, к слову, Розов в своем творчестве не допускал.

О выдающемся даре познания человеческих характеров, присутствовавшем в Розове на протяжении всей долгой его творческой жизни, емко и справедливо высказался и народный артист СССР Олег Ефремов: «Пожалуй, нет в нашей драматургии писателя более традиционного, спокойного, уравновешенного, если хотите, воинствующе немодного. И действительно, он всю жизнь проходил в одном пиджаке, всю жизнь говорил одни и те же слова. А между тем совершенно ясно, что мы имеем дело не только с известным драматургом, но и с таким писателем, который всегда был впереди. Вот это внутреннее новаторство Розова при абсолютной внешней “консервативности”, пожалуй, главная черта его писательского облика.

В самом деле, разве не с розовских пьес, в частности, началось обновление нашего театра в середине 50-х годов? И разве не розовские герои с наибольшей полнотой и глубиной выразили последующие изменения в нашей жизни и в характере современного человека? Уяснив все это, нетрудно понять, почему “Современник” начался с Розова. <...>

Розов обладает самым важным писательским даром: он сначала видит человека, а потом проблему, он любую проблему решает только через человеческий характер.

Говорят иногда, что Розов сентиментален. Говорят еще, что он моралист. Это правда. Только эти его свойства проистекают не из равнодушия, а из страсти, из желания, чтобы театр был не пустячным делом, чтобы он заставлял людей думать, плакать, смеяться.

Виктор Сергеевич остается тем же порядочным человеком, каким был всегда, каким был в годы войны, когда пошел на фронт добровольцем и получил ранение. Он остается порядочным человеком – поэтому он остается писателем, которому можно верить.

“Если ты честный человек, ты должен”, – так говорил доктор Бороздин из “Вечно живых”. Это – формула розовской жизни в искусстве, обращенная ко всем нам».

Да, Розов являлся именно тем писателем, «которому можно верить». И, добавим, нужно верить. Всенепременно нужно верить, верить сейчас, в наше непростое время, и уже хотя бы с той целью, чтобы посмотреть на жизнь, на людей, на человеческие взаимоотношения и конфликты с несколько иного ракурса. А уж тогда, когда вашему взору откроются розовские светлые образы и его художнические открытия, помноженные, естественно, на идейные оценки и напутствия, которых он твердо и последовательно придерживался, – вы сможете, пожалуй, приоткрыть дверь не только в большую и гуманную, воистину жизнеутверждающую советскую драматургию, но и в огромный внутренний мир самого Розова. Мир, вроде бы досконально изученный, не единожды подвергавшийся серьезным исследованиям, описывавшийся профессиональными критиками, литераторами, режиссерами, артистами, да и просто неравнодушными

гражданами. Большой розовский мир, о котором, кажется, известно практически все. Но, и, без сомнения, мир, так нами глубоко и не постигнутый, таящий в себе немало загадок, требующих своего разрешения. Ведь, согласитесь, более чем девяностолетнюю жизнь прожил не только добропорядочный, высококультурный, скромный Розов-человек и выдающийся художник-гуманист, но и Розов-гражданин и патриот, защитник и подвижник русской советской цивилизации и ее государственности, советского образа жизни и тех подлинных культурных ценностей, над формированием которых и он здорово потрудились. И посему хочется верить, что розовский юбилей выполнит одну из главных своих миссий, заключающуюся в привлечении к имени писателя, к его неустаревающему творчеству новых пылких читателей и зрителей, которые, убежден, навсегда присоединятся к тем, кто Розова знает давно, кто воспитывался и вырос на его произведениях, раз и навсегда повлиявших на этих людей, остающихся драматургу и до сих пор благодарными.

И все же возможно ли постичь мир Розова во всех его измерениях? Нет, невозможно. Ну как, разрешите спросить, можно, допустим, понять писателя, долгие годы руководившего семинаром в Литинституте имени А.М. Горького, а с 1973 года бывшего к тому же и профессором этого главного писательского учебного заведения, передававшего молодым основы драматургического мастерства, но уверовавшего в то, что научиться писательской профессии нельзя? Нельзя – так как писателем, в чем Виктор Сергеевич нисколько не сомневался, следует родиться. «...писателем рождаются, – считал Розов. – И никакие силы не могут сделать человека таковым, если он не наделен писательским даром. И слово-то какое подходящее: дар. Человек не сделал даже минимальных усилий, он получил этот дар при рождении. И если говорить о писательской учебе, то подобное понятие в определенной степени условно. Научить писать пьесы, стихи или прозу нельзя. Сколько бы человек ни тратил усилий на эту учебу, как бы расприлежно ни занимался, какое огромное количество книг ни прочел бы, как бы внимательно ни изучал жизнь во всех ее ипостасях, усилия его не увенчаются успехом. Он может даже “научиться” писать пьесы. В конце концов, чтобы сочинить пьесу, достаточно грамотности и некоторых усилий, но его творения будут сочиненными, а не рожденными. Художественные произведения рождаются, а не придумываются, и акт их рождения подобен таинственному акту рождения живого существа. Умом не рожают».

Писательский дар – явление, конечно, удивительное, однако все-таки не бесспорное и не однозначное. И вряд ли при этом стоит сомневаться, что Розов был им сполна наделен, и причем с самых ранних своих лет. Уроженец Ярославля, воспитывавшийся в интеллигентной семье, он уже в шестнадцать лет в Костроме вступает в театр рабочей молодежи – ТРАМ, а в 1934 году поступает в училище при Театре Революции в Москве. И, возможно, профессиональная сцена тогда потеряла яркого и талантливого актера, но литература, драматургия, театр, вне всякого сомнения, приобрели писателя, в буквальном смысле перевернувшего, обогатившего, расширившего советскую драматургию, придавшего ей новое многоголосое звучание, хорошо, к счастью, слышное нам и сегодня.

Звучание розовских творений безумолчно и неостановимо. Мелодика духоподъемных историй и нравственных уроков Розова с годами, словно выдержанное вино, лишь наполняется палитрой новых звуков и красок. Не напрасно же он подчеркивал, что перед автором всегда при-

сутствует «чистый ровный белый лист бумаги, на нем не спрячешься, на нем пишется только самое искреннее. Малейшая фальшь, ничтожнейшая ошибка обнаруживаются сразу же, явно. Фальшив писатель – и эта фальшь так и бьет с листа. Откровенен – и это с первой строки».

Откровенность, открытость, искренность Розова не подлежали сомнению. И таковым он воспринимался выдающимися мастерами театра и кино, среди которых следует выделить Марию Кнебель, Наталью Сац, Анатолия Эфроса, Константина Шах-Азизова, Михаила Калатозова, Олега Ефремова, Олега Табакова, Татьяну Самойлову. Открытым, но не навязчивым он виделся и читателями, зрителями его спектаклей, кинофильмов. И даже всем своим внешним видом Виктор Сергеевич излучал эту поразительную открытость, подкрепленную некой чинностью, сдержанностью, тактом, высокой культурой, но если позволяли обстоятельства, то и добрым юмором, способностью иронизировать.

Розову посчастливилось прожить продолжительную, интересную, яркую и светлую жизнь. Но была ли она, что называется, безоблачной, дарившей лишь положительные эмоции, признание, достаток и возможность жить содержательно, творчески, без каких-либо потрясений? Ответ на данный вопрос, полагаю, очевиден. Но, как бы там ни было, Виктор Сергеевич никогда не показывался ни в образе этакого самодостаточного и успешного писателя, претендующего на всеобщее внимание к своей персоне и способного выступать в качестве вершителя людских судеб; ни в облике всем недовольного, сетующего на превратности судьбы творца, чей голос в обществе неслышен. Крайностей подобных Розов избегал, да и элементарная скромность, а также чувство меры не позволяли ему как-либо себя выпячивать. Прямо скажем, работать на публику ему было ни к чему. Оттого и видится он нами личностью самодостаточной, сильной, волевой, презиравшей мелочность, равнодушные, чванство, самолюбование и ложь.

О Викторе Розове можно очень многое рассказать. Благо он сам оставил о себе содержательную и трогательную книгу воспоминаний «Путешествие в разные стороны», не единожды со времени первой публикации вновь издававшуюся. Немало о нем написали критики и профессиональные литераторы, мэтры отечественного театра и кино. Но смогли ли все они в должной мере раскрыть существо этого столпа советской драматургии, радателя земли русской и ее восхитительной, самой высокодуховной и высоконравственной культуры? Тем более что у каждого из них был свой неповторимый Розов? Такой, какой он им был знаком лично и по его произведениям. Такой, каким они его понимали и каким хотели о нем рассказать. Посему то, что поведать нам они не успели, давайте постараемся восполнить сами... Для этого по большому счету у нас с вами имеется немало возможностей – розовские творения современным театром востребованы. А значит, внеземная жизнь Виктора Розова, в юные годы грезившего выиграть в лотерею Осоавиахима кругосветное путешествие, которое он тогда не променял бы ни на какие деньги, – продолжается. И путешествует он вместе со своими всегда актуальными и неустаревающими произведениями, словно наконец-таки выиграв невременной, постоянно действующий лотерейный билет, уже далеко-далеко, где-то там... вне планетного пространства, во времени, которое над ним, к нашей радости, не властно...

Эдуард КУЗНЕЦОВ

Родился в 1941 году в Горьком. Окончил химический факультет Горьковского госуниверситета и более 40 лет проработал на Горьковском автомобильном заводе.

Крупнейший в России коллекционер пародий, эпиграмм, шаржей, исследователь сатирических жанров, автор 12 книг по этой тематике и более сотни статей. Лауреат премий имени Горького (2006, 2012) и «Бриллиантовый Дюк» (Одесса, 2013).

Живет в Нижнем Новгороде.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ИГРЕ

105 лет со дня рождения Бориса Заходера

Во всех справочниках Борис Владимирович Заходер (1918–2000) представлен как поэт и переводчик. Для большинства же читателей нашей страны он остаётся детским писателем, с чьими весёлыми стихами и сказками начинали знакомиться в далёкие дошкольные годы.

За свою жизнь Заходеру пришлось поменять немало адресов: он жил в Молдавии, в Одессе, Москве, Казани, Подмосковье. Жить в Горьком ему не довелось, но с городом он оказался связан опосредованно. Его дед Борух Бер-Залманович Заходер был первым казённым раввином Нижнего Новгорода. В 1883 году на собранные им среди прихожан пожертвования была открыта первая в России синагога. Она была построена по проекту И. Неймана и находилась там же, где и сейчас, – на улице Грузинской. Раввин стал известен не только тем, что построил синагогу раньше, чем в Москве и Петербурге, но ещё и организацией училища для бесплатного обучения еврейских детей бедняков, ремонтом кладбищенских сооружений и прочими добрыми делами.

Писателем Борис Заходер становиться не собирался. С детства он довольно серьёзно увлекался биологией, позже учился на биологических факультетах Московского и Казанского университетов. Но семейные традиции, связанные с литературой, сделали своё дело. Его дед (о котором уже упоминалось) печатался в российской прессе и на русском, и на еврейском языках, переписывался с В. Короленко. Его мать работала переводчицей и знала несколько иностранных языков. Его первая жена была дочерью писателя Ефима Зозули. Так или иначе, в 1937 году в журнале «Затейник» были напечатаны его первые стихи, а в 1938 году он поступил в Литературный институт.

К концу жизни Заходер был автором многочисленных книг, сборников стихов, переводов, лауреатом многих премий. Его смело можно назвать классиком детской литературы. Начинал он с публикаций в газете «Пионерская правда» и журнале «Мурзилка», писал и в стихах, и в прозе сказки, пьесы, сценарии. Благодаря его переводам и пересказам читатели нашей страны узнали и полюбили такие книги, как «Винни-Пух и все-все-все», «Мэри Поппинс», «Питер Пэн», «Приключения Алисы в Стране чудес»...

В отдельные периоды у Заходера выходило по несколько книжек в год, но случалось, что публикаций подолгу не было. Тогда он проявлял себя иным образом: писал тексты песен, много работал с мультипликаторами, сочинял пьесы для детских и кукольных театров и даже либретто к опере. Впрочем, о всех своих литературных ипостасях с присущим ему юмором он сказал сам:

В литературе сверх всякой меры
Буквально кишмя кишат Заходеры!

Смотрите сами: вот есть, например,
Детский писатель Борис Заходер.
Есть переводчики – взрослый, детский,
Польский, английский, чешский, немецкий...

У всех у них разные интересы,
Хотя они все как один Борисы:
Один Заходер сочиняет пьесы.
(Его, очевидно, волнуют актрисы!)

Тот пишет сказки про разных тварей,
Тот норовит смастерить сценарий;
Есть среди них даже автор либретто.
Тут не хватало только поэта!..

Ради справедливости надо сказать, что как писатель для взрослой аудитории Заходер стал известен позже – лирическими и философскими стихами, переводами Гёте и другими произведениями. Но, конечно, более всего он прославился как детский поэт. Заходер был большим выдумщиком, он предлагал в стихах детям удивительный мир – цветной, радостный, весёлый, придумал волшебную (но одновременно и реальную) страну Вообразию:

Там царствует фантазия
Во всём своём всеилии;
Там все мечты сбываются,
А наши огорчения
Сейчас же превращаются
В сплошные приключения!

Можно сказать, что всё его творчество было неким приглашением к игре, причём к игре и в шутку, и всерьёз. Почти всегда за волшебными игровыми ситуациями просматривались явления реальной (далеко не сказочной) жизни. Именно потому, что в его стихах подразумевалось не только то, что было написано, они одинаково привлекали и детей, и взрослых. Заходер заставлял задумываться над, казалось бы,

простыми явлениями, призывая к пристальному вниманию ко всему окружающему:

...Возьмём это самое слово опять,
Зачем мы его произносим,
Когда мы свободно могли бы сказать:
«Ошесть», и «осемь» и «овосемь»?

Молчит этажерка, молчит и тахта –
От них не добиться ответа,
Зачем эта хта обязательно та,
А жерка, как правило, эта?..

За этими словами-перевёртышами открывается необъятность мира, неоднозначность понятий, возможность многообразного восприятия сущего – каждого по-своему.

Заходер начинал свою поэтическую деятельность тогда, когда шли жестокие споры о путях литературы для детей. Однозначно была неприемлема та литература, что сформировалась до революции. Её чрезмерную сентиментальность и сюсюкающие интонации высмеивал ещё Саша Чёрный:

Солнышко чмокнуло кустик,
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...

Борьбу за новую детскую литературу начал К. Чуковский своим «Крокодилом». Она проходила в сложных условиях. Критики (в том числе Н. Крупская) обвиняли писателя в тарабарщине, пустословии и даже в буржуазности и антисоветизме. Ретрограды от детской педагогики много лет портили кровь любимым детским писателям – и Чуковскому, и Маршаку. Мешали они и выходу в свет книжек Заходера. Затяжные конфликты с чиновниками от литературы, с идеологическими цензорами приводили к длительным перерывам в публикациях. Случались такие времена, когда на жизнь поэту приходилось зарабатывать разведением и продажей аквариумных рыбок. Понимая политику распределения ролей в системе идеологических ценностей, Заходер с горечью писал:

Чем хуже ты пишешь,
Чем хуже рисуешь –
Тем больше ты публику
Интересуешь!

Да и путь к популярности в современном мире он определял вполне конкретно:

И, кстати, помни:
Небольшой скандал
Порой
Важней всего, что ты создал.

Большой шутник и остролов, Заходер мог выражать своё мнение по разным поводам с помощью стихотворных миниатюр, называемых

им «заходерзостями». Но в ответ на публикации и ему порой приходилось получать отклики в таких же дерзких «упаковках». Возникновение сатирических реплик и пародий, конечно же, в первую очередь означало, что его произведения не остались незамеченными и вызвали живой отклик. Но вместе с тем сатирики чётко замечали и раз от раза повторяющиеся в его стихах особенности. Например, если Заходер начинал какие-то перечисления, то уже не мог вовремя остановиться. Если речь заходила о птичьей стае, то упоминались воробьи, чижи, галки, сороки, стрижи, щеглы, вороны, синицы, голуби, скворцы (как тут не вспомнить о любви Заходера к животным, о его учёбе на биофаках Московского и Казанского университетов), если говорилось о зверях-музыкантах, то появлялся медведь с контрабасом, волк с баяном, лиса-пианистка, барсук-тромбонист, зайцы-барабанщики, ежи с балалайкой, белки с тарелками – и так без конца. Причём иногда в перечень попадали предметы или явления алогичные, не связанные друг с другом смысловыми понятиями или даже противоречащие друг другу. Перечислялись компании, невероятные по подбору участников, приглашённые например мартышкой на новоселье: тушканчик, жираф, бегемот, зебра, мышка, слон, антилопа, черепаха... На этом фоне вполне оправданными казались пародии вроде той, что написал А. Хорт:

Жил на свете
не слоненок,
не тигренок,
не мышонок,
не цыпленок,
не ягненок,
не волчонок,
не утенок,
не теленок,
не бобренок,
не опенок,
не масленок,
не орленок,
не лосенок,
а ужасный поросенок.
Тут и списочку конец.
Кто дослушал —
молодец.

Игра в перечисления, в перекликающиеся звукосочетания бесконечно завораживала Заходера, затрудняя самокритичную оценку написанного. Но то, что не замечал автор, немедленно замечали пародисты. Лейбсон в своей на первый взгляд безобидной подражательной пародии откровенно показал, как могут из ничего создаваться сюжеты, как стих может не нести никакой смысловой или информационной нагрузки:

Рак
Никак
Не разберёт:
Как –
Назад
И как –
Вперёд?

Или всё наоборот:
 Раки –
 Озорной народ,
 Переходят
 Речку вброд,
 Хоть и задом
 Наперёд.

Прославился Заходер великолепными переводами. Он радовал и удивлял своими нестандартными переложениями детских произведений иностранных авторов, ставших мировой классикой, долгое время остававшихся недоступными русскоязычным читателям. Он перевёл, адаптировал, пересказал, интерпретировал стихи А. Милна, Л. Кэрролла, Ю. Тувима и многих других, сделал их на всю жизнь любимыми для целых поколений. «Винни-Пухом» зачитывались, его заучивали наизусть, многие его фразы в афористическом переложении Заходера превращались в пословицы и поговорки. Эти переводы не всеми воспринимались однозначно: были мнения, что они порой грубоваты, однообразны, многословны... Кто-то неизменно поддерживал Заходера, кто-то, не имея ничего против его переводов, удивлялся столь интенсивному наступлению поэта на классиков западной литературы.

А. Житницкий:

Закрываю огорчённо
 Свежий номер «Пионера» –
 Нет опять «Декамерона»
 В пересказе Заходера!

Упрёки по поводу заплонивших детскую поэзию (оригинальную и переводную) стихов с пустословными созвучиями делались неоднократно, в том числе и в адрес Заходера. Вальшонок, пародируя шушмельки Винни-Пуха, позволил себе сделать хоть и шуточный, но колкий выпад:

Не придумал бы, хоть тресни,
 ни Шекспир такие песни,
 ни великие поэты
 Фет, Дементьев, Искандер...
 Сочинить сумел всё это
 За-
 хо-
 дер!

Пародия не могла не привлекать обладавшего саркастическим складом ума Заходера. Тут надо оговориться: многое из того, что было им создано (не как детским поэтом), долго не попадало на печатные страницы. Что-то для этого и не предназначалось, чему-то путь был закрыт из-за чрезвычайной остроты, чему-то ещё не пришло время. Так, остался за бортом публикаций цикл его пародий «У попа была собака». В него входили пародии на популярных в 1950-е годы А. Вертинского, К. Шульженко, Р. Бейбутова, Л. Лядову, Л. Утёсова, Л. Русланову, В. Канделаки...

На А. Вертинского:

В бананово-лимонной загранице
В Ницце,
В дешёвом электрическом раю
Лиловому аббату часто снится,
Что он убил собаченьку свою.

Когда над синим морем пела вьюга,
Юга,
Когда мерцало небо, как опал,
Он своего единственного друга
Убил и в эту землю закопал.

Цикл этих пародий великолепно исполняла вторая жена поэта – Кира Смирнова, за что и получила премию на первом фестивале «Театральная весна» 1956 года.

Благодаря натянутым отношениям с вышестоящими инстанциями Заходер чувствовал себя вне общего русла советской литературы. В день 70-летия Григорий Остер неслучайно поздравил его с «неполучением государственных премий, незаниманием никаких должностей, постов и неучастием в длинном ряду громких событий общественно-политической жизни последних 50 лет текущего века». Именно этим объясняется и его нежелание получать присуждённую ему в 2000 году Государственную премию. По словам его третьей жены (оставившей о нём интересные воспоминания), только чтобы не обидеть людей, хлопотавших за него и проделавших большую работу, он вынужден был согласиться на её получение¹. Но и тут не отказал себе в удовольствии прокомментировать это стихотворно и ехидно:

Отныне я лауреат!
Могу сказать: – Я очень рад,
Хотя и получил я лавры –
От Мавры².

¹ Вообще он был лауреатом нескольких премий, полученных после перестройки. А ранее, в 1978 году, ему за пересказ «Алисы в стране чудес» была присуждена Международная премия им. Г.Х. Андерсена, но на её вручение его не выпустили за границу (диплом кто-то привёз).

² *Мавра* – с греческого «чёрная», «тёмная».

Любовь РЫЖКОВА

Родилась в Небит-Даге, окончила филологический факультет Туркменского госуниверситета им. А. М. Горького в Ашхабаде. С 1984 года живёт в России. Работала преподавателем русского языка и литературы, директором Дома культуры, корреспондентом, редактором газеты, проректором по научной работе вуза. Кандидат педагогических наук.

Автор более 40 книг (поэзия, проза, литературоведение, словари, для детей, шрифтом Брайля). Лауреат международных и всероссийских литературных и научных конкурсов.

Член Союза писателей России. Живет в Рязани.

ПРОПИТАННЫЙ МАЕМ

О творчестве Александра Ананичева

«Всё возможно чувственному слову...»

Предисловие о радостном открытии «неузнанных песен»

Когда человек берёт в руки гитару, я сразу внутренне съёживаюсь, потому что боюсь, что сейчас услышу два-три банальных аккорда, немелкую игру и самое главное – попытку скрыть за непрофессиональным брэнчанием безграмотный текст. Я очень настороженно отношусь к бардам и авторам-исполнителям. Сколько их таких – претенциозных «анахоретов» слоняется в поисках слушателей или, как сейчас говорят, свободных ушей. Согласитесь, за громкостью гитарных аккордов легко скрыть поэтическую бесталанность, творческую немощь и отсутствие вкуса.

Но, услышав исполнение А. С. Ананичева, я сразу успокоилась. Потом напряглась. И наконец, стала со вниманием вслушиваться в текст. Признаюсь: раньше я не читала его стихов и не слышала его песен. И потому его творчество стало для меня радостным открытием. Дома я открыла подаренную Александром книгу «Неузнанные песни» и погрузилась в его мир... Сразу скажу: в книге стихи расположены в хронологическом порядке, что очень важно для понимания творчества поэта, попытки увидеть его рост, эволюцию, движение по пути вверх или, наоборот, отметить его нисхождение. Бывает и такое.

Что-то здесь мы увидим? И хотя вначале попадались не просто традиционные, но несколько стёртые от частого употребления образы

(«светло-синий плат небесный») и неточные рифмы (нетрезвый – небесном, когда – лета), но затем они почти исчезли, стали попадаться всё более и более удачные строки, строфы, стихотворения. Некоторые строки как-то легко запоминались сразу: «Везде охотно платят палачу», «Шумел вокзал чужими поездами»; «Морем пропахшее имя твоё», «Свирипствуют на свете неправда и война»; «Нельзя твоей дотронуться руки, но всё возможно чувственному слову». Некоторые строфы хотелось повторить: «Я смотрю удивлённо и грустно окрест: / Полстраны в телогрейки одето, / На костлявых плечах – искупительный крест / За себя, за отца и за деда».

Из обративших на себя внимание стихотворений следует называть «По дороге в Америку»; любопытным показалось и стихотворение «Остановившееся время», где поэт, по сути, спорит с Гёте, противореча его знаменитой фразе «Остановись, мгновенье, ты прекрасно...». Наш поэт не приемлет этой мысли и считает, что остановившееся время несёт в себе нечто противоестественное и даже страшное: ведь в этом случае влюблённые никогда не испытают всей радости любви, несчастные невольники не познают вкус свободы и т. д. И вечность, по его мнению, останавливать ни к чему, она должна жить в любящем сердце.

По мере чтения постепенно стали вырисовываться предпочтительные автору темы, выбираемые им средства выразительности, любимые виды строф, художественные приёмы, и на всём этом фоне стало проявляться лицо поэта или скажем более корректно, характер его лирического героя. И наше внимание сосредоточилось на другом.

«Упованье на русское солнце»

Гражданская лирика

В творчестве Александра Ананичева прочное место заняла гражданская лирика, что нашло отражение в таких стихотворениях, как: «Наёмник», «Пограничная», «Ветеранам», «Дыханье войны», «Новая Голгофа» и многих других. В стихотворении «Наёмник» читаем: «И кто поссорил нас? Прибить бы эту суку, / Мечтающую только об одном, / Что мы в бою слепом когда-нибудь друг другу / Из ненависти глотки разорвём». Сейчас, когда сатанинские силы вновь сталкиваются на военной арене родственные народы, это стихотворение звучит особенно актуально. В стихотворении «Ветеранам» остро и пронзительно звучат строки, обращённые к тем, кто... не ценит подвиг ветеранов Великой Отечественной войны: «Они спасли от Гитлера Москву, / А вы её Иуде предаёте». Ужели такое возможно? Увы... Хотя ещё лет десять-пятнадцать тому назад трудно было представить подобное, но в эпоху перевёрнутых ценностей появились те, которые пытаются пересмотреть итоги и значение Великой Отечественной и Второй мировой войны. И не только пытаются, но нагло навязывают всему миру своё лживое и опасное мнение.

Актуально звучит и стихотворение «Родня», повествующее как будто бы о разногласиях в отдельно взятой семье («Развела нас лихая пора...»), но это – свидетельство раздора, отхода от исконных родовых традиций, прежде всего в обществе. Семья – лишь его маленький, но очень показательный срез. Вот как он пишет: «Под иконы нечистый пролез: / Зять – католик, свояк – экстрасенс, / У сестры – белой-белой,

как снег – / Подрастает сынок Джанибек». Да, этот разлад – отражение тех процессов, что происходят в нашем больном социуме.

Остро переживает автор и крушение Советского Союза, когда несколько человек буквально взмахом ручки перекроили огромную страну, «разодрали чернильными перьями / Золотые одежды её». Это строки из стихотворения 2007 года «Пограничный приказ», где по лирическому сюжету офицер вроде бы буднично приказывает пограничникам выступить на защиту границ родной страны, но теперь уже называемой не СССР, однако он не может называть ей по-другому. Читаем: «И он выдохнул скупно и резко – / Даже вдруг приосанился весь: / “На охрану Союза Советских”. / И солдаты ответили: “Есть!”»

В ряду гражданской лирики заметно полное символика стихотворение «Мёртвый лев», где прочитывается державный образ Сталина: «Зачем вы шумите на мёртвого льва?! / От вашего ора гудит голова. / Иль время настало, трусливая рать, / Что можно уснувшего льва попинать...» И далее: «Не вой, либеральная сука, не вой! / Сберёт он страну во Второй мировой... / Чтоб ты был свободой чужой не убит, / Над родиной ядерный вывесил щит».

Александр Ананичев остро ощущает современность, не жалуется либерально-разрушительные перемены, критикует безнравственную и опустошительную роль телевидения и печатных СМИ; он видит угрозы со всех сторон и считает, что идёт война по всем направлениям – происходит расслоение народа, искажается язык, люди враждуют, общество деградирует: «Моё Отечество – во мгле. / В надёжной корчится петле. / В тугих объятиях петли / Деревни, города, кремли». В 2010 году за всей этой «скорбью чёрных лет» он порою не видел выхода, впал в пессимизм, но душа не желала мириться с этим, и он убеждал себя:

Опять весна. И соловьи уже...
И всё вокруг душисто притомилось.
В такие дни мерещится душе,
Что ничего с Россией не случилось.

Что мы не выживаем, а живём
Под русским небом, близким и белёсым,
Чужой пастух не щёлкает кнутом
Над нами, как над жертвой безголосой...

Страдает Русь. Глаза её чумны,
А соловьи безумствуют на воле.
С восточной нет спасенья стороны,
А с западной – тем более, тем боле...

В эпоху глобализма, когда цивилизационный кризис уже разворачивается на наших глазах, когда практически с «чужого пастуха» сорваны маски, и планетарно-цифровые бури, по словам поэта, «всё живое грозят погубить», он так желает остаться честным и порядочным человеком, сохранив при этом бодрость духа, позитивный настрой, умение радоваться жизни и общение с друзьями, несмотря на то, что «так немного знакомых осталось, с кем желание есть говорить», «с кем дружить – не глухая работа, не обязанность или вина». Это строчки из стихотворения «В этом мире глобальные бури...». Дело в том, что поэт очень обеспокоен сегодняшней ситуацией полномасштабного цивилизационного кризиса, где России отведена особая роль: «То, что нынче

зовётся «Россия» – / Так же зыбко, как наша судьба». Но в любом случае он верит в счастливую судьбу Отечества, ведь им, как и всеми трезвомыслящими людьми, руководит «Упованье на русское солнце, / Что должно на Востоке взойти».

Гражданская лирика поэта многопланова, и, конечно, главное в ней – русская тема, судьба России.

«Русская дорога в поле золотом...»

Русская тема

Русская тема так или иначе прорывается в стихах А. С. Ананичева, а иногда не просто прорывается, но становится главной, задаёт тон, диктует свои правила и подчиняет авторскую волю. Это естественно для русского человека, обеспокоенного судьбой Отечества. Вот он пишет: «Тот богат, кто многого не просит, / Чьё наследство – ветер да ветла... / Русскому была бы только осень / Да с ледком из проруби вода». Да, это так, русский человек действительно многого не просит, можно сказать, он вообще ни у кого ничего не просит, зато ему много дано самой природой и судьбой – от богатого внутреннего мира и широкой, всемирной души до неохватности просторов страны.

Русская тема звучит в стихотворении «По дороге в Америку», которое будто бы повествует о другом, но вот читаем строфу-признание: «И я уже затосковал, / Когда вошёл в чужой вокзал, / Когда представил Русь на дальнем берегу... / Не встретить меня ирландка Кэт – / Ей Афанасий дорог Фет – / Вечерним рейсом я б отправился в Москву». В стихотворении «Русские реки» он снова признавался: «Пусть на месяц, край смиренный, / Мы расстанемся в тоске, / Не могу я с рыжей Сеной / Изменить своей Оке!». В стихотворении «Осеннее утро» – та же тема и строки, продиктованные не только минутным порывом, но глубинным чувством любви к Родине: «Где-то колокол вздрогнул и замер опять. / И, восторгу душевному внемля, / Я хочу целовать, целовать, целовать / Эту влажную кроткую землю!», ведь именно здесь «росла и причащалась светом родины душа». В другом стихотворении читаем:

Ничего, ничего... Это даже не ново,
Что Россия, как остров, уходит опять из-под ног,
Что под спудом лежит вековечное русское слово
И родную страну золотой охмуряет божок.

Развивая тему, в 2014 году в стихотворении «Россия – это мы», он напишет: «Травинкой быть её – награда. / Чужих не надо стран окрест... / Россия – боль, восторг, отрада, / Россия – кровь, Россия – крест». Таким образом, русский путь видится поэту не только величественным и героическим, но и полным боли, крови, трагедий, общенационального горя; он не закрывает глаза на народные беды, что случались на протяжении многовековой истории Руси-России, не становится в позу пафосного пророка, он просто чувствует себя крохотной частицей Родины. И поистине судьбоносным выводом звучат сказанные о самом себе слова в стихотворении «Доля»: «Я от судьбы не убегу, / Я русским уродился – / Красиво умереть могу, / А жить не научился». Только и воскликнешь после этого: вот это да! Но ведь именно так о себе самом в нашей стране может сказать почти каждый,

да-да, почти каждый, кто чувствует в себе русскую душу. И между прочим, это относится не только к собственно русским людям. Русским может быть человек любой национальности, если он несёт в своей душе свет.

Нельзя не сказать об исторических мотивах в творчестве А. С. Ананичева, что само по себе становится отдельной темой. Они звучат в стихотворениях «Патриарх Никон», «Карфаген», «Понтифик», «Крестоносец», «Жанна д'Арк» и других. Но эта тема заслуживает отдельного разговора, мы же лишь упомянули её, наметив вектор для дальнейших исследований. Иногда исторические коллизии связаны с русской историей и собственно русской темой, которую даже нельзя назвать магистральной в творчестве А. С. Ананичева, она просто органично «живёт» на его страницах и раскрывается им даже тогда, когда этого не ожидаешь. Просто русскость – это его естество, данность, природная суть. Как он верно заметил: «И в раю приснится, в Царствии Небесном / Русская дорога в поле золотом».

«Сразу набело слагаю»

Тема поэта и поэзии

Любое литературоведческое исследование лучше всего начинать с тематического обзора, в этом случае сразу становится ясно, что поэту важнее всего, чем он живёт и дышит, куда стремится.

Любопытно решается А. С. Ананичевым тема поэта и поэзии, по крайней мере, в стихотворении «Провинциальный поэт» он тонко подмечает, что «поэты из русских провинций умирать приходили в Москву». Всё так, всё так, хочется согласиться с автором этих строк. Кабы оставались русские поэты в своих городах и всях согласно пословице «где родился, там и пригодился», так, может, жили бы и здравствовали дольше, а не становились жертвами врагов, завистников и заложниками заговоров, интриг, странных обстоятельств. Как писал С. А. Есенин в стихотворении «Письмо от матери»: «Мне страх не нравится, / Что ты поэт, / Что ты сдружился / С славою плохую. / Гораздо лучше б / С малых лет / Ходил ты в поле за сохой». Но они стремились в город и прежде всего в столицы, причём, не столько за славой, сколько за возможностями и, получая эти возможности, платили за них высокой ценой – своей жизнью. А здесь их во все времена поджидали те, кому не по нраву был их яркий талант. Как писал Вячеслав Богданов: «Не страшен, Русь, тебе Наполеон, / Страшней они – заезжие Дантесы!..» В самом деле: что ни поэт, то жертва города. Вот сейчас навскидку назовём имена: Сергей Клычков, Алексей Ганин, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Борис Корнилов, Николай Рубцов, Алексей Еранцев, Алексей Прасолов... Что тут скажешь? Много претерпела наша многострадальная русская муза.

В стихотворении «Разговор» как бы случайно вновь возникает тема поэта и поэзии – в разговоре с попутчиком в поезде, убеждающим лирического героя в том, что в поэте обязательно должна быть некая «червоточина», изъян, огрех, порок. Хватив водки, он наставляет: «Пей вино столичных улиц, / Расколи орех греха! / Лишь внутри подгнивших устриц / Прорастают жемчуга». И даже замечает, что «Путь змеится к прочной славе / По отравленным цветам» и вспоминает при этом Верлена, Рембо.

Что мы на это скажем? Мы скажем, что давно по горло сыты этими поэтическими «червоточинами» и, вспоминая историю литературы, можно схватиться от них за голову: один стихоплёт пил, другой буянил, третий бил морды, четвёртый был кокаинистом, пятый – морфинистом, шестой посещал «клуб гашишистов», седьмой вызывал дьявола, восьмой с упоением строчил доносы, а девятый участвовал в расстрелах. Даже известные, знаменитые авторы не избежали каких-либо пороков: А. Н. Вергинский употреблял наркотики; М. А. Булгаков, будучи врачом, колол себе морфий; Н. С. Гумилёв на оккультных сеансах вызывал дьявола; М. И. Цветаева крутила роман с женщиной; А. А. Ахматова гордилась тем, что в её околоключичную ямку помещается полный бокал шампанского.

Особенно это касается представителей Серебряного века, считавших русскую культуру своей принадлежностью, почти не зависящей от народа, не задумываясь о том, что корни каждого из них – в глубокой древности – в гуще того самого народа, который они так презирали, всячески открешиваясь от него, а себя называя «белой костью». А между тем эта «белая кость» не всегда наживала и преумножала накопленное предками добро, случалось, что она проматывала целые состояния, пропивала имения, влезала в долги, проигрывалась на бирже или в карты. А ещё она организовывала тайные общества, составляла антиправительственные манифесты, не брезговала доносами, устраивала революционные перевороты, инициировала убийства коронованных особ. При этом она носила заграничные туалеты, выписывала суп из Парижа, разговаривала с французским прононсом, нанимала иностранных гувернёров и очень гордилась тем, что её чада начинают говорить сначала на иностранном и лишь потом – на русском языке.

Не то же и сейчас происходит? И до коих пор «инженеры человеческих душ» будут столь безнравственными, эпатажными, агрессивными, склонными к мистицизму и бесовщине? Так что мы этими «червоточинами» сыты. К тому же, у нас есть иные ориентиры, когда поэт – образец человека совершенного. Вот и литературный герой Александра Ананичева не соглашается со своим попутчиком и говорит ему: «Что ж ты славишь тень от солнца? / Тень – вторична и зыбка».

Замечательно подаётся данная тема и в стихотворении «Поэт», посвящённом азербайджанскому поэту Годже Халиду: «Чуть заметно виски седина замела, / Но глаза озорные сияют. / Никогда он дороги родного села / На асфальт городской не сменяет». И здесь же – о сути поэтического творчества: «Города – это проза, деревня – стихи...» Любопытная тонкость, и хотя она, конечно, оспорима, но таким образом А. С. Ананичев противопоставляет два рода литературы. Безусловно, он имеет в виду изматывающую суетность, вечную занятость и деловую спешку города, что не располагает к медитативности и лирической напевности. Точно так же для него очевиден лиризм деревенской жизни, несмотря на то что она связана с тяжёлым физическим трудом, и всё же человек здесь более близок к матушке-природе и далёк от городской прозаической суетности. И кстати сказать, тема поэта и поэзии здесь органично смыкается с темой города и деревни. Вот как звучит вся строфа: «Разве город цветёт, как цветут Шамахи, / И дробит ледяные потоки? / Города – это проза, деревня – стихи – / Лопухом шелестит у дороги...»

В аспекте рассматриваемой темы привлекают и следующие строки из стихотворения «Набело»:

Я ночью умирать привык,
А утром – снова запрягаю,
Ведь я пишу не черновик,
Я сразу набело слагаю.

Эти рассуждения о собственной жизни и судьбе вызвали в памяти стихи других поэтов. Во-первых, хочется провести параллель со строками Николая Тряпкина: «Сколько раз ложились помирать / Да со злости вскакивали снова!» Во-вторых, вспомнились строки Николая Рубцова: «Мне спать велят чистовики, / Встать – черновики». И почему-то явственно прозвучала строфа Риммы Казаковой: «Это выдумка – избыток, / запасные ходы – ложь! / Жизнь – не спорт, и не с попыток – / сразу набело живёшь».

Вот так выплыли откуда-то из глубин памяти, из кладовой подсознания строчки таких разных поэтов. Почему? Реминисценция ли это? Или просто близость душ? Бог весть, но таково, видимо, ассоциативное восприятие лирики Александра Ананичева. И лирики вообще, потому что вся она держится на полутонах, незримых нитях и связана тончайшими струнами эфира. И откуда нам знать, какая строчка поколеблет ноосферу и вызовет к жизни другую или даже породит целое стихотворение. Тайнство сие велико и неспешно...

Пожалуй, ярче всего тема поэта и поэзии прозвучала в стихотворении «Памятка сочинителю», ведь спрос с поэта слишком высок, он всегда, по мнению автора, должен помнить, что на него взирают лики великих:

Когда стихи захочешь сочинять –
Стихи, а не пустые побрякушки –
Представь, что их сумеют прочитать
Вергилий, Данте, Гёте или Пушкин.

И последняя строфа звучит ещё более пафосно и требовательно:

Когда стихи захочешь сочинять
В своей глуши, мечтатель одинокий,
Представь, что их сумеют прочитать
У алтаря небесные пророки.

«Стану вам и царём, и слугой...»

Тема любви и женские образы

Одна из основных тем поэта – любовь и связанный с ней образ женщины. Как известно, тема любви – одна из наиболее сложных, ведь здесь легко соскользнуть в банальность или сентиментальность, лживый пафос или слезливость; здесь всегда есть опасность заговорить штампами и таким образом потерять своё лицо, утратить индивидуальность и занять место в длинной веренице версификаторов. Сколько мы знаем подобных псевдостихов, где поют или не поют соловьи, цветут или увядают розы, совершаются разного рода признания, происходят драмы, складываются любовные треугольники... Где персонажи любят, расстаются, встречаются, изменяют, уходят, возвращаются, мечутся, выясняют отношения и т. д. Сколько мы слышали дамского чириканья по этому поводу и сколько читали мужской чепухи, основ-

ной мотив которой – преклонение перед женскими прелестями, а случается, мы слышали и стенания, смоченные скупой мужской слезой... Стоит ли ворошить?

Здесь гораздо труднее выбрать верный тон, найти искренние и единственно правильные слова, даже если эти слова продиктованы искренними чувствами.

Как же звучит тема любви в творчестве А. С. Ананичева – свежо или банально? Почти с испугом читали мы стихи на эту тему – «Случилось так...», «Ваша загадка», «Темна вода реки небыстрой...» И какое счастье, что в его стихах нет этих обветшалых штампов и есть оригинальные строфы, демонстрирующие отношение поэта и его лирического героя к женщине. У неё волосы, «пахнувшие полем», а руки «пахнут цветами мая»; в глазах – «огонь молчаливый и страстный»; имя её «думяно, как розовый куст», кроткая улыбка согревает мир, и вся она «из тонкого соткана света» – загадка и тайна. Он может быть женщиной окрылён, шептать её имя, «не скрывая восторга» и даже беречь в памяти «шорох ресниц». Она – ясноглазая, чувственная, манящая, желанная, неторопливая, ненаглядная, «светлая, ранняя», она одновременно – гибель и воскресение.

Ты женщина – и всё в тебя вплелось:
И мудрость мира, и дыханье роз,
И вера неземная в невозможность,
И мягкая кошачья осторожность.

Кстати сказать, поэт всегда очень тонко, часто – аллитерированно обыгрывает женские имена – Анна, Джамиля, Елена, Лейла, Сона', Ольга, Марина, Лидия, Ксения, Анастасия, Айян, Татьяна. Не будем голословными, приведём примеры:

«Несказанная боль, несказанна... / Твоё имя весеннее Анна».

«Что тебе ночами снится, / Азиатская царица? – / Над рекою шумной птица, / Золотые тополя? / Здесь – ни воли, ни верблюда... / Убежим давай отсюда! / Я твоим джигитом буду, / Джамиля!»

«Думаю, вы принялись бы смело / В тот же вечер сочинять стихи, / Если б вам застенчивая Лейла, / Улыбнулась Лейла из Шеки» (здесь, кстати, мы явно слышим ритмические отголоски есенинских «Персидских мотивов»).

«Во рту твоё имя – как сладкая долька. / Не знаю – как долго с тобою и сколько. / Обнять тебя нынче покрепче позвол-ка, / Ольга...» (акцентирован сонорный звук -л-, в двух стихах он встречается шесть раз).

«Темна и старинна / Земная печаль. / В морскую Марина / Зовет меня даль»] (несколько тяжеловата инверсия, но это – издержки версификации).

«Ступая по краю, / Ступая на ощупь, / Я имя склоняю / И денно, и ночью. // С ним я не умру. / Печаль – по колено, / Когда на ветру / Окликаю: “Елена...”»

«Лида, Лида моя, Лидия! / Не по мне ли в церквях лития?» (здесь намеренно изменено ударение в имени Лидия, но в данном случае это не только стилистически уместно, но даже привносит дополнительный образный штрих).

«Звёздная сень над моей головой. / Ксения с кем? Я не знаю. Со мной / Сон. От него нет спасения – / Ксения, Ксения, Ксения...» (стилизованный аллитерационный эффект с акцентом на свистящих звуках: «з» и «с»).

«Настя, Настенька, Анастасия, / Опалю тебя рифмой "Россия"»] (великолепна и рифма и сам образ);

«Ай , ай, любезная Айян» (а здесь что? – ассонанс, основанный на повторении слога -ай-, так называемая самоценная выразительность? Видимо, да).

«Чай с Татьяною пьём в Дубках. / А Татьяна такая... – ах!»

А какова сама любовь в понимании А. С. Ананичева? – «Боль смертельная», «мучительный яд», «гремучее зелье», «сладкая тревога», «бездна великая», напасть, «влага пьянящая». Это всё ипостаси любви, намеченные лишь в одном стихотворении «Как сердце немислимо ноет в груди...»

А какая любовь нужна лирическому герою?

Доскажу, докричу, доворкую,
Стану вам и царём, и слугой!
Я ищу непременно такую,
Я погибну с нормальной другой.

Вот в какой любви нуждается он – не простой, не обыденной, а возвышенной и парящей, и женщина ему необходима с тайной в душе, которая и сама, возможно, может стать и царицей, и служанкой, но только не кухонной бабёшкой, не скучной и опустившейся домохозяйкой, хлопчущей о земных делах и бытовых нуждах, а сочетающей в себе возвышенность образа и умение быть заботливой. Конечно, бытовые нужды никто не отменял, но даже к ним можно относиться вдохновенно и творчески.

Отметим, что подобное отношение к женщине не ново, более того, оно традиционно, ведь женщина испокон веков в славянской культуре была в ореоле возвышенной чистоты и красоты, она – носительница гармонии и созидательного начала, своим присутствием на земле она преобразует мир, делает его прекрасным и приглашает мужчину следовать этим высоким принципам. Она – водительница народа, идейная вдохновительница и источник внутренней силы мужчины.

Образ женщины несёт в себе миротворческий и миропреобразующий смысл, призванный, если хотите, выполнять (буквально – с первых дней творения) натурфилософскую сверхзадачу. В невообразимой глубине веков её образ смыкается с Ладой-матушкой, Богородицей, покровительницей и заступницей человечества, защищающей его своим спасительным покровом. Именно таково было место женщины в русской народной традиции, её функция заключалась не только в материнстве, воспитании детей и заботе о сохранении очага, она становилась неким идеалом человека, вобравшей в себя все лучшие черты и качества. Неслучайно устное народное творчество донесло нам этот идеал в образе прекрасной и мудрой Василисы Премудрой, Василисы Прекрасной и т. д. Она – символ душевной чистоты и целомудрия, целеустремлённости и трудолюбия, стойкости и верности, поэтично называемой лебединой, то есть тех морально-этических норм, которые во все века были почитаемы и ложились в основу базовых нравственных идеалов народа». Александр Ананичев подсознательно, генетически относится к женщине именно так, основываясь на этих базовых идеалах и представлениях.

О светлом чувстве любви повествует стихотворение «У меня есть ты...»: «Дышат в полумгле камни площадей, / Дремлют на реке баржи

и мосты. / Тихо и светло на душе моей – / У меня есть всё, у меня есть ты». Об этом трепетном чувстве и стихотворение «Метель», вот первая строфа: «Лишь только о тебе я в сумерках подумал – / В углу затрепетал лампадный огонёк... / И в горницу мою, наделав много шума, / Строптивая метель шагнула на порог». В стихотворении «Ночь» – странная картина... странной то ли ярчайшей любви, то ли неожиданной страсти, то ли неоправданного греха... «Орали петухи, как бешеные гунны, / Расплавилась луна в окошке добела. / Не знаю – почему я ночью той не умер, / Не знаю – почему и ты не умерла». Глубоко чувственно и стихотворение «Тополинный обрушился снег...», вот лишь одна строфа: «Думал, дни – словно дым по реке, / Отлетят, как послушные числа... / Я не знал – без тебя вдаль / И дышать нет особого смысла».

Где любовь, там и нелюбовь, которые часто рядом. Вот и стихотворение «Не люблю» – об этом: «Я не знаю, с чего мне начать разговор. / Я дышу в телефон, будто пойманный вор. / Я давно эти силы по капле коплю, / Чтобы тихо сказать: “Я тебя не люблю...”»

Как видим, женщина вызывает в душе поэта и его лирического героя разные чувства; о любовных переживаниях и такие стихотворения, как «Великолукская охотница», где замечательно обыграно название города Великие Луки и образ любимой – охотницы, чья «стрела растревожила сердце». Да, женщина для поэта – источник вдохновения, а без вдохновения он – не жилец. Даже если не возникает чувства любви, его словно обжигает её страсть («Горянка», «Ураза» и другие.). Вот строки из стихотворения «Ураза»: «Был сентябрь. Ураза. В дагестанский Гуниб / Я вошёл в дни молитв и поста. / Но, увидев её, понял я, что погиб, / Точно путник, скользнувший с моста».

Самые разные женщины увлекали его лирических персонажей – красотой, умом, статью, таинственностью, загадочностью, нездешностью. Он готов ко встрече с женщиной всегда, в любую минуту. «Но нет тревоги и испуга, / Сомненья отцвели – / Мы на краю весны друг друга / Нечаянно нашли». Удивительное время обозначено здесь поэтом – «на краю весны». То ли это на излёте юности, то ли просто накануне лета, вот и думай... Как бы то ни было, образ остаётся в памяти.

Сказать, что любовь в творчестве А. С. Ананичева драматична – не сказать ничего. В его восприятии, с одной стороны, она – безусловное счастье, но с другой стороны, она всегда с оттенком острых переживаний, метаний, блужданий, поисков. В стихотворении «Две любви» он пишет о запретной любви, которая, по его мнению, всегда обманет, оставив в душе пустоту, тревогу, беспокойство, тяжёлые сны и мучительные ощущения. И только единственная любимая женщина может принести настоящее счастье. «Лишь в её любви незаходящей / Жажду утолишь свою всегда. / Это только кажется, что слаще / Из чужого кладезя вода».

Драматизм любовных переживаний отражён в лексике и в различных психологических оттенках этого чувства, это так. Остаётся добавить, что после прочтения книги у нас сложилось понимание, что любовь для поэта может быть «запретным чувством», «земным огнём» и даже «высшим откликом душевным», одно из его стихотворений так и называется «Бывает разною любовь», где роскошным аккордом звучит заключительная строфа: «С какой из них глаза сомкнём, / Почувяв жизни скоротечность? / Чьё имя тихо назовём, / Когда в лицо ударит вечность...». Он горячо желает (да, наверное, как и всякий человек) любви как чуда и, кажется, жить без неё ему невероятно трудно.

О некоторых художественных особенностях

По мере того, как мы читали сборник «Неузнанные песни», стихи потихоньку менялись, они словно набирали силу, вес, полноту звучания. Мы уже сказали о том, что в книге представлены стихотворения в хронологическом порядке, что позволяет увидеть качественные изменения, определившуюся творческую манеру автора, тот путь, по которому он идёт, направление его идейных поисков.

А теперь самое время сказать о художественных особенностях лирики А. С. Ананичева, его стилистике, предпочтительных стихотворных формах, лексике. Сразу обратила на себя внимание его строфика, ведь автор использует не только любимый всеми и наиболее часто встречающийся катрен, но и двустишие, шестистишие, восьмистишие. Но, как показалось, наиболее любимая строфа у поэта – шестистишие, она использована в таких стихотворениях, как: «А у графа у Толстого», «Цепи атамана», «По дороге в Америку», «Старшина», «Жанна д'Арк», «Остановившееся время», «Судьба», «Австрийский пограничник», «Кувшин цивилизаций», «Весна», «Анна», «Святой Пантелеймон», «Моё море продрогло до дна...»

О музыкальности хочется сказать особо, так как многие стихи А. С. Ананичева очень мелодичны, а некоторые словно выпеваются: «Супруги» («Есть слово “супруги” – / Как ладан пахуче. / Легки и упруги / Поводья созвучий»); «Цепи атамана» («Против пенной волны / Наши вышли челны, / Удалым атаманом ведомые. / Он лишь саблей взмахнёт – / И гроза полыхнёт, / И туманы ложатся бедовые»); «Метель» («Я дверь перекрещу, снега повыметаю, / Устало упаду на жёсткую кровать... / В кромешном феврале, в черёмуховом мае / Как научиться мне тебя не вспоминать?!»); «Ночь» («В саду цвела сирень, в лугах река дымила, / И ночь была, как сон – прозрачна и тиха...») и другие.

Конечно, надо сказать о поэтических образах, которые весьма ярки. Приведём лишь наиболее привлекшие внимание и запомнившиеся: «Тихо с вечностью шепчется плёс»]; «Гималаи смеживают веки»; «времени раздвоенное жало»]; «вызвонит в розовый бубен восход». Вот удивительная строфа:

Сказочно вокруг дремлют Гималаи,
Зеленеет шумная река.
Медленно плывут в сторону Китая
Свитые в тюрбаны облака.

Никого, конечно, не удивят дремлющие Гималаи, а вот «свитые в тюрбаны облака» запоминаются. А вот как он воспринимает... обыкновенный телевизор: «В углу, где место для икон, / Бельмом своим мерцает он». И сразу становится понятным отношение автора к СМИ с их развлекательно-пустой и обольщающей направленностью.

Образность создаётся благодаря многим способам и средствам, в том числе и с помощью эпитетов. Они у поэта интересные, заставляющие задуматься: *застывший ельник, червонные закаты, солнце ничьё, ленивое лето, кленовое имя, солнце раскованное*. А некоторые – и вовсе удивительные, глубокие, ассоциативные: *восторженные ветры, туманы бедовые, небесные стога, лунный коготок, горячая трава, душные ожерелья*.

Не менее ярки у поэта сравнения: «река блестит, как мой потёртый шарф», «карагач – как многорукий Шива», а у женщины «шелестят смоляные ресницы, / Словно книги нетленной страницы». Но поразило нас следующее сравнение: «тюльпаны, как раны на склонах» («Чайки над Элистой»). Никогда не думала, что тюльпаны можно сравнивать с ранами, подобное даже не приходило в голову, потому что вид этих удивительных цветов вызывает только положительные эмоции. Родившись и выросши в туркменском краю, у нас была возможность любоваться цветущими предгорьями и пустыней, ранней весной похожими на сказочную декорацию, поскольку здесь словно разливалось море тюльпанов и маков. Но почему у А. С. Ананичева тюльпаны, эти царственные цветы, которыми можно только любоваться и восторгаться, вызвали такие чувства? Всё объяснимо: это странное и даже в чём-то пугающе сравнение подчёркивает драматический и неоднозначный характер исторических событий 1944 года, связанных с высылкой калмыцкого населения с мест их проживания.

Не игнорирует А. С. Ананичев и повторы, как лексические, так и синтаксические. Использует он градацию: «Доскажу, докричу, доворкую». Или: «Расслоит, замучает, иссушит, / Умертвит чарующая ложь». Или: «И такая под сенью ресниц глубина – / Не найдёшь, не качнёшь, не нацупаешь дна». Или: «Любовь! Пред любовью гранит истлевает, / На ней, на одной весь мир стоит, / Любовь, которая всё прощает, / Верит, надеется, животворит».

А вот звукопись он использует не так часто, хотя аллитерация у него встречается: «Росы. Радость. Радонежье»; создаётся ощущение, что поэт сосредоточил своё внимание более на содержании, нежели форме, хотя владение художественными приёмами всегда свидетельствует о свободном владении словом и зрелом мастерстве, разумеется, если это не становится самоцелью.

Встретилось нам и нечто, похожее на оксюморон – «удалое бессилье» в стихотворении «На закат»: «Ночь за нашей спиной, ночь раскинула синие крылья. / В небесах ощутишь всё своё удалое бессилье».

Какова лексика поэта, чем она запоминается? Иногда встречаются архаизмы: *други*, *ветр* и т. д. В стихотворении «Запрещённая весна» встретилось интересное слово *заособь*, которое ныне используют мало: «*Заособь* нас, Господи, от нехристей, / Иль к себе откликни поскорей». Вот довольно редкое слово *фелук*, *фелюка*, *фелюга* – небольшое палубное судно с парусами в форме треугольника: «Одиноких *фелук* не видеть – / Широка приутихшая гладь».

Но чаще мы видим у него экзотизмы, видимо, любовь к путешествиям порождает и пристрастие к подобным словам, создавая тот самый колорит дальних стран. При этом он использует определённую тональность, характерный звуковой рисунок, подобное мы находим в стихотворениях «Багдадский эвкалипт», «Упрямый дервиш» и другие. А вот и сами экзотизмы: «“Что, *домулло*?” – А вокруг – никого». *Домулло* – учитель медресе; учитель духовной школы на востоке. «Катит Тигр свои быстрые волны, / А *мизмар* одиноко звучит». *Мизмар* – арабский музыкальный инструмент. «И в краю, где Всевышним согретый, / Цвёл когда-то потерянный рай, / Разметали чужие ракеты / *Курпачи*, балдахины и чай». *Курпача* – узбекский матрац; стёганое одеяло на Востоке.

«Жить нужно ярко...» Об общем характере лирики

Есть у автора интересное стихотворение «Солнце Кемера», написанное в Турции. Читаем: «А где-то глухое кричащее горе / Бредёт по просторам туманным и синим. / А здесь, где живу, – только горы да море, / Да в окна стучат на ветру апельсины». И далее: «И можно как будто откусывать воздух, / Пропитанный солью, цветами и маем, / И долго смотреть на зелёные звёзды, / Что в небе высоко горят, не мигая». Всё, казалось бы, хорошо в жизни лирического героя, да и что ещё надо, если есть море, простор, синь небес, теплынь, апельсиновое изобилие, но что-то с ним не так, что-то его гнетёт. Читаем третью строфу: «Но я не ищу средиземного лета! / Как быстро меня утомила чужбина... / И день ото дня с высоты минарета / Всё тягостней ранняя песнь муэдзина». Всё оказывается просто: как бы ни хороша была заморская сторона, она останется чужбиной. Одним словом, как сказал когда-то С. А. Есенин: «Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязанских раздолий». Вот и наш автор думает и чувствует точно так же: «В Россию, в Россию – нет удержу больше! / Туда, где опять и ненастно, и серо, / Где дышится глубже, где слаще и горше, / Я солнца ломоть прихвачу из Кемера».

Нам понятны чувства героя, мы вслед за ним можем повторить эти слова. Всё так, тем не менее мятежность его, неуспокоенность, тревожность кажутся временными, преходящими. И думается, главное здесь сказано – в строчке «пропитанный маем». Думается, строчка эта не случайная, ведь поэт и родился в мае, потому-то он и пропитан им насквозь.

Разное говорят и пишут о месяце мае, происхождении и толковании его названия, но не будем сейчас об этом. Разное пишут и о слове *майя*, на слуху у всех его трактовка как «иллюзия». Ничего не утверждая с абсолютной достоверностью, заметим, что первоначально майя означало творящую силу Вселенной, созидательную энергию Творца, и лишь позднее слово приобрело значение «иллюзия, обман». Приведём две небольшие цитаты: «Слово *майя* имеет многовековую историю, и первоначально означало магическую силу сотворения. Майей в древнем Риме звали богиню Природы, которой присуще творческое начало. Слово это не просто сохранилось до наших дней, оно дошло до нас в названии весеннего месяца, которому как раз характерно бурное цветение, рост и творческая активность. Дошло оно и в виде женского имени, и как бы словари ни пытались представить его заимствованным из греческого языка, мы можем смело утверждать, что оно восходит к славяно-арийским корням. Кроме того, этим словом был назван целый народ, культура которого уникальна»¹.

И ещё одна цитата: «*Май* (*майя*) – название месяца, происходит от ведического понятия “майя” – колдовская сила асур (несолнечных богов), живших в докосмическом хаосе. “Майя” – воплощение бесконечности, несвязанности, безграничности, мощного притяжения-отталкивания, притяжения-втягивания и напора космоса. Проникая в наш мир (например, в виде буйства майской растительности, плодовитости животных, силы и непредсказуемости стихий; в виде метеоритов и т. д.),

¹ Рыжкова Л. В., Гришина Е. Н. Словарь фольклорно-мифологический. – Москва: «Самотёка», МИД «Осознание», 2022.

“майя” даёт понятие об иллюзии измерения, деления, классификации, сортировки и проч. В ведах “колдовская сила майя”: всепроникновение, всевидение, всеслышание, всепонимание, всезнание, принадлежность к трём мирам: небесному, земному и подземному, волшебные превращения, перевоплощения и проч. Славяне и балты праздновали майя в ночь на 1–2 мая и весь день 2 мая, отмечая его гуляниями на природе, это был праздник связи Земли с мощными космическими силами, праздник единения; срубленные молодые деревца (чаще берёзки) и ветки, которыми украшали дома в это время, называли “майями”»¹.

И позволим себе такую авторскую вольность – в качестве иллюстрации этой мысли приведём своё стихотворение 2015 года «Майя мая»:

Мне снился сон – о древности был сон,
о времени без ада и без рая,
когда и Космос был не сотворён,
но в нём уже таилась сила – *майя*.

Творящая энергия Творца
раскрыла вдруг мечтательные крылья,
и Мир родился – волею Отца,
любовью и желаньем, без усилия.

И Хаос, что бесформен был и слеп,
отныне стал порядковым явленьем.
И кажется, что сам вопрос нелеп
что было в мире с миром до рожденья?

А просто в мире не было любви
и не было огня отцовской веры,
но он сказал тому огню: живи
и согревай космические сферы.

Вселенская живая теплота
вдруг разлилась по хаосу волнами,
и вся досель немая пустота
заполнилась несчётными мирами.

И вот из уст в уста, из края в край
слагаться стало дивное преданье,
и даже наречён был месяц – *май*,
чтоб помнил мир о животворной *майе*.

Несмотря на все метания, в душе поэта живёт солнце. Ведь он прекрасно понимает, что судьба человеческая не пустяк, что жизнь даже одного человека необыкновенно важна для Вселенной. Он так и пишет:

Жить нужно ярко и любя
Всё то, что дух людей возвысит.
От одного, представь, тебя
Судьба Вселенной всей зависит.

¹ Баженова А. И. Легенды и боги древних славян. [Электронный ресурс]. URL: <http://iknigi.net/avtor-aleksandra-bazhenova/75327-legendy-i-bogi-drevnih-slavyan-aleksandra-bazhenova/read/page-1.html> (дата обращения: 12.12.2018).

А теперь о том, что меня по-хорошему удивило. Обратимся к стихотворению «Кувшин цивилизаций», процитируем сначала две строфы.

Карагач – как многорукий Шива,
Исступлённо пляшет у обрыва,
Изумрудом трепетным звеня...
Ледяным увенчаны алмазом,
Горы спят над пенистым Беасом,
Горы дремлют в половине дня.

Гималаи смеживают веки:
Арии им грезятся и греки,
Бойкий цок Бабуровых копыт...
Все, как мёд, повытекли отсюда.
«Есть ли Бог, невозмутимый Будда?»
Будда улыбается, молчит.

Здесь удивляет всё – музыкальность строфы, красота рифмы (алмазом – Беасом), образы и сравнения. Чего стоит одна лишь строка – «времени раздвоенное жало», что встречается в последней строфе. Цитируем её:

Сколько здесь столетий ночевало!
Времени раздвоенное жало
Скрылось у феллаха¹ в рукаве.
В гору мимо кедров и акаций
Бережно кувшин цивилизаций
Индия несёт на голове.

Заключительные строки – это уже заявка на очень высокий уровень. Не побоюсь сказать – уровень Н. А. Заболоцкого – та же мощь, тот же масштаб. Сказанное вовсе не значит, что таких прорывов в поэтическую ноосферу у А. С. Ананичева много, и мы не собираемся расхваливать его почём зря, нет, конечно. Но что есть – то есть. Точно так же, кстати, видим мы и огрехи, а они, увы, есть. Даже в зрелых стихах появляются неточные рифмы; не всегда удачны бывают инверсии: «Мне бы только по волнам жемчужной / Плыть твоей беспокойной души». Так и хочется переиначить эту строчку, построив её по-русски. Понятно, что инверсия здесь продиктована необходимостью соблюсти ритм и рифму. Понятно и то, что неправильный порядок слов – частое явление в поэзии, но инверсия инверсии – рознь, иногда она не просто уместна, но даже красива. Здесь же мы видим прямо-таки выламывание языка. Заметим, что эти наши замечания никоим образом не умаляют художественной ценности стихов Александра Ананичева, а может быть, напротив, позволяют её подчеркнуть. Да и взгляд со стороны бывает весьма полезен господам сочинителям.

А теперь скажем несколько слов о тональности и общем характере лирики А. С. Ананичева, а характер этот бывает и упадочнический. Его стихи часто представляют собой наблюдения за жизнью, а какова она – таковы и рождаемые строки, и с этим ничего не поделаешь. Прятать голову в песок и делать вид, что «всё хорошо, прекрасная маркиза» – глупо. Поддаваться минорным настроениям и пребывать в унынии – тоже не выход.

¹ Феллах – крестьянин в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Горькие нотки порой мы слышим в стихах автора, например, в стихотворении «В моём саду» 2001 года читаем: «Вон у соседа – полон дом огней: / Растёт семья соседская на зависть. / А я сижу под яблоней своей, / Щекой листвы серебряной касаясь». Грустно звучат эти строки, как будто впереди у лирического героя ничего нет, и всё, что могло случиться в его жизни – уже случилось. А кто и что рядом с ним? Увы, рядом... только луна над крышей дома, крапива вокруг, квакающие на болоте лягушки, да одинокий «чай из потемневшей кружки». Но это не так, и слабость нашего героя – минутная, усталость – временная, и грусть преходяща. В самом деле, в стихотворении «Зачем ты опять молчаливый...» читаем:

Живём мы! Вот это диво...
Чего же судьбу корить?
Неправильно и некрасиво
Несчастливым быть.

Сказал – как отрубил, и попробуй не согласишься.
В стихотворении 2007 года его строки звучат не менее жизнеутверждающе:

Ну-ка, ящик, по обветренным горкам,
По бездорожью гони, удалой!
Жизнь разгорается новым восторгом,
Новым желаньем и новой мечтой.

Какие бравурные строки, скажем мы и будем правы, между тем как стихотворение, откуда они взяты, называется «Бессонница». С чего бы, казалось, такая прыть, если герой мучим бессонницей, и душа его мается, смущённая «непонятной тоской»? И нет ему ни покоя, ни сна в «одиноким залесье». Откуда же взялись оптимизм и бравурность? А это не оптимизм, это чистейший реализм, ясное осознание своего места в жизни, собственного непростого пути и предчувствие новых впечатлений – восторгов, горечи, желаний, радостей, напастей, а может быть, и новой любви, но самое главное – герой способен, может и хочет мечтать.

В стихотворении «Везёлка» 2008 года – похожие по настроению строки: «Так часто бывает – метёт и метёт / Судьбы ледяная позёмка... / Я верю – когда-нибудь мне повезёт...» И наверное, потому их автор живёт ярко и, надо заметить, торопится жить, потому что ему хочется многое успеть.

«Птица утомлённая»...

Земной опыт незрелой души

Можно ли делать какие-либо выводы о творчестве А. С. Ананичева, хотя бы промежуточные? Конечно, можно. Перед нами поэт со своим лицом, индивидуальными поисками – содержательными, формальными, художественными. Говорить о сбоях в его лирике нет желания, да их, положа руку на сердце, очень немного. Ну была неожиданная смена размера в стихотворении «Крестonosец», да и то сказать – написано оно в 1997 году (к тому же: а вдруг это стилистическая задумка?). Ну попадают иногда те самые банальные рифмы (а у кого их нет?).

И в конце концов, любой поэт вправе использовать вполне обычные, даже затёртые рифмы, главное – наполнить их содержанием. Талантливый поэт умеет придать им свежесть звучания, и тогда их простота и обыденность попросту не замечаются. Что ещё? В стихотворении «Голубая кровь» вновь встретилась тяжеловесная инверсия «Устала в распрях Русь ненужных». Разумеется, подобного нужно избегать. Но это всё мелочи, почти не замечаемые и не могущие испортить того впечатления, что оказывают стихи А. С. Ананичева.

В его стихах видно знание жизни и разносторонний опыт. Кажется, ему интересно и любопытно всё – история, путешествия, многообразие людских лиц, непохожесть характеров, экзотика дальних стран. Иногда после прочтения остаётся некая недосказанность, как после стихотворения «Царь и мудрец», и хочется продолжения. Иногда хочется сказать: это стихи интеллектуала. Да это так и есть. И добавим: стихи бывалого человека. Удивительно, как много успел увидеть поэт, как много он путешествовал (Австрия, Америка, Индия, Китай, не говоря о республиках бывшего Союза ССР). В одном из стихотворений он так и называет самого себя – «бывалый человек». Но сквозь эту многоцветную, яркую, разнообразную палитру стран и городов словно пробивается свет его души. Какова она? Чувственная и одинокая, любящая и пытливая, трепетная и ранимая, внимательная и неудовлетворённая, мужественная и нежная...

Да, по мере чтения всё чаще отмечали мы хорошие стихи, удачные строфы, удивительные образы, и рост поэта был виден всё более отчётливо. Тем не менее делать окончательные выводы о поэзии А. С. Ананичева рано. Почему? Наверное, потому, что он ещё находится в поиске. И хотя он прекрасно знает свою колею (он её нашёл давно), заключительные строфы ещё им не сказаны, это – во-первых. И даже не в силу возраста, а по причине наполненности его души, что породит ещё множество ярких и талантливых стихов.

Но самое главное, как нам думается, его душа всё ещё не нашла себе прибежища, успокоения, тихую гавань, где могла бы восполнять свои силы, восстанавливаться, воскресать от постоянных потерь, слишком частых в его жизни. Отсюда и надрыв, надсада, острый драматизм. И тут мы подходим к очень интересной особенности лирического взгляда поэта на мир – странному сочетанию опытности и незрелости. Как это возможно? Видимо, возможно, существует же в жизни сочетание несочетаемого, а в литературе известен оскюморон. Опытность человека вполне может сосуществовать с юным и незрелым духом. Говорил же когда-то о себе Б. Л. Пастернак: «Мне – четырнадцать лет».

Мы сказали, что поэзии Александра Ананичева присущ острый драматизм, а ведь это всегда свидетельство (прошу прощения) незрелой души, находящейся ещё в своём становлении. Это не плохо и не хорошо, такова данность. Десятки раз я уже говорила об этом и скажу ещё: зрелая душа спокойна и радостна, а мятежность – свидетельство её незрелости и роста. Вот он пишет:

Ярится душа, как морская волна,
Далёкого берега ищет она –
О скалы разбиться однажды...

Так и хочется воскликнуть: зачем же, друг мой, разбиваться о скалы? Надо жить и радоваться – этим скалам, своей колее, природе, солнцу, птицам, любимым людям, друзьям, самой жизни.

И в стихах о любви мы наблюдаем драматизм: «Если любишь, должен быть готовым / Денно, ночью к вывертам судьбы». Может быть, надо быть готовым не к вывертам, а к счастью? Зачем от неразделённой любви лететь на камни «птицей утомлённой»? Может быть, надо просто взмыть вверх над всеми тяготами, набравшись сил? Почему, желая любви, он видит «на закат повернувшее лето»?

Да, драматизм присущ поэту Александру Ананичеву, и всё же он поднимается над собственным мятежом, напряжённостью ситуаций и сложностью обстоятельств; он ищет выход. А как же иначе?

Но где же выводы, спросит читатель? Что ж, подведём некоторые итоги. Александр Ананичев – хороший исполнитель своих стихов под собственный аккомпанемент, но он – не бард, что лично для меня важно, так как стихотворный текст у него доминирует. Он – поэт.

Характер его лирики многолик: ему близки как гражданственные мотивы, так и стихи о любви; русская тема прекрасно сочетается у него с темой поэта и поэзии; женские образы в восприятии А. С. Ананичева восходят к традиционному идеалу, как женской красоты, так и женского назначения, с незапамятных пор сложившемуся в славянской культуре.

Общий характер лирики А. С. Ананичева драматичен, но не фатально и, несмотря на остроту и напряжённость в переживаниях лирического героя, вектор его устремлений позитивен, а себя самого он видит словно «пропитанным маем», энергией солнца и любви, добра и творчества.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Екатеринбург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

Надежда Шевелилова

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и биографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 06.10.2023.
Выпущено в свет 27.10.2023.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13